

HOUGGAN

ДЖИМ

ХОГГАН

Книга,
предвосхитившая
«Код да Винчи»!

ШИФР
МАГДАЛИНЫ

The International Bestseller

Жестокое ритуальное убийство профессора Лео Шидлофа, за которым следили спецслужбы, стоило карьеры агенту ЦРУ Джеку Данфи.

Но Джек не намерен сдаваться, пока не узнает, кто стоит за этим убийством.

Он начинает собственное расследование — и шаг за шагом все глубже проникает в мир, о существовании которого прежде не подозревал, — в мир тайных обществ и мистических лож, чудом уцелевших со времен Средневековья.

Не сразу Джек понимает: гибель профессора — дело рук членов загадочной секты, поклоняющейся Черной Мадонне.

Но чем ближе подбирается он к убийцам, тем более изощренными становятся попытки его убрать...

Джим Хоган

Шифр Магдалины

Некоторые люди обладают удивительной способностью становиться все лучше и лучше, оставаясь прежними. Эта книга посвящается именно им: Джефу Бейлу, Кевину Кугану, Гэри Хорну, Палло Джордану, Нормалу Мейлеру, Рону Макри, Робину Рамзи, Бену Сидрану, Джуди Сидран, Скотту Спенсеру, Джо Юхлейну, Кэролин Дейзи и Мэтту.

События подчиняются некой зловещей логике.

Томас Пинчон

2 мая 1945 г.

Северная Италия

Майор Энглтон плыл по безлунному небу над Сант-Амброджо, поддерживаемый в ночном воздухе нейлоновыми стропами и куполом из черного шелка. Над городом вдоль поросшего лесом горного кряжа виднелась полоса огня, и майор невольно задался вопросом: что могло послужить причиной пожара — молния или бомбардировка? Больше он практически ничего не видел и еще меньше слышал, чувствуя лишь легкое прикосновение ветра.

Построить город Диоса,
террасы которого подобны звездам.

Приблизившись к земле, он ощутил запах горячей древесины со стороны ближайшего лесного пожара вперемежку с легким ароматом гиацинтов и благоуханием карликовых пиний. Пинии казались майору тенями, вздувавшимися на темном фоне холма, и вот он внезапно очутился среди них. Энглтон летел мимо деревьев прямо на открытый склон. Толчок — и он на земле, упирается ногами в покатый спуск, пытаясь не поскользнуться и не упасть. Воздух вокруг напоен ночной прохладой.

Целью майора была обширная, но пребывавшая в запустении вилла, расположенная среди обвалившихся террас на склоне как раз над тем самым местом, где он приземлился. Из окон дома лился мягкий желтоватый свет, покрывавший позолотой давно заброшенные виноградники, протянувшиеся на несколько километров во всех направлениях. Майор Энглтон достал из кобуры пистолет сорок пятого калибра и начал подниматься на холм. Почувствовав поскрипывание гравия под ногами, он понял, что вошел во двор виллы. Майор пересек двор, подошел к закрытому ставней окну и заглянул в узкую щелку между перекладинами. Человек, на поиски которого его послали, презираемый у себя на родине и ненавидимый во всей Европе, поэт исключительного и по-настоящему неоцененного дарования, убежденный антисемит, сидел в библиотеке за рабочим столом, изъеденным мебельным жучком, в окружении бесчисленного множества книг. Он что-то записывал при свете керосиновой лампы в огромный фолиант в кожаном переплете, служивший ему, по видимому, чем-то вроде дневника. У него за спиной на стене с потрескавшейся штукатуркой немного наклонно висела картина Пуссена — восхитительное творение небольшого размера в дешевой деревянной раме.

Легкий ветерок принес аромат глицинии, и майор Энглтон понял, что уже достаточно долго стоит, затаив дыхание. Рука, державшая пистолет, стала липкой от пота.

Отойдя от окна, он направился к дверям, сделал глубокий вдох, наполнив легкие свежим ночным воздухом, распахнул дверь и вошел. Поэт поднял глаза от своего фолианта, пораженный внезапным появлением перед ним человека в военной форме. Затем перевел

взгляд на лицо вошедшего, и первоначальный испуг сменился изумлением.

— Джим? — спросил он.

Энглтон кивнул.

— Вы... пришли, чтобы арестовать меня?

Энглтон отрицательно покачал головой. Во рту у него пересохло.

— Кормчий, — произнес он, опускаясь на одно колено и потупив взор. — *Maestro di color che sanno...* [\[1\]](#)

* * *

8 мая 1945 г.

15-я группа армий

92-я дивизия

OSS, X-2

Главнокомандующему военными действиями в районе Средиземного моря

От майора Джеймса Дж. Энглтона

Американский гражданин, писатель ЭЗРА ЛУМИС ПАУНД, код ФБР 1723 признанный Большим жюри виновным в государственный измене, 6 мая захвачен итальянскими партизанами в Сант-Амброджо. В настоящее время до получения дальнейших инструкций по его размещению содержится в дисциплинарном центре «MTOUSA». Приняты все необходимые меры для предотвращения побега или самоубийства. Запрещено общение с представителями прессы. Не предоставляется никаких привилегий. Допросы не проводятся.

13 декабря 1998 г.

Лондон

Джек Данфи свернулся калачиком под теплым одеялом, повернувшись спиной к Клементине. Сквозь дремоту он чувствовал, что в комнате довольно холодно, а его закрытых век касался сероватый лондонский свет, скудно сочившийся в окно. Время определить было невозможно. Наверное, раннее утро. Или позднее... Или даже полдень. В любом случае суббота.

Он пробормотал что-то относительно того, что пора (или не пора) вставать, и стал ждать ответа Клементины.

— Мммм, — промычала она, затем выгнула спину и отодвинулась от него. — Спать...

Джек приподнялся с глухим ворчанием, протирая глаза, свесил ноги с кровати, еще раз потер глаза, пытаясь окончательно прогнать дремоту, и встал. Клементина хныкала и ворчала что-то у него за спиной, а он, дрожа от холода, проследовал по ледяному полу в ванную. Сложив ладони, наполнил их водой из-под крана и опустил в воду лицо. Холод пронзил его до костей.

— Боже! — воскликнул Джек. И повторил процедуру. — О Господи! — прошептал он и, сделав глубокий вдох, замотал головой, будто собака.

Мужчине, смотревшему на Джека из зеркала, было тридцать два года, он был широкоплечий, худой и слегка угловатый. Шесть футов и один дюйм роста, зеленоглазый, с прямыми черными волосами. Глаза сверкнули с поверхности зеркала, когда Джек схватил полотенце с крючка и погрузил мокрое лицо в выпуклые буквы на плотной белой материи.

«Долдер гранд».

Это сразу напомнило Джеку о том, что он обещал Люксембургу направить факс в «Швейцарский кредит» с запросом о телеграфном переводе, который пошел не по адресу.

Бриться не было смысла. Наступил уик-энд. Можно трусцой добежать до работы, отправить факс, перебрать кое-какие бумаги и вернуться на метро домой как раз к ленчу. Возвратившись в спальню, Джек извлек из шкафа потрепанный свитшот и натянул его на себя.

Клементина все еще лежала на кровати в позе зародыша, накрывшись одеялами, но оставив ноги ниже колен во власти царившего здесь холода. Она спала, губы ее были слегка приоткрыты, а на лице застыло вопросительное выражение. Какое-то мгновение Данфи неподвижно стоял посреди холодной комнаты, с восторженным удивлением взирая на безупречный цвет ее лица — нежно-белую кожу с легкой примесью розовых тонов, обрамленную каскадом темных локонов.

Он решил было заняться с ней любовью здесь же и сейчас, но холод дал себя знать. И Джек, дрожа, натянул тренировочные штаны, белые носки, а ноги засунул в кроссовки. Завязывая шнурки, он не отводил глаз от мягкой параболы бедра под одеялом.

Клементина пошевелилась и перевернулась на спину. Данфи встал. Может быть, все-таки потом, если только — что вполне вероятно — она не уедет к себе.

Тяжело вздохнув, он прошел к двери.

Занятия бегом были очень важны для него. Хотя жизнь в Лондоне Джека, в принципе, вполне устраивала, он чувствовал здесь не слишком сильное, но практически постоянное напряжение, что вызывало заметные выбросы адреналина — следствие того, что ему приходилось носить «дешевый костюм» чужой личности.

И он побежал...

Джек бегал пять раз в неделю, около десяти километров в день по одному и тому же маршруту — от своей квартиры в Челси мимо плавучих домов на Чейн-Уок, по набережной и по мосту принца Альберта. Первая часть пути была и самой неприятной. Даже субботним утром воздух здесь наполнен выхлопными газами, улицы забиты грузовиками и такси. Прежде чем добежать до набережной, ему приходилось пересечь не менее дюжины оживленных магистралей. Короче, не слишком безопасный способ поддержания формы. Даже после целого года пребывания в Англии Джек, переходя дорогу, продолжал инстинктивно поглядывать налево, а автомобили тем временем, истошно сигналивая, неслись на него справа.

Средняя часть пути, напротив, была очень приятна. Она пролегла по парку Баттерси, по южному берегу Темзы и мимо немислимой пагоды, построенной в парке. Среди деревьев там можно было обнаружить некое подобие островка дикой природы, слишком милого, чтобы опорочить его, назвав зоопарком. В числе его обитателей были пятнистые олени, овцы, стадо кенгуру-валлаби, напоминавших каких-то доисторических кроликов.

Но сейчас, среди утреннего сумрака и тишины, они показались Джеку похожими на изваяния с острова Пасхи, недвижимые на фоне холма, вззирающие на него с каменным безразличием. Данфи улыбался, пробегая мимо животных легко и с удовольствием, что мила даются ему без особого труда.

Примерно здесь и находился срединный пункт его маршрута, то место, откуда Джек начинал обратный бег домой. Сегодня, однако, он продолжил путь через парк к мосту Челси, через Темзу, к Миллбэнку, а оттуда в свой офис, располагавшийся в Ган-Хаус.

Бегать по одному и тому же маршруту каждый день было психологически утомительно, но что поделаешь, он в Лондоне, а не в Бейруте. Пробегая по парку, Джек чувствовал себя совершенно свободно, и не только в общении с самим собой, но и с тем человеком, за кого себя выдавал.

Легкий туман, который так и не сконденсировался в настоящий дождь, оседал на свитшоте, и под конец он промок насквозь. Данфи прислушивался к звуку собственного дыхания и думал о Клементине.

Он впервые увидел ее всего лишь три месяца назад. Клементина стояла за кассовым аппаратом в стареньком книжном магазине на Сисилиан-авеню со странным названием «Скуб». И хотя Данфи не принадлежал к тому сорту мужчин, которые снимают продавщиц в магазинах, он с первого взгляда понял, что если сейчас не заговорит с ней (или, как сказал бы Весельчак Керри, не «разговорит» ее), то потом никогда не простит себе подобного упущения. И дело совсем не в том, что она была красива и что у нее была самая тонкая талия из всех когда-либо им виденных. Точнее, сказал он себе, дело не только в этом. Было в Клементине что-то еще, какая-то милая беззащитность, из-за которой он ощутил себя негодяем, пересказывая ей свою легенду и слыша, как она шепчет его имя, на самом деле вымышленное.

Он обязательно искупит свою вину перед ней, говорил себе Джек, хотя и не знал, каким

образом. Выбежав на Гросвенор-роуд, в воображении же пребывая в раю, расположенном где-то между пупком Клементины и ее коленями, Джек бросил взгляд налево и, сделав шаг на проезжую часть, стал причиной какофонической фуги из автомобильных сигналов и визга тормозов. Он вздрогнул и прибавил скорость. Колонна автомобилей, такси, автобусов и грузовиков, приближавшаяся справа, резко затормозила, судорожно остановилась и взорвалась потоком проклятий.

Данфи как-то двусмысленно помахал им и продолжал бежать, по-настоящему разозлившись из-за того, что позволил себе подобную рассеянность. Нужно всегда быть начеку, напомнил он себе. В той работе, которой он занимается, зазевавшись, можно легко получить смертельный удар исподтишка.

Данфи точно помнил момент, когда у него мурашки побежали по телу.

Он сидел за столом перед компьютером и писал письмо в «Швейцарский кредит», и тут зазвонил телефон короткими, резкими, злобными сигналами, по которым можно было мгновенно понять, что вы находитесь не в Штатах, а в Англии. Поднеся трубку к уху, Данфи услышал голос Томми Дэвиса, доносившийся до него сквозь громкие сообщения об авиарейсах.

— Рейс 2702 Британских авиалиний...

— Джек? — произнес Томми.

Именно в этот момент мурашки побежали по телу Данфи.

— ...на Мадрид.

— Дж-е-е-к?

Боже, подумал Джек. Три слога и вопросительная интонация в конце. Мы во что-то вляпались.

— Рейс Сирийских авиалиний...

Не надо быть гением, чтобы все расставить по местам. Даже несмотря на то что голос Томми звучал вполне нормально, было ясно: звонить он может из-за какой-то очень неприятной причины. Их совместная работа была завершена, и Томми за нее заплатили. На этом следовало поставить точку.

— Джек! Да ради Бога, откликнись! Ты меня слышишь, старина?

— Слышу, Томми. Что случилось?

— Небольшая проблема, — ответил Томми своим ирландским говорком, в котором явно чувствовалась неудачная попытка преуменьшить значимость происшедшего. — Я сам о ней узнал совсем недавно. Час назад.

— Понимаю, — откликнулся Данфи, затаив дыхание. — И какая же небольшая проблема привела тебя в аэропорт?

— Можешь сам услышать, — ответил Томми. — О ней уже говорят по Би-би-си.

Мурашки перестали бегать по коже Данфи, так как у него возникло ощущение, что его внешняя оболочка отделилась и ушла, оставив во вращающемся кресле от «Хэрродз» лишь клубок обнаженных нервов.

Он сделал глубокий вдох, дважды моргнул, выпрямился в кресле и поднес трубку еще ближе ко рту. Теперь его голос звучал холодно и официально.

— У меня в офисе нет радио, Томми. Итак, в чем дело? Что случилось?

— Наш профессор.

— Что с ним?

— Ну, бедняга... Боюсь, он пострадал.

— Пострадал...

— Ну в общем, он мертв.

— Несчастный случай?

— Несчастный случай? Нет, конечно, нет. Не при данных обстоятельствах. Нет, учитывая, что у него отрезаны яйца... Не думаю, что это могло быть несчастным случаем.

— Яйца...

— Мне нужно успеть на самолет. Если я тебе понадобится, я буду пить в баре Фрэнки

Бойлана. Ты сможешь меня там найти.

Томми повесил трубку, и Данфи почувствовал себя еще хуже.

Фрэнсис М.С. Бойлан был крутой мужик, в свое время отсидевший срок в Мейзе^[2] за серию банковских ограблений, которые он совершил вместе с Томми. Была ли у названных ограблений политическая подоплека или нет (в полиции о них говорили как о «сборе денег для ИРА»), Бойлан сумел отложить достаточную часть награбленного для открытия собственного дела. Это был небольшой бар на южном побережье Тенерифе с видом на нудистский пляж на Плайя де Лас-Америкас. Томми с друзьями отправлялись туда всякий раз, когда у них возникали слишком серьезные проблемы, проще говоря, когда их проблемы не могли быть решены с помощью адвокатов, оружия или денег (или всех трех способов вместе). Другими словами, «Сломанный побег» представлял собой тайное убежище посреди Атлантического океана на расстоянии ста миль от африканского побережья, двухсот миль к югу от Гибралтара — в общем, весьма уединенное местечко для XX века.

«Черт возьми! — подумал Данфи. — Канарские острова... Тенерифе... Яйца профессора...»

Какой-то спазм сжал ему внутренности, отпустил и сжал снова. И все уже известно Би-би-си.

Он окинул взглядом комнату. Это было помещение на третьем этаже в доме без лифта — жалкий редут посреди грязи Миллбэнка. Но оно ему нравилось. Вид из окна в каплях дождя — мрачный и гнетущий: кирпичная стена, кусок серого неба, ветхая и выцветшая реклама сигарет «Ротманс».

Данфи бросил курить примерно год назад, но в верхнем ящике стола, как ему было прекрасно известно, лежала старенькая пачка «Силккатс». Механически он нащупал сигарету, зажег ее и жадно затянулся. В течение какого-то мгновения Джеку казалось, что сейчас он поднимется в воздух. Но приятное ощущение прервал приступ сильного кашля.

Пока причин для паники нет, рассуждал Данфи. Если взглянуть на все объективно, то он всего лишь оплатил Томми услуги по установке на телефон профессора устройства «Инфинити». Все было сделано отлично, и передатчик работал без сбоев больше месяца. По всей вероятности, Томми не лжет, и профессора действительно убили, но нет никаких оснований полагать, что его смерть каким-то образом связана с тем, что Данфи прослушивал его телефон. Совершенно очевидно, что произошло какое-то чудовищное совпадение.

Неприятно, да, но...

Подобные.

Вещи.

Случаются.

Только вот — и Данфи это прекрасно знал — в Англии-то они не случаются, но если все-таки и случаются, то совсем не так. Если бы с профессором расправились профессионалы, из САС, например, или чего-то подобного, они бы всадили ему две пули в затылок и одну в грудь и на сем закончили. Но если Томми говорит правду и беднягу кастрировали, значит, преступление совершено на сексуальной почве.

Несколько минут он просто смотрел, как копоть, смытая дождем, стекает по оконному стеклу, но тут телефон зазвонил во второй раз, и Данфи вновь сжался в комок. Ему очень не хотелось поднимать трубку. Желудок превратился в маленький шарик, медленно наполнявшийся воздухом и поднимающийся вверх, к горлу. Телефон продолжал истошно визжать. Наконец Данфи все-таки поднял трубку и мгновение держал ее перед собой, словно

пойманную гадюку.

— Алло? — Он услышал характерный звук «бип-бип-бип-бип» телефона-автомата, затем звон падающих монет и... — Уезжай!

Карри, решил Джек, хотя и с трудом узнал его по голосу, который, как показалось Данфи, доходил до него в какие-то короткие промежутки между приступами удушья.

— Уезжай! Домой! Немедленно! Ты. Меня. Понял?

Боже, подумал Данфи, он звонит с платного телефона, накрыв микрофон носовым платком.

— Мне кажется, нам нужно поговорить, — сказал Джек.

— Уезжай домой!

— Куда домой?

— К себе домой.

— Что?!

— Сворачивайся. И немедленно. Никаких сборов и визитов на квартиру. Через полчаса там будет группа по уборке. Через пару дней они перешлют твои вещи.

Данфи был потрясен.

— Но сегодня суббота, — попытался возразить он. — На мне спортивный костюм! У меня при себе даже нет паспорта. Как же я...

— Ты что, не слышал новости? Я про эти их долбаные «Новости в десять»!

— Да... кое-что... Я хочу сказать... мне только что позвонил мой друг-ирландец и... Джесси, у меня есть личная жизнь! Ради Бога! Я не могу вот так просто...

— Считалось, что ты закончил работу!

— Мы на самом деле ее закончили. То есть он закончил... мой человек. Я велел ему отправиться туда... Как раз позавчера.

— Они нашли устройство.

— Что?!

— Я сказал, полиция нашла устройство. — Наступила пауза. — Послушай, дружище. Определенные люди... в полиции... пытаются... даже в данный момент... когда мы разговариваем... установить, кому принадлежит устройство. Они наводят справки, и, как мне кажется, они уже заполучили имя. Ты понимаешь, о чем я толкую?

— Конечно.

— В таком случае ответь мне, сколько времени потребуется МИ-5 на то, чтобы отыскать твоего гребаного ирландца, а затем через него выйти на тебя? День? Два?

— Они его не найдут. Он уже покинул страну.

— Прекрасно. А теперь я хочу, чтобы то же самое сделал и ты. Не возвращайся на квартиру. Садись на первый самолет.

— Но как, черт возьми?! Сколько повторять, у меня при себе нет даже бумажника! Я добежал до офиса трусцой.

— У меня есть курьер в зале ожидания для прилетающих. Терминал № 3. У него в руке будет картонный знак. — Карри замолчал, и Данфи показалось, что в голове у него закрутились колеса. — Там будет написано «Мистер Торбитт». Найди его.

— И что потом?

— У него будет все, что тебе нужно: паспорт...

— Деньги...

— ...билет в Штаты и чемодан с одеждой. Возможно, это будет его собственная одежда.

— С какой стати я должен надевать чужую одежду?

— Когда в последний раз ты видел человека, пересекающего Атлантику без чемодана?

— Послушай, Джесси...

Бип-бип-бип. Телефон-автомат запросил следующую монетку.

— Поезжай домой!

— Послушай, мне кажется, это не самая лучшая идея.

Бип-бип.

— Делай, что тебе сказано.

— Но...

Бип-бип.

— У меня заканчивается мелочь.

На противоположном конце провода послышалось какое-то гроыхание, сдавленные проклятия, отдаленная мелодия, и все завершилось гробовым молчанием.

Данфи откинулся на спинку кресла, голова у него шла кругом. Он глубоко затянулся, на мгновение задержал дым в легких, а затем тяжело выдохнул. Наклонившись вперед, погасил сигарету в пепельнице и уставился на стену.

«Не возвращайся на квартиру. Через полчаса там будет группа по уборке помещения... А как же Клементина? Возможно, она все еще спит. Они что, и ее вывезут вместе с грязным бельем?»

Джек рванулся к телефону, набрал свой номер и стал ждать. Раздались долгие шумные гудки, прерываемые длинными промежутками потрескивающей тишины. Через минуту, которая, как ему показалось, длилась больше часа, он повесил трубку, решив, что Клементина ушла к себе. Может быть, позвонить ей?

Джек покачал головой, пробормотав, что Клементина слишком важна для него, чтобы вопрос с ней можно было решать на ходу. В любом случае операция разваливалась, и замести следы он должен сам, не перепоручая это никаким посторонним лицам. В конце концов, он сам способен убрать за собой квартиру и позаботиться о своих вещах.

Со вздохом Джек коснулся трек-болла на компьютере и нажал на «Старт». Затем перевел курсор на «Завершение работы» и нажал на «Перезагрузить компьютер в режиме MS-DOS», после чего склонился над клавиатурой и начал «выдалбливать» кибернетический эквивалент лоботомии.

CD/DOS

Он ощутил примерно то же чувство восторга и дурноты одновременно, которое испытывает начинающий парашютист, делая первый шаг с борта самолета. И вот...

DEBUG

G = C800:5

Компьютер начал задавать серию вопросов, на которые Данфи давал формальные ответы, печатая их на клавиатуре. Через какое-то время послышался скрежет жесткого диска. Прошла, кажется, целая вечность, и все это время Данфи не вынимал сигарету изо рта, прежде чем скрежет наконец прекратился и на мониторе замерцала командная строка:

FORMAT C: COMPLETE

Мозг машины был чист, как мозг новорожденного, на экране тупо мерцал курсор. С Данфи пот тек градом. Работа, которая делалась в течение целого года, уничтожена.

И затем, желая убедиться в том, что стерто все без исключения, Данфи включил программу под названием «Очистка диска».

Компьютер был главной проблемой, которую следовало уладить, но оставалось и несколько других, более мелких. К примеру, ряд писем, которые нужно отослать. Большая часть корреспонденции была вполне тривиальной, за исключением по крайней мере одного письма. Оно было адресовано клиенту по имени Роже Бламон и содержало информацию относительно недавно открытого банковского счета на острове Джерси. Если письмо не дойдет, Бламон не сможет получить деньги, которые составляли приличную сумму.

Данфи задумался. Ничего страшного не случится, если Бламон немного подождет своих денег. Ведь эти деньги нажиты незаконным путем и предназначены для столь же неприглядных целей. И все-таки, подумал Джек, деньги-то хоть и нажиты незаконным путем, но принадлежат они не ему, а Бламону и...

Впрочем, времени размышлять о подобном дерьме не было. По крайней мере сейчас. Вокруг рушился мир. Поэтому, не раздумывая больше, Джек бросил письма в дипломат, предполагая, по-видимому, отправить их из аэропорта. Вынув старенький «Филофакс» из верхнего ящика стола, он тоже бросил его в дипломат и встал. Затем прошел в другой конец комнаты к шкафу для хранения бумаг, где находился архив его здешней деятельности: деловая переписка и документация. Большой частью там лежали бумаги, которые он мог без особых опасений оставить.

Но было среди них несколько папок, которые Данфи считал достаточно серьезными. В одной из них находились страницы из прошлогодней книги для записей деловых встреч. Еще в одной счета Томми Дэвиса за «исследовательские услуги». Третья папка представляла собой хранилище квитанций по оплате «дополнительных услуг», включая его регулярные встречи с Кэрри, обеды с «легатом» из ФБР и с британским координатором Организации по борьбе с контрабандой наркотиков. Несмотря на то что названные папки были разбросаны по четырем полкам шкафа, их было несложно отличить от всех остальных по голубым наклейкам.

Одно за другим Данфи вынимал помеченные досье и складывал их в стопку, которая получилась примерно в пять или шесть дюймов высотой. Покончив с этим, поднес стопку к камину и, присев на корточки под древней, выдавшей виды полкой, положил папки на пол. Извлекая из камина декоративные искусственные поленья, он вдруг подумал, что к нему не подносили спичку уже лет тридцать — наверное, с тех самых пор, как закон о чистоте воздуха положил конец когда-то традиционному желтому городскому дыму.

Но какая разница? Существует вполне очевидная вероятность того, что его в скором времени арестуют за незаконное прослушивание телефонных разговоров и, возможно, даже за соучастие в убийстве. Кроме того, мог всплыть и вопрос о шпионаже, не говоря уже об отмывании денег. Если ко всему перечисленному добавится еще и нарушение законодательства о чистоте воздуха, тут уж ему будет явно наплевать.

Данфи сунул руку в дымоход, нащупал там ручку и, напрягшись, открыл заслонку. Собрав все папки в охапку, положил их внутрь камина, составив из них некое подобие вигвама, а затем поджег его сразу с нескольких углов. Комнату осветило яркое пламя. Огонь, подумал Данфи, — естественный способ, которым всегда пользуется сама природа, чтобы уничтожить улики.

Он немного погрел у камина руки, вернулся к столу, из которого вытащил верхний ящик и поставил его на пол, сунул руку внутрь стола и извлек оттуда конверт из небеленой бумаги. Распечатав его, Данфи вынул из него микрокассету.

Томми вручил ему ее позавчера. Это была последняя из одиннадцати записей, сделанных за пятидневное прослушивание телефонных разговоров. Данфи собирался передать пленку Карри при ближайшей встрече, но теперь... Как ему следует поступить теперь? Он может либо расплавить кассету в огне, либо переслать ее Карри по почте, либо отвезти в Лэнгли, и пусть Управление само решает.

Решение принять было нелегко, так как прослушивание велось в атмосфере строжайшей секретности. Оно никак не проходило даже по официальным каналам Управления. Данфи сам никогда не слушал записи и потому не имел ни малейшего представления, что в них могло быть и насколько важна собранная информация. Да, по правде говоря, и знать ему особенно не хотелось. Себя он воспринимал не более чем посредником: он нанял Томми, чтобы тот установил соответствующие устройства на квартире у профессора, а затем дважды в неделю передавал полученный «продукт» Карри.

И тем не менее... Джесси Карри не производил на Джека впечатление вполне надежного субъекта. А уж если говорить начистоту, производил как раз обратное впечатление. И ведь, подумал Данфи, полностью отдаваясь во власть своей паранойи, Карри казался ему типом, который способен отца родного подставить и сделать козлом отпущения.

А мать Данфи была бы очень сильно расстроена, узнай она, что ее сынок так легко входит в роль козла отпущения.

Потому, не раздумывая больше, Данфи сунул запись в конверт, запечатал его и написал на нем свой собственный адрес:

К. Торнли
Для передачи Ф. Бойлану
«Сломанный побег»
Плайя де Лас-Америкас
Тенерифе, Канарские острова
Испания

Он приклеил на конверт марку за два фунта и оглядел комнату.

Карри об этом все равно ничего не узнает, поэтому у него не будет и поводов для обиды.

Ну, по крайней мере так решил Данфи...

Чтобы доехать до аэропорта на метро, требовалось ровно полтора фунта. Он нашел их в нижнем ящике стола, куда в течение нескольких месяцев бросал одно-, пяти- и десятипенсовые монетки. В ящике должны были накопиться целых двадцать фунтов мелочью, решил он, но вся сумма была не просто бесполезна, но и обременительна, так как в его спортивных штанах не было карманов. Какое-то мгновение Данфи решал, не бросить ли мелочь в кейс, но... нет. Сама мысль об этом показалась ему нелепой.

Джек взял только необходимую сумму и быстрым шагом проследовал к станции метро на Ливерпуль-стрит. В своих стареньких кроссовках «Найк» и потертых спортивных штанах он выглядел как типичный американец, а в данных обстоятельствах еще и как нервный американец.

Электропоезд с грохотом промчался под территорией города и через пятнадцать минут привез его в унылые западные пригороды. С головой уйдя в собственные мысли, Данфи не обращал ни малейшего внимания на то, что происходит вокруг, пока по каким-то непонятным причинам, которые никто не позаботился объяснить, поезд не сделал незапланированную остановку рядом с Хаунслоу. И здесь, выехав на поверхность, простоял посреди путей целых восемь минут, поскрипывая под мелким дождем.

Джек чувствовал себя настоящим чертиком в коробке, готовым выпрыгнуть через крышу. Глядя в грязное окно на размокшее футбольное поле, он был почти уверен, что полиция обходит все вагоны, один за другим, и ищет его. Но вот состав сделал рывок и вновь понесся вперед. А уже через несколько минут Данфи растворился в потоке пассажиров в зале для прилетающих Терминала № 3.

Он заметил курьера с расстояния в двадцать футов. Это был высокий, мускулистый молодой человек в дешевом черном костюме и мотоциклетных ботинках — панк с Карнаби-стрит с угреватым лицом и черными волосами, подстриженными так коротко, что они казались щетиной на голом черепе. Он стоял не двигаясь посреди толпы встречающих и шоферов, в точности там, где, по словам Карри, его и должен был найти Данфи. То, как он стоял — совершенно неподвижно — только шныряя глазами из стороны в сторону, напомнило Данфи строки из стихотворения Уоллеса Стивенса^[3] «Тринадцать способов взглянуть на черного дрозда»:

Единственным, что двигалось,
Были глаза у черного дрозда.

Джек подошел поближе. Курьер держал перед собой небольшую табличку с надписью, сделанной по трафарету: «Мистер Торбитт». Он держал табличку так, что были видны его запястья, и Данфи разглядел на них неровные голубые полосы — работу татуировщика-любителя (возможно, самого этого парня). Данфи знал, что если приглядеться повнимательнее, то на коже рядом с полосками можно будет прочитать слова «Резать здесь!».

Из чего сам собой напрашивался вывод: курьер подобран идеально — наитипичнейший молодой лондонец.

Данфи не мог не улыбнуться своим мыслям. Где Карри их находит? — подумал он. Таких вот ребят. Настолько обычных, что они делаются практически невидимыми.

— Джесси сказал, у вас есть кое-что для меня.

Молодой человек повернулся к нему, обнажив в улыбке частокол не слишком белых зубов. Плохой комплимент министерству здравоохранения.

— А, начальник! — воскликнул парень. — Вот ваши вещи, ну и это тоже. — Он протянул ему большой конверт, в котором, как понял Данфи, находились деньги, билеты и паспорт.

Молодой человек самодовольно качнулся на пятках и одарил Данфи улыбкой, цветом схожей с талым снегом.

— Желаю вам приятного денечка, — сказал он и в то же мгновение исчез, затерявшись в толпе, только голова его еще несколько мгновений мелькала, подобно шару, медленно движущемуся по бильярдному столу.

Вскрыв конверт, Данфи отыскал на билете номер рейса и бросил взгляд на расписание. В его распоряжении был еще целый час, и потому, чтобы как-то провести время, он решил отыскать газетный киоск, каковой и нашел без особого труда.

РЕЗНЯ В ЧЕЛСИ!

УБИЙСТВО ПРОФЕССОРА ИЗ КИНГЗ-КОЛЛЕДЖА!

Данфи почувствовал, как его желудок медленно поднимается вверх, сокращаясь в омерзительных спазмах. Упомянутые заголовки находились на первых страницах газет, и еще больший драматизм им придавала фотография, изображавшая нескольких полицейских и случайных прохожих, наблюдающих за тем, как в карету «скорой помощи» вносят носилки с трупом. То, что лежало на носилках, было каким-то неестественно маленьким, размером примерно с крупную собаку, и накрыто белой простыней, пропитавшейся кровью.

Как сообщалось в статье, профессора Лео Шидлофа, в четыре часа ночи нашел пьяный студент-юрист в помещении «Судебных иннов».^[4] Труп убитого — от этой фразы у Джека на несколько мгновений помутилось в глазах — лежал на маленькой лужайке рядом с Внутренним Темплом.^[5]

Данфи оторвал взгляд от газеты. Он прекрасно знал Внутренний Темпл. Более того, он превосходно знал и маленькую лужайку. Темпл представлял собой небольшое округлой формы церковное здание неподалеку от Флит-стрит, в самом центре той части Лондона, где располагаются суды и юридические конторы. Офис адвоката Данфи находился буквально за углом, на Миддл-Темпл-лейн. Данфи по пути к нему раз или два в месяц обязательно проходил мимо упоминавшегося в газетах здания.

Выглядело оно крайне зловеще, как почти все архитектурные анахронизмы. Этого было бы в принципе достаточно, чтобы представить себе место преступления, однако Данфи не мог остановиться. Ему явно не хотелось возвращаться к чудовищным подробностям происшедшего. Ведь чем больше он будет размышлять о Внутреннем Темпле, тем на более долгий срок сможет отложить дочитывание статьи.

Темпл был построен примерно в тринадцатом веке. И строили его для рыцарей-тамплиеров. А рыцари, кажется, имели какое-то отношение к крестовым походам. (А может быть, и нет.)

Джек на мгновение задумался. Собственно, на этом его сведения и заканчивались.

Ничего не оставалось, как вернуться к чтению статьи в надежде, что он наткнется в ней еще на какой-нибудь исторический памятник, который в очередной раз отвлечет его от ее мрачного содержания. Однако надеждам не суждено было оправдаться. В статье взгляд Данфи сразу уже упал на упоминание о каких-то источниках в полиции. «Некие источники в полиции» сообщают, что профессора четвертовали, как свидетельствует экспертиза, еще живого. Кусок кожи шириной примерно три дюйма был содран у него со спины, начиная от основания позвоночника и до самой шеи. Ему также отрезали гениталии и скальпелем вырезали анус.

Больше Данфи не мог этого выносить. Господи Иисусе Христе, Дева Мария и святой Иосиф — пронеслись у него в голове священные имена. Что, черт возьми, может подобное значить?! А где руки и ноги несчастного? От прочитанного Данфи едва не сделалось дурно. Но больше в статье ничего существенного не содержалось. Полиция так и не сумела определить, каким образом «торс» оказался в том месте, где его обнаружил подвыпивший студент, ведь лужайка находится неподалеку от набережной Темзы и обнесена изгородью из кованого железа.

И все... Статья заканчивалась сведениями о том, что Шидлоф является популярным преподавателем психологического факультета в Кингз-колледже и в последнее время работал над биографией Карла Юнга.

Данфи швырнул газету в урну и встал в длинную очередь у окошка «Трансуорлд эрлайнз». Ему совсем не хотелось думать о Лео Шидлофе. По крайней мере не сейчас и, возможно, никогда. К его смерти он ни в малейшей степени непричастен, и вообще она его не касалась. В любом случае у него сейчас масса собственных проблем. Подтолкнув чемодан вперед, Джек открыл конверт, вытащил из него паспорт с намерением заучить представленную там информацию.

К его глубокому разочарованию, никакого заучивания не потребовалось. Паспорт был на его собственное имя — *настоящее* имя, — что могло означать только одно: его операция провалилась и завершена. На первой странице паспорта имелась единственная печать, разрешавшая Джону Эдвардсу Данфи пребывание в Англии в течение периода, не превышающего шести месяцев. Печать, естественно, была поддельной, и на ней указывалось, что он въехал в страну всего семь дней назад.

От понимания того, что произошло, у Джека перехватило дыхание. Немногим более года он прожил в Лондоне, выдавая себя за ирландца по имени Керри Торнли. Кроме Джесси Карри, единственным человеком, знавшим его настоящее имя, был Томми Дэвис. Томми был самым настоящим ирландцем, знал об Ирландии все, и его никаким Керри Торнли провести было невозможно. В конце первой же недели их совместной работы он выяснил, что его новый друг и работодатель, Весельчак Керри, на самом деле бизнесмен-американец по имени Джек.

А визитная карточка Данфи гласила, что Торнли является председателем Англо-Ирландской компании с ограниченной ответственностью по оказанию бизнес-услуг, Ган-Хаус, Миллбэнк, Лондон, SW-1.

За ширмой своего второго «я» Данфи чувствовал себя за непробиваемой броней. Так как Торнли был лицом абсолютно вымышленным, созданным компьютерным мозгом где-то в подвалах Лэнгли, то все действия Торнли не могли иметь для Данфи никаких последствий, а значит, Данфи в образе Торнли обладал такой свободой, о которой Данфи в образе Данфи не мог и мечтать.

И вот теперь, в момент наибольшей опасности, Джек утратил свою защиту. Инстинктивно он начал перестраиваться в свое прежнее «я», превращаясь из саркастического ирландца, Весельчака Керри, в сдержанного и несколько озабоченного американца Джека Данфи.

Движение в очереди заняло минут двадцать, и за это время у Джека разболелись ноги, в голове застучало молотом. Только сейчас до его сознания начало доходить то, что за одно утро он потерял практически все, что для него имело хоть какую-то ценность в жизни, включая Клементину.

Клементина!

Боже мой, подумал он, а как же Клем?

Девять часов спустя Данфи прошел в помещение «Дипломатического клуба» на третьем этаже зала вестибюля «В» в Международном аэропорту Джона Кеннеди. Клуб был почти пуст. Бросив свой чемодан рядом с потертым кожаным креслом, он взял охапку соленых кренделей, заказал проходившей мимо официантке виски «Бушмиллз», а затем юркнул в телефонную кабинку, чтобы сообщить о своем прибытии дежурному в Лэнгли.

Как обычно, прозвучали два гудка, после чего раздался молодой и бодрый голос дежурного:

— Алло.

Кое-что в этом мире все-таки никогда не меняется.

— Говорит... — Джек помедлил, как делал всегда, когда в соответствии с правилами должен был воспользоваться условным именем. Оно всегда его смущало. Взрослые люди, а играют с кодовыми именами, как подростки. — ...Гобой, — закончил он. — У вас есть что-нибудь для меня?

На противоположном конце провода наступила короткая пауза, а затем дежурный сказал:

— Да, сэр. Вы должны прибыть в Центр в восемь утра.

— То есть... в понедельник?

— Нет, сэр. Завтра. — Данфи застонал. — Полагаю, что кому-то очень хочется с вами встретиться.

— Я только что прилетел, — пожаловался Данфи. — При мне даже одежды нормальной нет. Я еще после полета толком не пришел в себя. Мне негде остановиться.

— Могу порекомендовать вам пару...

— Но завтра же воскресенье. Ради Бога! В управлении никого не будет. Все будут... — Данфи попытался найти подходящее слово — Все будут молиться. Я тоже буду молиться. Я буду молиться целый день.

— Здесь сказано, воскресенье, сэр. В восемь часов. Может быть, вам удастся попасть на более позднюю службу.

— Не шути со мной, парень.

— Я просто передаю сообщение, сэр.

Данфи повесил трубку и набрал номер «800» — справочную службу отелей «Мариотт», заказал номер на уик-энд в гостинице рядом с Тайсонс-Корнер.^[6] Покончив с этим, вышел на оператора международной связи и дал ей номер квартиры Клементины в Болтон-Гарденс.

— Керри? — Он внезапно лишился дара речи. — Керри? Где ты?

— Привет, Клем! Я...

— Где ты?

— Путешествую. Тут кое-какие дела обнаружились. В последнюю минуту.

— Ах вот оно что... В таком случае где ты находишься?

Его девчонка ничего не упустит.

— Я в Штатах. В Нью-Йорке. В аэропорту Джона Кеннеди. В «Дипломатическом клубе». В телефонной кабине номер два.

— Ну ты и зануда!

— Да, у меня сегодня был сложный день.

— Ну ладно... Когда ты вернешься?

— Вот в этом-то и все дело. Я не знаю. Может пройти... определенное время.

— Ой, не надо!

— Да, но... послушай, я не могу долго разговаривать, мне нужно срочно сделать один звонок. И мне необходимо узнать у тебя одну вещь: приходил ко мне кто-нибудь сегодня утром на квартиру?

— Пока я там была, никто. А с тобой все в порядке?

— Конечно, все в порядке. А что?

— У тебя голос какой-то не такой.

— Что значит не такой?

— Ну во-первых, — ответила она, рассмеявшись, — у тебя появился американский акцент.

Данфи заморгал глазами и снова перешел на хорошо отработанный ирландский говорок:

— Ничего не могу поделаться, дорогая. Я рожден, чтобы постоянно кого-то передразнивать. Но мне сейчас важно, чтобы ты следовала моим рекомендациям. Почему, я объясню тебе позже.

— Черт!

Данфи был озадачен.

— Что значит «черт!»? Ведь я же еще ничего не сказал.

— Потому что фраза «объясню все позже» всегда означает какие-то проблемы.

— Ну в общем, я бы хотел, чтобы ты... какое-то время не ходила ко мне на квартиру.

— Что?!

— Не ходи туда до тех пор, пока мы снова не увидимся.

— Но почему?!

— Просто не ходи и все, Клем. Это очень важно.

— Но я ведь оставила там свои вещи! Почему я не имею права пойти туда? Там моя косметика! Значит, ты привел туда кого-то еще?

— Не будь дурой!

— В таком случае почему я не должна туда ходить?

— Ну, прежде всего по очень простой, элементарной причине: потому что меня там не будет. А во-вторых...

— Да? И что же во-вторых?

— Потому что это может быть опасно.

— Опасно?

— Клем... верь мне.

Повесив наконец трубку, Данфи вернулся в клубную комнату, нашел свое кресло, сел, откинувшись на спинку, и глубоко задумался, пытаясь подсчитать потери. В окно он наблюдал за тем, как взлетают одни самолеты и заходят на посадку другие. Когда к нему подошла официантка, он заказал еще одну порцию ирландского виски.

Никто раньше никогда не бросал Клементину. Он был в этом абсолютно уверен. Должно быть, он окончательно свихнулся.

Данфи свернул направо с бульвара Джорджа Вашингтона у Цепного моста и по эстакаде выехал на бульвар Долли Мэдисон. Затем направил машину на запад и проехал еще милю, после чего свернул направо под длинную аркаду деревьев, которая вела к въезду на территорию ЦРУ. Громадных размеров черный охранник появился из караульного помещения с небольшим блокнотом в руках и широкой улыбкой на лице.

— Приветствую, — сказал он. — У вас назначена встреча?

— Джек Данфи. И я уже немного опаздываю.

Охранник сверился со своими данными в блокноте, обошел машину, записал ее номер и снова вернулся к водительскому окошку.

— Мне нужно посмотреть ваши документы на машину. — Он кивнул на стикер «Херц» на ветровом стекле.

Данфи передал ему документы, и охранник начал с завидной тщательностью заносить информацию отсюда к себе в блокнот. Создавалось впечатление, что он не пишет буквы, а вырисовывает их с искусством каллиграфа.

Да, собственно, Данфи было не к спеху. Воздух вокруг чистый, холодный и бодрящий — как раз то, в чем он сейчас нуждался. И вообще-то ему нравилось здесь, в штаб-квартире ЦРУ. Она напоминала небольшой колледж в каком-нибудь маленьком городке штата Нью-Йорк. Комплекс архитектурно неброских, более или менее современных зданий, не видимых с шоссе, расположенных посреди участка в сотню акров, засаженного деревьями и заросшего густой травой, ну и, конечно, заполненного скрытыми камерами и вибраторными антеннами.

— Спасибо, — сказал охранник, возвращая документы. — Вы знаете, куда ехать?

— Никаких проблем.

— Сегодня вы сможете оставить машину практически где угодно.

— Великолепно, — пробормотал Данфи, включая зажигание.

— По воскресеньям здесь почти никого не бывает.

Данфи кивнул, делая вид, что слова охранника его заинтересовали.

— Даже удивительно, — добавил охранник.

Ворота поднялись, и Данфи въехал на территорию ЦРУ.

Проезжая через стоянку, он в очередной раз не без удивления отметил большое число «корветов» и странную пестроту стикеров на бамперах.

«РЕЙГАН В 84-М»

«БУШ В 85-М»

«ГРИНПИС»

«БЕСПЛАТНАЯ ТРАВКА!»

«БОЖЕ, СПАСИ БАЛДЕЖНИКОВ!»

Данфи проехал мимо статуи Натана Хейла, остановил машину на квадрате, помеченном «ДИРЕКТОР», и вышел из нее прямо перед входом в главное здание.

Войдя в вестибюль, он обнаружил хрупкую блондинку, которая явно ждала его, стоя прямо на эмблеме ЦРУ — орле, вытисненном на мраморном полу посреди атриума.

— Мистер Данфи?

Он поморщился, чем спровоцировал вопросительный взгляд блондинки.

— Джек Данфи?

— Да, — ответил он. — Иногда.

— Прикрепите это себе на лацкан, — сказала она, протягивая ему ламинированную визитку желтого цвета, — и я провожу вас.

Данфи сделал то, о чем его просили, без особого удовольствия. В штаб-квартире ЦРУ все, от дворников до главного инспектора, должны на видном месте носить такую визитку. Цвет визиток является кодом так же, как и цвет помещений в каждом из зданий. По центру каждого коридора тоже проходит цветная полоса, поэтому охранники с первого взгляда могут определить, что кто-то оказался не там, где ему дозволено находиться.

При наличии визитки голубого цвета вы можете ходить где угодно, с красной визиткой — только по зданию «А», а с зеленой ваша свобода передвижения еще более ограничена. Она означает, что вам разрешается входить только в те коридоры здания «А», которые отмечены зеленой линией. Но самой унижительной была желтая визитка, означавшая, что в любые помещения управления вы имеете право входить только с сопровождением. Обычно ее выдавали представителям прессы и посетителям — то есть нештатным сотрудникам, — и ходить с ней было примерно то же, что разгуливать, повесив себе на шею колокольчик. Некоторые здешние снобы даже презрительно отворачивались от вас, как от прокаженного.

Впрочем, присутствие очаровательной блондинки в какой-то мере компенсировало унижение, которое почувствовал Данфи, увидев желтую визитку. Когда они пошли внутрь здания, ее волосы, завязанные в «хвост», раскачивались подобно метроному, ритм которого идеально совпадал с ритмом покачивания ягодиц. Джеку, который, надо сказать, только и думал что об этом соблазнительном покачивании, пришло в голову несколько неожиданное сравнение. Очаровательная попка удивительным образом напоминала валентинку, накрытую салфеткой из твида. Созерцать ее было одно удовольствие, и, конечно, совсем не случайно ей поручают здесь сопровождение. Попроси она, он последовал бы за ней до самого ада и обратно и нисколько бы не пожалел.

Что, в общем, было близко к тому состоянию, в котором Данфи пребывал в это воскресное утро. В олимпийской системе его головную боль судьи скорее всего оценили бы только в 5,6 балла. Но чувствовал Джек себя омерзительно. На нем были та же рубашка и те же носки, что и вчера в Лондоне. Магазины откроются только в десять, а чемодан с одеждой, который ему вручили в аэропорту, был набит футболками и голубыми джинсами с дырками на коленях. Стиль явно не его. Да и дело не только в одежде. Из-за долгого напряжения глаза у Данфи стали красные, как у рака, подбородок покрывала заметная и не очень эстетичная щетина, а задняя часть головы почему-то вдруг сделалась неестественно тяжелой. Да, наверное, все-таки оценка — 5,9 балла...

Обворожительная блондинка долго вела Данфи по лабиринту бледно-голубых коридоров крыла «В», пока они наконец не подошли к маленькому столу, за которым сидел молодой охранник в черной форме с яркой тесьмой на эполетах. Он вскочил и указал на журнал регистрации в кожаном переплете.

— Пожалуйста, запишитесь... Ваши друзья уже пришли и ждут вас.

Данфи наклонился над журналом и сделал то, что его просили. Там уже стояли имена Сэма Эстергази и Майка Райнгольда, время прибытия 7.50...

Охранник повернулся к ним спиной и набрал шифр на кодовом замке. Послышался

тихий щелчок, и дверь бесшумно распахнулась.

Как только она снова закрылась за ним, Данфи почувствовал себя еще хуже. Он был в безэховом помещении или, проще говоря, в сурдокамере — комнате кубической формы, без окон, залитой флуоресцентным светом и покоящейся на громадных невидимых пружинах. То, что в ней происходит, невозможно подслушать. Сурдокамера представляла собой склеп из конических пенопластовых перегородок, обитый толстенными коврами. Перегородки были расположены таким образом, чтобы поглощать и нейтрализовать любые самые незначительные атмосферные возмущения. Ни один сигнал, резонанс или эхо, от кого бы они ни исходили, от человека, механических или электронных приборов, не могли выйти за пределы этого помещения.

Так как в комнате практически отсутствовал какой-либо акустический резонанс, все, что бы в ней ни произносилось, производило впечатление глухого, пустого и фальшивого. Мертвенного... Здесь даже речь матери Терезы показалась бы лживой. Раньше Данфи никогда не приходилось бывать в подобных помещениях, хотя он и слышал о них. В большинстве посольств есть по крайней мере одна такая. А в Москве их целых три. Ему рассказывали, к примеру, что в такой комнате невозможно играть на музыкальных инструментах. Струнный квартет из Джиллиард-скул^[7] попытался провести подобный эксперимент в Бюро стандартов. Уже через несколько секунд музыканты со смехом поняли, что вся их игра состоит из сплошных диссонансов.

Но Данфи было совсем не до смеха. Более того, ему сделалось почти дурно, когда, остановившись посреди «глухой» комнаты, он взглянул на парочку, которой предстояло его допрашивать.

Они сидели за длинным столом для переговоров и были удивительно... подозрительно похожи друг на друга. Невероятно высокие и столь же невероятно худые, они отличались одинаково нездоровым, сероватым цветом лица, словно долгое время провели под землей. У обоих одинаковая прическа — волосы зачесаны назад и очень коротко острижены по бокам. На обоих абсолютно черные костюмы, белые рубашки из полиэстера, черные туфли с дырочками и галстуки ленточкой с бирюзовыми боло.^[8] Перед каждым стоял каталожный ящик, забитый однотипными папками. Они напомнили Данфи какую-то злокачественно разросшуюся версию «Братьев Блюз».^[9] У Данфи все внутри сжалось, и он почувствовал, что едва держится на ногах.

— Мистер Данфи, — произнес один из них.

— Мистер Торнли, — сказал второй.

«Черт с ними со всеми, — подумал Данфи. — С меня хватило и того, и другого».

Эстергази и Райнгольд извлекли из своих дипломатов несколько предметов, аккуратно расположив их на столе: два блокнота с линованной бумагой, две шариковые ручки, пачку сигарет «Вирджиния слимз» и зажигалку. Каждый!..

На мгновение забыв о своем самочувствии, Данфи невольно улыбнулся при виде такой невероятной координации движений.

— У вас, ребята, чрезвычайно много общего, знаете?

Они уставились на него пустыми, ничего не выражающими глазами.

— Извините? — произнес тот, что постарше.

— Что вы имеете в виду? — спросил тот, что помоложе.

Казалось, они несколько озадачены, словно подобная мысль никогда не приходила им в голову.

Данфи начал было объяснять, но суровое и лишенное малейшего намека на чувство юмора выражение лиц этих господ заставило его замолчать.

— Да, в общем, не имеет значения, — сказал он.

Его раздражало также и то, что они не удосужились представиться, хотя по монограмме на запонках того, кто был помоложе, Данфи понял, что его зовут Райнгольд.

Он предположил, что им известно все... все о нем: кто он такой, под каким именем работал, да и все остальное. Информация о нем, должно быть, содержалась в тех папках, что сейчас лежали перед ними. Они должны были знать... А он не должен... Таковы правила.

Эстергази снял часы и положил перед собой на стол так, чтобы в ходе беседы постоянно следить за временем. Закончив с этим, он и его партнер закурили сигареты, задумчиво выдохнули по облачку табачного дыма и перевели взгляд на Данфи, как бы ожидая от него чего-то.

Данфи тяжело вздохнул. «Я, размышлял он, нахожусь в обществе...

Двух!

Немыслимых!

Козлов!»

— Давайте начнем с вашей вымышленной личности, мистер Данфи.

— С которой из них?

— С того ирландца. Вы можете нам в точности сказать, насколько провален мистер Торнли?

Данфи начал отвечать, и, говоря, он внимательно прислушивался к своему голосу, к звуку произносимых слов в этой странной комнате. Создавалось впечатление, что голос исходит из какой-то точки, которая находится за пределами его тела, а слова озвучиваются на расстоянии примерно двух дюймов от губ. С противоположного конца стола до него долетали вопросы, странным образом лишенные всякой интонации, любого личного отношения.

Ему казалось, что они плывут в каком-то невероятном информационном вальсе, от которого Данфи очень быстро устал.

— Итак, — продолжал «Твиддлдум», — ваша главная обязанность заключалась в осуществлении прикрытия коммерческих проектов...

— И банковских операций...

— ...за рубежом.

— Совершенно верно.

— И как вы это делали? — спросил «Твиддди».

— Ну, — задумчиво ответил Данфи, — ситуации бывали разные, но в основном я выбирал некое место в зависимости от потребностей клиента и затем...

— Что вы имеете в виду, говоря «выбирал место»?

— Место, где должна была состояться регистрация. Существует масса возможностей, и они все различны. Некоторые места более респектабельны, но и более дороги, чем другие.

— Например?

— Люксембург, Лихтенштейн, Швейцария.

— Они более респектабельны?

— Да, по сравнению с Панамой, Белизом и Вануату они значительно более респектабельны. Само название «Панама» отдает чем-то нехорошим. Стоит вам увидеть слово «Панама» на бланке, и в голову сразу приходит «картель» и все такое прочее...

— И что вы делали потом?..

— Я просто заполнял документы для создания новой компании, или, если клиент очень торопился или его не слишком заботило название, я просто пользовался тем, что уже имелось в моем распоряжении. — И прежде чем они успели задать ему очередной вопрос, он начал сам все объяснять: — Половину своего времени я тратил на составление документов по открытию корпораций, поэтому у меня всегда была пара дюжин, которые я мог запустить в любой момент. Таким образом, если клиент приходил прямо с улицы и ему нужно было что-то немедленно, я мог предоставить одну из них прямо, как говорится, не отходя от кассы.

— Но что он получал на самом деле?

Данфи вздохнул:

— Ну, в физическом смысле слова он получал большой конверт. Внутри конверта находились два экземпляра сообщения об открытии компании и два экземпляра ее устава. Плюс заявления об отставке директора-основателя и секретаря без даты...

— Каковыми являлись...

— Местные. Либерийцы, жители острова Мэн, кто угодно. Разные люди, предоставляющие свои имена за небольшую плату. Никакой реальной связи с фирмами они не имели. Это были просто имена. Ну и... Там были еще трансфертные бланки, сертификат, и все перечисленное, конечно, скреплено печатями, штампами и перевязано красными лентами. Как только счета по регистрации компании оплачены, компания считается действующей.

— И что происходило потом?

— Потом им нужен был банковский счет.

— И как он открывался?

— Они обычно давали мне депозит. И я открывал счет на имя компании. Главным образом я пользовался услугами «Мидлэнд бэнк» в Сент-Элье, на Нормандских островах.

— Значит, вы контролировали все счета?

Данфи рассмеялся:

— Несколько дней. Как только я высылал всю документацию клиенту, мое имя со счета убирали. Но это не имело практически никакого значения. Основная часть открывавшихся мной вкладов была на сумму, не превышавшую ста фунтов. Могу вас заверить, что никакого соблазна для меня они не представляли.

— Основная часть...

— Да, конечно, бывают и исключения. У меня была пара клиентов, для которых я делал большую работу, и они давали мне депозитные чеки на весьма приличные суммы. Но о них можно говорить только как об исключениях, да они и все обо мне знали, от них-то я бы не ускользнул ни при каких обстоятельствах.

— И кто же они такие?

— Например, вы. — Райнгольд и Эстергази удивленно переглянулись. — Я создал полдюжины компаний для Управления, и каждый раз депозиты были весьма и весьма приличные. Ну и как вы думаете? Мог я смотаться с деньгами?

— Но ведь точно такую же работу вы выполняли и для отдельных лиц? И для частных фирм.

— Конечно. И это было мое прикрытие. Англо-Ирландская открытая компания с ограниченной ответственностью по оказанию бизнес-услуг официально занималась

подобными делами.

— И естественно, сохранялась полная конфиденциальность?

— Предполагалось, что да, — ответил Данфи.

— Но... — не удовлетворился его ответом Эстергази.

— Меня, как вы понимаете, проверяло полдюжины разных служб. Косвенно, конечно.

— Какие?

— Администрация по контролю за применением законов о наркотиках, Внутренняя налоговая служба, таможенные службы... — Данфи сделал паузу, чтобы перевести дух, и продолжил: — Организации по контролю...

Эстергази махнул рукой, не дав ему закончить.

— И как вам удавалось выкручиваться?

— Я постоянно был начеку. Когда появлялось что-то из ряда вон выходящее, я должен был информировать свое местное руководство. А Джесси, мой непосредственный шеф, передавал информацию в соответствующую инстанцию. Или не передавал. Решение он принимал сам.

— Вы сказали, «из ряда вон выходящее». Что вы имели в виду?

Данфи задумался.

— Ну к примеру, если бы ко мне с улицы пришел Алан Гринспен, пожелавший открыть компанию на Джерси совместно с Саддамом Хусейном и с Московским народным банком в качестве официального посредника.

Райнгольд прищурился.

— Ну конечно, подобное было бы не просто «из ряда вон выходящим», как вы понимаете, — добавил Данфи.

— И что, нечто в этом роде действительно случилось? — Райнгольд, казалось, вот-вот поднимется в воздух.

Данфи отрицательно покачал головой:

— Нет. Я просто привел первый пришедший в голову пример. Чисто гипотетический. Я ни разу не сталкивался ни с чем до такой степени очевидным.

— Перед кем вы отчитывались в посольстве? — спросил Эстергази. — Кто давал вам поручения и осуществлял проверку?

— Джесси Карри.

— А другие наши подразделения были посвящены в характер вашей деятельности?

— Они меня вообще не знали, а если и знали, то считали меня иностранцем: ирландцем по прозвищу Весельчак Керри — вот и все. На практике им было известно только то, что время от времени Управление получает кое-какую интересную информацию от Англо-Ирландской открытой компании. И передает ее дальше.

— Предприятие было выгодным? — спросил Райнгольд.

— В каком смысле?

— Получала ли Англо-Ирландская компания какую-то финансовую прибыль?

— Только-только начинала, когда я вышел из игры.

Данфи вдруг очень захотелось кофе. И пара защитных очков ему не помешала бы. В помещении было душно и накурено, и в нем полностью отсутствовала вентиляция. У Данфи было такое ощущение, как будто его голову засунули в ядро положительно заряженного иона. Огромного, бежевого цвета...

— ...И для кого вы создавали все эти компании?..

— Для любого, кто готов был оплатить расходы. У меня были клиенты из Америки. Несколько мексиканцев, итальянцев. Пара турок, франколиванец. Один парень из Буэнос-Айреса создал тридцать пять фирм в восьми разных регионах. Один Бог знает, что у него было на уме. Оружие, кокаин или изумруды. А возможно, и то, и другое, и третье.

— А в Управление — а через него и в другие организации — вы направляли копии всей документации по открытию названных компаний?

— Да, а также банковские данные и все другое, что представляло хоть малейший интерес и что я почерпнул за обедом или за кружкой пива. Если же компания организовывалась с акциями на предъявителя, что, как правило, и происходило, и если я знал их владельца, чего, как правило, не было, то я, конечно, приобщал и эту информацию.

— Клиенты приходили к вам практически с улицы?

— В определенном смысле да. Слухи о компании распространялись быстро, ведь мои услуги оплачивались по минимуму. Кроме того, я не чурался рекламы.

— И где вы себя рекламировали?

— В «Гералд трибюн», в «Экономисте», в «Санди таймс». Во многих изданиях. Квитанции по оплате остались в офисе.

— Ладно, — сказал Эстергази. — Боюсь, содержимое вашего офиса более нам недоступно. Нам сообщили, что он находится под надзором столичной полиции. И подозреваю, что также и МИ-5.

— Понимаю.

Данфи ожидал чего-то подобного, но теперь, когда это стало фактом, ему сразу сделалось как-то не по себе. Более того, он почувствовал себя совсем плохо.

В одиннадцать блондинка внесла бутерброды и кофе, поморщившись при виде густых клубов сигаретного дыма.

— Сейчас мы ненадолго прервемся, — провозгласил Эстергази.

Данфи кивнул, благодарный ему хотя бы за кофе.

Он потянулся было за бутербродом с бастурмой, но на мясе был замечен лиловатый налет, от чего у него сразу же сжался желудок. Оттолкнув бутерброд, он неуклюже попытался завязать светскую беседу с Эстергази и Райнгольдом, заговорив о последних матчах. Они не проявили ни малейшего интереса.

— Я не слежу за спортивными новостями, — ответил Эстергази.

Райнгольд пожал плечами.

— Спорт — бессмысленная трата времени, — добавил Эстергази.

Райнгольд фыркнул. А может быть, Данфи просто показалось из-за странной акустики.

Когда все замолчали, Данфи заметил, что его собеседники вытащили из своих каталожных ящиков маленькие пластиковые мешочки и положили их на стол. В каждом мешочке содержалась по крайней мере дюжина каких-то таблеток и полдюжины капсул, которые они и разложили перед собой в виде некой фармакологической фаланги.

— Витамины, — заметил Эстергази.

— А это — нейтрализатор никотина, — объяснил Райнгольд, зажав толстую таблетку между большим и указательным пальцами.

Одну за другой они стали проглатывать таблетки, пилюли, капсулы и шарики, запивая их микроскопическими глотками кофе.

Затем, явно подкрепившись и отдохнув, они вернулись к главному предмету разговора.

Казалось, время остановилось.

— Можем ли мы быть уверены в том, что вы сделали все для сохранения конспирации, соблюдая все меры предосторожности?

Эстергази сделал паузу, перевернул страницу своего блокнота и взглянул Данфи в глаза.

— Несомненно.

— В документации, которая осталась в вашем офисе, нет информации, по которой можно было бы определить, что вы Джек Данфи и что вы как-то связаны с Управлением?

— Ничего. Вся документация, представленная там, велась на мое конспиративное имя.

— Телефонный счет или...

— Я никогда не звонил из офиса домой. И из квартиры тоже. Если мне необходимо было позвонить в Штаты — под именем Джека Данфи, — я пользовался платным телефоном. То же самое касается и разговоров с Карри.

— Вы пользовались компьютером?

— Да. Марки «Амстрад».

— Мне несколько неудобно задавать подобный вопрос, но вы, я надеюсь, ничего не оставили на жестком диске, никаких файлов, записок, сообщений?

— Ничего. Все на диске было зашифровано. И шифр был достаточно серьезный. Я пользовался стосорокабитовым алгоритмом...

— Системой PGP?

Данфи отрицательно покачал головой.

— RSA. И уходя, я все стер.

Райнгольд наклонился вперед, нахмурившись.

— Уезжая из Лондона, Джек, вы ничего не забирали с собой? Я хочу сказать, все осталось примерно в том виде, в каком оно было во времена работы компании?

Джек?

— Я взял с собой свой дипломат, — ответил Данфи. — Там моя адресная книга. На квартире у меня осталось много одежды...

— Группа по уборке поработала прошлым вечером у вас на квартире. Она идеально вычищена. Вся ваша одежда и личные вещи придут самое позднее в пятницу.

Данфи затаил дыхание.

— Нам необходимо быть уверенными в одном — что в Лондоне, будь то в вашем офисе или где бы то ни было еще, не осталось ничего, что могло бы как-то ассоциировать вас... гм... с вами. Никаких...

— Pas de cartes. Pas de photos. Pas de souvenirs. [\[10\]](#)

— И что это значит? — спросил Райнгольд, в его голосе чувствовались подозрительность и раздражение.

— Всего лишь поговорка. И означает она, что я ничего не оставил.

— Вы сказали, что стерли абсолютно все с жесткого диска на своем компьютере. Что могут найти люди из МИ-5, если просмотрят названный диск с помощью специальных утилит, имеющих в их распоряжении?

— Диск полностью отформатирован. Он представляет собой совершенную tabula rasa. [\[11\]](#)

— Данные можно получить и с отформатированного диска, даже если они зашифрованы, — возразил Эстергази. — Функция DOS всего лишь уничтожает адреса. А данные остаются на диске. И вы сможете получить их, если знаете как.

Данфи покачал головой.

— Я воспользовался низкоуровневым форматированием, а затем все перекрыл с помощью программы «DiskWipe». Это примерно то же самое, что провести по диску магнитом. Ничего не остается.

Впервые за несколько часов их беседы на лице Эстергази появилось искреннее восхищение.

— У него мозги абсолютно чистые, будьте уверены, — добавил Данфи.

Райнгольд улыбнулся.

— Почему Карри обратился к вам с просьбой организовать наблюдение за профессором Шидлофом?

— Этот вопрос вам лучше задать самому Карри.

— Но ведь подобные услуги не входили в вашу обычную сферу деятельности.

— Да, они не только не входили в мою обычную сферу деятельности, но я ничем подобным никогда до того не занимался. И я совершенно не разбирался в таких вещах.

— И поэтому вы наняли того человека?..

— Томми Дэвиса. Но я и прежде прибегал к его услугам.

— Каким образом?

— Использовал его в качестве курьера. У него хорошие связи в Бейруте, что для меня крайне важно, так как там у меня богатая клиентура. Томми очень мобилен. Он свободно ездил туда и обратно, даже в не слишком добрые старые времена. Без всяких проблем. Но что еще важнее, у него была репутация хорошего связного. И я мог ему доверять. И когда Карри поручил мне наблюдение, я сразу обратился к Томми.

— Он все еще в Лондоне?

Данфи пожал плечами, ему снова внезапно сделалось не по себе.

— Не думаю. Полагаю, что он уехал.

Райнгольд и Эстергази сверлили его взглядами, но Данфи остался непоколебим. Если работа в Управлении его чему-то и научила, то прежде всего умению сидеть тихо, а если это не удается, то:

Все отрицать.

Ничего не признавать.

Выдвигать ответные обвинения.

Наконец Эстергази прервал возникшую паузу:

— Так как очень важно, чтобы мы нашли его раньше столичной лондонской полиции.

Данфи кивнул.

— Понимаю, — сказал он.

Лоб Райнгольда покрылся множеством морщин, и он громко кашлянул.

— Видите ли, Джек, на телефоне профессора было обнаружено подслушивающее устройство.

— Я знаю, — ответил Данфи. — Джесси сообщил мне.

— И... ну, полиция полагает, что оно имеет определенное отношение к... гм... происшедшему.

— Понимаю.

— Что, конечно же, полный абсурд.

— Конечно.

Снова молчание. Райнгольд постучал концом карандаша по столу. Эстергази нахмурился, потушил сигарету и покачал головой.

— Мне казалось, что вы постараетесь нам помочь, — заметил он. — Так как для вас, откровенно говоря, это дело может стать довольно обременительным.

Данфи озадаченно взглянул на них.

— С точки зрения вашей карьеры.

— Я, собственно, ничего не мог сделать, — сказал Данфи. — И я ничего не могу сделать сейчас.

— И тем не менее...

— Что сделано, то сделано, — заметил Райнгольд. — Но вся проблема в том, что подслушивающее устройство на телефоне профессора Шидлофа выводит на мистера Дэвиса и через мистера Дэвиса на вас. Ну и так далее...

— И тому подобное...

— И так далее... И практически невозможно сказать, где эта цепочка заканчивается.

— Она ведь может довести и до самого верха, — добавил Эстергази.

Данфи кивнул, склонил голову набок, поднял и опустил брови. И только едва слышно пробормотал, как будто извиняясь:

— М-да... — А потом сказал: — Я, конечно, понимаю всю серьезность проблемы, но... но я просто не знаю, где находится Дэвис. Не знаю.

Эстергази нахмурился. Пожав плечами, он сменил тему:

— Расскажите нам о профессоре.

Данфи промычал что-то неопределенное.

— Почему он был под наблюдением?

Данфи покачал головой:

— Мне не объяснили.

— Но вы ведь прослушивали его телефонные разговоры. Вы должны были получить определенное представление о причинах прослушивания.

— Вовсе нет.

— Наверняка...

— Нет. Вы ошибаетесь, если полагаете, что я слушал его телефонные разговоры. Я только проверял пленки, чтобы убедиться, что на них имеется запись, а затем передавал их Карри. Из того, что мне говорили и что я почерпнул из прессы, бедняга преподавал в Кингз-колледже. Кажется, газеты писали, что он работал на психологическом факультете. Или что-то в этом роде.

Эстергази наклонился вперед.

— Расскажите нам все, что вы знаете.

— О чем?

— Об интересах профессора Шидлофа в психологии.

Данфи переводил взгляд с одного своего собеседника на другого. После долгой паузы он произнес:

— Откуда, черт побери, я могу знать о его интересах в психологии?

— Ну...

— Повторяю, я знаю об этом парне только то, что прочел о нем в газетах.

— Неужели в вас не пробуждал ни малейшего любопытства человек, за которым вы вели наблюдение?

— Любопытство? Относительно чего? Того, чем занимается преподаватель психологии? Сомневаюсь. Единственное, что могло пробудить во мне хоть какой-то интерес к нему, было то, как его искромсали.

— Искромсали? — переспросил Райнгольд.

— Да.

— Почему вы употребили это слово?

— А какое слово я должен был употребить?

— Ну к примеру, «убили».

— Потому что его не просто «убили». Его буквально разорвали на части. Руки, ноги... Его и кастрировали в придачу. Хотите услышать мое мнение? Полиции следует пройти по продовольственным магазинам и тщательно допросить рубщиков мяса в мясных отделах на предмет того, где они были прошлой ночью! Потому что его не просто убили. Его практически вскрыли живьем!

Собеседники Данфи нахмурились.

— Да, конечно... Уверен, все это было крайне неприятно, — пробормотал Райнгольд.

Эстергази отвернулся, и в комнате на какое-то время воцарилось молчание.

Наконец Данфи спросил:

— Ну и какая же связь?

— Связь?

— Между наблюдением и убийством?

— Нет никакой связи, — ответил Эстергази. — И почему вообще должна быть какая-то связь?

— В таком случае мы действительно имеем дело с очень странным совпадением. Да и кроме того, в наше время никто больше ничего серьезного по телефону не говорит! Прослушивание предназначалось, чтобы установить примерный распорядок дня этого субъекта. Держит ли он собаку или кошку? Если собаку, то когда выводит ее и куда ходит с ней гулять? Посещает ли он стоматолога? Или мануального терапевта? Есть ли у него любовница?

— Смею вас заверить, что вы избрали весьма непродуктивный способ ведения беседы, мистер Данфи, — мрачно заметил Райнгольд. Он выглядел несколько расстроенным.

Но Данфи уже невозможно было остановить, он говорил все быстрее и быстрее:

— Что он делает? Где он это делает? Когда делает? Так как — давайте все-таки посмотреть правде в глаза — где-то на линии кто-то нашел способ подцепить нашего профессора в самом центре Лондона и проделать с ним операцию — операцию в хирургическом смысле слова, — пока от него не остался один торс, который они бросили...

— Мистер Данфи...

— ...рядом с церковью, вы можете себе представить нечто подобное?..

— Джек...

— И что, я — подозреваемый?! Что значит не было никакой связи?!

Данфи злобно уставился на своих инквизиторов. Все трое молчали. Секунды текли невероятно медленно. Наконец Эстергази смущенно откашлялся.

— По правде говоря, — сказал он, — вы им не являетесь.

— Не являюсь кем?

— Подозреваемым.

— И почему вы так считаете? — спросил Данфи.

— До тех пор, пока не будет найден мистер Дэвис, вы не являетесь подозреваемым. Вы как бы... возможное звено в цепи.

— Именно поэтому нам так важно найти мистера Дэвиса, — объяснил Райнгольд.

— Совершенно верно, — добавил Эстергази. — Ведь ему может понадобиться наша помощь.

В комнате вдруг воцарилось тяжелое и страшное молчание. Никто из присутствующих даже не мигал.

Наконец Данфи поднял руки в жесте полной безнадежности, повернув их к ярким лампам под потолком.

— Извините, ребята. Я не знаю, где он.

Было уже семь часов вечера, и беседа все еще продолжалась, когда часы Райнгольда издали пронзительный чирикающий звук, напомнив хозяину, что его ждут в каком-то другом месте.

Собеседники Данфи отложили свои заметки, захлопнули дипломаты и поднялись.

— Полагаю, вам следовало бы подкрепиться в том отеле, в котором вы остановились, — сказал Райнгольд.

— Превосходная идея! — воскликнул Эстергази. — Закажите еду в номер! И отдохните получше!

— Мы вернемся к нашему разговору в восемь ноль-ноль, — добавил Райнгольд.

— Может быть, чуточку позже? — спросил Данфи. — Меня бы устроил полдень.

Эстергази и Райнгольд перевели на него ничего не выражающий взгляд своих тусклых глаз.

— Мне нужна одежда, — объяснил он. — Мне необходимо сменить носки. Магазины открываются только в десять.

То же непроницаемое выражение на лицах. Без тени улыбки.

Данфи тяжело вздохнул.

— Ладно. Никаких проблем. Я постираю их в чертовой ванне.

Именно так он и поступил. Купил бутылку «Вулита», вернулся к себе в номер и наполнил ванну водой. Раздевшись, встал на колени на пол ванной и, проклиная все на свете, выстирал рубашки, носки и нижнее белье. Затем вручную выжал постиранное и развесил его на стуле перед радиатором центрального отопления. Разделавшись с этим, заказал гамбургер в номер, уселся перед телевизором и стал смотреть какой-то фильм, да так с полотенцем на плечах и уснул через несколько минут.

Беседа возобновилась рано утром, и Данфи явился на нее в еще не высохшей после стирки рубашке. Разговор снова затянулся до сумерек, затем они сделали второй перерыв и продолжили во вторник, непрерывно возвращаясь к одним и тем же темам.

Допрос становился все более утомительным, досадным и в конце концов превратился в чистейшую формальность. За исключением местонахождения Томми Дэвиса, которое Данфи решил ни при каких обстоятельствах не выдавать, на все остальные вопросы он отвечал с предельной откровенностью, но ответы тем не менее его собеседников не удовлетворяли. Во вторник в полдень Эстергази наклонился вперед в своем кресле, изогнул брови и сказал:

— Кажется, дальше нам продвигаться некуда.

Райнгольд кивнул:

— Согласен. Мы действительно *finito*.

Одновременно они поднялись, отложили ручки и блокноты, спички и сигареты. Эстергази взял со стола часы и надел их на руку.

С чувством невероятного облегчения, что его мука наконец завершилась, Данфи с радостной улыбкой вскочил, оттолкнув кресло.

Райнгольд уставился на него своим непроницаемым взглядом, щелкая замками на дипломате.

— Куда это вы собрались? — спросил он.

Данфи сделал жест, означавший «На выход».

— Но вы еще не закончили, — заметил Райнгольд. — Закончили мы.

Прошел почти целый час, прежде чем открылась дверь и в комнату вошел хромой узкоглазый мужик с парой дипломатов разной величины и формы. Молча кивнув Данфи, он положил дипломаты на стол, снял ветровку и аккуратно повесил ее на спинку стула. Один из дипломатов был кожаный, изящный и гладкий. Второй — толстый, из какого-то сверхпрочного материала, шлакобетонного цвета.

С демонстративной церемонностью пришедший извлек из дорожной сумки пару зловещих предметов и положил их на стол перед Данфи. Первый из них представлял собой книгу в бумажной обложке с рисунком, как будто выполненным детской рукой. На нем была изображена промокшая блондинка в шортах и блузке на бретельках, на коленях моющая пол кухни, а в нескольких шагах от нее громадный датский дог, скалящий зубы. Данфи разглядел и название книги — «Лучший друг мужчины».

Второй артефакт представлял собой небольшую икону в позолоченном окладе, изображавшую Христа в терновом венце, с каплями крови на челе и глазах, устремленными к небу. Данфи посмотрел на книгу, потом перевел взгляд на икону и раздраженно фыркнул, предчувствуя какую-нибудь психологическую дешевку.

Хромой никак не отреагировал на его пренебрежительный возглас, открыл дипломат из сверхпрочного пластика и вытащил оттуда провод, подсоединенный к устройству, находящемуся внутри. Повернувшись к Данфи, он оперся на стол обеими руками, кивнул на икону и прошептал:

— Я знаю то, что ты сделал, и я знаю то, что ты знаешь. Солжешь мне, подонок, значит, солжешь и Ему. А теперь закатай рукав.

Весь остаток вторника и вся среда слились для Данфи в сплошной мутный поток вопросов, охватывавших его жизнь и карьеру. Конечно, в таких расспросах не было ни малейшего смысла. Подобно всем работникам Управления у Данфи был отличный навык работы с детектором лжи, позволявший ему если и не обмануть машину, то уж по крайней мере добиться путаницы в результатах. Если тест занимал много времени, как на этот раз, чтобы взять верх над устройством, требовалось сильнейшее напряжение, предельная концентрация в течение нескольких часов, что, естественно, изматывало. Сложно, но вполне выполнимо. Да к тому же игра стоит свеч, если есть что скрывать.

Главное, правильно воспользоваться интервалом между вопросом и ответом, интервалом, который оператор детектора намеренно затягивал, чтобы более точно измерить степень реакции. Чтобы обмануть машину, вам необходимо задать ложный нижний уровень для правдивых ответов. Это достигается относительно несложным маневром. Каждый искренний ответ должен даваться с определенной мерой психологического напряжения. Таким образом правдивые ответы делались практически неотличимы от лживых.

Вызвать в себе напряжение не так уж и сложно. Необходимо проделать какую-нибудь относительно простую математическую операцию: перед тем как совершенно искренне отвечать на очередной вопрос, нужно, к примеру, четырнадцать помножить на одиннадцать. А когда возникает необходимость солгать, нужно просто лгать не думая, и результаты получаются примерно одинаковые. И психолог, анализирующий данные с детектора, придет к выводу, что вы либо постоянно лгали, либо постоянно говорили правду.

— Сегодня среда? — спросил оператор, считывая вопрос с веера компьютерной распечатки.

Данфи задумался. Девятью шестнадцать равняется... Девяносто плюс пятьдесят четыре — 144.

— Да, — ответил он.

Оператор поставил галочку рядом с вопросом.

— Вы бывали в Лондоне?

Четырнадцать умножить на двенадцать будет... сто сорок плюс двадцать восемь: 168!

— Да.

Еще одна галочка.

Ну и так далее.

— Вам известен пароль «МК-ИМИДЖ»?

Двадцать семь помножить на восемь — 216.

— Нет, — ответил Данфи, заметив, что начинает считать быстрее. (Но что такое «МК-ИМИДЖ»?)

— Мистер Дэвис связывался с вами в день своего отъезда из Лондона?

Триста сорок один разделить на восемь равно... сорок два и... в голове было совершенно пусто. Сорок два плюс... плюс... Сорок два и какая-то мелочь...

— Да, — ответил он.

Галочка.

— И он сказал вам, куда направляется?

Данфи на мгновение отключился.

— Нет, — сказал он. И всего-то...

Еще одна галочка...

Через некоторое время его отпустили домой.

В тот вечер в номере отеля Данфи ожидали его старый паспорт, бумажник и одежда. Рядом с чемоданом в маленькой пластиковой упаковке он обнаружил свою зубную щетку, бритву, стопку старых квитанций, мелочь, которую он оставил на комод, щетку для волос «Мэйсон Пирсон» и разные другие мелочи. К чемодану была прикреплена черная бирка с надписью «Личное имущество», похожая на те, какие приклеивают в прачечной. При взгляде на нее у Данфи возникло странное и неприятное чувство дежа-вю. «Да, вот так оно и происходит, — подумал он, — когда вы умираете. Вашу зубную щетку и мелочь кладут в пластиковый мешочек и посылают ближайшим родственникам». Внезапно ощутив жуткую усталость, он сел на кровать, потом прилег на подушку и мгновенно отключился.

Наверное, часов через десять от глубокого сна его пробудила настойчивая телефонная трель. Голос на противоположном конце провода приказал ему немедленно явиться в Управление и «иметь при себе всю документацию».

Данфи сделал то, что ему было велено. Чернокожий офицер с проседью в волосах и с перечнем вещей, подлежащих возврату, попросил его сдать паспорт на имя Керри Торнли, ирландские права на вождение автомобиля и всю остальную «мелочь». Офицер выбрасывал все передаваемые ему вещи в красную металлическую корзину с надписью «Сжечь!» и вычеркивал из списка.

Впервые Данфи со всей очевидностью понял, что больше Управление его в Англию не пошлет.

В легком оцепенении от происшедшего он спустился на лифте в Отдел кадров, где ему пришлось просидеть около часа в холле для ожидания, выкрашенном в лимонно-желтый цвет, мусоля затрепанный номер «Экономиста». Наконец появилась маленькая седенькая дама в ситцевом платье, сообщившая ему, что на данный момент его рабочим кабинетом будет комната «В-209».

Данфи примерно знал расположение кабинетов в Центре, однако...

— Где это?

— Не могу вам точно сказать, — ответила дама, на лице ее читалось искреннее удивление. — Вам придется спросить у охраны.

Как оказалось, «В-209» находился в подвале северного здания в широком коридоре между двумя погрузочными платформами. Коридор здесь раздваивался, превращаясь в разновидность склада для нового компьютерного оборудования, канцелярских товаров и (как очень скоро понял Данфи) для отработанного человеческого материала Управления, а также военизированных частей при Зарубежном отделе Управления.

Вильчатые погрузчики с грохотом двигались по коридору от одной платформы к другой, сталкиваясь друг с другом и врезаясь в стены. Из-за постоянного шума люди здесь говорили громче, чем в других частях здания, и здесь постоянно шла некая специфически мужская игра (а скорее просто подростковое кривляние). Более того, Данфи померещилось, что в коридоре стоит густой дух тестостерона, словно аромат каких-нибудь полевых цветов на проселочных дорогах штата Мэн. Seriously думать над чем-то в таком месте невозможно, даже если бы и было над чем думать. Но думать было действительно не над чем. Его посадили на привязь.

Кабинет Данфи представлял собой кубическое помещение темно-желтого цвета с

хлипкими перегородками, выполнявшими роль раздвижных стен. Из обстановки там было вращающееся кресло бежевого цвета, вешалка для шляпы и белый облупившийся книжный шкаф. В углу, рядом с новенькой корзиной, на которой тоже имелась надпись «Сжечь!», стоял пустой шкаф для хранения документов. На полу разместился телефон и рядом какое-то издание «Тезауруса Роже». Однако в комнате не было ни ковра, ни даже — и это уже выходило за все допустимые рамки — стола. В его кабинете отсутствовал письменный стол!

Данфи поднял с пола телефон, чтобы дозвониться до администратора, однако не услышал привычных гудков. В предельном возмущении он выбежал из своего «куба» (так как называть данное помещение «кабинетом» было бы просто кощунством), бросился по направлению к Отделу кадров и... заблудился в лабиринте коридоров. Пережив унижение из-за необходимости спрашивать дорогу в собственном учреждении, он прибыл в Отдел кадров совсем «перегоревшим». И его возмущение окончательно испарилось, когда седенькая дамочка в ситцевом платье пожалала плечами и сказала:

— Ну потерпите немного. Они пока заняты распределением.

Данфи тем не менее экспроприировал телефон и, позвонив на коммутатор, попросил соединить его с руководителем своего подразделения Фредом Крисманом в Управлении планирования. Если кто-то и сможет ему все толком объяснить, так только Фред. Данфи в течение целого года передавал ему информацию через Джесси Карри.

— Извини, дружище, — ответил ему чей-то голос на противоположном конце провода. — Ты с ним немного разминулся. Фред с прошлой недели находится в командировке в Восточной Африке.

Данфи попытался позвонить еще по нескольким номерам, но всех тех, кто был ему нужен, не оказывалось на месте. Кто-то был на совещании, кто-то в отъезде, кто-то еще на каких-то практически непрерывных собраниях и заседаниях. В администрации ему сообщили, что «постараются как-нибудь решить его проблему», словно он находился в отеле, а не на работе, и пообещали перезвонить через несколько минут.

— И как вы собираетесь это сделать? — крикнул Данфи в трубку. — Я ведь вам только что сказал, что телефон в моем кабинете не работает!

Так началось то, что со временем стало его обычным стилем жизни здесь: бесконечный томительный дрейф от «кабинета» в Отдел кадров, из Отдела кадров в кафетерий и из кафетерия в спортзал. Через день он лазал по канату, занимался штангой и боксом. Прошла неделя. Затем вторая. И третья. Данфи набирался сил, привел себя в великолепную спортивную форму, но сам себе казался какой-то технократической версией безликого и безымянного «летучего голландца», блуждающего по бесконечным коридорам тайной бюрократии. В полдень он, как правило, заходил в библиотеку Управления, где мог получить прессу практически со всех концов земли. Устроившись в свое любимое кресло, он день за днем пролистывал британские газеты в поисках хоть какой-нибудь информации о профессоре Шидлофе. Но напрасно... Громкие заголовки, с которыми выходили газеты в первые дни после убийства, сменило гробовое молчание, и это вызвало у Данфи подозрение, что правительство Ее величества наложило негласный запрет на любую информацию по данному делу. У него все внутри переворачивалось от бессильной злобы и досады. Данфи чувствовал, что рано или поздно что-то должно произойти. Но когда? И где? И кто станет очередной жертвой?

Данфи утомил отель на Тайсонс-Корнер. Он скучал по своей квартире в Челси и по всем тем мелочам, которые на протяжении определенного времени и составляли для него то,

что обычно называется Жизнью. Больше всего он скучал по Клементине, но что он мог ей в самом деле сказать, кроме как: «Я нахожусь в бегах. Позвоню... До свидания»? Вряд ли это можно было считать надежным основанием для отношений. А мысль о том, что он может больше никогда не попасть в Англию и больше никогда не увидеть Клементину, просто ужасала Данфи.

Так же как, по сути, и послевоенное ЦРУ. «Холодная война» завершилась, и Управление плыло по течению, деморализованное добровольной капитуляцией противника. Все то, чем жило Управление на протяжении целых десятилетий, внезапно утратило всякий смысл. Цели его деятельности казались более чем туманными. В течение нескольких лет оно пыталось научиться обходиться без «равного противника», довольствуясь Норьегой и Хусейном и им подобными, а также какими-нибудь зомбированными террористами и колумбийскими гангстерами. А теперь зашевелился конгресс, возникли разговоры о необходимости сокращения разведки и «перераспределения ценных ресурсов». Среди самых дорогих из названных ресурсов были и агенты с неофициальным статусом, или «АНСы», подобные Данфи. Одного за другим их забирали и возвращали обратно в Штаты, замещая шпиками из Разведывательного отдела Пентагона. Впервые за все время существования ЦРУ над его бюджетом нависла серьезная угроза. И впервые в Лэнгли стало так неуютно.

Если и было где-то убежище от этого внутреннего недомогания, которое начало разъедать Управление, то это кафетерий. Он представлял собой грандиозное собрание людей, потерявших веру в себя, пьяниц, невротиков, пустозвонов, стукачей и других разновидностей «испорченного имущества» Управления, от которых оно (по самым разным причинам) не могло или не хотело избавляться.

Определенная часть такого «отработанного материала» слонялась там в любое время. У большей части тамошних обитателей не было вообще никакой работы, у некоторых, таких как Роско Уайт, ее просто было очень мало.

Случай с Уайтом был классическим. Выпускник факультета восточных языков Принстона с магистерским дипломом (Уайт свободно владел основным диалектом китайского, а также корейским), он поступил на работу в Управление в 1975 году. Уайта послали в Сеул под видом военного, и во время первой же командировки туда он был схвачен на демилитаризованной зоне. В течение примерно года ему пришлось пройти через множество мучительных и унижительных допросов и инсценировок казни, пока наконец его мучителям это не надоело. Уайта перевели в лагерь где-то далеко на севере и, как ему казалось, забыли. А в 1991 году, в самом конце «холодной войны», его вновь привезли в демилитаризованную зону и отпустили в том же самом месте, где шестнадцать лет назад арестовали. Трудно сказать, что означало его освобождение: политический жест или просто шутку, но Уайт чуть не свихнулся. Он стоял по колени в грязи, словно прикованный к тому месту, где когда-то, как он полагал, закончилась его жизнь, не в силах избавиться от мысли (или от надежды), что все предшествующие шестнадцать лет были лишь галлюцинацией. Наконец какой-то южнокорейский солдат в камуфляже схватил его за руку и вытащил из грязи, окончательно вернув Уайту свободу и безопасность.

Возвратившись в Америку, он обнаружил, что его уже десять лет как официально объявили погибшим.

До отставки по возрасту Уайту оставалось всего три года. До того времени он должен был исполнять обязанности офицера-связника между Оперативным управлением и Главным координатором по секретной информации. На практике в его обязанности входила отсылка

запросов «аналитикам» в Оперативном управлении по поводу возможности открывать ту или иную информацию. Данная работа занимала не более часа в день, а потом до самого окончания рабочего дня Уайт мог спокойно читать, сидя в кафетерии.

Конечно, это была чудовищная, бессмысленная трата исключительного таланта и знаний, которыми обладал Уайт, но ничего поделать было нельзя. После стольких лет прилежной и часто изнурительной учебы в лучших школах и университетах практически все годы профессиональной жизни Уайта были потрачены впустую. Теперь он сидел в кафетерии с рассеянной улыбкой на устах и читал «Трагическую историю доктора Фауста» Кристофера Марло.

Джек восхищался Роско.

— Я пытался наверстать упущенное, — как-то рассказал ему Уайт, — но слишком многое прошло мимо меня. Ну например, «гласность», Берлинская стена, СПИД и Интернет. Как в той знаменитой песне Билли Джоэла, вот только все перечисленные слова не имели для меня никакого смысла. До меня там доходили только отголоски. Но тефлон, сарановые покрытия, компакт-диски... Боже мой, ведь теперь это что-то значит! Как бы то ни было, я понял, что недостаточно просто прочитывать старые номера «Тайм». Я мог заучить наизусть всю статистику относительно любого игрока, когда-либо игравшего в бейсбол за высшую лигу, но ведь самого-то его на поле я все равно никогда не увижу. Другими словами, кто, черт побери, такой Кэл Рипкен и что случилось с Хуаном Писсарро? Так постепенно я пришел к выводу, — и Уайт показал на книгу, которую держал в руках, — что чтение сочинений по истории, классики, того, что находится вне времени, над временем, приносит необходимое успокоение. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Данфи кивнул. Именно потому, что в жизни Уайта было так много «белых пятен», даже самый будничней разговор с ним мог привести к невероятным открытиям. Данфи он очень нравился, и когда Роско Уайт спросил его, «не собирается ли он съехать из отеля и не подыскивает ли жилье», Данфи без колебаний ответил утвердительно.

— Да. А у вас что-то есть на примете?

— Ну, — ответил Роско, — если вы не против совместного проживания, у меня есть ферма и пять акров земли в Беллвью. Арендная плата не очень высокая. Ну как?

— В общем, положительно, — сказал Данфи, — но должен признаться, что я могу у вас не очень долго задержаться.

— Почему?

— У меня знакомая в Лондоне, и — только никому не говорите об этом — я подумываю об отставке. Кроме того, я далеко не самый большой аккуратист.

Роско усмехнулся:

— Именно поэтому я и держу уборщицу. Приходящую, конечно. Раз в неделю. Но без нее я бы не смог обойтись.

— Ну что ж, в таком случае... У вас будильник не слишком громкий?

Новое задание Данфи получил ровно через неделю после того, как он переехал к Роско Уайту, и оно его совсем не обрадовало. Он уже почти смирился с мыслью о невозможности возвращения в Лондон, но полагал, что такую же операцию с не меньшим успехом можно вести и в другом городе. В Женеве, к примеру, или, еще лучше, в Париже. Он позаимствовал у кого-то пишущую машинку и одну за другой направил несколько служебных записок по данному вопросу, однако не получил на них никакого ответа. В конце концов ему пришла краткая директива с требованием явиться на трехдневные подготовительные курсы для сотрудников отделов информации.

Данфи стоило только взглянуть на окружавших его слушателей курсов, дабы понять, что его ожидает безрадостное будущее. За исключением его самого, всем им было не меньше шестидесяти, и большинство уже было занято неполный рабочий день. Фактически все они находились на пенсии и были рады пополнить свой пенсионный бюджет определенной суммой, которую получали за ежедневное двухчасовое пребывание в Управлении. Их особенно не волновало и то, что их работа фактически не имела никакого смысла. Они только снова и снова повторяли: «Как чудесно опять оказаться в седле».

Со своей стороны Данфи уже был готов с седла слезть. Единственное, что его останавливало, было полное непонимание причин того, что с ним произошло. Управление явно хотело, чтобы он ушел, а он не понимал, почему. Но Данфи был уверен по крайней мере в одном: если он уйдет прямо сейчас, то уже никогда не узнает правды.

И потому, стиснув зубы, он решил остаться и слушать, как толстый офицер-информационщик разъясняет действие закона о свободе информации применительно к деятельности ЦРУ. Закон стал настоящей «занозой в заднице» для Управления, сказал инструктор, так как он дает любому человеку с улицы — «независимо от того, насколько лояльно он к нам настроен» — право запрашивать правительственные документы по всякому интересующему его вопросу. На практике это означало, что если такой запрос получен (Управление получало их более дюжины ежедневно), офицер связи (одним из них и был Роско Уайт) передавал его кому-то из «информационщиков». «Информационщик», получивший запрос, отправлялся в Центральный отдел регистрации, расположенный в здании «В», и находил требуемые документы. Затем документы копировались, и «информационщик» внимательно прочитывал их, отмечая фломастером те данные, которые закон запрещал обнародовать. К примеру, ту информацию, которая могла скомпрометировать разведку США и ее методы. В заключение отредактированные копии отсылались главному координатору Отдела информации, где специальный аналитик осуществлял итоговый просмотр. И только после этого документ выдавался по запросу.

Конечно, Управление было совсем не заинтересовано в разглашении большей части той информации, которой располагало. Как сказал инструктор: «Вы должны прежде всего запомнить, что мы работаем в Центральном разведывательном управлении, а не в Центральном информационном управлении». И разница была особенно ощутима в том, как обращались с запросами, делавшимися на основании Закона о свободе информации. При том, что закон требовал от Управления ответа на каждый запрос в течение десяти дней, законодательно невозможно было предусмотреть, сколько времени уйдет на то, чтобы найти документ, просмотреть его и затем предоставить тому человеку, от которого запрос исходил.

Это полностью зависело от того, какими человеческими ресурсами располагало ЦРУ для выполнения названных поручений.

Здесь инструктор широко улыбнулся:

— К сожалению, наши ресурсы очень и очень ограничены, так что я полагаю, вы можете сказать, что мы постоянно завалены работой.

— Каков объем невыполненных запросов? — спросил Данфи.

— По последней информации, — ответил инструктор, — у нас было около двадцати четырех тысяч запросов, находившихся на стадии выполнения.

— Значит, на запрос, поступивший сегодня...

— ...сбор материалов начнется примерно через девять лет. Как я сказал, мы не Информационное, а Разведывательное управление.

Идею подал ему Роско.

Они сидели «У О'Тула», в весьма непритязательном ирландском ночном баре, расположенном в торговом центре «Маклин» неподалеку от штаб-квартиры ЦРУ, и Роско с лукавой улыбкой на лице поинтересовался информационным запросом, который в тот день поручили Данфи.

— Какой из них вы имеете в виду? — рассеянно переспросил Данфи.

Он внимательно рассматривал фотографию, висевшую на стене среди множества других памятных мелочей, которые давно заросли толстым слоем пыли. Здесь был выцветший флаг ИРА, доска для игры в дартс с портретом Садама Хусейна, несколько открыток из Гаваны, подписанных «Фрэнк и Рут», японский ритуальный меч с чем-то похожим на засохшие пятна крови. Рядом с фотографиями Джорджа Буша, Уильяма Колби и Ричарда Хелмса в рамочках, на каждой из которых стоял соответствующий автограф, к стене были приклеены пожелтевшие газетные страницы с заголовками типа «Джон Фитцджеральд Кеннеди посылает военных советников во Вьетнам».

Фотография, привлекавшая внимание Данфи, изображала троих смеющихся мужчин на небольшой лужайке среди джунглей. На земле перед ними лежала голова азиата, и создавалось впечатление, что она только что отрублена. Однако присмотревшись, можно было понять, что человека просто закопали в землю стоя, и, хотя взгляд у него уже остекленел, он был еще жив. К фотографии была прикреплена отпечатанная на машинке подпись «25.12.66. Лаос. Счастливого Рождества!».

— Запрос о пломбировании корневых каналов зубов, — сказал Роско.

Данфи покачал головой, не отрывая взгляда от фотографии.

— Не помнишь? — спросил Роско.

— Что? — встрепенулся Данфи.

— Я спросил тебя об информационном запросе относительно пломбирования корневых каналов у курсантов военно-морской школы в Аннаполисе с 1979 года по сегодняшний день.

— Ах да, — ответил Данфи. — Я получил его сегодня. А с какой стати в Управлении должны быть какие-то документы по подобному вопросу? Что может быть на уме у того парня, которого заинтересовала такая проблема?

Роско пожал плечами:

— Вообще-то... Мне кажется, я знаю, что может быть у него на уме. Он один из наших самых активных клиентов.

— Ну и... Выдавай свою версию.

— Контроль сознания. Мистер Макуилли одержим этой идеей. Впрочем, как и многие другие.

Данфи склонил голову.

— Вероятно, я не очень внимательно слушал, но мне кажется, мы беседовали о стоматологии.

— В общем, да... в каком-то смысле. Он просит у нас разрешения на получение карточек стоматолога, но не объясняет, зачем они ему нужны, да и не обязан давать никаких объяснений. Он не обязан сообщать нам о своих подозрениях. Однако, проведя некоторое время за подобной работой и проанализировав бесконечное количество запросов, вы

неизбежно начнете понимать, что стоит за многими из них. Я пришел к выводу, что мистер Макуилли полагает, будто мы имплантируем миниатюрные радиопередатчики...

Данфи от неожиданности чуть не поперхнулся пивом.

— В коренные зубы курсантов?

— Именно, — кивнул Роско.

— Но зачем, ради всего святого?!

— Откуда мне знать? Возможно, с целью воздействия на подсознание. Или что-то в этом духе. Кто может сказать, какие подозрения роятся в голове Льюиса Макуилли? Я, конечно, нисколько не сомневаюсь в том, что он законченный шизофреник. Ты обратил внимание на обратный адрес на его письме?

— Нет, откровенно говоря, не прочел, — ответил Данфи.

— А я помню его прекрасно. Если он не переехал, то его адрес: Александрия, Парк-Форт-Уорд, Участок А, 86.

Данфи скорчил гримасу.

— Нужно бросать на хрен эту работу. Она, наверное, самая идиотская из всех, которые мне когда-либо поручали.

— Возможно, — согласился Роско. — А может, и нет.

— Уж поверь мне. Я не шучу. — Данфи помолчал. — Знаешь, почему я поступил на работу в Управление?

Роско кивнул:

— Из патриотических соображений.

Данфи усмехнулся:

— Нет, Роско. Вовсе не из патриотических. К патриотизму мой выбор не имел никакого отношения.

— И?

— Я поступил на работу в Управление, потому что в то время хотел стать историком. И тогда я сделал для себя одно открытие... собственно, я сделал его еще в колледже: в наше время больше невозможно быть историком.

Роско бросил на него удивленный взгляд.

— Откуда такой вывод?

— Историки, как известно, собирают факты и читают документы. Они проводят эмпирические исследования и анализируют собранную информацию. Затем публикуют результаты исследований. Это именуется научным методом, но в университетах ничем подобным уже нельзя заниматься.

— Почему же нельзя?

— Потому что структуралисты, или постструктуралисты, или постколониалисты, или как бы там они ни называли себя сейчас, считают, что реальность недоступна, факты не имеют никакого значения и познание невозможно. Подобный подход превращает историю в выдумку и низводит ее на уровень простого анализа текстов. А нам остаются только...

— Что? — спросил Роско.

— Гендерные исследования. Историко-культурные исследования. То, что я называю «научным туманом».

Роско встретился взглядом с барменом и указательным пальцем очертил в воздухе круг над бокалами.

— Итак... ты пришел в ЦРУ, потому что полагал, что гендерные исследования — это

«туман»? Я правильно тебя понял?

— Да, в основном... Я понял, что мне никогда не найти преподавательской работы, по крайней мере в хорошем университете, ведь практически везде всем заправляют постструктуралисты. Кроме того, я занимался современной военной историей, закончил аспирантуру в Висконсине. Вывод, который я там сделал, состоял в том, что очень многие из тех документов, которые, по идее, должны быть вполне открытыми, на самом деле совершенно недоступны для исследований.

— Почему?

— Потому что они засекречены. Как начинающий историк, я не получил к ним доступа. И это, конечно, выводило из себя... потому что создавалось впечатление, что мы живем не при демократии, а при какой-то криптократии.

На Роско его рассуждения явно произвели впечатление.

— Криптократия, — повторил он. — Неплохо. Мне нравится.

Данфи рассмеялся.

— Поэтому-то ты и пришел в Управление? — спросил Роско. — Сюда тебя привели постструктурализм и криптократия.

— Верно, — ответил Данфи. — Но есть и еще одна причина.

Роско скептически взглянул на него.

— И какая же?

— Я хотел интересной и яркой жизни.

Роско усмехнулся, и тут бармен принес им еще пару бокалов.

— Тот парень, о котором ты говорил, — сказал Данфи. — Как там его...

— Макуилли.

— Вот-вот. Мы говорили о Макуилли и имплантатах. Похоже на какую-то дурацкую рок-группу «Придурок и моляры». Но суть в том, что, как ни крути, я являюсь ассистентом этого парня в его научных исследованиях. И вот тут-то следует расставить все точки над *i*: теперь я выступаю в качестве ЛА для любого шизофреника, который только пожелает воспользоваться моими услугами.

— Что такое ЛА?

— Личный ассистент. Я сделался личным ассистентом для каждого шизофреника, у которого есть деньги на почтовую марку. И ведь знаешь, то, что происходит, совсем не случайность. Кто-то решил меня отсюда выкурить.

Роско кивнул и отхлебнул пива.

— Возможно, кто-то из постструктуралистов.

Данфи нахмурился.

— Я серьезно.

Роско усмехнулся.

— Понимаю.

— Да, и я еще кое-что вспомнил, — добавил Данфи. — Как я получил этот запрос?

— О чем ты? Ты получил его от меня. Распределение запросов входит в мои обязанности.

— Я знаю, но...

— Я офицер-связник. Распределение информационных запросов среди вас теперь моя главная миссия.

— Да я о другом. У меня возник вопрос, каким образом ты обработал данный запрос так

быстро? Насколько мне известно, существует девятилетний срок ожидания. Ты получил письмо Макуилли в среду и отослал мне его в тот же день. Как могло так получиться?

Роско хмыкнул.

— Мистер Макуилли всегда требует, чтобы его запросы рассматривались без проволочек. И если запрос достаточно идиотский, как, к примеру, тот, который ты получил сегодня, я с радостью ускорю его прохождение, поскольку, в случае если мы быстро отвечаем какому-либо из клиентов, это улучшает статистику в целом.

— И у тебя есть такая возможность?

— Какая?

— Ускорять прохождение запросов.

— Конечно. Если меня просят и если я считаю, что для подобной срочности есть основания.

Данфи задумчиво отхлебнул пива и замолчал. Спустя какое-то время он улыбнулся и повернулся к Роско:

— А ты не мог бы оказать мне одну услугу?..

— Какую?

— У тебя есть запрос от парня по имени... Не помню точно... Кажется, Эдди Пайпер! Да, Эдди Пайпер! Я хотел бы, чтобы ты ускорял прохождение всех запросов, которые получены от Эдди Пайпера. Хорошо?

Роско задумался.

— Хорошо.

— И пересылал их мне. Все запросы Эдди Пайпера должен анализировать я.

Роско кивнул и бросил на Данфи внимательный взгляд.

— Кто он такой, этот Эдди Пайпер? — спросил Роско.

Данфи покачал головой.

— Не знаю, — ответил он. — Я его придумал. Но мне важно твое согласие.

— Конечно. Почему бы и нет? Терять-то мне уже практически нечего.

Аренда почтового ящика под чужим именем оказалась делом более сложным, чем Данфи первоначально предполагал, но для выполнения задуманного им плана это было принципиально важно. Хотя ему по большому счету требовался всего лишь один документ, избежать переписки между Управлением и Эдвардом Пайпером было невозможно. По каждому информационному запросу обязательно отправлялось уведомление о получении. Кроме того, на любой отказ требовалось письменное объяснение или перечисление оснований для отказа. Все упомянутые бумаги пересылались по почте, и если бы они вернулись в Управление с пометкой «Адресат неизвестен», подобное, естественно, вызвало бы особый интерес Отдела по охране секретной информации. Неизбежно возникли бы вопросы.

Чтобы получить право на почтовый ящик, необходимо предъявить либо паспорт, либо водительские права. Даже частные компании требуют документ, удостоверяющий личность, чтобы «обезопасить себя», хотя и не уточняют, от чего конкретно. Данфи даже подумал, что создать корпорацию в Панаме или открыть банковский счет на острове Мэн было гораздо легче, чем завести свой ящик на корреспонденцию до востребования в обычном почтовом отделении.

Тем не менее, как и множество других проблем, эта тоже была вполне разрешима. Данфи напечатал выдуманный адрес на имя Эдварда А. Пайпера и прикрепил его на использованный конверт, закрыв наклейкой собственное имя и адрес. После чего отправился в Джорджтаун в копировальную фирму «Кинко», проехав по бульвару Джорджа Вашингтона по направлению к Ки-Бридж.

В Вашингтоне стоял один из тех редких чудесных дней, когда ветер дует с севера, а на Потомаке играет легкий бриз. Среди района, славившегося обилием роскошных бутиков, к небу возносились шпили Джорджтаунского университета. На реке проходила регата, мимо Данфи проносились лодки с восемью гребцами на каждой.

Гребцы напомнили ему его собственные дни в колледже, греблю на озере Мендота. Расчувствовавшись, Данфи начал напевать университетский спортивный гимн и тут же задумался, куда могла деться его фирменная куртка с логотипом факультетской команды. В «Кинко» он заплатил сорок пять долларов за пятьсот визитных карточек, на которых курсивом было выведено:

Э. А. Пайпер
Консультант

Держа в руке конверт с придуманным адресом и одну из визитных карточек, Данфи доехал до библиотеки графства Фэрфакс и, воспользовавшись конвертом, получил «удостоверение личности» в виде читательского билета.

К вечеру выдуманный им Эдди Пайпер уже являлся обладателем почтового ящика в районе Грейт-Фоллс.

Написать информационный запрос было совсем не сложно. К этому времени Данфи знал уже практически наизусть форму, по которой писались подобные запросы. Правда, он понимал, насколько неосторожно поступает, запрашивая свое собственное дело № 201, но

теперь уже ничто не могло его остановить — он должен был выяснить все подробности относительно покойного профессора Шидлофа. Только так можно найти разгадку своей нынешней опалы. Не раздумывая больше, Джек написал и отослал первый запрос в тот же день. Три дня спустя стараниями его нового друга и соседа по дому Р. Уайта он уже лежал на рабочем столе Данфи.

Сделав таким образом себя самого следователем по собственному делу, Данфи впервые за несколько месяцев ощутил настоящую радость. С письмом от Э. Пайпера в руках он вошел в лифт и спустился в Центральный архив Управления. Хотя он и не присвистывал при ходьбе и не подпрыгивал, на физиономии у него играла нахальная улыбка.

Прибыв в Архив, Данфи записался в журнал регистрации, поставив подпись с широким росчерком, и уселся за компьютер, чтобы получить необходимые номера папок. Хотя повседневная рабочая рутина Управления была практически полностью компьютеризована, большая часть оперативных дел, как и в прежние времена, сохранялась на бумажных носителях. Несмотря на то что несколько раз выдвигались довольно убедительные аргументы в пользу необходимости компьютеризации всех данных в системе Управления, Отдел безопасности накладывал вето на все предложения. Причина запрета была проста. Компьютеры Управления были надежно защищены от проникновения извне, а вот от проникновения изнутри такой же гарантии им дать не мог никто. Таким образом, было признано предпочтительным, чтобы оперативные дела велись, как и в прежние времена, на бумаге, хранились в специальных шкафах и в особых папках. Чтобы получить нужное дело, необходимо было вначале выяснить на компьютере соответствующие номера папок, затем передать их офицеру по поиску данных (по прозвищу Трутень), чья работа заключалась в том, чтобы отыскивать требуемые дела для сотрудников Информационного отдела. Несмотря на то что ни Трутень, ни информационщики не имели большого веса в ведомстве, тем не менее они были единственными сотрудниками ЦРУ, имевшими непосредственный доступ к компьютерам Центрального архива Управления и документам по оперативным делам, хранившимся в подземных склепах Управления.

Как офицер-информационщик, Данфи должен был иметь практически неограниченный доступ к информации и в результате обладал одним из самых высоких уровней допуска во всем Управлении. Парадоксальность ситуации состояла в том, что чем ниже он опускался по служебной лестнице, тем шире становился его доступ к информации. С тем уровнем допуска, которым он располагал, Данфи мог просматривать практически все дела в Управлении (с того момента как ему передавал их Трутень, они оказывались в полном его распоряжении).

Усевшись перед компьютерным терминалом, Данфи прижал большой палец правой руки к экрану монитора. Пока программа загружалась, компьютер осуществлял идентификацию отпечатка его пальца по базе данных Отдела безопасности. Прошло несколько секунд, и на экране появились слова:

ДЖОН ДАНФИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В AEGIS.
ЧТОБЫ ПРОДОЛЖИТЬ, НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «SEND».

Данфи нажал клавишу «SEND», и на экране высветилось меню.

ПРЕДМЕТ ЗАПРОСА?

Он задумался. Какие бы другие тайны ни были связаны со всем этим, одно представлялось ему совершенно определенным: его мир начал разваливаться с момента убийства Лео Шидлофа. Совершенно ясно, что подобное совпадение не могло быть случайным. Карри наорал на него и заставил сматываться. Таким образом, решение его проблем или по крайней мере их объяснение заключалось, как казалось Данфи, в ответе на один-единственный вопрос: «Кто убил Лео Шидлофа и почему?»

Рядом с заголовком «ПРЕДМЕТ ЗАПРОСА» Данфи впечатал:

/ШИДЛОФ, ЛЕО/ + ВСЕ X-ФАЙЛЫ/

И курсор замерцал...

К удивлению Данфи, дело оказалось очень маленьким. Папка была совсем тоненькой, и в ней не содержалось никаких секретных документов. Он нашел некролог из «Обсервера», несколько газетных вырезок с сообщениями об убийстве и старый потрепанный журнал — первый номер «Архея: обзора истории виноградарства и виноделия в Европе».

Данфи начал разочарованно листать журнал. Несмотря на то что, судя по названию, он был посвящен проблемам выращивания винограда винодельческих сортов, журнал изобиловал статьями и очерками на самые разные и подчас весьма неожиданные темы. Например, по церковной иконографии («Иоанн Павел II и Черная Богородица из Ченстохова»), общественному строительству («Возможности застройки Западного берега в Иерусалиме»), химии («Способы и методология „улучшения“ неблагородных металлов»). Весь этот тематический калейдоскоп был собран под одной журнальной обложкой. Равно как и эссе о раннем Средневековье, о так называемых Темных веках, в котором задавался странный вопрос: «Кто же погасил свет?» Вместо ответа давалась фотография папы и подпись: «Что пытается скрыть церковь?»

В другом месте Данфи отыскал страничку с причудливо иллюстрированными гороскопами, что окончательно укрепило его в подозрении, что редактор, когда собирал статьи для этого издания, был либо пьян, либо не в себе. Ведь Джеку удалось найти всего одну статью, имевшую хоть какое-то отношение к виноградарству — эссе «Вино Магдалины — древний напиток из Палестины». Автором статьи значился некий Жорж Уоткин. Сам Данфи проявлял исключительно практический интерес к винам, поэтому он отложил журнал в сторону и обратился к последнему документу в папке — учетной карточке размером пять на семь дюймов, на которой было напечатано следующее:

Это Программа особого доступа (ПОД), имеющая отношение к файлам «Андромеда». Ее содержание частично или полностью было передано в Особый архив «МК-ИМИДЖ» в страховую компанию «Монарх» (Альпенштрассе, 15, Цуг, Швейцария). (См. ссылки на обороте.) Относительно всех запросов по поводу данного дела сообщайте в Отдел изучения проблем безопасности при директоре (кабинет 404).

Данфи невольно задержался на карточке. Козлы, которые его допрашивали — Райнгольд и тот другой, — задавали ему вопрос о криптониме «МК-ИМИДЖ». И он сказал что никогда ничего о нем не слышал. Что было абсолютной правдой. До этого момента...

Никогда Данфи не слышал и об Отделе изучения проблем безопасности. Впрочем, отсутствие у него каких-либо сведений о подобном отделе было вполне естественно. Ведь в ЦРУ больше отделов и подразделений, чем в какой-либо другой правительственной организации. Их насчитывались мириады, и названия постоянно менялись. Гораздо больше, чем наличие подобного отдела, Данфи удивило то, что Управление хранит важные документы за границей и что обо всех запросах о них следует сообщать в специальный отдел. С точки зрения принципов деятельности контрразведки подобная практика просто непонятна. С точки зрения Данфи, сообщения в Отдел изучения проблем безопасности могли стать причиной весьма неприятных ситуаций. Что, если, занимаясь выяснением

какой-то волнующей его проблемы, он запросит серию файлов, помеченных как «Имеющие отношение к файлам „Андромеда“»? Что может за этим последовать? Мгновение Данфи размышлял над возникшим вопросом. Затем просто пожал плечами. Он покажет им запросы от Эдди Пайпера, и они поймут, что он только выполняет свою работу. Если им не понравится то, как он ее выполняет, пусть отсылают его обратно в Лондон.

Разделавшись с тем, что первоначально показалось ему довольно досадной проблемой, Данфи перевернул карточку.

ШИДЛОФ, ПРОФ. ЛЕО (Лондон)

X-файлы — Цуг

Гомелес (Семья)

Дагобер II

Даллес, Аллен

Данфи, Джек

Дэвис, Томас

Карри, Джесси

«Оптикал мэджик»

Паунд, Эзра

Сигизберт IV

Юнг, Карл

143-е хирургическое подразделение

Данфи внимательно рассматривал карточку, и его скорее напугало, чем польстило то, что он оказался зажатым между Алленом Даллесом и Томасом Дэвисом. Даллес был, конечно, легендой. Во время Первой мировой он прославился как шпион, а во время Второй — даже как супершпион. В обоих случаях он действовал в Швейцарии. После капитуляции гитлеровской Германии Даллес поддержал инициативу руководителя Бюро стратегических служб Билла Донована и президента Трумэна по созданию Центрального разведывательного управления, которое позднее и возглавил. Имя Томаса Дэвиса он только слышал, но не мог припомнить, в связи с чем.

Данфи просмотрел весь список имен. Он заканчивался Карлом Юнгом. О Юнге он знал немного больше, чем о Дэвисе, но гораздо меньше, чем о Даллесе. Швейцарский психиатр или психоаналитик. Писал что-то о коллективном бессознательном. (Но что точно, Данфи припомнить не мог.) И о каких-то архетипах. (О каких, он тоже не помнил.) И о мифах... И о летающих тарелках... Или нет, секундочку, может быть, обо всем этом писал не Карл Юнг, а Вильгельм Райх? Или Джозеф Кэмпбелл? Вспомнить точно Данфи не мог. Учась в колледже, он получил так много самых разнообразных, но весьма поверхностных сведений, что иногда ему казалось, что он знает понемногу обо всем, а другими словами, ничего ни о чем. Ладно, при первой же возможности посмотрит в энциклопедии.

Все совершенно определенно указывало в направлении Швейцарии. Судя по заголовку, «Архей» выходил в Цуге, каковой являлся также и местом расположения Особого архива. Вооружившись атласом, Данфи обнаружил, что городок находится на расстоянии примерно двадцати миль от Цюриха.

Вернувшись к папке, он просмотрел остаток списка. Кроме Дэвиса и Карри, единственным знакомым именем здесь было только имя Эзры Паунда. В последний раз он

читал что-то из Паунда, будучи на выпускном курсе университета, но хорошо помнил, что поэт всю войну провел в Италии, выступая в пропагандистских радиопрограммах в защиту Муссолини и фашистов. Когда война закончилась, его арестовали и возвратили в Штаты, где ожидалось, что он предстанет перед судом по обвинению в государственной измене. Но суд так и не состоялся. Вмешались влиятельные друзья, были проведены консультации с психиатрами, и Паунда объявили невменяемым. Вместо предполагавшегося повешения его поместили в психиатрическую лечебницу, и большую часть эпохи «холодной войны» Паунд провел неподалеку от того места, где сейчас сидел Данфи — там, за рекой, принимая гостей в отдельной комнате больницы Святой Елизаветы.

От Эзры Паунда Данфи перешел к другим именам. Сигизберт и Дагобер, по всей видимости, были какими-то историческими персонажами. Гомелес вообще ни с чем не ассоциировался. Также, как «Оптикал мэджик» и 143-е хирургическое подразделение. Ни о том, ни о другом Данфи никогда ничего не слышал. Однако поискать информацию было можно.

В целом, ознакомившись с папкой, Данфи испытал разочарование. Но тем не менее заинтересовался. При том, что содержимое дела — журнал и несколько газетных вырезок — было абсолютно невинным, любопытство Данфи подхлестнул тот факт, что Управление сочло необходимым упрятать его собственное личное дело в Швейцарии и в то же самое время определить его в сферу компетенции несколько загадочного Отдела изучения проблем безопасности.

Данфи подозвал одного из Трутней и постучал пальцем по карточке.

— Как мне следует поступить с этим? — спросил он.

Трутень бросил взгляд на карточку и пожал плечами.

— Нужно заполнить бланк, — сказал он. — Минутку подождите, я вам его принесу. А все дерьмо про «МК-ИМИДЖ» — ерунда. В папках нет ничего, кроме газетных вырезок поэтому вы можете копировать все, что угодно, и отсылать автору запроса без какой-либо редакции. Нельзя передавать только саму карточку со ссылками. На основании ограничения «B7-C».

Данфи кивнул.

— А вы с этим часто сталкиваетесь? — спросил он.

— С чем?

— С «МК-ИМИДЖ».

Трутень отрицательно покачал головой, прошел в другой конец помещения и вернулся с бланком.

— Я обрабатываю около трехсот пятидесяти запросов в неделю и последний раз видел подобную карточку месяца два назад. Так что сами судите.

Данфи взглянул на бланк, который ему вручили. В нем было всего несколько строк, и он их быстро заполнил.

Предмет запроса: Шидлоф, Лео

Источник запроса: Пайпер, Эдвард

Сотрудник отдела информации, ответственный за выполнение запроса:
Данфи, Джек

Дата: 23 февраля 1999 г.

Офицер-связник: Р. Уайт

Вернув бланк Трутню, Данфи подошел к одному из ксероксов и начал копировать материалы. И вот тут-то в ослепительном стробоскопическом озарении ему впервые пришла мысль: все то, что он делает, может быть крайне опасным.

Орлы на форме Мюррея Фримо величественно вздымались, когда он пожимал плечами, облокотившись о барную стойку в «Шератон премьер».

— Никакого 143-го хирургического подразделения не существует, — сказал он. — И никогда не существовало.

Данфи сделал глоток пива и вздохнул.

— Официально, — добавил полковник.

— А-а, — выдохнул Данфи и наклонился вперед. — Расскажи мне о нем.

— Это секретное подразделение. Располагалось в Нью-Мексико.

— А теперь?

— В одном безлюдном месте.

Данфи нахмурился:

— Звучит весьма расплывчато. Если бы я, к примеру, ехал на машине...

— Ближайший город — Лас-Вегас. Около двухсот миль к юго-западу. Практически в пустыне. Заросли полыни и пережаты-поле. Страшная дыра.

Данфи задумался.

— И чем они там занимаются?

Мюррей расхохотался.

— Трудноватый вопрос. Ну в общем, это вертолетное подразделение. Точнее и больше сказать не могу.

Данфи сделал глубокий вдох и еще больше подался вперед.

— Мы ведь друзья уже столько лет, Мюррей.

— Знаю.

Молчание.

— Мы вместе учились на втором курсе, — напомнил Данфи.

— Знаю, знаю.

— Для меня это очень важно. Почему ты не хочешь сказать?

— Потому что не могу... Не *не хочу*, а не могу. Я просто не знаю.

— Ну что ты мне дерьмо на уши вешаешь? Тебе подотчетны все секретные операции в Пентагоне!

— Я всего лишь бухгалтер...

— Ты проводишь аудит всей документации по операциям подобного рода!

— Но не по таким операциям!

— Почему?

— Потому что они подотчетны не нам, а Управлению.

Данфи не поверил.

— Хирургическое подразделение?

Мюррей пожал плечами.

— Да. Именно это я и пытаюсь тебе объяснить.

— Н-ну... и для чего Управлению понадобилось подобное подразделение? То есть я хочу сказать... — Данфи было даже трудно сформулировать вопрос. — Вообще, что такое хирургическое подразделение?

— Не знаю, — честно признался Мюррей. — Если хочешь, я могу, конечно,

поспрашивать, но, может быть, мне лучше сразу пустить себе пулю в лоб? Результат будет примерно такой же в любом случае, но второй вариант просто быстрее и безболезненнее. Да, кстати... что бы ты мне порекомендовал? Мы ведь старые друзья, Данфи.

Когда Данфи вернулся домой, часы пробили полночь.

— Знаешь, — крикнул Роско, — все это крайне интересно!

— Что интересно? — спросил Данфи, заглядывая в холодильник.

— Твой «Архей»...

— Ах да, журнал... — Данфи откупорил бутылку «Будвайзера» и захлопнул холодильник. — Я знал, что он тебя заинтересует. — Данфи прошел в гостиную, где Роско раскинулся в широком кресле с журналом на коленях. — Что-нибудь прояснилось?

— По поводу чего?

— Вина. — Данфи опустился на диван и сделал глоток из бутылки.

— Нет, — ответил Роско. — Здесь нет ничего о вине.

Данфи бросил на Роско озадаченный взгляд.

— Но на обложке сказано, что журнал посвящен проблемам виноделия. Винограду. Виноградарству. Там говорится о... Как оно называется?

— Вино Магдалины.

— Верно!

— Да, но на самом деле это имеет мало отношения к винограду и винам, — сказал Роско. — Вино присутствует только в названии. Статья на самом деле совсем о другом.

— О чем же?

— О генеалогии.

Второй информационный запрос Данфи, отправленный во вторник от имени Э. Пайпера, Роско препроводил ему в пятницу.

«Запрос, основанный на Законе о свободе информации, касающемся любой информации, которой вы можете располагать относительно 143-го хирургического подразделения...»

Трутень взял запрос, отправился в архив и через несколько минут вернулся с тонкой папкой и бланком, свидетельствующим о том, что запрашиваемая информация имеет отношение к файлам «Андромеда». Как и в прошлый раз Данфи пришлось ответить на несколько вопросов:

Предмет запроса: 143-е хирургическое подразделение

Сотрудник отдела информации, ответственный за выполнение запроса:
Данфи, Джек

Дата: 1 марта 1999 г.

Офицер-связник: Р. Уайт

После чего он вернул бланк Трутню.

В папке находились газетная вырезка и каталожная карточка размером пять на семь дюймов. Данфи взглянул на карточку и, как и предполагал, увидел то же самое

предупреждение, что и на карточке в папке с делом Шидлофа:

Это Программа особого доступа (ПОД), имеет отношение к файлам «Андромеда». Ее содержание частично или полностью было передано в Особый архив «МК-ИМИДЖ» в страховую компанию «Монарх» (Альпенштрассе, 15, Цуг, Швейцария). (См. ссылки на обороте.) Относительно всех запросов по поводу данного дела сообщайте в Отдел изучения проблем безопасности при директоре (кабинет 404).

На обратной стороне Данфи обнаружил следующие ссылки:

«Оптикал мэджик»

Перепись поголовья коров (Колорадо)

Перепись поголовья коров (Нью-Мексико)

Аллен Даллес

Карл Юнг

Собственно, ничего нового здесь не было, за исключением упоминания о переписи поголовья коров. Данфи это озадачило. С какой стати Управление вздумало считать коров? Он отложил карточку и обратился к газетной вырезке.

Перед ним лежала свадебная фотография, какие часто можно обнаружить в местных газетах. Фотография в папке была вырезана из «Розуэлл дейли рекорд» от 17 июня 1987 года. На ней улыбалась счастливая пара. Пара была самая обычная, за исключением, может быть, галстука-ленточки на женихе. Данфи внимательно всматривался в снимок. Что-то в облике жениха показалось ему знакомым. Данфи начал читать саму заметку:

Мистер и миссис Ульрик Варандж из Лос-Аламоса объявляют о бракосочетании своей дочери Изольды и мистера Майкла Райнгольда из Ноксвилла, Теннесси.

Мисс Варандж в 1985 г. закончила сестринскую школу при Университете штата Аризона.

Мистер Райнгольд с отличием закончил Университет Боба Джонса в 1984 г.

Невеста и жених являются гражданскими сотрудниками 143-го хирургического подразделения.

Медовый месяц они планируют провести в Швейцарии.

На третий информационный запрос Данфи по поводу «Оптикал мэджик» было получено обычное предупреждение, а также копия регистрационного документа фирмы. Кроме того, по какой-то ошибке в папке оказались и газетные вырезки с описаниями случаев появления НЛО в различных концах страны. Данфи просмотрел вырезки — некоторые из них были довольно старые, — но никакой существенной информации в них не обнаружил. Это были в основном официальные сообщения Ассошиэтед Пресс о подобных случаях, имевших место в Нью-Мексико, Вашингтоне, Мичигане и Флориде.

Обратившись к регистрационному документу, Данфи обнаружил, что «Оптикал мэджик» базировалась в Делавэре и была основана весной 1947 года. Президентом компании и ее официальным представителем значился Жан Де Мениль из Беллингэма, штат

Вашингтон. Остальная часть документа представляла собой перечисление обычных бюрократических формальностей.

В течение следующих нескольких недель «Эдвард Пайпер» отослал еще несколько информационных запросов по поводу Карла Юнга и переписи поголовья коров в Нью-Мексико и Колорадо. Эти запросы перемежались множеством различных запросов от других авторов: от жен, разыскивающих пропавших супругов (которые, по их подозрениям, были тайными агентами ЦРУ); от бесконечных неутомимых расследователей убийства Джона Кеннеди, ищущих свой «розеттский камень» среди событий на Дили-Плаза; от геологов, желающих получить снимки различных отдаленных уголков страны, сделанные со спутника; от историков, ищущих доказательств государственной измены среди высших чиновников; и невероятное количество запросов от людей, считающих себя жертвами «воздействия на сознание». Данфи передавал их все Трутню, который, казалось, не обратил никакого внимания на слишком большое число запросов информации, имеющей отношение к файлам «Андромеда», и делал все необходимые Данфи копии.

В целом получалось, что его небольшая секретная операция проходит вполне успешно. Однако полученный результат был минимален. Папка по Юнгу содержала только вырезки из газет, обычное предупреждение и ссылки, которые уже были знакомы Данфи. Такое же разочарование ожидало Данфи и при получении дела по переписи поголовья коров. В обеих папках лежали каталоги чикагской фирмы хирургических инструментов — еще одна странная ошибка, подумал Данфи, — уже ставшее привычным предупреждение и больше ничего. Все это страшно угнетало и раздражало.

Однако раздражение Данфи мгновенно превратилось в страх, когда, вернувшись в свой кабинет в коридоре «В», он обнаружил на своем столе записку.

Дж. Данфи, офицеру информационного отдела
ОТ: Отдел изучения проблем безопасности
СООБЩЕНИЕ: Явиться в кабинет 404.

Данфи протянул записку охраннику в черной форме, сидевшему за небольшим столом при входе в кабинет 404. Охранник занес имя Данфи в журнал, бросил записку в корзину с надписью «СЖЕЧЬ» и жестом указал ему на тяжелую деревянную дверь в конце маленькой прихожей.

— Мистер Матта ждет вас.

Стоило Данфи приблизиться к двери, как она с металлическим щелчком распахнулась, и он, к своему удивлению, обнаружил, что то, что поначалу показалось ему дубовыми панелями, на самом деле было сталью в три дюйма толщиной. Он вошел внутрь, и дверь захлопнулась за ним.

Мгновение ушло у Данфи на то, чтобы зрение немного привыкло к особому здешнему освещению, а когда это произошло, создалось впечатление, что он вошел в оживший каталог «Ральфа Лорана».^[12] Флуоресцентные лампы, которые были практически повсюду в Центральном помещении Управления, здесь заменили на торшеры с абажурами пергаментного цвета и обычные лампы накаливания. Стены помещения были отделаны белыми сосновыми панелями и уставлены стеллажами с книгами в кожаных переплетах. Неподалеку за каминной решеткой под резной деревянной полкой уютно колыхались язычки пламени, а на стене висела темная картина, писанная маслом и изображавшая двух

пастушков, в растерянности созерцающих некую гробницу. В дальнем углу комнаты на старинном резном письменном столе из дуба Данфи разглядел ручную печатную машинку «Ремингтон», которая сама давно уже стала антиквариатом. Паркетный пол устлали персидские и азербайджанские ковры, а воздух в комнате пропитался ароматом древесного дыма.

— Мистер Данфи.

От звука своего имени Данфи вздрогнул. Только теперь он заметил мужчину, стоящего у окна спиной к нему и созерцающего сельский пейзаж Виргинии.

— Присаживайтесь, — сказал человек у окна и, повернувшись, проследовал к письменному столу.

Данфи уселся в широкое кожаное кресло и скрестил ноги. Человек, сидевший напротив него, был уже очень немолод, сед и мрачен. Облик его был безупречен: костюм, как сразу же оценил Данфи, за тысячу долларов, туфли, выполненные на заказ. При этом он излучал властную уверенность в себе, идеальную, но холодную воспитанность, и чувствовалось, что за ним стоят многие поколения очень богатых предков. Впервые за все время своего пребывания здесь Данфи ощутил, что в комнате слишком жарко.

Человек за столом вяло улыбнулся:

— У нас серьезные проблемы, Джек.

— Мне очень жаль, мистер Матта.

— Зовите меня Гарольд.

— Хорошо... Гарольд.

— Как вы, наверное, догадались, я руковожу Отделом изучения проблем безопасности.

Данфи кивнул.

— Я рассчитываю на то, что мы сможем немного поболтать о мистере Пайпере. Эдварде Пайпере. Вам что-нибудь говорит это имя?

Данфи сжал губы, наморщил лоб и через несколько мгновений решительно покачал головой.

— Ничего, — сказал он.

— Ну что ж, позвольте мне вам напомнить. Я веду речь о человеке, сделавшем несколько информационных запросов.

Данфи кивнул и постарался сохранить непроницаемо-равнодушное выражение лица. Задача не из легких, так как сердце его бешено колотилось.

— Да, конечно. То есть... если вы уверены.

— Я абсолютно уверен.

Данфи снова наморщил лоб и пробурчал:

— Да, кажется, что-то такое мне попадалось.

— Вне всякого сомнения.

— И... что? Я сделал что-то не так? Выдал какую-то секретную информацию?

— О нет! Вовсе нет! Просто несколько газетных вырезок. Несколько журнальных статей. Абсолютно открытая информация.

Данфи почесал голову и улыбнулся:

— Тогда... в чем проблема?

— Видите ли, проблема заключается в том... точнее, я бы сказал, проблема начинается с того, что, по всей вероятности, мистера Пайпера просто не существует.

— О! — Данфи начал учащенно дышать, по мере того как молчание, воцарившееся

вдруг, становилось все более гнетущим. — Итак, вы полагаете...

— ...что он всего лишь выдумка.

— Ах вот оно что, — произнес Данфи. — Хотя, по правде сказать, я, конечно, понимаю, о чем вы говорите, но не вижу в этом никакой проблемы. Ведь, насколько я вас понял, суть в том, что я передал практически несуществующую информацию практически несуществующему субъекту.

Матта молча всматривался в Данфи, набивая трубку табаком и приминая его большим пальцем.

— Адрес мистера Пайпера — почтовый ящик в отделении связи в Грейт-Фоллс.

— Гм! — откликнулся Данфи.

— Но что еще более интересно, — добавил Матта, — и что *беспокоит* нас более всего — это то, что он никогда не забирает свою корреспонденцию.

Данфи нервно сглотнул.

— Шутите!

— Не шучу! Создается впечатление, что она его не интересуется. Что представляется весьма необычным. После написания многочисленных информационных запросов... Можно подумать... Кстати, что бы вы подумали, Джек?

— О чем? — переспросил Данфи.

— О причинах полнейшего отсутствия у мистера Пайпера интереса к результатам собственных запросов.

— Не знаю, — нерешительно произнес Данфи, ожидая какой-нибудь блестящей мысли. — Возможно, он умер! И кто-то воспользовался его именем!

Матта задумчиво посасывал трубку. Выдержав паузу, он произнес:

— В высшей степени глупая гипотеза, Джек. Она ничего не объясняет. Ведь вопрос остается: зачем кому-то делать информационные запросы, если его абсолютно не интересуется информация, которую мы ему предоставляем?

— Не знаю, — ответил Данфи. — Настоящая головоломка.

Его понемногу охватывала паника.

— По меньшей мере! Это по меньшей мере головоломка. А на самом деле нечто еще более любопытное.

— О! — воскликнул Данфи, и голос его прозвучал как-то неестественно громко и звонко.

— Да. И хотя вы, кажется, не помните, но на данный момент мистером Пайпером было сделано шесть информационных запросов, каждый из которых мог попасть к любому из одиннадцати офицеров-информационщиков, работающих в центре. Однако произошло невероятное! Все запросы до одного попали к вам! Ну-с, можете ли вы предложить какое-либо объяснение столь невысказанного совпадения?

— Не могу, — сказал Данфи.

— Я тоже, — промурлыкал Матта. — Как мне представляется, оно должно быть весьма и весьма фантастическим.

— Я полагаю...

— Как вы понимаете, вероятность подобного совпадения микроскопическая, — добавил Матта.

— Бесспорно, вы правы, но... Я даже не знаю, что и думать. Я вообще ничего не могу сказать относительно запросов, которые получаю. Их мне просто передают от... Я даже не

знаю, откуда мне их передают. Откуда-то *сверху*.

— О, на самом деле не с таких уж больших высот. Их вам передает мистер Уайт.

— Ах да, мистер Уайт.

— С которым вы, по столь же невероятному совпадению, живете в одном доме.

Впервые за все время Данфи заметил, что в противоположном конце комнаты тикают часы. И притом очень громко. Или ему просто так кажется в нарастающей тишине, как перед первым ударом грома во время грозы. Наконец Данфи воскликнул:

— Секундочку! Вы говорите о Роско?!

— Да, конечно.

— Так вот чем он занимается! — Данфи издал приглушенный смешок.

— М-м-м... вот чем он занимается? Вы хотите сказать, что никогда не обсуждали с мистером Уайтом мистера Пайпера?

— Нет. Конечно, нет. Мы не говорим о работе.

Матта промычал что-то и подался вперед.

— Похвально, Джек. Но знаете, что я вам скажу? Я вам не верю.

Данфи сжал зубы. Ему совсем не нравилось, когда его называли лжецом, и особенно когда это делали заслуженно.

— Мне очень жаль, — проговорил он.

Матта сунул руку в ящик стола и достал оттуда кожаную папку. Молча подвинул ее Джеку.

Данфи взял папку и открыл ее. Горсть глянцевых фотографий высыпалась ему на колени. Он глянул на них. На каждой стояла печать «МК-ИМИДЖ». Все они были пронумерованы, и все были совершенно одинаковые — изображение человеческих глаз крупным планом с наложенной на них линейкой, измеряющей расстояние между зрачками. Данфи нахмурился:

— Не понимаю.

— Вы успешно прошли тест на детекторе лжи, — сказал Матта.

— Хорошо.

— Так же, как и Олдрич Эймс.

Данфи растерянно промычал что-то при упоминании этого имени. Эймс отбывал пожизненный срок без права на помилование за шпионаж против ЦРУ. Он постучал пальцем по фотографиям и спросил:

— Что они означают?

— То, что вы провалили глазной тест.

— Какой такой глазной тест?

Данфи стал внимательно разглядывать фотографии. Постепенно до него дошло, что он смотрит на снимки собственных глаз, отчего у него по спине пробежал холодок ужаса.

— Мы не слишком полагаемся на результаты, полученные на детекторе лжи. Больше не полагаемся. Нас слишком часто вводили в заблуждение с их помощью. Измерение сетчатки гораздо надежнее. Намного надежнее.

Данфи пребывал в полной растерянности и скрывать этого не мог. Он покачал головой и пожал плечами.

— Вы хотите знать, где мы здесь обнаружили ложь, Джек?

Данфи кивнул. Едва заметно.

— Посмотрите номер тринадцатый.

Данфи положил перед собой фотографию с названным номером. Она практически ничем не отличалась от всех остальных. Вот только... да-да... глаза были немного больше: зрачки расширены.

— Переверните ее, — сказал Матта.

Данфи перевернул фотографию.

Слова испытуемого:

«К сожалению, мне неизвестно, где находится Дэвис».

Райнгольду, Эстергази.

Черт! Слово прозвучало у него в голове, подобно удару гонга, и мгновение Данфи казалось, что даже Матта его услышал. Но нет... старик продолжал неподвижно сидеть в своем кресле, только на щеке у него появилась морщинка, словно от какого-то спазма. Данфи снова перевернул снимок и еще раз взглянул в собственные глаза. Но где же располагалась камера? Внезапно он вспомнил: в бирюзовом боло на галстуке Эстергази.

— Ерунда какая-то, — сказал Данфи вслух. — Я никому не лгал.

Матта несколько мгновений задумчиво попыхивал трубкой, а затем наклонился вперед к Джеку:

— Думаю, Джек, вам нужно немного отдохнуть. Несколько выходных дней не помешают, ведь правда? И у нас будет время кое-что обдумать. — Когда Данфи начал было протестовать против такого неожиданного предложения, Матта отмахнулся от его возражений со словами: — Не беспокойтесь, много времени это не займет. Я воспользуюсь услугами своих лучших людей. Можете на меня положиться.

Данфи забрал почту в начале подъездной дорожки, припарковал машину и вошел в дом. Шутка была старой и вульгарной, но он не смог удержаться и крикнул:

— Вот я и дома, милая!

Роско сидел за столом в гостиной и читал «Архей». Он воспринял глупую выходку Данфи с натянутой улыбкой и проговорил:

— Меня отправляют в административный отпуск.

— Боже, — воскликнул Данфи, — значит, вот как они это называют! Меня тоже.

— Хочешь знать правду? — спросил Роско. — Магта меня до смерти напугал. Я уже подумываю об отставке.

— Но, Роско, из-за таких мелочей...

Роско усмехнулся.

— Послушай, дружище, мне действительно очень жаль, — пробормотал Данфи. — Я втянул тебя в эту историю. — Наступила долгая пауза. — Даже не знаю, что еще сказать. Моя вина.

Роско пожал плечами:

— Не расстраивайся. Если уж совсем начистоту, особой любви к нашей шпионской работе я не питаю.

Данфи покачал головой.

— Нет, я вполне серьезно говорю! Распределение информационных запросов между придурками из Управления... — Роско поморщился, заметив обиженный взгляд Данфи, но продолжил: — Ясно ведь, что присутствующих в виду не имеют! Не о такой работе я мечтал, когда пришел сюда. Она угнетает меня, вызывает депрессию. «Холодная война» закончилась. Врага больше нет. Мы должны торжествовать, но почему-то не торжествуем. Почему? Потому что капитуляция русских на самом деле оказалась элементарным предательством. И теперь, когда у нас нет врага — то бишь «симметричного врага», сравнимого по силам с нами или по крайней мере которого можно было бы рассматривать в качестве такового, — как нам оправдать грандиозные затраты на разведывательный бюджет? Борьбой с наркотрафиком? С терроризмом? Со средиземноморской фруктовой мушкой? Нет уж, увольте! Я выхожу из игры. — Роско замолчал и кивнул на газеты, которые Данфи держал в руке. — Есть что-нибудь для меня?

Данфи просмотрел почту и обнаружил большой конверт с портретом Эда Макмагона и громадной надписью: «МЫ СЧАСТЛИВЫ СООБЩИТЬ ВАМ, ЧТО РОСКО УА1 ВЫИГРАЛ 10 МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ!», за чем следовали слова, отпечатанные мелким шрифтом: «...если он заполнит прилагаемый бланк и предъявит выигрышный билет». Данфи бросил письмо Роско.

— Мои поздравления, — сказал он, опускаясь в кресло и просматривая оставшуюся корреспонденцию.

Большую ее часть составляли счета, но был там и один конверт, на котором не было марки, что означало, что его кто-то собственноручно опустил в их ящик. Адресован он был Данфи, и Джек вскрыл его.

Джек,

— говорилося в нем, —

следующую информацию ты получил не от меня, но я провел компьютерную проверку, и, кратко говоря, в файлах Пентагона имеется только одна открытая ссылка на «143-е». В ссылке говорится о пенсии по инвалидности для жителя Додж-Сити, штат Канзас, Джина Брейдинга, подцепившего болезнь Крейцфельда-Якоба (?), находясь на службе в 143-м сам знаешь чем. Если тебя все еще интересует упомянутый вопрос, ты можешь с ним связаться. Я проверил, его телефон есть в справочнике.

На записке, которая явно была от Мюррея, стояла подпись: «Омар, строитель шатров».

— Боже! — прошептал Данфи.

Роско поднял глаза от «Архея».

— Что случилось?

— Один парень заболел болезнью Крейцфельда-Якоба.

Роско нахмурился:

— Кто заболел? И что это за болезнь?

Первый вопрос Данфи пропустил мимо ушей. А на второй ответил:

— Что-то вроде коровьего бешенства. У людей она называется по-другому, но в Англии, где ситуация была особенно серьезной — там из-за нее потеряли сто тысяч животных, — именно так ее и называют. Или куру. В Новой Гвинее, где ею болеют каннибалы, ее называют куру.

— Да-а, — пробормотал Роско. — Нешуточное дело.

— У тебя есть монетки по двадцать пять центов? — спросил Данфи.

— Думаю... да. В комодке, где я храню мелочь. А сколько тебе нужно?

Данфи пожал плечами:

— Не знаю. Десять или двенадцать монеток. А сколько их у тебя?

Роско усмехнулся:

— Много. Но зачем они тебе?

— Мне нужно позвонить.

Роско пристально посмотрел на него.

— Для этого у нас есть специальный аппарат в прихожей с несколькими кнопками и длинным пластиковым проводом.

Данфи отрицательно покачал головой.

— Думаю, мне лучше отсюда не звонить, безопаснее будет воспользоваться общественным телефоном.

Брейдинг был не склонен делиться с Данфи.

— Я не могу обсуждать такие вопросы, — сказал он. — Вся информация подобного рода засекречена.

— Ладно, — откликнулся Данфи. — В таком случае я запишу ваши слова в свой отчет, и на этом все закончится.

— Что вы имеете в виду, говоря, что *всезакончится?* *Чтозакончится?*

Данфи громко вздохнул.

— Ну, надеюсь, не ваша пенсия.

— Моя пенсия?

— Или медицинская помощь, но...

— Что?

— Послушайте, мистер Брейдинг, Юджин, вы же знаете, что такое Вашингтон. Финансовая инспекция везде подозревает обман. Их трудно винить, такова их работа. Они делают случайную выборку пенсий и пособий, не только назначаемых Пентагоном, но любой организацией, и проверяют правомерность их назначения. Ежегодно. Проверке подвергается, наверное, только один человек из двух тысяч. А цель ее состоит в том, чтобы установить, не выписывает ли правительство чеки давно умершему пенсионеру. Как бы то ни было, ваше имя выдал компьютер...

Брейдинг в отчаянии застонал.

— Я вижу, вы поняли суть проблемы. У ревизора сложилось впечатление, что армия выплачивает пенсию по инвалидности человеку без реального стажа военной службы, заявляющему, что он получил ранение, находясь в подразделении, которое не проходит ни по каким документам. Поэтому и возникает подозрение в подлоге, что очень плохо как для вас, так и для нас. Так как, насколько я понимаю, ни вы, ни мы не заинтересованы в особой огласке.

— Но неужели вы не можете объяснить им?..

— Мы не имеем права ничего им объяснять... Мы можем только обсуждать с ними отдельные обстоятельства. Но прежде чем я займусь этим... мне необходимо получить некоторые данные относительно вашего заболевания и...

— Так где вы, по вашим словам, работаете?

— В Отделе изучения проблем безопасности.

Брейдинг издал хриплый стон в трубку.

— Вы прекрасно знаете, что мы не имеем права обсуждать подобные вопросы по обычному телефону. Они нас обоих кремируют.

— Конечно, — подтвердил Данфи. — Мне просто было необходимо с вами связаться. И если вы не слишком заняты, я мог прилететь к вам завтра и...

— Да-да, завтра вполне подойдет. Давайте разберемся с этой проблемой раз и навсегда.

Данфи вылетел в Канзас на следующий день, взял напрокат автомобиль и во второй половине дня отправился на встречу с Брейдингом. Тот жил в анклав кондоминиумов рядом с полем для гольфа на восемнадцать лунок — травяным оазисом, отделявшим анклав от супермаркета.

Юджин Брейдинг оказался худощавым болезненного вида мужчиной на седьмом десятке. Он подъехал к двери в инвалидной коляске. Ноги у него были закутаны пледом. Вместо приветствия Брейдинг произнес:

— Могу я посмотреть ваше удостоверение?

Данфи извлек из нагрудного кармана куртки удостоверение в черной обложке и раскрыл его. Брейдинг бросил взгляд на ламинированного орла, прищурившись, прочел имя и, явно удовлетворившись увиденным, жестом предложил гостю пройти в гостиную.

— Хотите лимонаду? — спросил он и покатил свое кресло в сторону кухни.

— Не откажусь, — ответил Данфи и огляделся по сторонам. — Лимонад — самое то.

Его взгляд упал на открытку в позолоченной рамке, висящую на стене рядом с небольшой книжной полкой. Это было изображение церковной статуи Мадонны в

золоченом одеянии, стоящей посреди черной мраморной часовни и взирающей прямо в объектив камеры. Окруженная имитацией молний и облаков, возвышаясь над охапками гвоздик у подножия, сама Мадонна почему-то тоже была черного цвета. Угольно-черного цвета... Внизу можно было разобрать надпись:

La Vierge Noire
Protectrice de la ville^[13]

На фотографии стояла приписка от руки:

«Айнзидельн, Швейцария, июнь 1987».

Странно, подумал Данфи. Но и только... Открытка для него ничего не значила, поэтому он перевел взгляд на другие предметы, заполнявшие комнату. На стене также висела картина Кина, изображавшая в его обычном духе волоокую малышку со слезинкой, катящейся из глаза. Чуть дальше он разглядел нечто более удивительное: квадратную черную ткань, свисавшую со стены подобно шторе и скрывавшую что-то такое, что Данфи тут же захотелось увидеть.

— Я его делаю сам, — сказал Брейдинг, въезжая в комнату со стаканом лимонада. — Только из натуральных ингредиентов.

— Не шутите? — Данфи взял стакан и сделал глоток. Мгновение он молчал, смакуя напиток. — Вот это вещь!

— Я с друзьями. — Брейдинг кивнул на выцветший снимок в золотой рамке. На фотографии были запечатлены четверо мужчин в черных спортивных костюмах посреди пшеничного поля. Они стояли, положив руки друг другу на плечи, и улыбались в камеру. Данфи сразу понял, что один из них — Брейдинг, а еще один — Райнгольд. На фотографии стояла надпись: «Люди в черном. Ха-ха-ха!!!»

Брейдинг с улыбкой взглянул на фотографию:

— Наша шутка.

Данфи кивнул, сделав вид, что ему все понятно.

— Я вижу, вы с Майком вместе работали?

Брейдинг усмехнулся. Он явно был приятно удивлен.

— Да! А вы что, тоже знаете Майка?

— Майка все знают.

— Держу пари, так оно и есть. Отличный парень!

Данфи и Брейдинг некоторое время молча смотрели на фотографию, идиотски улыбаясь. Первым нарушил молчание Брейдинг:

— Итак, чем я могу вам быть полезен?

Данфи вынул блокнот и поудобнее устроился в широком кресле.

— Вы можете рассказать мне о 143-м?

Брейдинг нахмурился:

— Ну, я полагаю... Я хочу сказать, что раз вы знакомы с Майком... — Он покачал головой. — Извините, но я должен все-таки задать вам один вопрос: насколько высок уровень вашего допуска?

Данфи кашлянул.

— Обычный. Уровень «Q», который я получил...

— Уровня «Q» недостаточно. Мы говорим о предмете высочайшей степени секретности.

— Кроме того, я прошел через «Андромеду».

Брейдинг пробормотал что-то, но было видно, что он вполне удовлетворен.

— Ах, «Андромеда»... Я тоже имел с ней дело. Ну конечно, если вы работаете на Отдел изучения проблем безопасности, то неизбежно должны быть с ней связаны. Но вы понимаете, я не мог не спросить вас.

Данфи кивнул:

— Да, конечно.

— Как бы то ни было, — продолжал Брейдинг, — я служил в 143-м, кажется, в течение двадцати четырех лет. Начинал в Розуэлле. Но тогда это было еще не 143-е, а одно из тех безымянных подразделений, которые входили в состав 509-й.

— 509-й?

Брейдинг нахмурился:

— 509-й Объединенной авиационной группировки. Вы что, историю не изучали?

— Конечно, изучал, — ответил Данфи, успокаивая старика обворожительной улыбкой.

— Именно они и сбросили атомную бомбу на япошек, — объяснил Брейдинг, а затем, подмигнув, добавил: — Но и не только...

Данфи показалось, что от него ждут понимающей улыбки, и он немедленно продемонстрировал свою догадливость.

— О... я знаю, да... — улыбнулся он.

— Да, я служил в ней... дай Бог памяти... Должно быть, двенадцать лет.

— И когда вы начали службу?

— В шестидесятом. И наверное, до семьдесят второго. И вот тогда-то мы и получили новое наименование. 143-е.

Данфи кивнул.

— А вы что, ничего не будете записывать?

— Конечно, буду, — ответил Данфи и сделал запись в блокноте.

— Именно тогда и появилось 143-е. В том же году, когда случился «Уотергейт». Так что нетрудно запомнить.

— Конечно.

— Понятно, что таким подразделением нельзя руководить из Розуэлла, ведь это все-таки город. И там люди живут!

Данфи кивнул и сделал вид, что ему все понятно.

— И...

— Поэтому нас разместили в Дримлэнде.

Данфи бросил на собеседника непонимающий взгляд.

— Вы не знаете Дримлэнд?

— Нет.

— Гм! А я думал, все знают о Дримлэнде. Он ведь был в «60 минутах»!

— Видите ли... я очень редко смотрю телевизор.

— Так ведь его не только по телевизору показывали. Теперь, я думаю, о нем даже книги есть. Как бы то ни было, Дримлэнд расположен в Неллис-Рейндж в ста двадцати милях к северо-западу от Лас-Вегаса. Долина Эмигрантов. Там у них примерно сто тысяч акров...

— У них?

— У Дяди Сэма. Три или четыре ангара и полдюжины взлетно-посадочных полос.

— Вы там жили?

— Там никто не «живет» в прямом смысле слова. На самом деле это антенное хозяйство с «гремучими змеями» и всякими разными самолетами, конечно. Мы большей частью жили в Вегасе, а туда летали на службу.

— Там есть регулярное воздушное сообщение?

— В мое время из аэропорта Маккаррана осуществлялось по полудюжине рейсов в день, думаю, и сейчас тоже. Перелет занимает около получаса. Полеты выполнялись на самолетах компании «Локхид». Забыл их точное название. Ну в общем, 767-й черного цвета с красной линией по фюзеляжу.

— И сколько людей летало каждый день?

— Наверное, что-то около тысячи. Туда и сюда.

— И они все служили в 143-м?

— Нет, нет, нет. Ни в коем случае. В мое время нас было, наверное, десятеро, самая верхушка.

— А остальные?..

Брейдинг отмахнулся.

— Проверки, тренировки... Эскадрон быстрого реагирования... «МиГ-23» и «Су-22» Ближе к Грум-лейк. И я полагаю, что они нашли замену «Черному дрозду»...

— Неужели?

— О да! Я слышал, что это разведывательный реактивный самолет «Тир-III», который в шесть раз превышает скорость звука.

— Ого! — воскликнул Данфи.

— Вот так-то. Такие дела производили очень сильное впечатление и к тому же служили хорошим прикрытием для того, чем мы там занимались. Хотя если уж хотите знать всю правду до конца, те вертолеты, которые мы производили, были гораздо более продвинутыми, чем их самолеты.

Данфи заморгал, не зная, правильно ли он понял последние слова своего собеседника. Ему хотелось попросить Брейдинга повторить то, что он сказал по поводу прикрытия. Но вместо этого он спросил:

— Какие вертолеты?

Глаза Брейдинга засверкали гордостью.

— «М-Джей-12»! Самые лучшие в мире! Речь идет о вертолете со спаренной турбиной, с наклонным несущим винтом и с самым совершенным в мире авиационным электронным оборудованием огибания рельефа местности и предупреждения столкновений. Сверхсовременная машина с мощнейшим бортовым компьютером. На наших вертолетах можно было летать низко и медленно. Абсолютно революционная разработка! И вот что самое главное, самое революционное — вертолет не издавал практически никакого шума. Ну, поднимал небольшой ветерок, иногда что-то сдувал. И только.

Вероятно, на лице у Данфи появилось скептическое выражение, потому что речь Брейдинга зазвучала еще более взволнованно:

— Я не преувеличиваю, так оно и было. Они были абсолютно бесшумные.

— Боже!

— Аллилуйя!

Восклицание Брейдинга удивило Данфи, однако он продолжил расспросы:

— Значит, вы пробыли в Дримлэнде до...

— ...семьдесят девятого.

— Когда вы ушли в отставку?

— Нет, — поправил его Брейдинг. — В отставку я ушел только в восемьдесят четвертом. К тому времени в Дримлэнде многое изменилось.

— Что вы имеете в виду?

— Многое стало выходить наружу. Да и нельзя при таком количестве людей, летающих каждый день из Вегаса и в Вегас, сохранить полную секретность. Конечно, кто-то начал распускать слухи.

— Поэтому вас и перевели?

— В общем, да.

— И куда?

— На базу Вака. — Заметив, что название ничего не говорит Данфи, он решил пояснить: — Это висячий каньон в горах Сотуз. В Айдахо. Добраться туда и оттуда можно было только на вертолете. Вот уж действительно тихое местечко.

— Не сомневаюсь.

Брейдинг, прищурившись, взглянул на Данфи.

— Кажется, вас интересовала моя болезнь.

— Да, конечно, — согласился Данфи.

— Даже и не знаю, что вам сказать. Сейчас у меня стадия ремиссии, но... понимаете, вылечиться-то от нее все равно невозможно. У меня болезнь Крейцфельда-Якоба, слышали когда-нибудь?

— Слышал, — ответил Данфи. — Это... э-э... «коровье бешенство».

Брейдинг удивленно взглянул на него.

— Я жил в Англии, — пояснил Данфи.

— Ах да, конечно, там ситуация очень серьезная. Для Англии такая болезнь не в новинку.

— Как же вы...

— ...заболел? — Брейдинг взмахнул руками. — Подцепил ее во время переписи, естественно.

— Переписи... — повторил Данфи.

— Переписи поголовья коров. О чем, по-вашему, мы беседуем? И как вы думаете, чем я занимался? — Наверное, вид у Данфи был совсем растерянный, так как Брейдинг явно забеспокоился. — Вы утверждаете, что имеете допуск уровня «Андромеда», и в то же время ничего не слышали о переписи поголовья коров?

Данфи сделал все возможное, чтобы казаться невозмутимым, но внутри весь сжался. Несколько мгновений он молчал, а затем, наклонившись к собеседнику, произнес:

— В здании много разных комнат, мистер Брейдинг. — Он произнес эту фразу почти шепотом, из-за чего банальность прозвучала как предупреждение.

Данфи казалось, что он слышит, как в голове Брейдинга заработали «винтики». «Что могут означать его слова?» «В здании много... чего?» Наконец старик пробурчал:

— Ну, как бы то ни было... так вот... наверное, вы знаете... мы отправлялись по ночам... ну, за коровами. На ранчо.

— Вы отправлялись за коровами...

— Убивали их. На каждом отдельном ранчо не так уж и много, конечно. И каждую ночь не так уж много. Но нескольких убивали.

Данфи был потрясен.

— Нескольких, — повторил он. — И скольких же?

— Дайте подумать. Начиная с семьдесят второго... думаю, мы уничтожили примерно пару тысяч. В газетах говорилось, что в четыре или в пять раз больше, но... ведь стоит только начать, и у вас найдется масса раздражителей. Как только что-то подобное закручивается, оно начинает жить собственной жизнью. Откровенно говоря, в том-то была и суть, по крайней мере как я понимал основную идею замысла: чтобы оно начало жить собственной жизнью.

— Пару тысяч, — повторил Данфи.

— И несколько лошадей.

Данфи кивнул.

— И лошадей тоже.

— По правде говоря, — сказал Брейдинг, — одно из первых животных, которого мы убили, была лошадь. Содрали кожу и мясо от шеи и выше. Сколько шума было в газетах. Кличка у нее была Придира. Вы, наверное, читали. Повсюду на первых полосах. Бедняга.

Данфи покачал головой и задумался. Вот что имеется в виду, когда говорят о «когнитивном диссонансе». И вот что имеют в виду некоторые, когда говорят: «Сидит как контуженый».

— Ее можно и сейчас увидеть, — добавил Брейдинг.

— Кого?

— Придиру! Ее скелет стоит в музее. В музее Лютера Бина. В Аламосе.

Данфи снова заморгал.

— Но...

— Ну конечно, вначале мы кололи им транквилизаторы.

Данфи покачал головой:

— Но... зачем?

— Зачем? Вы что, не понимаете, как им было больно?

— Нет, я не...

— А зачем... ну понятно... из-за органов. По крайней мере считалось, что из-за органов.

— *Каких* органов?

Брейдинг захихикал. Нервно...

— В основном гениталий. Языков. Ануса. У нас был один из первых портативных лазеров... портативных, конечно, сильно сказано, величиной он был с твой холодильник, но с его помощью мы могли вырезать анус у коровы за тридцать секунд. На месте удаления оставался идеальной формы кружочек. Теперь я, конечно, должен признать, что по краям раны спекался гемоглобин, но во всем остальном круг был идеальный. Совершенный.

Данфи внезапно почувствовал, что ладони у него стали влажными, а в комнате почему-то вдруг сделалось нестерпимо душно. Вспомнилось тело Лео Шидлофа, и он не знал, что сказать. Впрочем, это уже не имело значения. Брейдинг завелся, и теперь его трудно было остановить.

— Главная цель, само собой, состояла в том, чтобы произвести впечатление. Фермер выходит в поле. И что он видит? Свою любимую буренку на земле, практически вывернутую

наизнанку. Не осталось ничего, ни ребер, ни тканей, ни внутренних органов, только шкура и череп, и останки ее лежат на снегу, словно стопка грязного белья. И нигде ни капли крови и никаких следов. — Брейдинг даже улыбнулся при воспоминании. — Уж поверьте мне, такая картина потрясла бы любого, кто к ней не был готов.

— Но как вы... — пробормотал Данфи и осекся.

— Могли не оставить следов? Ну в общем, все зависело от времени года. Если было холодно и на земле лежал снег, мы просто приземлялись и делали то, что от нас требовалось. Выполнив задание, поднимались в воздух и устраивали небольшой снегопад, примерно так, как это делают на лыжных курортах. У нас имелся большой резервуар с водой, напорные шланги ну и все остальное, что необходимо. Таким образом мы заметали следы. А если погода была сухая, мы просто поднимали корову на лебедке, делали с ней то, что требовалось, а затем сбрасывали на расстоянии полумили от того места, где ее подобрали. И тоже не оставляли никаких следов.

Данфи очень медленно, с трудом выговорил свой следующий вопрос:

— А фермеры? Что они должны были подумать?

Брейдинг пожал плечами:

— О, я не знаю. Разное. Ходили слухи о сатанистских сектах... о пришельцах... НЛО. По сути, они думали то, что хотел им вложить в мозги «Оптикал мэджик».

— «Оптикал мэджик»?

— О, эти ребята — вариант «секретной шарашки». Только не самолеты, а спецэффекты. Были способны у вас в голове все вверх дном перевернуть!

— Неплохо...

— Я не шучу! У них есть такие технологии... специальное освещение... прожектора... голограммы... Вы не отличили бы то, что они делают, от настоящего волшебства. Признаться, я иногда думаю, кое-что из того, чем они занимаются, на самом деле и есть волшебство!

— Не шутите?

— Клянусь! Эти ребята способны заставить вас поверить во что угодно!

— Неужели? И во что? Приведите какой-нибудь пример.

Ни мгновения не раздумывая, Брейдинг выдал:

— Пасипарана.

— Что за...

— Паранб! Дерьмовая маленькая деревушка в западной Рондонии. По крайней мере раньше такой была.

— А где расположена Рондония?

— В Бразилии, — ответил Брейдинг. — У них там есть один грибок. Что-то вроде галлюциногена. Он растет только там, ну и Управлению он срочно понадобился. А местные сказали: «Нет!» Племя индейцев. Священная земля. И прочее такое же дерьмо.

— И что?

— Мы послали туда проповедника-пятидесятника, который сказал им: «Ииииисусссс говорит вам, что вы должны уйти».

— И они ушли?

— Конечно, нет. Они ж тогда не были христианами. Они еще были дикарями.

— И что произошло?

— «Оптикал мэджик» открывает там свое дело, и не успели мы оглянуться, как

индейцы уже молятся сорокафутовой ПДМ...

— ПДМ?

— Пресвятой Деве Марии. Ну естественно, речь идет о голограмме. Примерно, как я сказал, в сорок футов высотой, висит в воздухе над деревней три ночи подряд. И луна прямо у нее над плечом! Вид такой красоты, что от слез не удержаться! Все в голубом свете и...

— Значит, индейцы ушли?

— Они не просто ушли, они уползли оттуда на коленях. И возможно, все еще ползут.

— «Оптикал мэджик», — пробормотал Данфи.

— Верно. И Меджугордже — тоже их рук дело. Розуэлл. Трмонтон. Галф-Бриз. Все великие дела!

Данфи затряс головой, словно пытаюсь поставить на место мозги.

— Понимаю, — сказал Брейдинг. — Звучит дико. Конечно, и они не во всем идеальны. Но в нашем мире вообще нет ничего идеального. — Он помедлил мгновение. — Хотите кое-что посмотреть?

Данфи пожал плечами, он пребывал в полной растерянности.

— Конечно.

Брейдинг усмехнулся:

— Сейчас вернусь. — Он выкатился на своем кресле из комнаты, явно предвкушая что-то. Минуту спустя Брейдинг вернулся с видеокассетой на коленях. Подъехав к телевизору, вложил кассету в видеомэгнитофон и нажал несколько кнопок. — Посмотрите-ка.

Вначале замерцала тестовая картинка, и начался отсчет от десяти до нуля. Внезапно на экране появился зернистый черно-белый кадр с человеком в скафандре космонавта. Ах нет... все-таки нет... Не в скафандре. Это хирург или кто-то, похожий на хирурга в спецодежде, склонившийся над операционным столом.

— Что он делает? — спросил Данфи.

Брейдинг в ответ только покачал головой:

— Смотрите, смотрите.

Джек понял, что съемка старая, наверное, материал перенесен с восьмимиллиметровой пленки на видео. Было видно, как дрожит камера, которую оператор явно держал в руках. Изображение на экране то расплывалось, то становилось более отчетливым по мере того, как снимавший двигался по комнате, пытаюсь отыскать место, удобное для крупного плана, и лучший угол обзора. Когда наконец ему это удалось, Данфи ахнул.

— Что, черт возьми, там происходит?

— Не ругайтесь, — сказал Брейдинг, и Данфи, услышав слова старика, подумал, что вернулся в свои школьные годы, в те времена, когда в последний раз слышал подобное замечание.

Он уставился на телеэкран. На операционном столе находилось нечто обнаженное и по виду не совсем человеческое. Или, точнее, оно в основном напоминало человека, но страшно изуродованного. Чем бы это ни было, оно было мертво. Парень в спецодежде проводил вскрытие.

Данфи сделал глубокий вдох. Существо, лежавшее на столе, было совершенно бесполом или по крайней мере казалось таким. У него было две ноги и две руки; правая нога была сильно искалечена в области колена. Данфи обратил внимание, что кисть левой руки отсутствовала, словно ее оторвало во время какой-то катастрофы, зато на правой руке было не пять, а шесть пальцев. Переведя взгляд на лицо существа, он заметил, что уши у него

слишком маленькие, а глаза, черные и бездонные, невероятно большие. Рот был размером с отверстие, пробитое пулей, и столь же идеально круглый. Губ вообще не было.

Очень медленно камера приблизилась к рукам хирурга, сосредоточившись на том, как он извлекает из груди существа серую массу и кладет ее на поднос из нержавеющей стали. Данфи не представлял, что это за масса. Какой-то орган? Но какой? Не имеет значения. Он обнаружил нечто еще более интересное.

— А где его пупок? — спросил Данфи. Брейдинг покачал головой, подобные вопросы его раздражали. — У него нет пупка, — повторил Данфи. — И сосков.

Брейдинг равнодушно кивнул, а затем ткнул пальцем в сторону телеэкрана.

— Вот, — проговорил он странно взволнованным голосом, — видели?

Он направил пульт дистанционного управления на телевизор и остановил кадр.

Данфи пребывал в полной растерянности.

— Видел что?

— Что? Черт побери! Что здесь не так?

Данфи не понимал, о чем он говорит.

— Что здесь не так? Здесь все не так. У парня отсутствует пупок. У него нет сосков. На руке у него шесть пальцев...

Брейдинг рассмеялся.

— Нет, нет, нет. Я не об этом. Тут все нормально. — Он снова ткнул пальцем в телевизор. — Я о телефонном проводе там, в глубине. Посмотрите внимательнее.

Данфи посмотрел на телефонный провод. В глубине над подносом с хирургическими инструментами действительно висел настенный телефон.

— Ну и что?

Брейдинг захихикал.

— А то, что «АТ и Т» не делала витых телефонных проводов до начала пятидесятых. А сюжет, который вы смотрите, предположительно снят в сорок седьмом. Это означает, что весь отснятый здесь материал пришлось выбросить. А ведь его съемка стоила больше миллиона. И все из-за какого-то телефонного провода! Ну как вам?

Брейдинг расхохотался, и Данфи услышал собственное ответное хмыканье.

— А как вы ее заполучили?

Брейдинг пожал плечами:

— Между нами? — Данфи кивнул. — Один из ребят мне ее прислал.

— Из «Оптикал мэдджик»?

Брейдинг кивнул:

— Вот тебе и промашка! Многим головы поносили! И очень важные головы притом! Вашингтонские головы, я вам скажу. И я вам объясню почему. Вы представляете, насколько тяжело найти пленку «Кодак» в рабочем состоянии, которая могла быть использована в сорок седьмом году?

— Не представляю, — ответил Данфи.

— Очень тяжело. По меньшей мере. — Брейдинг выключил телевизор и посмотрел на Данфи. — О чем это мы говорили?

Даже Данфи не сразу вспомнил. Наконец до него дошло:

— О Придире. То есть о коровах.

— Верно! И я хотел сказать, что единственное, чему не поверил никто, была официальная версия событий.

Данфи на мгновение растерялся. У него возникли затруднения из-за столь быстрого перехода от изуродованных коров к мистификации со вскрытием, а затем снова к изуродованным коровам.

— Какая официальная версия? — спросил он. — Версия чего?

— Версия происшедшего, — ответил Брейдинг. — Ведь хищники в естественной среде так себя не ведут. Кроме того, кто-то увидел вертолет, и это тоже попало в газеты.

Данфи на мгновение задумался, а затем спросил:

— А что вы делали с органами?

— Забирали их. У нас были ассистенты с хирургической подготовкой. Не врачи в прямом смысле слова, а скорее ветеринары или студенты-медики. Наверное, все-таки студенты-ветеринары.

— И что с ними потом происходило?

— С кем?

— С органами.

— Ну, я ведь вам сказал, дело совсем не в органах. Они были просто побочным продуктом нашей операции, неизбежными потерями, как и сами коровы. Впрочем, если вам так уж хочется знать, мы их сжигали.

— Значит, их никто не изучал и не...

— Нет, — решительно ответил Брейдинг. — Конечно, нет. Их никто не изучал. Мы просто забирали чертовы органы и сжигали их... — Брейдинг помолчал. — Только...

— Только что?

— Раза два мы извлекали кое-какие внутренности и готовили их.

— Кое-какие внутренности?

— Ну, мозги. Собственно, вилочковую железу. Знаете, я ведь неплохой повар.

Данфи кивнул.

— Считается, что таким образом я и заполучил свою болезнь. Ведь мозги — главный переносчик инфекции.

Джек кивнул. Он сидел молча, ручка застыла над блокнотом. Он не знал, что ему записывать. Наконец он отложил ручку, закрыл блокнот и сказал:

— Я все равно не понимаю.

— Чего не понимаете?

— Цели всего этого.

Брейдинг воздел руки, изображая полную неспособность помочь Данфи.

— Откуда мне знать? Единственное, что я могу сказать, — цель, как мне представляется, заключалась в том, чтобы произвести впечатление. Заставить людей задуматься. Обсуждать случившееся. Даже напугать их, возможно. Ну и она была достигнута, и весьма успешно, иначе я бы не занимался такими делами на протяжении двадцати лет. Не знаю, следили ли вы за тогдашними событиями, но об изуродованных животных писали довольно долго и много и шумно спорили.

Данфи вздохнул:

— И все? Задание заключалось только в этом?

— В мое время — да. Позже, к концу моей карьеры, мы начали делать... не знаю, как вы их там называете — узоры на пшеничных полях.

— Какие узоры?

— Геометрические. Несколько кругов. А потом кое-что более прихотливое. В

Управлении их называли «агриглифами». К тому времени я был уже плох. Мне пришлось уйти. Но главный принцип сохранялся. Мы нигде не оставляли никаких следов.

Некоторое время Данфи сидел молча. Его ум напоминал компас, в котором стрелка, постоянно указывавшая на северный полюс, вдруг решительно повернулась к южному. Наконец он встал.

— Ну что ж, — сказал он, — лимонад был действительно великолепен.

— Спасибо.

— Думаю, никаких проблем с пенсией не будет.

— Хорошо. А я-то уже начал беспокоиться.

— Вы ведь понимаете...

— Служба обязывает.

— Совершенно верно. Утром я позвоню в Центральную финансовую инспекцию и все улажу. Думаю, что им не будет нужды связываться с вами.

— Великолепно.

— Но...

— Что?

Данфи кивнул в сторону черной ткани.

— Вы не возражаете, если я...

Брейдинг хотел было возразить, но затем передумал и просто пожал плечами:

— Собственно, почему бы и нет? Валяйте.

Данфи подошел к ткани и поднял ее.

— Все это засекречено, — сказал Брейдинг, подъезжая к нему в своем кресле. — Пурпурное Сердце^[14] — за мою болезнь. Там внизу надпись, можете прочитать. А медаль от разведки, чисто профессиональная награда. И...

— Извините, но я должен посмотреть.

Брейдинг растерянно взглянул на него.

— Но зачем? В чем дело?

— Вы не можете это хранить, — сказал Данфи.

— Что значит — не могу?! — воскликнул Брейдинг. — Свои медали?!

— Я не о медалях говорю. С ними все в порядке. Я говорю вот об этом!

Данфи снял со стены небольшую рамочку, и черная ткань упала на медали. В рамочке находилось ламинированное удостоверение два с половиной на четыре дюйма вместе с цепочкой для ношения на шее. В верхнем левом углу удостоверения имелась расплывчатая голограмма, а в нижнем правом — отпечаток пальца. В центре располагалась фотография Брейдинга, а под ней подпись:

МК-ИМИДЖ

Программа особого доступа

Ю. Брейдинг

«Андромеда»

— Извините, — сказал Данфи, — но...

— О черт!

— Мне придется забрать удостоверение в Вашингтон.

Брейдинг весь сжался.

— Это ведь просто сувенир!

— Понимаю, — вздохнул Данфи, в его голосе звучало искреннее сочувствие и сожаление. — Но... в том-то все и дело. Мы не можем допустить, чтобы подобные «сувениры» развешивались по стенам частных домов. Только подумайте!.. А если бы вас ограбили? Если бы он попал не в те руки?

Брейдинг засопел.

Данфи положил пропуск и рамку в дипломат и захлопнул его.

— Ну что ж, — сказал он, изображая на лице полнейшее удовлетворение встречей, — спасибо за лимонад. — Он похлопал Брейдинга по плечу. — Думаю, мне время уходить.

Оба улыбнулись, но, когда Данфи направился к двери, лицо Брейдинга вдруг сделалось серьезным и строгим. Он сказал:

— Разве мы не должны вначале помолиться?

Данфи подумал, будто он снова что-то не так понял.

— Что?

— Я спросил, не хотите ли вы вначале помолиться?

Данфи обернулся и какое-то время смотрел на старика в надежде, что тот вот-вот рассмеется своей шутке. Старик молчал, и Данфи пожал плечами:

— Нет... спасибо. Я тороплюсь на самолет.

На лице Брейдинга было заметно разочарование... и не только разочарование. Что-то еще: удивление, а возможно, и подозрение. Что-то в этом роде.

Настроение Данфи изменялось почти по той же траектории, по которой следовал его «727-й». Он круто взмыл при старте («Оптикал мэджик»! Бим-бам-бум!), занял эшелон где-то над Индианой (К концу моей карьеры мы начали делать эти узоры...) и при подлете к Вашингтону пошел на снижение (...и Меджугордже тоже их рук дело). К моменту приземления Данфи пребывал в предельно мрачном расположении духа.

«Такой белиберды я никогда в жизни не слышал», — думал он. (Тремонтон. Галф-Бриз. Все большие дела.) И он попался на подобную удочку! Сидел в канзасской глубинке, слушал Брейдинга и верил каждому слову старика. Теперь же, выходя из аэропорта, Данфи смеялся над собственной доверчивостью: Мадонна величиной в сорок футов парит над джунглями. Ну почему бы и нет? Вполне разумно!

Данфи прошел к автомобильной стоянке, бормоча под нос инвективы в адрес собственной глупости. Хотя, по правде говоря, ему больше ничего не оставалось. Дело Брейдинга — пустышка, мистификация. Совершенно очевидно, что Отдел изучения проблем безопасности понял суть его маленькой аферы, организовал наблюдение и решил просветить его насквозь и выяснить, кто ему помогает. Каким-то образом им удалось узнать, что они беседовали с Мюрреем, после чего они внесли в открытые анналы Пентагона единственную ссылку на 143-е, полагая (совершенно справедливо), что Фримо отыщет ее и расскажет Данфи и что Данфи затем бросится на первый же рейс до Канзаса. А там Отдел изучения проблем безопасности посадил актера с неправдоподобной историей, настолько безумной, что если бы Данфи когда-то вздумалось ее проверить, его приняли бы за сумасшедшего. Погони за НЛО и зверские расправы над коровами...

Вот так оно все и есть на самом деле, думал Данфи, садясь в лифт, повезший его на верхний уровень гаража-стоянки. Матта хочет, чтобы все считали Данфи сумасшедшим, и если он наткнется на что-то, что действительно имеет отношение к убийству Шидлофа, его просто никто не станет слушать. Все подумают, что он свихнулся. «Ну что ж, — подумал Данфи, — я этого не допущу. Я не свихнулся. Я... кто?»

Параноик. Полный и законченный параноик.

Он нашел свою машину там, где и оставил, сел в нее и включил зажигание. Надо завязывать, сказал он себе. Неизвестно куда может завести подобное дерьмо. К новым проблемам. И только.

В любом случае, думал Данфи, ответов на вопросы ему не получить. Они с Роско персоны нон грата в Управлении, и доступ к секретной информации у них нулевой. Все рухнуло у них на глазах, и их увольнение теперь только вопрос времени, если уже не состоялось.

Он все еще продолжал задаваться вопросом, почему его жизнь сорвалась с петель, реальность же показывала, что сорваться-то она сорвалась, но вот поделаться с этим он ничего не может. Уже не может. Настало время мириться с ситуацией. Настало время приспособливаться.

И все-таки, подумал Данфи, вырываясь в поток транспорта, выезжавшего с территории аэропорта, не могла его канзасская встреча быть «проверкой». Потому что полагаться он мог только на двоих: на Роско и на Мюррея, а если Управлению о них уже известно, зачем отправлять его в Канзас?

Да и Брейдинг был удивительно убедителен. Он совсем не производил впечатление человека, судорожно подыскивающего ответы на неожиданные вопросы. И историю о вертолетах, вызывающих метель, Брейдинг явно не придумал. По крайней мере если и придумал, то не на ходу. А реквизит? Если Брейдинг просто актер, назначенный на роль, откуда взят реквизит? Фотография Райнгольда и Брейдинга посреди поля пшеницы (Ха-ха-ха!!!) и удостоверение МК-ИМИДЖ. Гарри Матта ни при каких обстоятельствах не позволил бы ему унести с собой подобный документ, даже если он поддельный. А он должен быть поддельным, так как в противном случае...

Так как в противном случае все становится уж слишком зловещим и непонятным.

Минут через двадцать Данфи свернул на бульвар Долли Мэдисон. Он проехал мимо входа в центральную резиденцию ЦРУ и выехал на Беллвью-лейн. Именно в этот момент он заметил, что среди деревьев мерцают огоньки, и все внутри у него сжалось. Красные огоньки... голубые огоньки... Огни полицейских автомобилей.

Сигнальные огни.

Подъехав ближе к дому, Данфи услышал потрескивание раций, и в груди у него захолонуло. На подъездной дорожке стояла пара полицейских машин, а рядом с задней дверью карета «скорой помощи». У лужайки перед домом на переднем сиденье серого седана сидел какой-то мужчина и курил. Черты его лица скрывала темнота. Данфи заглушил мотор в самом начале подъездной дорожки, вылез из машины и побежал по направлению к дому, не обращая никакого внимания на крики полицейского.

Он почти сорвал с петель дверь-ширму и влетел в гостиную, где сотрудник судмедэкспертизы обсуждал что-то с полицейским фотографом.

— Где Роско? Где, черт возьми...

Из кухни вышел высокий мужчина в дешевом черном костюме, похожий на Ихабода Крейна.^[15] Ростом примерно шесть футов четыре дюйма, в белой рубашке, галстук ленточкой и с большими мешками под глазами, напоминавшими синяки после драки. На шее у него висело ламинированное удостоверение. Данфи сделал несколько шагов по направлению к незнакомцу, пытаясь прочесть надпись на удостоверении.

— Кто вы такой? — спросил человек в черном костюме.

— Я здесь живу, — ответил Данфи. — А теперь ответьте мне, где, черт возьми, Роско?

Данфи успел разглядеть слова «Особый доступ» на удостоверении, после чего тип в черном костюме затолкал картонку под пиджак.

Полицейские растерянно взглянули друг на друга. Один из них откашлялся, и когда Данфи повернулся к нему, то увидел, что взгляд судмедэксперта устремился в сторону кофейного столика. Полдюжины полароидных снимков сушились рядом с «Археем». Данфи подошел к столику, взял одну из фотографий и уставился на нее, не в силах оторвать взгляда.

— Его нашла уборщица, — сказал полицейский.

Тип в черном костюме кивнул.

— Его увезли час назад, — добавил он. И затем голосом, в котором звучало искреннее сожаление, произнес: — Вы, должно быть, Данфи?

Данфи ничего не ответил. Он не мог говорить. Потому что, взглянув на фотографию, лишился дара речи. На ней был изображен обнаженный человек в ажурных чулках, свисающий с гимнастических колец в чулане Роско. На голову человека — голову Роско! — был надет прозрачный пластиковый мешок, закрепленный с помощью веревки, похожей на «тарзанку». Глаза у него вылезли из орбит. Язык болтался. С подбородка свисал потек

слюны. На полу под ногами валялись перевернутая табуретка, книга в мягкой обложке и подборка журналов.

— Что за черт!.. — прошептал Данфи, бросил фотографию и взял другую.

На ней крупным планом был изображен один из журналов — порнушка под названием «Голубой мальчик», валявшаяся прямо под болтающимися ногами Роско. Рядом с ним лежало издание «Лучшего друга мужчины» в мягкой обложке.

— Аутоэротическое самоубийство, — произнес человек в черном костюме.

Данфи не знал, что делать. Он положил снимок обратно на стол и взял «Архей». Открыл его, закрыл, сел, встал, сделал три шага в одну сторону, потом три в другую и, наконец, произнес:

— Я не верю этому.

— Чему?

— Роско не совершал самоубийства. По крайней мере не таким образом.

Человек в черном костюме пожал плечами.

— Возможно, он просто не рассчитал. Насколько я разбираюсь в подобных вещах, чем ближе вы к асфиксии, тем больше балдеете. Но черта очень тонкая, ее легко перейти. — Он помолчал и добавил: — По крайней мере мне так говорили.

Данфи покачал головой:

— Он бы никогда так не поступил. Ему бы подобное даже в голову не пришло! Такие вещи были просто не в его духе!

Медэксперт произнес:

— Никогда нельзя ни в чем быть полностью уверенным.

— Я жил с этим парнем в одном доме! — возразил Данфи, повышая голос. — А пожив с человеком некоторое время, узнаешь его привычки. Кроме того, если кто-то занимается чем-то подобным, то, как правило, не ищет себе компаньона! Вы понимаете, что я имею в виду?

Мужчина в черном костюме откашлялся.

— Может быть, вы скажете нам, где вы провели... — встретившись взглядом с Данфи, он сделал шаг назад, — последние двадцать четыре часа?

Данфи не обратил никакого внимания на его вопрос.

— Что это за парень там, у входа? — спросил он.

— Какой парень?

— На моей гребаной лужайке! В автомобиле.

— Он говорит о хромом, — предположил фотограф.

Человек в черном бросил злобный взгляд на фотографа, затем снова повернулся к Данфи.

— Скажем так, он помогает нам выяснить, что здесь все-таки произошло, — сказал он, помолчал мгновение, а затем продолжил: — Итак, вы путешествовали?

— Идите в задницу! — воскликнул Данфи. — Вы не полицейский, и я не обязан отвечать на ваши вопросы.

Человек в черном костюме ошетинился.

— Верно, — сказал он. — Я работаю в том же Управлении, что и вы.

— Я больше в нем не работаю.

Данфи повернулся и вышел из дома, с грохотом захлопнув за собой дверь-ширму.

— Эй! — крикнул его бывший коллега. — Куда вы? Я еще не закончил. Эй! Вы ведь здесь живете!

«Больше не живу, — подумал Данфи. — Джека Данфи больше нет. Джек Данфи исчез».

В сером седане мерцал огонек сигареты, когда Данфи шел к своему автомобилю в начале подъездной дорожки. Джек швырнул «Архей» на сиденье — он совсем забыл, что все еще держит журнал в руке — и сел в машину. Пять минут спустя он уже был на окружной дороге, а еще через десять минут съехал и с нее.

А затем в течение полутора часов то въезжал на нее снова, то съезжал в поисках безлюдных, плохо освещенных дорог, чтобы запутать неизбежное в его случае преследование. Сначала он поехал на юг, потом на восток, затем снова на север и снова на юг, оттуда на окружную и опять с нее. Наконец, около часа ночи, он убедился, что хвоста за ним нет.

Выехав на шоссе «И-95» и следуя по нему на север, Данфи впервые ощутил, что страшно волнуется. Дыхание учащенное, влажные ладони, голова кружилась, он не мог сосредоточиться. Вот что значит по-настоящему испугаться — чувствуешь себя так, словно у тебя в сердце сели аккумуляторы.

Тем временем он ехал без определенной цели, ему просто хотелось убраться как можно дальше от места, где произошло это чудовищное, беззастенчивое преступление. Данфи не только не сомневался в том, что Роско убили, он прекрасно понимал: окажись он в тот момент дома, а не в Канзасе, он тоже уже был бы мертв.

Два часа спустя Данфи припарковал машину на стоянке для грузовиков у Делавэрского мемориального моста и набрал номер Мюррея Фримо. После шести или семи гудков раздался голос Мюррея, сонный и злой:

— Ал-ло?

— Мюррей...

— Кто говорит?

— Джек.

— Джек? Господи Боже! Ты что, не знаешь, сколько времени?!

— Кажется, около трех часов ночи.

— Ну...

— Молчи. Ничего не говори.

Данфи почувствовал, как Мюррей затаил дыхание. Он понял, что с его друга сон как рукой сняло.

— Я должен убираться отсюда, — сказал Данфи. Помолчав мгновение, добавил: — Роско больше нет.

— Что?

— Я сказал, что моего соседа по дому больше нет.

— О-о-о... о-о-о, черт!

— И я хотел предупредить тебя, чтобы ты был осторожен. Предельно осторожен.

Данфи услышал, что дыхание Мюррея сделалось прерывистым. Воцарилась полная тишина, такая тишина, от которой можно оглохнуть.

— Очень хорошая линия, — заметил Данфи, словно заканчивая какой-то совсем другой разговор.

— Да, — подтвердил Мюррей. — Как будто находишься в соседней комнате.

Черт, подумал Данфи, его уже прослушивают. Он захлопнул телефон и запрыгнул в машину.

Фотографии не выходили у него из головы. Данфи не хотел думать о них, но их как

будто приклеили ему к внутренней стороне век. Было что-то особенное в одной из них, нечто такое, что вертелось у него в памяти. «Лучший друг мужчины». Джек явно когда-то раньше видел эту книгу, но никак не мог вспомнить где, что выводило его из себя, так как он понимал: вспомнить жизненно необходимо. Воспоминание было совсем близко к порогу сознания, но ускользало от него.

Следуя из Делавэра в Нью-Джерси, Данфи старался не думать о книге. Иногда, если их не принуждать, воспоминания приходят сами собой. Как в дзюдо: нужно немного расслабиться, и все пойдет легче. Поэтому он постарался выбросить фотографии из головы и поразмыслить о других не менее важных вещах. Кстати, что сказал тот полицейский?

Что-то о «хромом». «Он говорит о хромом». Вот что он сказал. И речь шла о парне кутившем в сером седане.

Внезапно Данфи вспомнил, где видел книгу. Она принадлежала психологу с детектором лжи, тому хромому. Значит, вот о ком говорил полицейский. Именно психолог и сидел в сером седане.

Пару месяцев назад книга использовалась, чтобы усилить напряжение Данфи, его общую нервозность. Так действуют психологи, работающие с детекторами лжи. Им трудно работать со спокойными людьми, так как спокойствие ведет к неоднозначным результатам. Спокойные и расслабленные подозреваемые дают хаотические результаты, поэтому эксперты делают все, что в их силах, чтобы усилить напряжение, в конечном итоге позволяющее более четко высветить ложь.

Ну а секс всегда был самым надежным способом увеличить напряжение.

Да, хитро, подумал Данфи. Но в данном случае книга использовалась с какой-то другой целью. Ею воспользовались как свидетельством предполагаемого извращения Роско, и в качестве такового она подкрепляла лживую версию его самоубийства. А если и не самоубийства, то по крайней мере позорного инцидента, который ни друзья, ни родственники не станут расследовать.

Все указывало на то, что его друга убили подонки с боло и галстуками ленточкой. Райнгольд и Эстергази. И тот в черном костюме. Мысль о них не выходила из головы Данфи на протяжении следующих ста миль, иногда перемежаясь вопросом, что ему теперь делать. Взгляд его постоянно переходил на зеркало заднего обзора в поисках какой-нибудь подозрительной машины, но никто не нагонял его. Данфи был один на пустом шоссе. Он мчался мимо небольших мотелей, придорожных закусочных и ярких рекламных щитов.

И неудивительно, что за ним никого нет. Они сидят в Коммуникационном центре, едят пончики с кофе, положив ноги на стол и глядя на карту восточного побережья, висящую на стене перед ними. Они развлекаются, наблюдая за тем, как сигнал транспондера скользит на север через Нью-Джерси по направлению к Нью-Йорку. Два часа назад они, наверное, ухохатывались до колик в животе, когда он пытался отделаться от несуществующего хвоста, зигзагами следуя по окружной.

Данфи злился на самого себя.

О чем, черт побери, он думал? В транспондерах нет ничего экзотического. ФБФ постоянно их использует. И не только против русских. В городе по меньшей мере сотня уголовников, у которых в автомобилях встроены транспондеры. И не только уголовников. Данфи в течение нескольких месяцев припарковывал машину на стоянке «G», менее чем ста ярдах от Центра. Все это время он, вне всякого сомнения, находился под наблюдением, которое проводили явные психопаты. Насколько велик шанс того, что в его машине установлено средство слежения? Настолько же, насколько велик шанс отыскать силу тяжести в шахте.

Увидев знак, указывавший на Ньюаркский аэропорт, Данфи свернул с главной магистрали, думая примерно следующее: «Как только сигнал сделается стационарным — что произойдет очень скоро, — они сразу начнут искать машину. И найдут ее на стоянке в аэропорту. Затем начнут проверку всех рейсов, просмотр списков пассажиров, которые вылетают утром. Рано или поздно они станут отслеживать меня по кредитным карточкам, по транзакциям, которые я буду проводить. В конце концов на этой неделе или на следующей они меня отыщут. И все закончится».

Все закончится...

«По крайней мере, — подумал Данфи, — Матта и его дружки склонны так полагать».

Данфи въехал на краткосрочную стоянку, вышел из машины, оставил дверцы незапертыми, окна опущенными, а ключи в зажигании. Вряд ли кому-то придет в голову украсть его машину, но даже в случае кражи он особенно не пострадает. Скорее наоборот. Если ему посчастливится и кто-то все-таки угонит машину, его преследователи будут продолжать вести наблюдение за сигналом транспондера, а у Данфи в запасе появится несколько часов или даже дней.

Схватив дипломат и дорожную сумку, с которыми летал в Канзас, Данфи прошел на автобусную остановку, расположенную рядом с залом для прибывающих. Здесь он сел в автобус до Манхэттена и прибыл туда на рассвете. Он вышел в Порт-Офорити на Сорок второй улице. Там купил билет на Монреаль, расплатившись наличными, а затем прошел в мужской туалет. Несколько мгновений постоял у раковины, сполоснул лицо холодной водой, вытер руки бумажным полотенцем. Затем вышел из туалета, на ходу как бы случайно уронив на кафельный пол «Визу» и «Мастеркард». Кто-то теперь сможет воспользоваться ими по своему вкусу, что повергнет Матту в несказанное изумление. Что, вы сказали, он делает?! Покупает стерео?!

До отправления автобуса оставалось три часа, и Данфи провел их в маленьком кафе на Западной Пятдесят седьмой улице, пил кофе и читал «Таймс». В девять часов утра он прошел к офису «Американ экспресс» и, продемонстрировав свою платиновую карточку,

обналичил чек на пять тысяч долларов. Это было все, что у него оставалось, — копить Данфи никогда не умел, но теперь волей-неволей придется научиться быть экономным. Затем он возвратился на вокзал и стал дожидаться автобуса на Монреаль.

Какое-то мгновение он не знал, где находится и который час. Он лежал в полной темноте с открытыми глазами, замкнутая на себе монада в пространстве гостиничного номера, словно повисшая посреди бесконечной непроглядной тьмы. Он был слеп. Он был мертв. Сознание его было затуманено усталостью или избытком сна — чем, он не мог сказать точно. Нечто похожее на страх начало расти в груди и, чтобы побороть его, он медленно приподнялся и сел в постели. Затем поднес к глазам левое запястье.

Часы светились. «Одиннадцать часов, — подумал Данфи. — Одиннадцать часов, и я в постели. Где-то. Но не дома».

И тут он все вспомнил: Брейдинг, Роско, Ньюарк, автобус. Данфи находился в Монреале, в маленьком отеле, не принимавшем оплату по кредитным карточкам. Несколько часов назад он задернул тяжелые шторы, чтобы защититься от ярких лучей заходящего солнца, лег на кровать и...

Данфи медленно встал с кровати и подобно Франкенштейну начал пробираться сквозь темноту, вытянув перед собой руки, пытаясь найти окна на противоположной стороне комнаты. Комната была маленькая, и ему хватило трех или четырех шагов, чтобы достичь бархатных штор. Зажав плотную ткань в кулаке, он зевнул и рывком раздвинул их — в одно мгновение его мозг залил ослепительный солнечный свет. Повинуясь рефлексу, глаза Данфи закрылись, и он отпрянул от окна, словно вампир, чертыхаясь и проклиная солнце.

Было одиннадцать часов утра, не ночи, и Данфи предстояло многое сделать.

Со смертью Роско все изменилось. Они были похожи на ребяташек, игравших на берегу реки и увидевших какую-то нору, в которую стали тыкать палками. И то, что вылезло оттуда, оказалось не какой-нибудь садовой змейкой, а чем-то страшным и неожиданным, таинственным, бесформенным и смертельно опасным. Оно уже покончило с Роско и теперь медленно подползало к Данфи.

Который хотел убить его. Который должен был убить его. Но как? Данфи не знал, с чем столкнулся, где оно начинается и где заканчивается. Не знал он и того, к чему оно стремилось (за исключением, естественно, его, Данфи, смерти).

Понятно одно: здесь, в Монреале, ответа на свои вопросы он не найдет. Ответ находится в Лондоне и в Цуге, скрывается за смертью Шидлофа и в загадочном Особом архиве. Но чтобы попасть в Европу, необходимо иметь паспорт, и вот тут-то ему может пригодиться Канада.

Его документы остались лежать в верхнем ящике комода. Поэтому Данфи следовало поскорее их заменить. Ему нужна была «добротная фальшивка», настоящий паспорт с его собственной фотографией и чужим именем. Но для этого у Данфи не было соответствующих связей. Ни в Канаде, ни в Штатах. Самое большее, что он мог сделать за такой короткий срок, — получить паспорт на собственное имя, воспользоваться им, чтобы доехать до Европы, а затем заменить на искусно изготовленную подделку.

Названный план подразумевал прежде всего то, что он должен лично явиться в американское консульство в Монреале. Данфи полагал, что подобный визит не вызовет никаких проблем. Его имя не занесено в списки опасных преступников, находящихся в розыске, и вряд ли Матта успел сообщить в государственные и таможенные органы о своем

неожиданном интересе к человеку по имени Данфи. Вне всякого сомнения, Матта попытается уладить ситуацию собственными силами, не вовлекая другие службы, по крайней мере до тех пор, пока не станет ясно, что усилий одного ЦРУ недостаточно. А это значит, что в данный момент Матта скорее всего просматривает списки пассажиров Ньюаркского аэропорта и отслеживает транзакции с «Визой» Данфи по всему Нью-Йорку.

Поэтому Данфи следует пойти в консульство, где получить паспорт, по всей вероятности, даже легче, чем в Штатах. Он по собственному опыту знал, что чиновники в консульствах за рубежом отличаются бóльшим дружелюбием, чем их коллеги внутри страны. И в их отношении была своя логика. Американец, потерявший паспорт за границей, хоть и не намного, но все-таки симпатичнее, чем такой же идиот, лишившийся документов в Бостоне или Нью-Йорке. И все-таки, если паспорт требуется немедленно, следует продемонстрировать реальную необходимость срочного отъезда. Да, тут связи или определенное давление не помешали бы.

Первую задачу Данфи выполнил в бюро путешествий прямо за углом отеля. Заплатив наличными, он купил билет до Праги на рейс «Эр Франс», отправлявшийся через шесть часов с промежуточной посадкой в Париже. Закончив с покупкой билетов, он перешел улицу и заглянул в отделение фирмы «Кинко», где сфотографировался на паспорт и там же заказал набор визитных карточек. Текст на них был следующий:

Джек Данфи, продюсер
«Новости Си-би-эс „60 минут“»
555, Западная Пятьдесят седьмая ул.
Нью-Йорк, Н.Й., 10019

Три карточки он положил в бумажник, а остальные выбросил в урну для мусора рядом с входом. Затем он дошел до американского консульства и, отыскав информационный отдел, предстал перед ним с видом одновременно дружелюбным и предельно взвинченным.

— У меня серьезные проблемы! — произнес он, широко раскрыв глаза и задыхаясь.

— Простите?

В информационном отделе сидела элегантная негритянка. Волосы у этой дамы были заплетены в тугие косички, и от нее за милю разило вежливым недоверием.

— Чудовищно! Самая настоящая катастрофа!

— Что случилось?

— Мой паспорт!

— И что же с ним?

— Я его потерял!

Дамочка улыбнулась.

— Мы можем изготовить вам новый, — сказала она, протягивая бланк. — Заполните и...

— Но мне он нужен немедленно...

Она пожала плечами.

— Мы можем ускорить процедуру.

— Великолепно! — воскликнул Данфи. — Просто восхитительно!

— Вам придется заплатить дополнительно пятьдесят долларов.

Данфи пожал плечами:

— Никаких проблем, — и потянулся уже за бумажником.

— И если вы сами заберете свой новый паспорт, — сказала она, — то сможете получить его уже через сорок восемь часов.

Улыбка на лице Данфи сменилась выражением полнейшего отчаяния.

— Вы меня не поняли. Через два часа я вылетаю в Париж.

Он попытался показать негритянке свой билет, но она не обратила на него ни малейшего внимания.

— Ничем не могу вам помочь.

— О черт, прошу вас! — воскликнул Данфи. — Со мной летят две группы операторов...

— Извините...

Данфи сунул ей визитку.

— У вас есть здесь ответственный за связь со СМИ? Кто-то, с кем я мог бы побеседовать? Потому что, если говорить начистоту, Эд парится из-за меня в какой-то дыре на площади Венчеслава, и если я не попаду туда к завтрашнему утру, у меня будут очень, очень большие проблемы.

— Эд?

— Эд Брэдли.

Женщина впервые за все время взглянула на визитку. Взяла ее. Положила. Посмотрела на Данфи. Затем снова на визитку. В ее взгляде Данфи чувствовал вопрос: «Здесь, наверное, где-то находится скрытая камера? И может быть, какой-то сценарий?»

— Попробую что-нибудь сделать. — Она соскользнула с табурета, потрескивая статическим электричеством, с улыбкой, которая по яркости могла бы соревноваться с лучом прожектора.

Час спустя Данфи уже был счастливым обладателем новенького паспорта, и у него оставалось еще достаточно времени, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно нескольких досаждавших ему вопросов. Доехав на такси до публичной библиотеки, он занялся просмотром каталога статей в поисках информации об индейцах Джасипарана. На это у него ушло полчаса, однако он отыскал упоминание о племени в информационном бюллетене, выпускаемом Североамериканским конгрессом по Латинской Америке (САКЛА). В статье, в основном посвященной проблемам контрабанды алмазов в Рондони, говорилось, что индейцы покинули свои родные места в 1987 году после внезапного и загадочного перехода в христианство. Большая часть индейцев теперь проживает в городе Порто-Вело, где они зарабатывают на жизнь торговлей четками, которые вырезают из тиковой древесины.

Значит, Брейдинг говорил правду.

Полет до Парижа прошел без особых происшествий. Пассажиров было совсем немного. Данфи сидел у прохода, место у окна рядом с ним пустовало. В течение всего перелета он думал о происшедшем, пытаясь проанализировать сложившуюся ситуацию.

Ему посчастливилось — он пока жив, и в этом заключалась главная трудность. Удача подобна моряку: сегодня она в одном порту, а завтра совсем в другом. И никогда нельзя быть уверенным, задержится она надолго или покинет вас уже через несколько минут. В конце концов, в удаче нет ничего хорошего, потому что счастливики всегда искушают судьбу. И неминуемо наступает мгновение, когда удача уходит от них, иссякая, словно песок в песочных часах, — и вот бывшие счастливики в одночасье становятся отверженными

фортуной.

Тем не менее спасся-то он именно благодаря удаче, а не хитрости. Просто в тот момент, когда головорезы из Отдела изучения проблем безопасности явились к дверям его дома со всем своим инструментарием, включая и порнороман, Данфи по чистой случайности не было дома. Но дома был Роско, и вот Роско мертв. Такая уж удача у Роско.

С Данфи все обстояло иначе. Если бы уборщица взяла выходной, его бы постигла участь Роско. Но она не взяла выходной. Она пришла вовремя, нашла Роско и позвонила в полицию. Если б не она, Данфи вернулся бы в темный и безмолвный дом, расположенный в пригородной мышеловке, кишашей людьми в черных костюмах и галстуках ленточкой. Вместо этого он оказался среди полицейских машин и ослепительного света фар.

Благодаря тому, что в гостиной находились представители полиции графства Фэрфакс, головорезы из Отдела изучения проблем безопасности не смогли задержать его. Скорее всего Матте даже не сообщили о бегстве Данфи до следующего утра, то есть до того времени, когда его автомобиль уже стоял в Ньюаркском аэропорту, а сам Данфи мчался в автобусе в Монреаль.

Значит, пока ему сопутствует удача. Но сколько еще времени она будет его спутницей? День, неделю или...

Вот в том-то и дело, подумал Данфи. День или неделю... Дальше уже идут фантазии. В любом случае ему понадобятся деньги. Много денег. Бегство — дорогое развлечение, а наличные, которыми он располагает, очень скоро закончатся.

Он заерзал в кресле, почувствовав внезапный приступ злобы, выглянул в иллюминатор в бескрайнюю пустоту за бортом самолета. Темнота вверху, темнота внизу, темнота у него в душе. В иллюминатор ничего невозможно было разглядеть, но Данфи знал, что где-то за стеклом встречаются ночь с океаном, создавая незримую черту горизонта. Он знал также, что где-то там люди в черных костюмах и галстуках ленточкой показывают его фотографию работникам билетных касс и продавцам магазинов.

А еще Данфи знал, где взять необходимые деньги. У него в дипломате лежал конверт с печатью с изображением ее величества. Он лежал там уже несколько месяцев, с того самого дня, как Джек уехал из Англии. С конвертом этим была связана довольно значительная сумма денег, правда, принадлежавших не Данфи.

Он сделал плоток виски и вскрыл конверт, адресованный Роже Бламону до востребования в Марбелле.^[16] В конверте находились регистрационные документы по компании «Сирокко», карточка с банковской подписью, выписанная от руки депозитная квитанция и полдюжины чеков, выпущенных «Приват-банком» в Сент-Элье на острове Джерси. В обычном сопроводительном письме пояснялось, что отпечатанные чеки отошлют Бламону сразу, как только карточка с подписью будет возвращена в банк.

Бламон был жилистым корсиканцем, питавшим слабость к костюмам от Армани и наручным часам в стиле хайтек от Брейтлинга. Он был настоящим красавцем и в то же время совершенно явным психопатом, связанным одновременно и с преступным миром Марселя, и с правыми политическими кругами. Злобный антисемит, он издавал журнал под названием «Contre la boue» («Против грязи»), в котором помимо прочего настаивал на насильственной депортации иностранной бедноты. Название для журнала было заимствовано у одной более не существующей военизированной группировки — когда-то оно было начертано на их белоснежном знамени. Члены названной группировки прославились нападениями на школьников турецкой национальности, на «голубой» бар в Арле и на синагогу в Лионе.

Джек презирал Бламона, и не только за политические взгляды. Высокомерие корсиканца не имело границ, и порой Данфи казалось, что ничто не доставляет ему такого удовольствия, как несчастья окружающих. Проще говоря, ему нравилось «опускать» людей. Как в свое время он «опустил» и Данфи.

За год до того во время визита Бламона в Лондон они с Данфи в Сити за бутылкой дешевого вина порешили одно дело, а затем и еще одно. Из них двоих больше выпил Бламон, и когда они закончили, он положил руку Данфи на плечо и доверительно шепнул:

— Мне нужна баба.

Данфи попытался отшутиться:

— Нам всем нужна баба.

— Но ты ведь найдешь мне какую-нибудь, хорошо? Я в «Ландмарке». Пусть она придет туда часам к трем.

После чего бросил горсть монет на стойку и отодвинул стул, словно собираясь уходить.

Данфи поднял руки, демонстрируя полное непонимание.

— Ты меня, наверное, с кем-то перепутал, — сказал он. — Я консультант, а не сутенер.

— О? Неужели?

— Да. И если тебе нужна шлюха, подойди к любой телефонной будке. Там все стекла заклеены их адресами и номерами.

Бламон мгновение сидел молча, словно обдумывая слова Данфи. Затем сказал:

— Себе ты можешь искать бабу где угодно и как угодно, дружок, но мне к трем часам ты пришьешь в «Ландмарк» хорошую девчонку, в противном случае завтра я найду себе другого консультанта.

И Данфи сделал то, что от него требовали. Нашел проститутку и отослал ее в «Ландмарк», потому что не мог позволить себе разбрасываться такими клиентами, как Бламон. Корсиканец участвовал в сложной схеме по отмыванию денег, которой заправляла группа фашистов из Осло. Через них проходили громадные суммы, и по крайней мере часть этих денег поступала от некой вооруженной группировки, базировавшейся в Штатах. Названной схемой заинтересовались ФБР, ЦРУ, Администрация по контролю за применением законов о наркотиках. Данфи понимал, что проникновение внутрь организации может стать его самой главной служебной удачей. Провала же операции он никогда себе не простит.

Поэтому Бламон заслужил то, что получил, а точнее, не получил — карточки с подписью, которые Данфи так и не собрался ему отправить. Он мог легко исправить оплошность, бросив конверт в почтовый ящик. Но с какой стати это делать? Бламон — подонок, и в любом случае деньги достались ему нечестным путем.

Как правило, Данфи открывал счета своих клиентов с чисто символическими вкладами. Пятьдесят фунтов были типичной суммой. Но с «Сирокко» дела обстояли иначе. Данфи уже организовал дюжину корпораций для Бламона, когда одним зимним днем корсиканец явился к нему в офис с предложением. Томно раскинувшись в широком кожаном кресле, Бламон сказал, что хочет открыть счет «Сирокко» с кредитным лимитом, обеспеченным акционерным капиталом. За помощь в том, что он назвал «трансакцией, связанной с некоторыми сложностями», Бламон обещал Данфи три процента комиссионных от объема капитала.

— Очень щедро, — заметил Данфи.

— Я могу позволить себе быть щедрым, — ответил Бламон, и его физиономия

расплылась в улыбке.

— О каком обеспечении мы говорим?

Бламон сунул руку в портфель, достал оттуда пачку акций и протянул их Данфи.

— Здесь их немного больше десяти тысяч.

Данфи зажал акции между большим и указательным пальцами.

— Все «Ай-би-эм»?

Бламон кивнул и, наклонившись вперед, сказал:

— Oui. ^[17]

— И почему продает их нынче «Биг блю»? ^[18] Кажется, по сто десять?..

— По сто двадцать, — ответил Бламон. И добавил: — Долларов, конечно.

Данфи хмыкнул.

— Понятно, что долларов.

Акции, выписанные на имя некой нью-йоркской брокерской конторы, явно были украдены, в противном случае Бламон не стал бы платить три процента комиссионных за помещение их в банк.

— Сколько...

— Вероятно, мне удастся выручить сорок процентов от цены на черном рынке, — сказал Данфи.

На лице Бламона появилась гримаса неудовольствия.

— Лучше пятьдесят.

— Ты можешь отнести их в «Нэшнл Вестминстер» и получить семьдесят пять или даже восемьдесят. И мне не будешь должен никаких комиссионных. Конечно, если ты предпочтешь поступить таким образом... — Данфи не было нужды заканчивать фразу. Если Бламон предпочтет поступить таким образом, «Нэшнл Вестминстер» обязательно пошлет в Нью-Йорк факс с запросом, не были ли данные акции похищены. Крупные банки всегда так поступают.

Бламон выдерживал взгляд Данфи еще мгновение, а затем улыбнулся:

— Уверен, что ты приложишь все необходимые усилия.

— Можешь не сомневаться, — ответил Данфи.

Бламон встал, пожал ему руку и удалился.

Аферы, которыми занимался Бламон, принадлежат к числу любимейших предприятий мафии. По доходности они сравнимы с выпуском собственных денег. На доходы с них построены Коста дель Соль и Коста-Брава. Акции, похищенные у курьеров и из брокерских хранилищ в Америке, использовались в качестве обеспечения для займов, сделанных в Европе. Займы затем вкладывались в строительство жилья, гостиничный бизнес, рестораны, поля для гольфа, а в случаях, подобных случаю Бламона, в издания типа «Contre la boue». И если заемщик не прекращал выплаты по процентам — в случае прекращения выплат банк был бы вынужден продать украденные акции (и попытаться оформить смену владельца), — схема работала идеально. Отели процветали. Суммы, взятые по займам, возвращались в банки, а акции переходили в качестве обеспечения под новые займы.

Данфи потребовалось две недели на то, чтобы найти банк, который согласился с ним сотрудничать. И в конце концов ему пришлось отправиться в Сент-Элье и представить акции лично. Через некоторое время там был открыт счет «Сирокко» с вкладом на 290 000 фунтов. За свое участие в названной афере Данфи получил чуть меньше 15 000 долларов, которые, как законопослушный гражданин, перевел на один из счетов ЦРУ в банке «Швейцарский

кредит».

Когда из банка в Сент-Элье пришли необходимые документы, Данфи положил их вместе с регистрационными документами «Сирокко» и написал на конверте адрес Бламона. Бандероль лежала у него в ящике стола, когда позвонил Томми Дэвис и сообщил об убийстве Лео Шидлофа.

Удержав у себя конверт, Данфи стал единственным, чья подпись стояла на новом счете Бламона. Если рассматривать сложившуюся ситуацию в позитивном свете, то Данфи получил непосредственный доступ к довольно значительной сумме. Отрицательная ее сторона заключалась в том, что Бламон разорвет Данфи на части, если когда-нибудь найдет его. Впрочем, Данфи ничего не мог изменить. Так сложились обстоятельства. Даже если он вернет деньги, корсиканец вряд ли простит его — прошло слишком много времени. Бламон просто подумает, что Данфи струсил, и ему вдвойне захочется стереть его с лица земли. Во-первых, за то, что он украл его деньги, а во-вторых, за то, что оказался жалким трусом. Данфи сделал еще глоток из своего стакана, побренчал в нем льдинками и выглянул в иллюминатор на звездное небо над Исландией.

Он несколько не сомневался в том, что Бламон прилагает невероятные усилия, чтобы найти... но кого? Конечно, не Данфи. Человека, которого ищет Бламон, зовут Керри Торнли, и он ирландец. Из чего следует, что Роже Бламон — наименьшая из проблем, решил Данфи.

Уникальное положение: Бламон — наименьшая из проблем! Да, вряд ли подобная мысль могла кому-то прийти в голову. По крайней мере не тому, кто мог рассчитывать спокойно дожить до завтрашнего дня.

К несчастью, Данфи к таким счастливым больше не принадлежал.

Самолет Данфи прибыл в Париж в семь утра, и до вылета в Прагу у него оставалось два часа. Часть этого времени он потратил на прогулки по магазинчикам «дьюти-фри», а затем сделал еще несколько фотографий на паспорт. В конце концов он нашел пристанище в маленьком кафе с каменными столиками и сиденьями из уложенного бетона.

Место было жуткое, некое франкофонное чистилище для туристов, застрявших в аэропорту, бесцельно кочующих из одного кафе в другое и с озабоченным и растерянным видом пересчитывающих незнакомую мелочь. В углу примостился мальчишка-алжирец, в обязанности которого входило убирать грязную посуду со столов. Он с томным видом курил турецкие сигареты и с полнейшим безразличием наблюдал за тем, как на столах вырастают горы использованных стаканов и тарелок. Из подвешенного высоко на стене пластикового репродуктора доносились мелодии «европопсы», пронизанное оптимизмом дисковое завывание, отчего у Данфи на душе стало совсем мутно. Все здесь было нацелено на то, чтобы посетители приходили, как можно скорее съедали заказанное и тут же уходили, освобождая место новым клиентам. Названная цель достигалась единственным, но совершенно безотказным способом — заставить всех проходящих сюда почувствовать себя глубоко несчастными. Счастлив был только хозяин, очень хорошо все понимавший и с одобрением взиравший на плоды своей глубоко продуманной торговой политики. В безукоризненного вида двубортном блейзере и слегка затемненных стильных очках он стоял за кассовым аппаратом, величественный в сатанинской гордыне повелителя одного из кругов ада, взирающего на свои владения. Полнейшее удовлетворение происходящим можно было прочесть в его взглядах: «C'est bon,^[19] — читалось в них. — C'est tres bon^[20]».

Данфи понял здешние правила игры, и в менее напряженных обстоятельствах он бы просто из принципа провел в этом кафе не меньше часа. Сейчас ему такая игра оказалась не по силам. Стоило репродуктору разразиться музыкой группы «Le Belles Tones»,^[21] как Данфи пулей вылетел из кафе в направлении «дьюти-фри». Не нужно было оглядываться, чтобы понять: владелец заведения смотрит ему вслед с торжествующей миной на лице.

Два часа спустя он был уже в Праге. Несмотря на то что Данфи предпочел бы сразу отправиться в Лондон, он понимал, что вначале ему все-таки необходимо побывать в Чехии. У него в голове начал складываться более или менее определенный план, и в форме, которую названный план приобретал, явно вырисовывался силуэт разговорчивого живчика по имени Макс Сетяев.

Макс, по происхождению российский еврей, в прошлом был учителем физики. В Чехословакию он приехал из Украины в 1986 году. Педант от природы в том же смысле, в каком бывают атлеты от природы, он не смог согласовать учительский заработок в пятьдесят шесть долларов в месяц с непобедимой склонностью к хорошему блондинкам, шампанскому и икре. С глубочайшим сожалением Макс оставил работу в школе, променяв ее на должность сотрудника паспортного стола в Одессе, где занялся подделыванием удостоверений личности и выездных виз. Должность оказалась весьма выгодной и прибыльной и в течение нескольких лет неплохо кормила Макса, но из-за окончания «холодной войны» потребность в фальшивых документах резко снизилась. Появление лазерных принтеров и цветных копировальных устройств сделало искусство Макса излишним. В конце концов он подделал собственную визу и отправился на Запад на

«переподготовку».

Когда два года спустя Данфи встретил его в Лондоне, Макс занимался поисками машины глубокой печати, особых чернил и редких видов бумаги. Выдавая себя за представителя только появившейся на свет (и весьма некрепко стоящей на ногах) Республики Чечня, Макс расположился в «Черчилль-отеле», где организовал многодневную вечеринку (позднее охарактеризованную в прессе как оргию) для банкиров из Сити. Всем, с кем ему приходилось общаться, будь то проститутка по вызову или биржевой брокер, он отрекомендовывался как представитель Министерства финансов Чечни, которое, по его словам, поручило его фирме (при этом демонстрировалась позолоченная визитка) выпуск валюты новой республики («агровар» или нечто подобное). В качестве подтверждения своих заявлений он представлял конверт с изысканнейшим тиснением и письмо, которое, как свидетельствовали регалии на конверте, было подготовлено в указанном министерстве. В нем содержалась просьба всячески содействовать «князю Сетяеву» в его весьма ответственной и священной миссии.

Письмо было, конечно, подделкой. Макс, естественно, не имел намерения печатать чеченскую валюту. Ему нужны были английские фунты. Замысел Сетяева раскрыла «Дейли миррор», когда в Лондон за гуманитарной помощью прибыла настоящая чеченская делегация. На вопрос о том, как согласуются их заявления о нехватке зерна в молодой республике с пирушками, устраиваемыми Максом в одном из самых дорогих лондонских отелей, чеченцы ответили, что этот человек не имеет к ним никакого отношения. Он ведь русский, сказали они. С какой стати мы стали бы поручать русскому печатать нашу валюту? Утром следующего дня Макс спешно вылетел из Хитроу, чудом ускользнув от полиции (и, по-видимому, не только от нее).

С тех пор Данфи организовал для него полдюжины разных компаний, самой последней из которых была базирующаяся в Праге импортно-экспортная фирма «Одесса софтвар». По словам Макса, пиратство в сфере программного обеспечения будет определять будущее экономики.

Так или иначе, Макс уже проживал в очаровательном здании в стиле ар-деко в районе Холесовичи в северной Праге. На расстоянии всего одного квартала от обширнейшего парка Стромовка, на ул. Овенечка в четырехэтажном здании располагалось более дюжины мелких компаний, включая и компании Макса.

Данфи на крошечном лифте поднялся на третий этаж дома, где находилась «Одесса», постучал в дверь и вошел. В компании не было ни приемной, ни секретаря, просто большое помещение с потолком в двенадцать футов высотой, бархатными шторами и широким антикварным столом, доверху заваленным коробками от «Microsoft Works», «Myst» и «Windows 98». Какое-то мгновение Максу казалось, что он в комнате один, затем у стола что-то запищало.

— Макс?

Лысая макушка Сетяева, его густые кустистые брови и маленькие черные глазки появились из-за девятнадцатидюймового цветного монитора.

— Керри? — Макс вскочил. — Я играл в «СимСити», — сказал он, направляясь к Данфи с распростертыми объятиями. — «2000-й», конечно! А как ты? И что тебя сюда привело?

— Гм, — произнес Данфи, высвобождаясь из медвежьих объятий Макса и усаживаясь в кресло у окна. — Одно совершенно неожиданное дело. В общем, у меня проблемы.

Макс кивнул.

— Знаю, — сказал он, вытаскивая початую бутылку «Бехеровки» и две небольшие рюмки.

Данфи бросил на него удивленный взгляд.

— Знаешь?

— Конечно! Я звонил к тебе в офис несколько месяцев назад. И знаешь, что обнаружил? — Макс налил «Бехеровку» в рюмки и сел.

— Что там нет телефона?

Русский отрицательно покачал головой.

— Прозит! — воскликнул он и чокнулся с Данфи. Затем сделал небольшой глоток и широко улыбнулся. После чего возвратился к делу. — Отнюдь, с телефоном все в порядке. Мужской голос ответил мне: «Мистера Торнли нет на месте. Он вам может перезвонить?» Ну, почему бы и нет? И я дал ему свой номер. Два часа спустя ко мне в дверь стучит какой-то подонок из британского посольства, а с ним чешские детективы.

— Боже мой, Макс, мне очень жаль! Что им было нужно?

— Ты!

Данфи хмыкнул.

— И что ты им сказал?

Сетяев пожал плечами:

— Ничего. Сказал, что нашел твой номер в «Гералд трибюн». В старом выпуске.

— И они тебе поверили?

— Нет! Конечно, не поверили. — Он помолчал немного и, не меняя темы разговора, перешел непосредственно к делу. — Ну-с, итак, что, дружище?

Данфи удивленно взглянул на него.

— Что?

— Что я могу для тебя сделать? Ты ведь не даром проделал такой долгий путь, я полагаю?

Данфи широко улыбнулся. Ему нравилась прямота и непосредственность этого русского.

— Ну, для начала, — сказал он, бросая на стол небольшой конверт, — мне нужен паспорт... пара кредитных карт. В конверте фотографии, которые я сделал в аэропорту.

Макс задумчиво кивнул:

— Хорошо. Какую национальность предпочитаете?

Данфи улыбнулся:

— Любую. Естественно, только не надо меня делать нигерийцем или японцем...

— Значит, сделаем канадцем. У меня есть бланки. На любое имя. Абсолютно легитимные документы.

— Великолепно!

— Недешево, зато не подкопаешься. Ну и кредитные карты тоже не проблема.

— Чудесно!

— Но вначале мне нужен депозит. Наличными. Не для меня. Для открытия «Визы». Хорошо?

— Да, конечно, — согласился Данфи, — прекрасно. — Он сделал глоток «Бехеровки» и чуть не подпрыгнул. — Что это?

— Никто не знает. Великая тайна. Чехи утверждают, что для ее приготовления

требуется двадцать трав. Но не говорят каких.

— Мне понравилось.

— Мне тоже. Ну а теперь вернемся к паспорту. Ты не спросил о стоимости.

Данфи пожал плечами.

— Да, значит, проблемы действительно серьезные! Или, возможно... ты приехал не только ради паспорта.

— Верно.

Макс улыбнулся:

— И?..

— Точнее будет сказать, не только за паспортом.

— А... — Макс глотнул ликера, глубоко вдохнул через нос и спросил: — Ну и о чем речь?

— Вот об этом, — ответил Данфи, достал из портфеля удостоверение «Андромеда» Джина Брейдинга и протянул Максу.

Макс нацепил на переносицу очки для чтения и стал вертеть документ в руках, внимательно его изучая. Минуту он ничего не говорил, а затем пристально взглянул на Данфи.

— Ты знаешь, что это?

— Конечно. Голограмма, как те, что лежат у тебя на столе. Поэтому я и пришел сюда. Я подумал, что если кто-то и может сделать нечто подобное, то только ты.

Макс отрицательно покачал головой:

— Здесь не простая голограмма, а радужная голограмма...

— Что за ерунда?

— Ее можно видеть при обычном освещении, при дневном... вот как теперь.

— Сложно скопировать?

— В прошлом году было очень сложно. Сегодня уже не очень. Но страшно дорого. — Макс повертел удостоверение в руках, внимательно его рассматривая. — Знаешь, как делаются такие вещи?

— Нет, — ответил Данфи.

— В домашних условиях даже и не пробуй. Тебе понадобятся лазеры. Мои мне сделали в институте в Киеве. У них там превосходные специалисты. Работают очень быстро. Прототипы изготавливают за два-три дня.

— Значит, все-таки можно! — воскликнул Данфи, подробности его не интересовали.

Макс глянул на него с неодобрением.

— Это будет стоить больших денег, дружище. Я бы на твоём месте обязательно спросил — почему?

— Извини, — произнес Данфи, как будто был школьником, которому сделали замечание на уроке за болтовню.

— Ты знаешь, что такое лазеры?

— Ну конечно.

Макс отрицательно покачал головой:

— Нет, ты не знаешь, что такое лазеры. Ты только думаешь, что знаешь. По сути, лазер — луч света с единственной частотой. Одним цветом. Очень мощный. Когда делают голограмму, луч расщепляют. — Данфи кивнул. — И появляются два луча из одного источника. Первый — такой, как в лампе-вспышке. Бам! Он сталкивается с объектом, и...

что происходит со светом?

Данфи пожал плечами.

— Не знаю, — сознался он. — Он уходит прочь. В пространство.

— Пожалуйста, подумай, — сказал Макс. Само его терпение было похоже на упрек. — Когда свет встречается с каким-либо объектом, с любым объектом, любой свет... Что происходит?

— Он отражается.

— И отраженный свет?

— Не знаю. Куда-то уходит.

— Нет. Экспонирует пленку, в результате чего получается голограмма, — поправил его Макс.

Данфи попытался оправдываться:

— Ты не сказал, что речь идет о пленке.

Макс резко выдохнул.

— Что, по-твоему, голограммы существуют в пустом пространстве? Голограмма — это изображение на пленке!

— Хорошо, и...

— Мы имеем два луча света. Потому что разделили луч. И второй луч не светит прямо на объект, а непосредственно сфокусирован на пленке. Поэтому на поверхности соединяются два луча и создают интерферограмму, по сути, являющуюся зашифрованной картой объекта. Всех завитков и полосок, углублений и выступов. Визуально настоящий хаос. Но если лазер направить под определенным углом, образ объекта воссоздается как абсолютно точная копия. В трех измерениях! Чудо! Так, словно сам объект, а не его копия находится перед вами. В пространстве!

— Да, страшновато, — пробормотал Данфи, заерзав в кресле. — Что они еще напридумают?

— Уважаемый мистер Сарказм! Вы смеетесь, но ведь на самом деле это намного страшнее, чем вы думаете, — заметил Макс. — Пропусти пленку через блендер, порежь ее на куски — изображение все равно сохранится. Вы ведь ни о чем таком и не слыхивали.

Данфи отрицательно покачал головой.

— Подобное происходит потому, что изображение распределяется по всей пленке. Так что каждый отдельный кусок содержит целое изображение. Как наша память и клетки мозга. — Макс с улыбкой откинулся на спинку своего кресла. — Нечто невообразимое, не правда ли?

Несколько мгновений Данфи молчал, созерцая дидактический восторг Макса. Наконец он произнес:

— У меня большие, очень большие проблемы, Макс. Я говорю серьезно. И время...

Макс энергично кивнул.

— Понимаю, — сказал он, наклоняясь вперед с заговорщическим видом. — Но это обычная голограмма. Которую рассматривают в темноте или при особом освещении. А чтобы сделать такую, радужную голограмму, нам необходимо усилить яркость изображения.

— И ты хочешь пересказать мне весь процесс?

— Да, конечно, и без утайки. — Он глубоко вздохнул. — Итак, что происходит? — спросил он. — Мы фотографируем объект через горизонтальную щель. В данном случае концентрация света еще выше, а изображение еще ярче. Голограмма называется радужной,

потому что щель подобна призме. Поверни голову или предмет с голограммой: кредитную карточку, коробку компании «Microsoft» — и свет распадется на составные части спектра.

— На цвета.

— Именно. Как в радуге.

— Ну что ж, спасибо за урок физики, но, возможно, мне и не понадобится голограмма.

В первую очередь мне нужно такое же удостоверение, но с моим отпечатком пальца. Поэтому нет нужды прибегать к помощи Киева. Просто сотри отпечаток этого парня и вместо него помести туда мой.

Макс отрицательно покачал головой:

— Невозможно. Если я вскрою ламинированную оболочку, голограмма будет уничтожена.

— Но ведь ты можешь ее скопировать?

— Да-да, конечно, но... все не так просто, как кажется. Придется полностью переделывать документ...

— Я заплачу.

— Ты заплатишь, я понимаю! Но работа будет стоить дорого, очень дорого! Мне потребуется копия Мадонны — этой Мадонны, — для чего придется отправиться в Швейцарию.

— О чем ты толкуешь? — спросил Данфи.

— Об Айнзидельне. — Он кивнул на голограмму. — О ней.

Данфи озадаченно нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что здесь изображена Мадонна?

Макс возмущенно взмахнул руками.

— Ты христианин? И ты мне задаешь подобные вопросы? Как ты думаешь, о чем мы говорим? Я сказал: «Мадонна» — а ты подумал, что я завел речь о рок-н-ролле?

Данфи взял удостоверение.

— Признаться, я внимательно его не рассматривал. Оно какое-то размазанное. Ах да, ведь она же черная!

— Конечно, черная. Поэтому она так и знаменита. *La Vierge Noire*.^[22] О ней все знают.

В памяти Данфи всплыла открытка, виденная им в доме Брейдинга. Кстати, что на ней было написано? *Protectrice de la ville*. (Защитница города, но какого города?) Джек залпом опрокинул свою рюмочку «Бехеровки» и налил еще. Допив вторую, он спросил:

— И все-таки почему она черная?

Макс фыркнул.

— Кто знает? Может быть, из-за дыма и сажи. Пятьсот лет — это не шутка. Свечи, ладан...

Данфи на мгновение задумался, а затем покачал головой:

— Нет, что-то здесь не так. Ведь если присмотреться, то видно, что черные только лицо и руки. Если бы дело было в дыме и саже, ее одежды тоже почернели бы.

Макс тяжело вздохнул.

— Ты задаешь вопросы еврею о христианской мистике? Откуда мне знать? Что мы вообще обсуждаем — особые удостоверения или мистические культы?

Данфи замотал головой, словно хотел очистить ее от всего лишнего.

— Ладно. Значит, ты едешь туда...

— В Айнзидельн. Он расположен в горах.

— Ты едешь туда и... что?

— Я еду туда и делаю копию статуи или покупаю такую копию. Как только я буду ею располагать, я смогу сделать дубликат голограммы. Но даже в этом случае проблемы останутся.

— Какие. — Данфи произнес это слово без вопросительной интонации, словно ответ или требование.

— С отпечатком пальца.

— Но какая здесь может быть проблема? Когда ты будешь делать дубликат, ты просто поместишь на него мой отпечаток. Только и всего.

— Да, конечно, но... может не получиться.

— Почему?

— Потому что... — Макс замолчал.

— Потому что? — настаивал Данфи.

Макс заерзал в кресле.

— Я пытаюсь понять, почему на удостоверении понадобился отпечаток пальца?

— С целью идентификации, — ответил Данфи. — Это очевидно.

Макс с некоторым раздражением кивнул, так, словно Данфи не понимал главного.

— Да, конечно, но... как он используется?

Данфи задумался.

— Отпечаток на удостоверении сравнивают с...

— С чем?

Данфи нахмурился.

— С моим отпечатком, — сказал он и потер большой и средний пальцы. — Возможно, при входе у них стоит сканер. И если отпечаток на удостоверении совпадает с отпечатком вашего пальца, значит, все в порядке.

— Да, — ответил Макс. — Хорошо. Надеюсь, что так.

Какое-то мгновение каждый из них думал о своем, и оба молчали. Наконец Данфи спросил:

— Что ты имел в виду, говоря, «надеюсь, что так»?

Макс кивнул:

— Да потому что вполне вероятно, что здесь мы столкнулись с чем-то более сложным.

— Что значит более сложным?

— Возможно, у них имеется картотека отпечатков. Возможно, они сравнивают не два отпечатка, а три: один на пальце, один на документе и один в картотеке.

Данфи задумался.

— Да, если они так делают, — сказал он, — тогда я, конечно, влипну еще серьезнее.

— Полностью с тобой согласен.

Воцарилась долгая тишина.

Наконец Данфи спросил:

— Ну и что делать?

Плечи Макса медленно поднялись и так же медленно опустились.

— Может быть, просто рискнуть?

Данфи покачал головой:

— Не думаю. Слишком опасно.

— Ладно! Итак, я делаю новое удостоверение и особый отпечаток пальца.

— Что ты имеешь в виду?

Макс проигнорировал вопрос.

— Знаешь, отпечатки пальцев — интересная вещь.

Данфи прищурился, но Макс не обратил никакого внимания.

— Они как протектор на покрышках. Благодаря этому рисунку пальцы не скользят. — Макс сделал плоток «Бехеровки». — Наверное, первой использовала их в своей работе полиция Буэнос-Айреса, — продолжил он. — Сто лет назад. И ни одного ошибочного результата. Ни разу! Отпечатки пальцев — значительно более надежная вещь, чем анализ ДНК, радужной оболочки, чего угодно! Идеальный биометрический идентификатор.

— Ну что ж, великолепно, — сказал Джек, — но какое отношение все перечисленные тобой факты имеют ко мне и к парню, которому принадлежало удостоверение?

Макс бросил взгляд на документ и сказал:

— Я могу скопировать отпечаток пальца мистера Брейдинга на новое удостоверение. Оно будет соответствовать отпечатку, имеющемуся в картотеке. А затем я могу сделать маленькую перчатку...

— Перчатку? — переспросил Данфи.

— Маленькую перчатку. Только для большого пальца. Я могу перевести в цифровую форму отпечаток этого человека и с помощью лазера вырезать его на... Ну, даже не знаю на чем. На латексе... или на чем угодно другом...

— Мне не нужен презерватив, Макс.

— Или на мягком пластике, который используется для контактных линз. А затем мы сможем наклеить ее тебе на палец. И знаешь что? — Макс засиял. — Оно может сработать!

— Может?

— Почти наверняка! Оно почти наверняка сработает!

Данфи снова задумался.

— Люди, с которыми я буду иметь дело, ошибок не прощают, Макс. Ты можешь дать мне гарантию, что все пройдет как надо?

Макс рассмеялся.

— Конечно! А какая гарантия тебе нужна? Как на стиральную машину?

— Я серьезно.

— Я тоже серьезно, — ответил Макс, внезапно перейдя на суровый тон. — Ты должен понимать, насколько сложно то, о чем ты просишь. Это все равно что печатать деньги. И не обычную американскую валюту. А твердую, настоящую: франки, марки, гульдены... — Он взял удостоверение и поднес его поближе к глазам. — Посмотри, там нить! Вон там!

— Ну и что?

— Ну... может быть, какой-то брак. А может, наоборот, защитная нить. Мне нужно взглянуть на нее под микроскопом. Если мы имеем дело с защитной нитью, на ней может быть что-то отпечатано с помощью микропечати. Несколько повторяющихся слов.

— Каких, например?

Макс усмехнулся:

— «Пристрелите этого парня».

— Очень смешно, — сказал Данфи и покачал головой. — Послушай, Макс, делай все, что считаешь нужным. Только, ради всего святого, не ошибись!

— Ну естественно. Но... нам нужно обсудить денежный вопрос. В противном случае... ну, ты понимаешь.

— Да, конечно. Сколько тебе нужно?

— Поверь мне, легче подделать гильдены для слепых...

— Сколько, Макс?

Он открыл рот, сглотнул и пожал плечами.

— Двадцать пять тысяч.

Данфи молча уставился на него.

Макс откашлялся.

— Это сложно!

Данфи задумался. С одной стороны, конечно, обдираловка. С другой — деньги-то не его.

— Работа должна быть выполнена безупречно, — предупредил он.

— Какие могут быть сомнения! И паспорт? Его я сделаю по обычной цене!

— И сколько?

— Пять тысяч.

— Очень щедро, Макс.

— Спасибо. Ну и, конечно...

Данфи прищурился.

— Что?

— Депозит для кредитных карт. Сколько тебе нужно? Пять тысяч? Две тысячи?

— Десять меня вполне устроит, — ответил Данфи. — И сколько выходит в общем? Сорок тысяч?

Макс скорчил гримасу.

— Такова цена настоящего дела, — пояснил он.

— Понимаю, — отозвался Данфи. — Но есть и еще кое-что.

Брови Макса вопросительно приподнялись.

— Я заплачу тебе аванс, Макс. А затем, когда работа будет завершена, ты все доставишь в Цюрих. У меня нет возможности приезжать сюда еще раз.

Макс поморщился.

— Керри, прошу тебя, я ведь не какая-нибудь «Телепицца», — сказал он.

Данфи опорожнил очередную рюмку с «Бехеровкой», поставил ее на стол и встал.

— Я плачу тебе пятьдесят тысяч долларов. Это на десять тысяч больше, хотя та сумма, которую ты запросил, — настоящее вымогательство. Но я повторяю: работа должна быть выполнена идеально. И быстро. И ты должен привезти все в Цюрих.

Казалось, еще немного — и можно будет услышать, как в голове Макса вращаются колесики.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но только ради тебя...

— Я позвоню через несколько дней.

Макс взглянул на Данфи с сомнением.

— Думаю, телефон не очень хорошая идея. Тот придурок из посольства...

— Все будет нормально. Я попрошу пригласить женщину. Ну, скажем, Женевьеву. Ты ответишь мне, что я ошибся номером, и повесишь трубку. А затем сядешь на самолет до Цюриха. Без задержек. Понятно?

Макс кивнул.

— Знаешь «Цум шторхен»? — спросил Данфи.

— Конечно. В Старом городе у реки.

— Снимешь там номер, и я тебя найду.

Макс встал и пожал Данфи руку. И тут вдруг снова нахмурился.

— В чем дело? — спросил Данфи.

— Я очень беспокоюсь.

— За что?

— За тебя.

Данфи был тронут.

— О Макс, ради Бога...

— У тебя большие проблемы. Голограммы очень дороги. Тебя убьют, и кто тогда мне заплатит?

— Не знаю, — ответил Данфи. — Тебе есть над чем поломать голову. Но в любом случае спасибо за беспокойство.

Нити дождя. Скрежет шин. Редкие аплодисменты. И стюардесса, сообщающая о прибытии в лондонский аэропорт Хитроу.

Час спустя Данфи уже мчался по Уэст-Энду по линии Пиккадилли и вспоминал свою последнюю поездку на метро. С одной стороны, почти ничего не изменилось. В тот раз он бежал с места убийства, и теперь он тоже бежит с места убийства. Однако были и определенные отличия: четыре месяца назад был убит совершенно чужой ему человек, теперь же он пережил зверское убийство близкого друга; а сейчас, когда поезд проносился по унылому, залитому дождем пейзажу, Данфи пытался спастись от собственной неминуемой гибели. Разница была существенная.

Никак не получалось сосредоточиться. Мысли Данфи устремлялись в разные стороны. О чем бы он ни пытался думать, сцена убийства в доме Роско упорно вновь и вновь всплывала перед его мысленным взором, подобно дешевому снимку.

Клементина...

Роско...

Как она отреагирует, если он появится на пороге ее квартиры? Внезапно. Без предупреждения.

Задушили...

Данфи надеялся, что Клементина будет безумно счастлива видеть его, но подозревал, что ее радость может быть несколько испорчена острым желанием убить его. Ведь, в конце концов, он бросил ее. Или по крайней мере так ей могло показаться.

И повесили...

Возникла «ситуация»: Данфи и весь остальной мир, Данфи против всего остального мира. Вокруг этой темы его мысли вращались подобно стрелке секундомера на жидкокристаллическом табло.

Он путешествовал по вполне законному паспорту, что было одновременно и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что британцы вряд ли могли заинтересоваться американцем по имени Данфи. Их гораздо больше занимал воображаемый ирландец по имени Керри Торнли, внезапно исчезнувший несколько месяцев назад. Торнли — личность весьма подозрительная, никто не спорит, но за пределами ЦРУ никому не известна его связь с Данфи. Все перечисленное относилось к положительным аспектам «ситуации».

К отрицательным аспектам следовало отнести то, что Управление очень скоро узнает, что он получил новый паспорт на настоящее имя. И узнав это, его начнут разыскивать за границей, и особенно в Англии. Аспект крайне негативный, ничего не попишешь, размышлял Данфи в тот момент, когда поезд изверг из себя поток пассажиров на Эрлз-Корт. Еще одна негативная сторона его настоящего имени состояла в том, что Клементина потребует объяснений.

Глаза, язык, пластиковый пакет на голове...

На лице женщины, сидевшей напротив, появилось удивленное и испуганное выражение, и Данфи понял, что застонал вслух. Он печально улыбнулся и пробормотал:

— Зуб.

Женщина явно почувствовала облегчение.

Может быть, ему следовало бы отправиться на Канары, прямо на Канары. Найти там

Томми Дэвиса. Покутить. Загаиться. Через какое-то время, возможно, все рассеялось бы само собой.

Верно, подумал Данфи. Но вот только... У него был богатый жизненный опыт, на основе которого он сделал один важный вывод: практически ничего само собой не рассеивается. А если и рассеивается, то, как правило, вместе с останками причастных к делу людей. Кроме того, он не просто скрывается от преследования. У него была цель: как только он найдет парня, который пришел Роско, он...

И что? Что он сделает? Что он на самом деле сможет сделать? Убьет его? Данфи подумал и решил, что убьет. Совершенно определенно убьет. Без малейшего содрогания? Да. Без малейшего содрогания. Он сможет. Только не в убийстве суть. И даже не в парне, пришившем Роско. Убийца Роско был простым солдатом вражеской армии, выполнявшим приказ командования, и вот именно оно, «командование», и было нужно Данфи. Или, если уж быть совсем точным, «командование», армия и тот парень.

«Когда я его найду, я задушю его собственными руками. А потом похороню его. Последнее очень важно — похоронить подонка. Потому что, только похоронив его, можно помочиться на его могилу».

Двадцать минут спустя Данфи стоял под дождем у дома, где жила Клементина и смотрел на окно третьего этажа, думая, не наблюдает ли и она за ним из-за штор. Он подошел к двери, постучал. Два тихих удара. Потом немного громче.

— Клем? — произнес он шепотом. — Клем!

Никакого ответа.

Ее нет дома, подумал Данфи и повернулся, чтобы уйти, чувствуя одновременно разочарование и облегчение. Он подумал, что вернется завтра, когда внезапно услышал, как повернулся замок. Дверь распахнулась.

— Керри?

Данфи обернулся, и его взгляд впитал ее сразу всю. Она только что проснулась, и ее все еще окутывала аура тепла и домашнего уюта.

— Джек, — ответил он, переминаясь с ноги на ногу. — Меня зовут Джек Данфи. — Помолчал и добавил: — Хватит лгать.

Он улыбался как идиот, делая шаг и протягивая руки, чтобы принять ее в свои объятия, и оказался совершенно не готов к тому, что внезапно возникшая перед его физиономией ладонь Клементины нанесет ему по щеке звонкий и весьма чувствительный удар.

— О... Боже!

— Подонок! — произнесла она и размахнулась для нового удара, на сей раз правой рукой, но ему удалось перехватить ее руку и притянуть девушку к себе.

— Не надо, — сказал он. — Больно.

Данфи потряс головой, и злоба оставила Клементину так же внезапно, как минуту назад овладела ею. Слезы хлынули из глаз, и она упала в его объятия.

— Я так по тебе скучала, — прошептала она. — Мне было так плохо.

Они вошли в квартиру и, миновав гостиную, прошли прямо в спальню. Упав на кровать, они занимались любовью с нежностью и отчаянием обреченных. Снова и снова... Затем начало смеркаться, и внезапно наступила ночь. Следующее, что помнил Данфи, было то, как Клементина будит его.

Они отправились в греческий ресторан на Шарлотт-стрит с его особым неповторимым

уютом, свечами и запахом дров в камине. Устроились за столиком в углу, и Данфи попытался объяснить Клементине — правда, соблюдая предельную осторожность и оттого не очень внятно, — почему ему так спешно пришлось покинуть Англию.

— Ну, понимаешь, это такой случай, которые бывают... ну, по правде говоря... как бы то ни было, я ничего не мог поделать... В общем, те люди, на которых я работаю... или работал...

— Да-да, именно. И кто же они такие? Ведь ты так и не сказал.

— Ну... они... в общем, одно правительственное учреждение.

— Значит, ты шпион?

Данфи отрицательно покачал головой:

— Нет. Я был шпионом. Ну а теперь я... — Он не знал, как закончить неудачно начатую фразу.

— И кто же ты теперь?

— Теперь, я полагаю, меня можно было бы назвать безработным.

— Значит, ты оказался лишним?

— Да. Совершенно точно. Я лишний. Я, блин, абсолютно лишний.

Клементина склонила голову набок.

— И что это значит в шпионской работе?

— Примерно то же, что и в любой другой. — Внезапно Данфи с таинственной улыбкой наклонился к ней. — Официант явно в тебя влюбился, — прошептал он.

Она пристально взглянула на него.

— Хочешь сменить тему?

— Должен.

— Почему?

— Есть такая вещь, которая называется «нужно знать».

— И что?

— У тебя ее нет.

Клементина нахмурилась.

— Мы еще посмотрим, — сказала она.

Наступила пауза. И тут Данфи внезапно, как будто вопрос только что пришел ему в голову, спросил:

— Ты все еще ходишь заниматься в Кингз-колледж?

Клементина кивнула.

— Знаешь, у меня возникли вопросы по поводу одного тамошнего профессора. Того, который погиб... Шидлофа. Как ты думаешь, я мог бы побеседовать с кем-то из его студентов?

— Не знаю, — ответила Клементина, кладя в рот оливку. — Возможно. А ты их знаешь?

— Нет. Не имею ни малейшего представления, — ответил Данфи. — И откуда я могу их знать?

Клементина пожала плечами.

— Шпион ты, а не я. Я думала, ЦРУ знает все.

— Да, конечно, возможно, что и так, но... в данный момент я в таком положении, что не могу задавать Управлению какие-либо вопросы. Послушай, в колледже наверняка есть список учащихся. Должно ведь учебное заведение знать, кто какой курс у них проходит!

— Конечно, должно. Только вот я никого не знаю в регистрационном отделе, а даже

если бы и знала, существуют правила конфиденциальности. Они не предоставят мне подобную информацию. — Клементина замолчала. — Почему ты улыбаешься?

— Из-за того, как ты произнесла слово «конфиденциальность». С мягким «н».

— И это тебя до такой степени обрадовало?

— Да.

Клементина усмехнулась:

— Ну что ж, тогда нужно совсем немного, чтобы сделать тебя счастливым.

Официант поставил к ним на стол тарелки с муссакой,^[23] долмой^[24] и хуммусом^[25] и наполнил бокал Данфи вином золотистого цвета, по вкусу сильно напоминавшим шеллак. Они замолчали, наслаждаясь уютной тишиной экзотического ресторана и влюбленно глядя друг на друга. Внезапно Клементина оторвала взгляд от тарелки, наклонилась вперед и воскликнула:

— Саймон!

— Что?

— Саймон!

Данфи оглянулся.

— Что я должен сделать? Закрывать глаза? Повернуться на сто восемьдесят градусов? Что?

— Саймон учился на факультете психологии. Факультет очень большой, но... возможно, Шидлоф что-то у него читал.

— Ты можешь ему позвонить?

Она отрицательно покачала головой:

— Не думаю, что у него есть телефон. И я даже не знаю его фамилии.

Плечи Данфи опустились.

— Да, тогда найти его будет трудновато.

— Напротив, очень легко.

— Каким образом?

— На рынке в Кэмден-Лок. У его родителей что-то вроде палатки. Торгуют сантехническим оборудованием, старой военной формой. Обычным барахлом.

— Ты меня познакомишь с ним? — спросил Данфи.

— Если обещаешь купить мне куртку сержанта Пеппера, то конечно.

Воскресенье выдалось холодное, из подземки тянуло жуткой стужей. Поднимаясь вверх по длинному эскалатору, Данфи и Клементина прижались друг к другу, защищаясь от сильнейшего вихря, поднятого кондиционерами.

— Сущий ад! — воскликнула Клементина. — Я замерзаю, а мы ведь еще даже не на улице!

Она обеими руками обхватила правую руку Данфи так, словно он пытался от нее убежать, и приплясывала, чтобы хоть немного согреть замерзающие ноги.

Клементине удавалось быть красивой без малейшего усилия, как это часто удается моделям, когда они проходят по аэропортам Нью-Йорка, Парижа и Милана. Она надела первое, что попало ей сегодня утром под руку: старенький хлопчатобумажный свитер (черного цвета); джинсы (тоже черные, протертые на коленях); сапожки из мягкой кожи с отворотами и тонкую кожаную куртку, которая совсем не спасала от холода. Ветер разметал ее волосы, и то накрывал ими лицо, то поднимал вверх. Ей не хватало времени на косметику,

да, собственно, она в ней и не нуждалась. Начистой бледной коже Клементины от холода появился легкий румянец. Стоя рядом с ней на эскалаторе, с легким грохотом поднимающемся на поверхность под наклоном в сорок пять градусов, Данфи периферийным зрением отметил взгляды по меньшей мере полудюжины мужчин.

Ветер прекратился, едва они вышли из метро, слившись с толпой на Кэмден-Хай-стрит. Боковые улочки были заполнены обкуренного, нервного вида парнями в кожаных куртках, африканскими торговцами, наркоманами, металлистами, яппи, панками, пьяницами, пшизофрениками, туристами, артистами пантомимы. Воздух представлял собой мешанину из сладковатых и кислых ароматов, запаха жареных каштанов и прокисшего пива, колбасы, лука и пота. И все это двигалось под перекрывающие друг друга ритмы регги, рэпа, зуки, Билла Хейли и «Перл джем». Клементина с сияющим, радостным лицом крепко держала Данфи за руку, а толпа несла их по улице мимо хлипких палаток, загруженных свитерами, бесчисленными вешалками с грошовой одеждой и коробками с контрабандными записями.

— Такое впечатление, что у них здесь лето любви,^[26] — сказала она. — А на самом деле ведь вокруг зима и мороз. И люди выглядят совсем иначе.

Данфи хмыкнул.

— Да, ты права. Но что ты знаешь о «Лете любви»? Ведь тебя тогда даже в проекте не было.

— Я видела документальный фильм.

Они нашли Саймона в магазине его родителей, который оказался просто открытой витриной посреди хитросплетения тупичков, ниш, комнатенок в зданиях, когда-то, много лет тому назад, служивших городскими конюшнями. Худой как палка, двадцати с чем-то лет, Саймон, несмотря на вполне зимнюю стужу, стоял в пинк-флойдовской майке, голубых джинсах и «док-мартенсах».^[27] Татуировка с изображением Бетти Буп^[28] украшала то место, где должен был бы располагаться бицепс. Неподалеку электрообогреватель светился ярко-оранжевым огоньком, похожим на тот цвет, который охотники носят в сезон охоты на оленей.

Заметив Клементину, Саймон сразу расцвел.

— При-вет! — крикнул он и зашагал к ней, протянув руки для объятия.

Обнявшись, они, по мнению Данфи, слишком уж долго раскачивались из стороны в сторону. Наконец Саймон заметил его и робко отступил на несколько шагов.

— Может быть, чашку чаю? Для тебя и для твоего друга?

— Нет...

— Конечно, конечно, да! — воскликнул он и исчез за занавеской с кисточками.

Данфи бросил взгляд на Клементину.

— Кажется, ты говорила, что не очень хорошо его знаешь.

Клементина покачала головой.

— На самом деле я сказала, что не знаю его фамилии.

Несколько мгновений спустя из-за занавески появился Саймон с парой щербатых чашек, в которых дымился горячий чай.

— «Тэтли». Лучшее, что у меня есть. Зато горячий. — Он протянул чашки Данфи и Клементине и плюхнулся на один из множества стульев, что в беспорядке заполняли помещение. — Итак, — произнес он, потирая руки с видом человека, жаждущего услышать что-то интересное, — что я могу вам сегодня предложить? Душ, совсем как новенький? Вибратор, которым почти не пользовались? Или что-то еще?

— Спасибо, не сегодня. Джека интересует тот профессор... которого пришили.

— Шидлоф?

— Да-да, Шидлоф, — подтвердила Клементина. — Я сказала Джеку, что ты слушал его лекции.

Саймон пристально взглянул на Данфи.

— Значит, вы полицейский?

— Нет, — ответил Данфи.

— Друг семьи?

Данфи покачал головой.

— Просто друг Клем.

Саймон кивнул:

— Да, ведь у нее явно больше друзей, чем у Билла.

Данфи улыбнулся:

— Подозреваю, что так. Но ведь... вы действительно посещали его лекции?

— Да, посещал. Ну и что?

— Я надеялся, что у вас могли сохраниться конспекты.

— Что? От лекций Шидлофа?

— Да.

— Маловероятно. Да если бы они и сохранились, их бы уже забрала полиция. Ведь так?

— Не знаю. А с какой стати?

— Потому что полицейские приходили ко мне. Я удостоился их визита за посещение лекций Шидлофа.

— И они конфисковывали студенческие конспекты?

— Говорили, что собирают информацию. «Информацию о чем?» — спросил я их. «Не твоего ума дело!» — ответили они. Мне преподнесли великолепный урок на тему академических свобод.

— И все-таки, — настаивал Данфи, — вы можете что-нибудь рассказать о его лекциях?

— Что конкретно?

— О чем были лекции?

Саймон взглянул на Клементину, и в глазах его читался вопрос: «Что это за парень?» Клементина пожалала плечами, словно хотела сказать: «Давай-давай, делай, что тебя просят».

— Ну... — ответил Саймон, — все было довольно сложно, верно?

— Я не знаю. Меня там не было.

— Зато я был. И все было очень-очень сложно.

— Может быть, ты расскажешь что-то более конкретное, Саймон? — предложила Клементина.

Парень тяжело вздохнул:

— Ну ладно. — Он повернулся к Данфи. — Знаете что-нибудь о Юнге?

Данфи отрицательно покачал головой:

— Очень немного.

— Тогда будет действительно трудновато. Ведь это был не базовый курс, а семинар.

— По Юнгу?

— Он назывался «Разметка поля архетипов» и был посвящен... — Саймон беспомощно взглянул на Клементину, и та весело подмигнула ему. Улыбнувшись, он снова глубоко вздохнул, откашлялся и повернулся к Данфи. — Ладно! — повторил он. — Семинар был

посвящен Юнгу. Основателю аналитической психологии. Коллеге Фрейда. Теперь к нему относятся с определенной долей подозрительности за его, как некие критики полагают, несколько неумеренный интерес к volkisch^[29] проблемам. Проще говоря, парня подозревают в том, что ему звонили напрямую из бункера. Не говоря уже о том, что ходили слухи, будто он придумывал истории болезней своих пациентов. В качестве примера могу привести историю «Человека с солнечным фаллосом».

— Чью историю?

— «Человека с солнечным фаллосом».

— И кто это такой?

Саймон пожал плечами.

— Псих. Но он не имеет особого значения. По крайней мере для нас. Потому что подробно его историю мы не изучали. Я просто пытаюсь ввести вас в курс дела. Ведь данная тема весьма обширна и сложна. У старика Юнга было множество разных идей: о религии, мифологии, алхимии. О синхронизме.

— Это еще что? — спросила Клементина.

Саймон нахмурился.

— Смысл упомянутого термина состоит в том, что совпадения чаще всего не просто совпадения, а нечто большее, — объяснил Данфи.

— Очень точно! — воскликнул Саймон. — Совершенно верно. Синхронизм есть не что иное, как то, что вы сказали — идея значимого совпадения.

— Именно на эту тему и проводились семинары? — спросил Данфи.

— Нет, — ответил Саймон. — Предполагалось, что они должны были представлять исследование коллективного бессознательного, которое... — Парень снова впал в задумчивость, а пар от его дыхания на холодном воздухе напоминал кучевое облако. Джек уже собирался нарушить молчание, когда молодой человек поднял палец вверх, взглянул на своих гостей и начал цитировать по памяти: —...которое есть... «матрица»... образов и снов, воплощающая... Я надеюсь, вы внимательно меня слушаете, потому что каждое слово здесь — настоящая жемчужина... воплощающая филогенетический опыт всего человечества, соединяющая все со всем и воздействующая на все и вся.

Саймон наконец закрыл рот и улыбнулся.

Данфи кивнул, но на Клементину познания Саймона не произвели ни малейшего впечатления.

— Но что же это все-таки такое?

Саймон вздохнул, академический энтузиазм уже начал оставлять его. Подумав, он сказал:

— Все равно как Интернет, только без рекламы. Или можно описать его как большое облако идей и образов, но очень больших идей и очень ярких образов, которые способны тебя по-настоящему завести. И они находятся одновременно повсюду и нигде. А модем встроен тебе в затылок. Главное отличие состоит в том, что не ты подключаешься к коллективному бессознательному, а оно подключается к тебе.

Клементина улыбнулась.

— Я так и думала, — сказала она. — И всегда в это верила.

Она сидела рядом с Данфи в стареньком кресле, скрестив ноги, наклонившись вперед и подставив лицо холодному ветру. Правой ногой Клементина выстукивала какой-то ритм, возможно, просто для того, чтобы согреться.

— Ну а теперь давай, открывай! — Она повернулась к Данфи.

— Что открывать?

— Бумажник. Ты обещал мне куртку. Так что выкладывай.

Данфи скорчил гримасу, сунул руку в задний карман и протянул ей бумажник.

— Я только на минутку, — сказала она. — Я знаю тут одно место.

С этими словами Клементина поднялась, повернулась на каблуках и вышла. Данфи с Саймоном наблюдали за ней, пока она не повернула за угол, а затем возвратились к главной теме разговора.

— На чем мы остановились? — спросил Саймон.

— На том, что оно подключается к нам, — ответил Данфи.

— Да, именно.

Мгновение Данфи размышлял. Ноги у него совсем замерзли, пальцы на ногах окоченели.

— Вы меня извините, — проговорил наконец Данфи, — но я не могу понять, каким образом из-за таких вполне невинных вещей человека могли отправить на тот свет.

— Да, жаль, что вас там не было. Шидлоф мог кого угодно загнать в гроб своими лекциями. Я хочу сказать, скука действительно была смертная.

Джек улыбнулся неуклюжей шутке парня.

— Но какова была его собственная точка зрения на проблемы, о которых он говорил в своих лекциях? Вы сказали, это был семинар, семинар по... как вы назвали? Разметке...

— ...поля архетипов. Совершенно верно! Так я и сказал. Но вы должны понять, что Шидлоф по-настоящему верил в то, о чем говорил. Для него бессознательное, коллективное бессознательное, не было просто теорией. Оно было столь же реально, как вы или я. Что означало, что оно может быть описано — или размечено, или исчислено — по крайней мере в терминах своего содержания.

— Какого содержания?

— Архетипов. Когда Шидлоф говорил о коллективном бессознательном, он имел в виду поле архетипов, изначальных образов, картин, пиктограмм, корнями уходящих в самые истоки бытия. А это ведь очень круто!

— Ну и в чем состояла его цель... в чем? — спросил Данфи.

Саймон задумался на мгновение, а затем сказал:

— Думаю, Шидлоф пытался доказать теорию.

— Какую теорию? — спросил Джек.

— То, что я вам скажу, не более чем догадки.

— Я слушаю.

— Профессор работал над биографией Юнга и, кажется, нашел какие-то бумаги в Швейцарии. Он часто ездил в Цюрих с исследовательскими целями. Беседовал там с разными людьми и...

— Какие бумаги?

— Письма... Которые никто до него не видел. Профессор сказал, что они вызовут настоящую бурю, если его книга выйдет в свет.

Данфи задумался.

— И что, по вашему мнению, он пытался доказать? — спросил он после некоторого размышления.

Саймон сжал губы и поморщился.

— Он не любил особенно распространяться на эту тему, но раз или два все же проговорился.

— Вот как?

— Ну, профессор думал, что кто-то... или что-то... он никогда не говорил точно, что... но он думал... он думал... что кто-то манипулирует...

— Манипулирует чем?

— Коллективным бессознательным.

— Чем?

— Он полагал, что кто-то перепрограммирует коллективное бессознательное, вводит новые архетипы, возрождает старые.

— Каким образом? — спросил Данфи почти с откровенной насмешкой в голосе.

Саймон пожал плечами:

— Не знаю. Но если бы подобное действительно оказалось возможным, вы бы могли запросто переделать человечество. Не отходя от щита управления. Ведь в вашей власти был бы тот самый «модем», который находится у каждого из нас в затылке. Следовательно, вы стали бы властелином мира! Поэтому Шидлоф на своих семинарах стремился — но, повторяю, это не более чем моя личная версия — составить список, некий каталог архетипов, чтобы проверить, нет ли среди них каких-то новых. Или тех, которые, по нашему мнению, можно было считать возрожденными.

— И вы нашли что-то?

К немалому удивлению Данфи, Саймон ответил утвердительно:

— Да, как мне кажется, нашли.

— Что?

— Ну, явно НЛО...

— Явно?

— Да. Явно, потому что в пятидесятые годы Юнг написал о них книгу, и... ну, в ней все об этом сказано. Он назвал их «новым возникающим в наше время архетипом». И «предтечей Мессии». Цитата. Он писал, что они сигнализируют о рождении нового мира. — Саймон помолчал и с лукавой улыбкой добавил: — Неплохая получилась подсказка.

— Что еще?

Саймон наклонил голову сначала в одну, потом в другую сторону:

— Мы говорили о кругах на полях, об изуродованных домашних животных, о многом... Что-нибудь не так?

Джек покачал головой, которая начинала идти кругом от подобной информации.

— Нет-нет, ничего, все в порядке, — ответил он.

— Ну а потом произошло то, о чем вы знаете, профессора пришили, полиция забрала наши конспекты, на чем все и закончилось. Я имею в виду семинар.

Мгновение Данфи молчал. Затем спросил:

— Но почему все-таки изуродованные домашние животные?

Саймон фыркнул.

— Ну, это что-то вроде жертвоприношений. Явление древнее, как мир. Шидлоф говорил, что кому-то нужно взбаламутить стоячие воды. «Возродить дремлющий архетип».

— Но зачем?

Саймон покачал головой:

— Не знаю. Если верить Юнгу, — а участь у Шидлофа, верить Юнгу был

обязательно, — все каким-то образом связано с религией. Со вторым пришествием. «Новым веком». Ну и многим другим в том же роде. — Парень оглянулся по сторонам и попытался встать. — Послушайте, — сказал он, — я начинаю терять клиентов...

— Успокойтесь, пятьдесят фунтов я вам гарантирую.

Саймон снова сел.

— И все-таки, — продолжал он, — если вам интересно знать мое мнение, это чушь собачья.

Джек кивнул, глядя в пол и пытаясь связать полученную информацию в целостную картину. Ничего не получалось, и он просто покачал головой.

— Если вы хотите знать, что я думаю... — сказал Саймон.

— По поводу чего? — откликнулся Данфи.

— По поводу смерти Шидлофа. Если бы она меня действительно интересовала, я бы позвонил в диспетчерскую службу гребаного Хитроу. И спросил бы у них, что они видели.

— О чем вы?

— О том гребаном вертолете.

— О каком вертолете?

— Бесшумном. В газетах о нем ничего не было, но его видели. Я читал о нем в Интернете, на сайте www.alt.rec.mutes. Тот парень, который нашел старика Шидлофа, утверждал, что в газетах написали неправильно: он не споткнулся о профессора. Он заявлял, что значительных размеров вертолет завис в воздухе как раз над Внутренним Темплом, но он был настолько бесшумный, что скорее напоминал вертолет из мультфильма, нежели настоящий. И потом он увидел, как из люка вывалился наш старый друг и громко плюхнулся на лужайку. Летел он, по словам парня, с высоты примерно пятьдесят футов.

— Бред! — воскликнул Данфи.

— Я говорю вполне серьезно!

— Знаю, но...

Саймон улыбнулся, увидев входящую Клементину. С ее плеч до середины бедер свисала длинная синяя куртка с золотыми эполетами. Над левой грудью рядом с ленточкой с надписью «AIDS» был приколот значок «Серп и молот».

— Вы все еще не закончили? — спросила она, возвращая Данфи его бумажник.

Данфи покачал головой:

— Нет, кажется, мы все выяснили. Во сколько мне это обошлось? — спросил он, кивая на ее куртку.

— Шестьдесят фунтов, — ответила Клементина.

Данфи хмыкнул, достал из бумажника пятидесятифунтовую бумажку и протянул ее Саймону.

— Вот, — сказал он.

— Ну что ж, спасибо. Чем мог, помог. — Парень засунул банкноту в карман.

— Да-а, — произнес Данфи, вставая. — Действительно помог. У меня даже голова кругом идет.

Улыбка Саймона сделалась еще шире.

— Неужели в самом деле помог?

— Да уж, — ответил Данфи. — Благодаря твоей помощи я теперь не знаю, что и думать.

Спать Данфи не мог.

Он лежал рядом с Клементиной и наблюдал, как отблески автомобильных фар поднимаются по стене и скользят по потолку. Сквозь оконные рамы в комнату откуда-то с улицы пробивалась назойливая мелодия — старая песня Леонарда Коэна, повторявшаяся снова и снова. Вдруг она прекратилась, словно корабельный двигатель внезапно заглох посреди открытого моря.

Джек подвинулся к Клементине, обхватил ее левой рукой и притянул к себе. Погрузил лицо в тепло ее волос и какое-то время лежал неподвижно. Мысли в голове путались.

Он сел, свесил ноги с кровати и оглянулся по сторонам. Полоска водянистого света, отбрасываемого уличным фонарем, сочилась в окно, создавая золотистый островок на поверхности вытершегося красного дхурри,^[30] на прикроватном столике, на книгах.

Данфи прищурился, пытаясь прочесть названия книг. «Код бытия», «Стрела времени», «Фургон». Он и не предполагал, что Клементина так много читает.

Встав с постели, Джек медленно и тихо оделся в полумраке комнаты. Хорошо бы совершить долгую пробежку, но это было совершенно исключено — у него не было ни обуви для бега, ни шортов. Он решил немного пройтись пешком — все лучше, чем сидеть здесь в темноте.

Квартира была слишком маленькой, для того чтобы Данфи мог чем-то заниматься в ней, пока Клементина спала. Их жилище состояло всего из одной комнаты с высоким потолком и несколькими окнами с двойными рамами, выходящими на Болтон-Гарденс. Прямо за углом проходила современная и шумная Олд-Бромптон-роуд. До переезда сюда Клементины квартира служила временным жильем ее тетки-актрисы, пожилой дамы, год назад перебравшейся в Лос-Анджелес. Она не стоила девушке ничего и перешла к ней вместе с сезонным билетом на футбольные матчи в Стэмфорд-Бридж.

Закрывая за собой дверь и выходя на лестницу, Данфи слышал за спиной спокойное дыхание Клементины. Еще не было и пяти утра, но сон с него как рукой сняло. Матта. Бламон. Роско. Шидлоф. Их лица всплывали перед мысленным взором и исчезали, словно в слайд-шоу.

Пройдя по Кромвель-роуд в направлении Турлоу-сквер, он миновал музей Виктории и Альберта, затем повернул на Бромптон-роуд по направлению к «Хэрродз». Магистраль, собственно, была одна и та же, но название ее менялось через каждые несколько кварталов, из-за чего возникало впечатление, что сама улица пытается убежать от кого-то. Данфи забавляла мысль, что у него с Кромвель-роуд есть нечто общее.

Ночь как будто специально выдалась для любви. С запада дул легкий теплый ветерок, несший с собой предутренний туман, который закрывал и смазывал тускнеющий свет звезд. Воздух был свеж и бодрил. Пройдя мимо «Хэрродз», Джек пересек улицу по направлению к «Скотч-Хаус» и некоторое время стоял там под навесом, глядя на витрину. Не было никаких оснований полагать, что за ним следят, но в подобных обстоятельствах манию преследования бывает очень трудно побороть. Поэтому он некоторое время постоял там, внимательно разглядывая в стекло витрины мир у себя за спиной. И с облегчением увидел только собственное отражение. Отвернувшись от «Скотч-Хаус», пересек улицу в направлении старого отеля «Гайд-парк» и пошел к самому парку.

Надо бы позвонить Макс, подумал Данфи. Из телефона-автомата. Впрочем, нет, не стоит. Нет смысла ни звонить Макс, ни видаться с ним до тех пор, пока он не посетит банк и не получит деньги.

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, возможно, даже наперекор им, Данфи с нетерпением ждал своего визита в банк. Они с Клем смогут провести денек или в два в Сент-Элье, наслаждаясь обществом друг друга, пока не понадобится ехать в Цюрих.

Какое-то время он прогуливался по Роттен-роу, затем по траве прошел к берегу Серпантин.

В первый раз Данфи увидел это озеро во время легкоатлетических соревнований. Тогда ему было всего двадцать. Впервые за время своего существования легкоатлетическая команда колледжа Бейтса выехала за границу. Данфи пробежал мило, получив достойное четвертое место среди представителей дюжины других учебных заведений. Оксфорд, Хаверфорд, Морхаус, Гарвард... Он уже забыл других участников забега, но до сих пор помнил свое время — 4 минуты 12 секунд. Так хорошо он больше уже никогда не бегал.

Туман поднимался с озера подобно пару. Прошло двенадцать лет, а он все еще бежит.

Воздух начал светлеть, словно ночь предчувствовала восход солнца. Данфи прогулялся по дорожке, которая вывела его из парка, затем вернулся на ту улицу, по которой пришел туда, и отправился дальше по Бромптон-роуд мимо Кромвель-Гарденс. У станции метро Глостер-роуд Данфи зашел в рабочее кафе выпить чашку чаю с булочкой. Кафе только начинало наполняться людьми в тяжелых башмаках и грязных джинсах, но в воздухе уже стояло густое облако табачного дыма от дешевых сигарет. Это было теплое и уединенное место, отделенное от улицы непрозрачным стеклом запотевшего окна. Чай был горячий, сладкий и вкусный, и Данфи пил его не торопясь, читая брошенный кем-то номер «Сан». «Манчестер юнайтед» снова впереди всех, а Ферджи... ну а Ферджи работает на «Вейт уочерс интернэшнл».

Допив чай, Данфи вышел из кафе и пошел дальше по Кромвель-роуд по направлению к Болтон-Гарденс. До восхода солнца оставалось всего несколько минут, и улица начала заметно светлеть и заполняться прохожими. Какой-то мужчина в костюме-тройке и котелке спешил к станции метро. С номером «Таймс» под мышкой и зонтиком, прикрепленным к дипломату, он казался видением — чем-то вроде призрака делового прошлого Британии.

С ближайшей боковой улицы доносился стук и хруст жестяных банок — дворники принялись за свою работу. И тут Данфи услышал еще один звук, источник которого поначалу не смог точно определить: отдаленное завывание, которое становилось все громче и громче, до тех пор пока, обернувшись, он не понял, что слышит звук набирающего скорость автомобиля. Он исходил от черного «ягуара», и не успел Данфи понять, в чем дело, машина пронеслась мимо него с такой скоростью, что даже дух захватило. Боже! Куда, черт возьми, они несутся?! И ведь, как всегда, в нужный момент полиции нет на месте. Он проследил взглядом за машиной и заметил, что она резко затормозила у Коллинхэм-роуд. Раздался громкий хлопок, похожий на отдаленный пулеметный огонь, «ягуар» круто свернул влево, притормозил и тут же скрылся из виду.

Данфи тоже свернул на Коллинхэм-роуд. Следуя за «ягуаром» по пятам, он видел, как первые лучи утреннего солнца освещают окна четвертого этажа многоквартирных домов справа от него. До квартиры Клементины оставалось всего пять минут ходьбы, но Данфи сразу понял: что-то не так. «Ягуар» стоял рядом с входом в квартиру Клем на расстоянии примерно трех футов от тротуара в том месте, где парковка была запрещена, и потому

казался брошенным. Джек мгновение постоял неподалеку, прислушиваясь к тому, как постепенно глохнет мотор автомобиля, затем резко развернулся и пошел в обратном направлении. Теперь у него не оставалось ни малейших сомнений относительно того, что люди, сидевшие в машине, приехали за ним. Сколько их? Двое? Трое? Двое... Судя по тому, как они вели машину и как они ее остановили, было совершенно ясно — эти парни приехали совсем не для того, чтобы побеседовать с ним.

Им нужен был он, и с вполне предсказуемой целью. Но что произойдет, если, придя в квартиру, они не найдут его там? Будут ли они ждать его возвращения? Да, конечно. А во время ожидания не выместят ли они злобу и раздражение на Клем? Вполне возможно, ведь они не полицейские. Это совершенно очевидно. Полиция не ездит на «XJ12». Итак, как же они поступят? Что они могут сделать с Клем? Может быть, изнасилуют ее? Данфи не мог ответить ни на один свой вопрос. Он знал только, что нужно действовать, и как можно быстрее. Но что сделать? Квартира превратилась в ловушку, и что бы он ни пытался придумать, изменить сложившуюся ситуацию невозможно. В конце концов ему придется проглотить приманку. Он будет вынужден вернуться туда. Но когда? И каким образом?

Дойдя до Кромвель-роуд, Данфи остановился у газетного киоска, решив обдумать все более обстоятельно. Они спросят у Клементины, где он, и, когда она скажет, что не знает, начнут ее избивать. Они будут избивать ее хотя бы потому, что им никто не мешает. По их логике, она может передумать и предпочтет сотрудничать с ними.

Джеку пришло в голову, что он сумеет как-то повлиять на ситуацию, позвонив Клементине. Он купил в киоске телефонную карту и прошел к общественному телефону на противоположной стороне улицы, рядом с «Кэт энд беллз». В телефонной будке вставил карту в аппарат, набрал номер и услышал телефонные гудки.

Если Клем одна, он сразу поймет. Услышит по голосу, о чем бы она ни заговорила. И если не одна, тоже поймет, потому что они не позволят ей снять трубку. Они не пойдут на риск, не зная точно, что она может сказать и сделать. А ведь ей потребуется всего одно слово, чтобы предупредить его, всего лишь интонация, даже просто долгая пауза. Если они хоть что-то соображают, они будут рассуждать так же, как и он. А если они работают на Управление, как подозревал Данфи, то почти наверняка соображают неплохо.

— Алло, Клем слушает!

Данфи чуть было не подпрыгнул, у него с плеч свалилась невероятная тяжесть. С ней все в порядке. Она спокойна и счастлива. И не притворяется. Он сразу понял это.

— О, детка, — начал он, — я был...

— В данный момент меня нет дома или я говорю по другому телефону, но если вы оставите свое имя и номер, я позвоню вам, как только вернусь.

Черт! Автоответчик! Данфи весь напрягся в ожидании сигнала. И когда он наконец прозвучал, сделал все, чтобы голос прозвучал беззаботно и легко.

— Клем! Говорит Джек. Извини, мне нужно было выйти. Послушай, меня не будет пару часов... я на другом конце города... но, пожалуйста, никуда не уходи, и я угощу тебя превосходным завтраком.

Данфи повесил трубку и оглянулся по сторонам. Это на какое-то время удержит их от излишне жестких поступков, а ему сейчас и нужна была только передышка, чтобы все обдумать. Обдумать, как выманить их из квартиры, заставить следовать за ним. И не просто, а следовать за ним в *панике*. Данфи застонал. Потребуется время, потому что у него не было ни малейших соображений относительно того, как поступить.

Свернув на узкую улочку за «Кэт энд беллз», он прошел мимо выброшенного дивана, чувствуя вонь от расположенной неподалеку свалки. Взглянув на диван, неожиданно почувствовал нестерпимую усталость, но не поддался соблазну сесть на него. На подушках лежало покрывало, настолько пропитанное грязью, что Данфи не мог понять даже, какого оно цвета. Следовало бы сжечь такую пакость, подумал Данфи, и эта мысль навела его на некоторые соображения.

Минут через двадцать, облегчив бумажник еще на пятьдесят фунтов, Джек Данфи шел по Коллинхэм-роуд с длинным куском материи в одной руке и канистрой керосина в другой. Повернув за угол по направлению к Болтон-Гарденс, он пересек улицу, подошел к «ягуару» и канистрой разбил окно в машине рядом с водительским местом. Очистив дыру от осколков битого стекла, Данфи просунул руку с емкостью внутрь автомобиля, нащупал пол и вскрыл банку. Затем прошел к багажнику.

Из квартиры Клементины он был прекрасно виден, но с этим неприятным обстоятельством Данфи ничего поделать не мог. Если владельцы автомобиля смотрят на улицу, они его обязательно увидят, и тем не менее ему казалось, что вряд ли они будут сейчас смотреть сюда, так как он обещал вернуться не раньше чем через два часа. И все-таки...

Кусок тряпки он засунул в банку с керосином, а остальную часть ткани оставил висеть снаружи. Открыв дверцы машины, разлил керосин по сиденьям и бросил канистру внутрь. Сердце билось неистово, голова кружилась запаха керосина. Похлопав себя по карманам, Данфи нащупал коробку спичек за три пенса и, достав одну, уже собирался чиркнуть ею, когда услышал какой-то звук и обернулся.

Он ожидал, что ему выстрелят прямо в лицо, ожидал увидеть человека в галстукеленточкой и с пистолетом, но перед ним на крыльце стояла женщина в ночной рубашке, которая держала в руке бутылку молока и с ужасом смотрела на него.

— Это ваша машина, мадам?

Женщина медленно покачала головой.

— В таком случае будет лучше, если вы войдете в дом.

Она кивнула и сделала шаг назад, пытаясь нащупать дверную ручку. Найдя ее, женщина вошла, тихо закрыла за собой дверь и странно взвизгнула. Вопль ее был очень короткий, состоял из одних гласных и вряд ли был кем-то услышан. Данфи повернулся к дому спиной, чиркнул спичкой и, наклонившись, поднес ее к концу ткани. Затем побежал по направлению к квартире Клементины, думая, сколько же времени пройдет, прежде чем...

Вууууууууп! Звук напоминал удар плоской метелкой по ковру, а за ним последовало то, что было очень похоже на треск целлофана, затем до Данфи донесся чей-то крик с улицы. Внезапно стало очень жарко.

Квартира Клементины располагалась на третьем этаже особнячка, построенного в викторианском стиле, с маленьким крыльцом и белыми колоннами. У тротуара стояло мусорное ведро из оцинкованного железа. Заметив его, Данфи на бегу снял с него крышку. Перескакивая через три ступеньки, он подбежал к входной двери, распахнул ее и, сделав шаг назад, стал ждать. К этому моменту уже вся машина пылала, извергая из себя клубы дыма и языки пламени. По улице бежал почтальон, безумно вопя что-то на кокни и приговаривая:

— Ой! Ой!

Данфи продолжал ждать. Нервы у него были на пределе, рубашка промокла от пота и

адреналина. В любой момент люди, находящиеся в квартире, могут услышать то, что происходит на улице, тогда они подойдут к окну и...

— Черт! Черт! Он поджег долбаную машину!

Слова донеслись до него, словно взрыв петарды. Три секунды спустя на третьем этаже распахнулась дверь, и Данфи услышал стук тяжелых шагов человека, поспешно спускающегося по лестнице. Шум достиг входной двери, и Данфи, который всегда гордился скоростью реакции, резко повернулся на пятках и нанес крышкой мусорного ведра удар в лицо мужчине, так и не успевшему понять, что все-таки происходит. Для верности Данфи впечатал ему каблуком по зубам. Нечто, напоминающее «вальтер», вылетело у него из рук, а сам мужчина опрокинулся на пол, высоко задрав ноги. Какое-то мгновение казалось, что он завис в воздухе, голова его находилась на одном уровне с ногами на высоте трех футов от ступеней, что напоминало часть какого-то циркового трюка. Затем он тяжело растянулся на крыльце и остался лежать там, беззвучно подергиваясь. Ну что ж, подумал Данфи, сработало. Наклонившись, он подобрал пистолет (это действительно был «вальтер») и внимательно посмотрел на человека, лежащего перед ним. У него был сломан нос, и парень был весь в крови, но еще дышал. Данфи узнал его. Перед ним был тот самый безликий парнишка, саркастический курьер с татуировкой на запястьях, который ожидал его в аэропорту с картонкой с надписью «Мистер Торбитт». Кстати, что он сказал ему на прощание? «Желаю вам приятного денечка»?

Данфи вынул зуб, передний резец, из подметки туфли и осторожно прошел в дверь.

— Фредди? Фредди? — послышался с третьего этажа жалобный голос Джесси Карри.

— Здесь внизу! — прошептал Данфи напряженным, невыразительным голосом с явным выговором кокни.

— Это ты, Фредди? Но где ты?

Данфи не ответил. Он боялся, что если он произнесет больше одного-двух слов, Карри узнает голос. Сделав шаг внутрь дома, он юркнул под лестницу и затаил дыхание. Если Карри не дурак, он не сдвинется с места.

Данфи ошибался. Наверху раздался звук короткой потасовки и послышался голос Клементины:

— Оуууу! Скотина!

— Заткнись! — пробормотал Карри.

— Оуууу!

— Фредди? Ну же, парень, отзовись.

Данфи услышал звук клаксонов пожарных машин, мчавшихся по Коллинхэм-роуд, и сквозь этот шум до него донесся стук шагов Карри, медленно спускавшегося по лестнице, и подталкивавшего перед собой Клементину. Мгновение спустя Данфи их увидел: Карри прижимал ее к себе, левой рукой крепко держа за волосы. Она с трудом удерживалась на ногах и не могла оказать реального сопротивления. В правой руке у Карри был пистолет, которым он размахивал в направлении входной двери.

Джек знал, что так не поступают. Если вы захватили заложника, следует приставить дуло пистолета ему к виску и не отнимать его. В противном случае кто-то может внезапно появиться сзади — что и сделал Данфи в этот самый момент — и ударить вас по затылку, что тоже сделал Данфи, врезав рукояткой «вальтера» по сосцевидной кости Карри, располагавшейся у него, как, впрочем, и у всех остальных людей, за ухом.

Клементина вскрикнула от удивления, увидев, как Карри пошатнулся, закачался и стал

сползать вниз по стене, уронив пистолет на пол. Схватившись за затылок правой рукой, он скорчился и застонал тихо и печально.

Данфи повернулся к Клементине.

— С тобой все в порядке?

Девушка кивнула, но он сразу понял, что она лжет. Под левым глазом набухал синяк.

— О черт! — пробормотал Данфи.

Карри поднял на него глаза, морщась от боли.

— Это не я, — сказал он. — Это Фредди. Спроси у нее...

— Меня не волнует твой Фредди. Я хочу знать, как ты меня нашел.

Карри заскрежетал зубами, пытаясь сопротивляться боли, и выпрямился, морщась.

— Мы пометили твои кредитные карты.

— Ерунда!

— Все так и есть. С какой стати мне врать тебе?

— Не знаю.

— Кажется, у меня сотрясение.

— Меня не интересует, что там у тебя. А теперь говори правду, как вы меня нашли?

— Да я же тебе сказал. Отследили по кредитным карточкам. Можешь сколько угодно говорить о глупости, но...

— Я не пользовался своими кредитными карточками, Джесси!

— Ты действительно не пользовался, зато она пользовалась. Она купила куртку.

— Что?!

Карри взглянул на Клементину и злобно ухмыльнулся.

— Она купила куртку. В Кэмден-Лок. «О Моя Дорогая Клементина» купила...

Клементина попыталась ударить его, но Данфи перехватил ее руку.

— Пошли, — сказал он. — Нужно уходить.

— А он? — спросила Клементина. — Он ведь пойдет за нами.

Данфи задумался. И спустя мгновение сказал:

— Нет, не пойдет.

— Почему?

— Потому что я пристрелю его.

Глаза Клементины расширились, а Карри побледнел.

— Эээй! — закричал он, прижимаясь к стене.

Данфи пожал плечами:

— Ничего не могу поделать. У меня нет другого выбора.

— Свяжи меня!

— Но у меня нет веревки.

— Воспользуйся ремнем, ради Бога!

Данфи покачал головой:

— Не сработает. Ты все равно сбежишь.

— Но ты не можешь просто так взять и пристрелить его! — запротестовала Клементина.

— Тебе бы лучше выйти на улицу, — предложил Данфи.

— Нет! Тогда ты его точно застрелишь.

— Не застрелю.

— Застрелит, застрелит! — закричал Карри. — Не уходите!

Данфи не сводил глаз с Карри, но слова его были предназначены для Клементины.

— Выйди на улицу и проверь, все ли там спокойно. Я не причиню ему никакого вреда.

Клементина взглянула ему прямо в глаза.

— Обещаешь?

— Слово скаута.

Нехотя Клементина выскользнула во входную дверь на крыльцо. Как только дверь за ней закрылась, Джек сделал шаг, затем еще один по направлению к бывшему коллеге, а теперь смертельному врагу. Данфи стоял практически вплотную к поверженному Карри, держа «вальтер» в руке стволом вниз.

Карри спиной прижался к стене. Воротник его рубашки пропитался кровью, которая текла из того места, куда пришелся удар пистолетом.

— Ты же пошутил, — сказал Карри. — Правда?

Данфи покачал головой.

— Мы ведь так давно друг друга знаем, — взмолился Карри. — Очень давно.

Данфи еле слышно презрительно фыркнул.

— Я знаю, что ты ищешь, — продолжал Карри. — Я мог бы тебе многое рассказать.

— Возможно, но ведь ты солжешь, — ответил Данфи. — Да и в любом случае через несколько минут здесь будет целая толпа полицейских, поэтому ты выбрал не лучшее время для признаний.

— Но... — Глаза Карри округлились, когда Данфи приставил ему к ноге дуло пистолета.

— Держись, — проговорил Данфи, — это займет всего одну секунду.

— Ради Бога, Джек...

— Перестань ныть, ведь я ж тебя не убиваю, — сказал Данфи и выстрелил.

Они бежали, взявшись за руки, по Олд-Бромптон-роуд, то и дело оглядываясь и моля Бога, чтобы им попалось такси. Полицейские автомобили неслись по улице с невероятной скоростью. Вопли клаксонов оглашали окрестности. Наконец Данфи заметил такси перед пакистанским магазинчиком, специализирующимся на торговле пластиковой тарой.

— Вокзал Виктории, — сказал Джек, открывая дверцу.

Через секунду они рухнули на сиденье автомобиля, покрытое потрескавшейся кожей, откинулись на спинку, вслушиваясь в биение своих сердец, готовых насквозь пробить грудную клетку. Теплый воздух с шумом вырывался из обогревателя, расположенного в спинке водительского места, обжигая им лодыжки.

Прошло больше минуты, прежде чем Клементина осмелилась взглянуть на него.

— Куда мы едем? — спросила она.

Голос ее из-за пережитого потрясения был лишен всякой интонации.

Данфи покачал головой и едва заметно кивнул в сторону шофера.

— У меня нет с собой паспорта, — сказала Клементина.

— Об этом не беспокойся.

Беглецы, пытающиеся найти укрытие в час пик, когда людской прилив заполняет улицы Лондона, ехали в полном молчании, и Данфи делал все, что было в его силах, чтобы не видеть слез на щеках у Клементины. Спустя некоторое время, однако, он не вытерпел и сказал:

— Послушай, у меня не было выбора.

Она отвернулась от него и смотрела на улицу за окном.

— И кроме того, — продолжал он, — он ведь...

В зеркале заднего обзора появились глаза водителя. Джек понизил голос до шепота:

— Успокойся, ради Бога, ничего с ним не случится. Парень он крепкий.

Клементина повернулась и недоверчиво взглянула на Данфи.

Он широко улыбнулся:

— Чуть-чуть гипса, потом трость — и все будет в порядке.

Она расплакалась.

Джек усмехнулся:

— Я правду говорю. Меня это, конечно, нисколько не заботит, но могу гарантировать, что очень скоро сукин сын будет чувствовать себя отлично.

Клементина взглянула на него как на сумасшедшего.

— А тот, другой? Что будет с ним? С ним тоже все будет в порядке?

— Ну, с ним придется немного поработать дантисту, и через какое-то время он тоже будет в полном порядке и вернется к любимой работе.

— К какой?

— Убивать людей.

Больше до самого вокзала они не проронили ни слова. Данфи вручил водителю десять фунтов и, взяв Клементину за руку, повел ее сквозь толпу в противоположный конец вокзала, где они сели в следующее такси, которое повезло их до следующего вокзала, на сей раз Кингз-Кросс. Машин на улицах стало еще больше, и ехали они еще медленнее. Данфи и Клементина практически всю дорогу молчали.

Данфи молчание было на руку — ему нужно было очень многое обдумать. Не говоря уже об объяснениях, которые предстоит давать. Но прежде всего ему необходимо запастись наличными деньгами, и немалыми. Что означало неизбежный визит на Джерси.

Он выглянул в окно. Такси едва тащилось по улице Виктории мимо нового здания Скотланд-Ярда в направлении Вестминстерского аббатства и Уайтхолла. Мимо них на тротуарах словно в каком-то клипе мелькали потоки бизнесменов, продавщиц, полицейских, политиков и туристов.

Проблема заключается в том, подумал Данфи, что Бламон, конечно, уже связался с банком. Он наверняка позвонил им несколько месяцев назад. Он все объяснил им, сказал, что деньги на самом деле его и... что? Собственно, ничего. Банкир — как там его зовут? — старик Пикар просто пожмет плечами, как бы говоря: «Ничем не могу помочь, уважаемый». Выразит Бламону свое искреннее сожаление и проводит его до дверей со словами: «Извините, старина, боюсь, ничего не могу поделать. Нам остается только молить Бога, что ваш друг рано или поздно объявится».

Именно это и сделает Бламон — будет ждать, пока объявится Торнли. Конечно, вначале он поищет во всех известных ему местах, прекрасно зная, что есть одно место, куда Торнли обязательно придет — «Banque Privat de St. Helier»^[31] на Джерси. Потому что там деньги, а они, как известно, в любом деле самое главное.

Такси объехало маленькую площадь, название которой Данфи не успел прочесть, и свернуло налево в направлении Уайтхолла, мимо Адмиралтейства и старого здания Военного министерства. Клементина засопела, но отодвинулась от Данфи, как только он попытался ее успокоить.

А, ладно, подумал он. Все по очереди.

Джерси... Бламон... Француз, конечно, не станет сидеть месяцами в банке, ожидая его. Несомненно, он нанял кого-то, чтобы тот сообщил ему, когда в банке появится Керри Торнли. Но кто это может быть? Кто-то из сотрудников банка. Другими словами, либо сам старик Пикар, либо секретарь, либо клерк. Сам Пикар все-таки вряд ли, ведь осторожность — суть его работы.

Такси промчалось мимо Чаринг-Кросс по Стрэнду в направлении Внутреннего Темпла. На какое-то мгновение Данфи почувствовал соблазн остановить машину и еще раз осмотреть то место, на котором все и началось. Место, куда сбросили Шидлофа или по крайней мере среднюю часть Шидлофа. Но такси свернуло, не доехав до Темпла, и понеслось по Кингсуэй в направлении Блумсбери и Британского музея.

Если Бламон подкупил клерка, подумал Данфи, то он, очевидно, попросил его при появлении Торнли позвонить кому-то еще, кому-то, кто живет на острове постоянно. Этот человек, кем бы он ни был, сообщит Бламону координаты Торнли и будет следовать за ним неотступно. Со временем объявится и сам Бламон, и уж тогда запахнет жареным.

Но что, если все-таки Пикар? Что, если Бламону удалось надавить на старика? Что тогда?

Данфи задумался. Что ж, тогда он попытается всеми силами задержать меня в банке. Возможно, до того момента, когда прибудет лично Бламон. Данфи издал тихий стон, так, словно ехал на велосипеде и неожиданно обнаружил, что предстоит длительный и сложный подъем в гору.

— Что-нибудь случилось?

Он повернулся к Клементине.

— Я просто размышляю. Когда доберемся до Кингз-Кросс, мне нужно будет позвонить. Она отвернулась. Они проезжали ряд шикарных мебельных магазинов на Тоттнэм-Кортроуд.

Если Пикар попытается его задержать, то, вероятнее всего, заявит, что у него в кассе недостаточно наличности для закрытия счета. Что неудивительно, ведь «Banque Privat», как предполагает его название — частный, а не коммерческий банк. В нем нет кассиров и банкоматов, через него не получают зарплату сотрудники каких-либо учреждений. Более того, Данфи нужно выдать очень большую сумму: почти триста тысяч фунтов — около полумиллиона долларов — весь доход Бламона от аферы с украденными акциями «Ай-би-эм». Значит, главная цель — убедиться в том, что, когда он прибудет в банк, там его будут ждать деньги (а не Бламон).

Когда такси начало разворачиваться у Кингз-Кросс, Данфи дал Клементине деньги и попросил купить два билета до Саутхенд-он-Си.

— А где ты будешь? — спросила она подозрительно.

— Здесь, — ответил Данфи, указав на телефон.

У него ушло немало времени на поиск номера «Banque Privat». Но как только он его нашел и набрал, трубку подняли практически с первого гудка.

Женщина, поднявшая трубку, была лаконична и предельно точна в ответах на все вопросы Данфи. Мистер Пикар на совещании, сказала она, и вернется только после полудня; затем предложила Данфи свою помощь.

— Да, конечно, — сказал он, пытаясь говорить с южным акцентом. — Меня зовут Тейлор Брукс, я из Крозета, из Виргинии.

— Вот как?

— Как поживаете, мэм?

— Очень хорошо, спасибо.

— Уверен, что хорошо. Рад слышать. Дело в том, что я к вам заеду. Завтра. Человек, на которого я работаю, сказал, что я должен позвонить заранее, предупредить вас.

— Понимаю. И кто он?

Данфи усмехнулся:

— Ну, мэм, мы не будем обсуждать это по телефону, потому что вопрос весьма приватный. Но мы у вас открыли несколько счетов. Полагаю, что открывал их мистер Торнли.

Молчание.

— Уже довольно давно о нем ничего не слышно, но, как бы то ни было, я собираюсь забрать деньжата. И мой Большой Босс — он парень крутой, могу вас заверить — подумал, что мне следует вас заранее предупредить по причине величины суммы.

— Очень предусмотрительно с его стороны.

— Спасибо, мэм, я передам ему ваши слова. Суть в том, что мы тут немного затрахались...

— Извините?

— Я сказал, что мы тут немного затрахались. Это у нас поговорка такая. Означает, что мы очень и очень заняты. Как бы то ни было, мне завтра потребуются триста тысяч фунтов...

— О Боже...

— И мы будем очень рады, если деньги будут готовы к нашему приезду. В сотенных купюрах, если они у вас есть. Или в пятидесятках, если нет.

— Да, хорошо... вы сказали, что ваша фамилия... мистер Тейлор?

— Нет, мэм. Я сказал, что моя фамилия мистер Брукс. Тейлор — мое имя.

— Извините.

— Нет необходимости извиняться, мэм. Подобное случается постоянно.

— А счет...

— Ну, не стоит углубляться в эту проблему прямо сейчас, но если вы скажете мистеру Пикару, что я звонил и что речь идет о счетах из Крозета, Виргиния, он сразу поймет, с кем имеет дело.

— Я поняла.

— Хвала Иисусу! Вот и все, что мне нужно было вам сказать. Просто предупредить. Буду с нетерпением ждать встречи.

И Данфи повесил трубку.

— Кто это был? — спросила Клементина, и Данфи невольно вздрогнул, услышав ее голос у себя за спиной.

— Представитель моего банка, — ответил он, взяв у нее один билет. — Ради Бога, Клем, ты так можешь до смерти напугать!

— Ты меня не понял. Я спросила у тебя, какую роль ты разыгрывал? У тебя был голос, как в старом телешоу «Повелители тьмы».

— Спасибо, — сухо ответил Данфи. — Я сделал все, что мог. Итак, где поезд?

— На семнадцатом пути. У нас четыре минуты.

Клементина смотрела на него так, словно только сейчас начала понимать, что Данфи на самом деле гораздо более сложная личность, чем она первоначально предполагала.

Они поспешно прошли, стараясь не бежать, по заполненной людьми платформе. Достигнув семнадцатого пути, побежали по направлению к голове поезда, где располагался последний вагон первого класса. В вагоне не было никого, кроме них, безупречно одетой пожилой пары, с трудом справлявшейся с обилием багажа, и молодого человека, оживленно болтавшего по мобильному телефону.

Джек опустился в кресло почти в самом конце вагона и закрыл глаза. Он думал о «Banque Privat». Секретарша обязательно расскажет старику Пикару о его телефонном звонке. Слова о Крозете Пикар мгновенно поймет.

Речь шла о счетах, открытых на имя преподобного Джеймса Маклеода, дородного евангелистского проповедника, чьи телевизионные и радиопроповеди приносили его церкви около пятидесяти тысяч долларов в неделю наличными и в чеках. Его восторженные поклонники свои пожертвования посылали, как правило, по почте. Чеки и около десяти процентов наличности декларировались вполне законным образом. Остальные девяносто процентов контрабандным путем переводились за границу на счета Маклеода в «Banque Privat».

Естественно, у Данфи не было ни намерения, ни возможности каким-то образом претендовать на названные деньги. На счетах Маклеода уже не было его подписей. Он упоминал о них только для того, чтобы удостовериться, что у Пикара на момент его приезда будет необходимая сумма в наличности и чтобы не вызвать подозрений относительно возможного появления Весельчака Керри.

Поезд дернулся, но не тронулся с места. Данфи открыл глаза.

— Ты в порядке? — спросил он.

Клементина отрицательно покачала головой:

— Нет, не в порядке. Я не понимаю, что происходит, кто ты такой и чем все может закончиться. Но ведь подобное положение несправедливо. Потому что, боюсь, я буду первой, кого прикончат.

Данфи заерзал на сиденье.

— Не будешь, — сказал он. — Но... все очень запутано.

Она издала тихий стон и отвернулась к окну.

— Хорошо! Извини. Но просто... — Он понизил голос. — Ну, просто постарайся не очень сердиться на меня. — Мгновение он размышлял, а затем ринулся в бой. — Помнишь, я как-то упоминал о том, как необходимость знать? Я думал, что ее у тебя нет, но, как оказалось, она у тебя есть. Я думал, что чем меньше ты знаешь, тем в большей безопасности находишься, но... — Он запнулся, затем добавил: — ...по моей вине. — Снова помолчал, сомневаясь, как дальше построить рассказ. Наконец он продолжил: — Суть в том, что я облажался. Попал в ситуацию, из которой нет выхода, и вот из-за этого все мои проблемы. Наши проблемы. — Он вздохнул. — Есть сигарета?

Клементина заморгала.

— Ты же не куришь.

— Я подумывал о том, чтобы снова начать. Собственно, почему бы и нет? — Она не засмеялась, и Данфи продолжил: — Ну в общем, вот так. Когда я сказал тебе, что ушел из Управления, что стал...

— Лишним.

— Верно, когда я сказал, что стал лишним, это была, мягко говоря, неполная правда.

Клементина посмотрела на него вопросительно.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что действительно больше не работаю на Управление, но данным фактом все далеко не ограничивается.

— И что еще?

— А то, что ты видела собственными глазами. Они меня ищут. И не могут найти.

— Кто?

— Те, на кого я работал. И видишь ли... они пытались отследить мои кредитные карточки и по ним установить направление моего передвижения. Я, конечно, предполагал, что так и случится, поэтому и не пользовался ими. Но вот когда ты пошла покупать куртку, я совсем забыл про них. Так как я слушал Саймона и...

Клементина нетерпеливо покачала головой.

— Что же ты такого натворил? — спросила она, подчеркнуто акцентируя каждое слово, как будто он глухой и должен читать по губам. — Что ты им сделал такого, из-за чего они на тебя так разозлились? Дело в том, что...

Данфи отмахнулся от вопроса.

— Это не имеет принципиального значения.

— Ты, случайно, не присвоил служебные деньги? — спросила она, более потрясенная собственным подозрением, чем испуганная. — Присвоил?

Ее волнение вызвало у Данфи улыбку.

— О нет, не деньги, — ответил он. — Скорее информацию. Я присвоил информацию. — Клементина нахмурилась, не понимая, что он имеет в виду. — У меня разыгралось любопытство, — продолжал Данфи. — По поводу Шидлофа. И вот...

Он не смог закончить предложение. Оно прозвучало бы слишком мелодраматично.

Клементина не позволила ему отмолчаться.

— Ну и что вот? — спросила она.

Поезд дернулся во второй раз и поехал.

— Ну вот, — продолжил Данфи, — теперь они хотят меня убить. Ну, то есть это любому идиоту понятно.

Клементина на какое-то время замолчала, затем произнесла:

— Но как они нашли нас?

— Я ведь сказал, проследили оплату по карточке. Я сохранил одну из моих карточек, чтобы получить наличность от «АТМ», и забыл потом ее выбросить. Затем я дал тебе свой бумажник в Кэмден-Лок, и ты воспользовалась карточкой, чтобы купить куртку. А когда ты это сделала, те, кто занимается кредитными карточками, позвонили кому-то из Лэнгли. И сообщили, что на одном из счетов, которые им поручили отслеживать, обнаружена некая активность.

Клементина покачала головой.

— Они не станут этого делать, — твердо произнесла она.

— Кто не станет?

— «Виза». «Американ экспресс».

— Почему не станут?

— Потому что они не допустят нарушения конфиденциальности.

Данфи удивленно уставился на нее и спустя некоторое время с сарказмом произнес:

— Да, конечно. Какой же я циник! Бог ты мой, как я вообще мог такое предположить!

— И кстати, кто такие Лэнгли?

— Лэнгли — это место, а не человек. В окрестностях Вашингтона. И если ты хоть на минуту оставишь свое недоверие при себе, я закончу рассказ о том, что на самом деле произошло. Когда люди, занимающиеся кредитными карточками, позвонили в Лэнгли, из Лэнгли позвонили в американское посольство в Лондоне...

— Но откуда тебе все это известно? Ты просто все придумываешь!

— Я не придумываю. Так все всегда и делается.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я сам занимался чем-то подобным.

— Убивал людей? — Она пришла в ужас.

Данфи покачал головой:

— Нет! Находил их.

— Но зачем?

— Не знаю. Существует множество самых разных причин! Да и какая разница? Потому что суть состоит в том, что примерно минут через десять после звонка в посольство пара ребят...

— Каких ребят?

— Тех, которых мы оставили рядом с твоей квартирой. Садятся в машину...

— В «ягуар».

— Совершенно верно. Они садятся в «ягуар» и едут в Кэмден-Лок. Где находят магазин. А найдя его, они просматривают все чеки за день до тех пор, пока не находят чек на шестьдесят фунтов, оплаченный по моей карте. И когда они его находят, то спрашивают продавца, не помнит ли он, кто платил. — Данфи сделал паузу. — И он, конечно, помнит. Что неудивительно. Ты очень запоминающаяся.

Клементина мрачно взглянула на него.

— Это был Джеффри. Друг Саймона.

— Значит, он кто-то из твоих знакомых?

Она пожала плечами:

— Да просто шапочное знакомство. Однажды вместе ехали на такси, и он сказал мне, что у него есть такие куртки. — На мгновение Клементина замолчала, потом снова повернулась к Данфи. — Но почему они преследуют тебя? Должно быть, ты что-то им сделал.

Данфи воздел руки к небесам.

— Ну что я мог им сделать? Я просто задал им массу вопросов... и, судя по всему, явно не тех вопросов или, возможно, тех вопросов, но... в общем, я не знаю, что тебе сказать. Мне самому очень многое непонятно.

— Кто-то пытается тебя убить, и ты не знаешь, за что?

Данфи почувствовал, что теряет терпение.

— Но я пытаюсь узнать, не так ли? Я хочу сказать... что я пытался анализировать факты! Теперь ты должна понять мое любопытство.

Клементина отпрянула, услышав резкие интонации в его голосе. Наконец она спросила уже совершенно без всякой интонации:

— Куда мы едем?

Данфи бросил взгляд в окно на зимний пейзаж.

— Не знаю, — ответил он. — Но этот поезд начинает меня нервировать.

Аэропорт в Саутхенд-он-Си был местом малоизвестным, и потому Данфи мог быть вполне уверен, что там их искать никто не будет. У Управления уйдет по крайней мере несколько часов, чтобы разобраться в произошедшем и придумать основательную причину для того, чтобы Ми-5 поместила Данфи в свои списки разыскиваемых. К тому времени они с Клементиной уже будут лететь к Сент-Элье рейсом авиакомпании «Бритиш мидлэнд».

Сент-Элье — столица Джерси, крупнейшего из Англо-Нормандских островов. Зависимая территория Британии, расположенная на расстоянии всего лишь двенадцати миль от побережья Франции, острова, являющиеся каким-то феодальным анахронизмом, двуязычное местечко, весьма удобное для укрытия от налогов, и с бóльшим количеством зарегистрированных корпораций, нежели населения. Прославленный своим мягким климатом, Джерси являлся любимым местом размещения вкладов Англо-Ирландской открытой компании с ограниченной ответственностью по оказанию бизнес-услуг и ее руководителя К. Торнли.

Именно по этой причине Данфи решил не останавливаться в обычном пристанище, где он был известен руководству под своим псевдонимом, но снять номер в более шикарном «Лонгевиль мэнор».

Сооружение в эдвардианском стиле из гранита и черепицы, увитое плющом, располагалось в частном лесу на расстоянии нескольких миль от столицы. Когда их такси въехало на объездную дорожку вокруг отеля, Клементина сразу отметила, насколько зловеще оно выглядит в густом зимнем тумане.

Попав внутрь отеля, они обнаружили, что сырость Ла-Манша изгнана отсюда старинными гобеленами, уютным мерцанием свечей в канделябрах и потрескиванием огня в камине.

— Вам помочь с багажом, мистер... — Служащий пытался разобрать его имя в регистрационной карточке.

— Данфи. Джек Данфи. Нет, в помощи не нуждаемся, в чертовом аэропорту его потеряли, когда прилетели из Штатов.

Портье поморщился:

— О Господи... уверен, его обязательно найдут. Багаж всегда в конце концов находят. — И он широко улыбнулся.

Джек в ответ хохотнул:

— Мне начинает казаться, что эта неприятность может стать причиной для крупных покупок. — Клементина покачивалась взад-вперед на каблуках, широко улыбаясь, словно служащий отеля собирался их фотографировать. — У вас здесь есть магазины? — спросил Данфи. — Или только банки?

Портье широко улыбнулся:

— Нет, сэр, боюсь, у нас также есть и магазины. — Мужчины обменялись грустными усмешками, и портье вручил Данфи пластиковый ключ от номера. — Дальше по коридору, сэр.

Номер был большой, с березовыми бревнами, потрескивающими в камине. На стенах в темных деревянных рамах висели картины, изображающие сцены охоты, а рядом с кроватью стояла огромная ваза со свежими цветами.

— Ты здесь раньше бывал? — спросила Клементина, падая на бархатный диван и глядя на потолок.

— Нет, здесь не бывал, — ответил Данфи, разливая напитки из мини-бара. — Но на Джерси, конечно, бывал.

— О, здесь мило.

— Угу. — Он смешал коктейль в бокале и протянул ей. Затем сам сел на пол рядом с диваном и сделал глоток. — Только мы не можем оставаться здесь долго. — Она нахмурилась. — Здесь не очень безопасно. Нас будут искать.

— На Джерси?

— Везде?

— Почему бы в таком случае сразу не пойти в полицию?

Данфи тяжело вздохнул.

— Потому что в полиции считают, что я имею какое-то отношение к тому... что случилось с Шидлофом. И может быть, так и было... косвенно. Я его прослушивал.

— Что ты делал?

— Записывал его телефонные звонки. А потом его убили.

Какое-то мгновение Клементина молчала, а потом спросила:

— А зачем ты слушал?..

— Я не слушал. Я организовывал запись его звонков.

— Зачем?

— Я не знаю, — ответил Данфи. — Мне не объясняли.

— Тебе не объясняли?

— Это моя работа. Я делал то, что мне говорили.

Она помолчала, а затем заговорила снова:

— Мне все-таки кажется, что полиция...

Данфи отмахнулся.

— Нет. Если мы пойдем в полицию, сразу вмешается посольство, и не успеешь оглянуться, как англичанам заявят, что это «вопрос национальной безопасности». Последствия будут самые печальные.

— Но почему?

— Потому что, стоит им сделать подобное заявление, не успею я оглянуться, как меня, завернутого в ковер, уже будут везти в самолете обратно в Штаты. — Он сделал глоток виски, смакуя приятное жжение алкоголя. — О себе я по крайней мере смогу сказать определенно. Но я ведь не знаю, что они сделают с тобой. Ты как-то очень неудобно затесалась в историю, к которой не имеешь ни малейшего отношения.

— Я что?

— Затесалась в историю. Что может иметь как хорошие, так и плохие последствия в зависимости от...

— От чего?

— От самой истории.

Наступила долгая пауза. Наконец Клементина спросила:

— Что же нам делать?

Данфи повернулся к ней.

— Нужно достать тебе паспорт...

— У меня есть паспорт. Дома. Я могу сказать, что потеряла его и...

Он покачал головой:

— Нет. Нам нужен паспорт на другое имя.

— На какое? — спросила она.

— Не знаю. На любое.

Идея Данфи явно понравилась Клементине, и она задумалась.

— Может быть, Верушка?

Джек растерялся.

— Думаю, что да, но... что такое эта Верушка?

Клементина пожала плечами.

— Просто имя, которое мне нравится.

— Ладно... Пусть будет Верушка.

— И мне ведь нужна еще и фамилия.

— Никаких проблем. Фамилий миллионы. Виндсонг уже занята, но как насчет Станкович? Или Зипвиц?

— Нет, мне не нравится.

— Почему? Верушка Зипвиц! Разве плохо звучит?

Клементина улыбнулась:

— Белл вполне подойдет. Одно «е» и два «л».

— Понял.

— Это фамилия моей бабушки.

— Никаких проблем. Верушка Белл. Мне нравится.

Она хлопнула его по плечу.

— Нет, в самом деле, — сказал он. — Превосходное имя.

— Ну хорошо, теперь у меня есть имя. А как ты сделаешь паспорт?

— Никаких проблем. Я смогу сделать его в Цюрихе.

— Да, конечно. Но мы ведь не в Цюрихе.

— Вер-р-рно, — раскатил швейцарское «р-р-р» Данфи и встал. — Вот здесь-то и начинается основное затруднение, которое ты должна разрешить.

— Какое затруднение? — переспросила она.

Он вынул из мини-бара еще одну бутылочку.

— Налить?

— Нет, скажи, что ты имел в виду? — настаивала она.

— А имел я в виду то, что тебе придется отправиться домой... но не к себе на квартиру. — Лицо Клементины приняло испуганное выражение, и он поспешил продолжить: — Ты могла бы снять комнату на несколько дней? До того момента, когда я сделаю тебе паспорт?

— Нет!

— Клем...

— Я не могу!

— Ты сможешь. Тебе придется. Ну-ну, детка... это единственный выход.

Она посмотрела на него одновременно печально и обиженно, взглядом ребенка, которого обманул взрослый. Нижняя губа задрожала, на лбу появились морщины.

После непродолжительной паузы Клементина все-таки кивнула.

— Сейчас мы сделаем великолепные фотографии на твой паспорт, — сказал Данфи, — и закажем отличный обед. Утром я отведу тебя на пристань. И на судне на подводных крыльях ты доплывешь до Саутхенда. Когда-нибудь плавала на таких судах? — Она покачала головой, слезы потоком катились из глаз. — Тебе понравится. Потрясающее впечатление. Как будто сидишь внутри пылесоса.

Клементина не смогла сдержаться и захихикала.

— А ты?

— А я буду в банке. Затем поплыву во Францию, а оттуда на поезде доеду до Цюриха. Там есть один хороший отель — «Цум шторхен». Он находится как раз в самой середине города, поэтому ты найдешь его без особого труда. Но мне нужен будет твой адрес, чтобы послать паспорт.

— Наверное, я смогу остановиться у одной подруги, — сказала Клементина. — У нее домик неподалеку от Оксфорда.

Она написала адрес на клочке бумаги и протянула его Данфи.

— Ты ведь меня там не бросишь? — спросила она.

Данфи покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Во второй раз я этого не сделаю.

Утро выдалось солнечное и ветреное, с мягкими вытянутой формы облаками, плывущими над меренгами волн в порту Сент-Элье. Данфи купил билет на судно на подводных крыльях, и они с Клементиной ждали времени отплытия.

— Я позвоню из Швейцарии, — сказал он и сжал ее в объятиях.

— Ты не потеряешь номер?

— Нет, не потеряю.

— Потому что если потеряешь, то... В общем, номера моей подруги нет в справочнике.

— Я знаю его наизусть, — сказал он. — И запомни...

— Я запомнила, расплачиваться за все наличными. Не пользоваться телефоном. И не разговаривать с посторонними.

Данфи нежно поцеловал ее.

— Что еще?

Клементина задумалась и покачала головой:

— Я не помню.

— Быть внимательной...

«Banque Privat de St. Helier» располагался в трехэтажном городском доме на Пунар-роуд на расстоянии квартала от Парейд-Гарден. Сверкающая медная табличка в нише рядом с входной дверью сообщала об учреждении, размещающемся в доме, и об имени его владельца. Выйдя из такси, Данфи сразу же ощутил сильнейший аромат хмеля, исходивший из пивоварни, располагавшейся за углом.

Это был его второй визит в банк за очень много лет. Характер работы Данфи заключался в том, что он должен был завязывать как можно больше контактов в мире офшорных банковских услуг и «креативной бухгалтерии». В соответствии с названным принципом Данфи стремился как можно больше расширить свой бизнес и только на Джерси открыл почти пятьдесят счетов в шести или семи банках.

Но самого Жюля Пикара он видел только раз. Два года назад, когда нанес ему визит в качестве нового клиента, подтвердив свои серьезные намерения крупным вкладом наличностью и рекомендательным письмом от адвоката с Внешних Гебридских островов.

Поднимаясь по ступенькам к внушительной дубовой двери банка, Данфи вспоминал Пикара как одышливого старика, который с таким трудом взбирался по лестнице в свой офис, что Данфи боялся, что банкир прямо на его глазах умрет от инфаркта.

— Чем мы можем быть вам полезны?

Фраза раздалась из домофона рядом с дверью. Данфи наклонился к нему и с мягким ирландским акцентом произнес:

— Мистер Торнли к мистеру Пикару.

Воцарилась долгая пауза. Данфи вдруг почувствовал, что замерзает. Он сделал шаг назад и оглянулся по сторонам. Ничего себе, как они ведут дела, подумал он, впервые за все время заметив видеокamеры на скатах крыши.

— Тогда я просто подожду здесь, — сказал он, улыбаясь в ближайшую камеру. — Спешка вредна во всем.

Спустя некоторое время дверь бесшумно отворилась, и на пороге он увидел пожилую даму, элегантное поведение которой как-то не вязалось с невероятными для женщины размерами. По прикидкам Данфи, она была примерно в шесть футов ростом, а сложением напоминала профессионального гребца. Подобная фигура у шестидесятилетней женщины казалась чем-то немыслимым.

— Мистер Пикар ждет вас?

Данфи понял, что перед ним та самая женщина, с которой он вчера беседовал по телефону.

— Нет, если только он не стал ясновидящим, — ответил Данфи.

Его слова вызвали тонкую, едва заметную улыбку на устах дамы, и она повела Данфи по узкому коридору, увешанному многочисленными образцами восточной живописи. Черный брючный костюм придавал ей особую элегантность, а седые стального цвета волосы были собраны на затылке во внушительный узел.

— Если вы будете так любезны и подождете меня здесь, — сказала она, проведя Данфи

в ярко освещенную комнату, выходящую в сад с унылыми облетевшими растениями, — я сообщу ему о вашем приходе.

Данфи сделал то, что ему предлагали: уселся на кожаный диван скрестив ноги. Вскоре раздался короткий, но громкий стук в дверь, в комнату вошел высокий мужчина в пиджаке в мелкую ломаную клетку и в слаксах с настолько идеально отутюженными стрелками, что, казалось, о них можно было порезаться.

— Мистер Торнли! — провозгласил он.

— Он самый, — откликнулся Данфи, встал и пожал руку вошедшему мужчине. — Но я ожидал мистера Пикара.

— Что ж, думаю, вы не будете разочарованы. Мистер Пикар — это я. Мне очень приятно с вами познакомиться, я так много о вас слышал.

Данфи бросил на него вопросительный взгляд.

— Льюис Пикар, — представился банкир. — С «ю» в середине. — И широко улыбнулся.

Данфи задумался на мгновение, затем сказал:

— Мне очень приятно с вами познакомиться, но...

— Вы ожидали увидеть Жюля. Моего отца!

— Абсолютно верно.

Льюис Пикар бросил на собеседника печальный взгляд.

— К сожалению, теперь это уже невозможно. Жюль Пикар скончался. Но возможно, я смогу быть вам не менее полезным, чем когда-то был мой отец?

Несколько развязные манеры молодого человека настораживали, и Данфи чуть было не забыл свой ирландский акцент.

— Полагаю, что сможете, — сказал он. — Конечно, сможете, но... Боже, что все-таки случилось?

— Вы имеете в виду старика Жюля?

— Да!

— Ничего неожиданного! Сердечный приступ прямо на ступеньках банка. И покатился, покатился вниз! Когда докатился до земли, был уже мертв.

Данфи поморщился:

— Бедняга!

— М-м. Жаль. Но ничего не поделаешь.

— И когда это случилось?

— Около года назад.

— Ах, понимаю.

Наступила довольно продолжительная пауза, которую прервал Льюис Пикар:

— Насколько я понимаю, вы были не очень близким другом отца?

— Нет, — признался Данфи. — Не близким.

— Что ж, тогда у вас нет и особых причин для того, чтобы особенно горевать, тем более что с печального события прошло уже довольно много времени. Итак, чем я могу быть вам полезен?

Данфи откашлялся.

— Мне необходимо получить небольшую сумму.

Пикар-сын извлек из внутреннего кармана пиджака пластиковый блокнот полицейского. Оттуда же достал авторучку, снял с нее колпачок и указал на страницу.

— Прекрасно. Для этого мы все здесь и находимся. С какого счета вы хотите снять

деньги?

— С «Сирокко».

Пикар начал писать название в блокнот и вдруг остановился на полуслове, как будто внезапно что-то вспомнив. Нечто крайне неприятное. Он медленно поднял взгляд и улыбнулся:

— С «Сирокко»?

— Именно с «Сирокко».

— Понимаю. И, м-м, сколько вы хотели бы снять?

— Всю сумму полностью.

Пикар задумчиво кивнул.

— Насколько я помню, на счету лежит большая сумма.

— Около трехсот тысяч фунтов... немного меньше. — Данфи похлопал по дипломату, который приобрел по пути в банк. — Мне кажется, здесь они поместятся.

— Мммм... — размышлял Пикар, нервно постукивая своей дорогой ручкой по маленькому блокноту.

— Какая-то проблема? — спросил Данфи.

— Нет, никаких особых проблем, — ответил Пикар, взглянув на Данфи с некоторым сомнением. — Вот только у нас сегодня утром почему-то наплыв требований о выплатах.

Данфи наклонился к нему, понизив голос почти до шепота:

— Да, кстати, я хотел вам кое-что сказать как раз по этому поводу, мистер Пикар. На вашем месте я не очень-то расстраивался бы, так как должен вам кое в чем признаться.

— Вот как?

— Именно. Мне бы следовало с самого начала признаться. Я вчера беседовал по телефону с вашей ассистенткой... и вот собирался спросить: она единственный ваш ассистент здесь?

— Единственный, но весьма компетентный.

— О, конечно, конечно. Ее поведение не оставляет ни малейших сомнений в высочайшем профессионализме, — согласился Данфи, а про себя подумал: «Сучка, наверное, прямо сейчас стучит на меня кому-то из людей Бламона, сообщает ему, где я нахожусь». — Но как я уже сказал, вчера утром я имел с ней телефонный разговор, не совсем проспавшись после предшествующей ночи, если вы понимаете, на что я намекаю...

— Вы были пьяны?

— Как суслик. И конечно, у меня не было никаких дурных намерений, но должен признать, что разыграл роль, просто чтобы посмеяться.

— Понимаю, — ответил Пикар, кивнув так, словно подтвердилось какое-то его мрачное подозрение. — Я в общем-то не очень удивлен. Она сказала мне, что говорила с каким-то человеком, который выдавал себя за американца. Полагаю, это были вы?

Данфи пожал плечами, его слегка задела подобная характеристика.

— По всей вероятности, да.

— Ну и, значит... что?

Банкир выжидающе взглянул на Данфи, который протянул ему письмо, написанное на почтовой бумаге из «Лонгевилл-Мэнор».

— Из этого письма вы все поймете, — сказал он. — Если одолжите мне ручку, я представлю вам образец своей подписи. На счете только одна подпись. А номер находится прямо в самом верху страницы, где стоит надпись «in re». [\[32\]](#) Как только я получу свои

деньги, больше вас беспокоить не стану.

Пикар дал Данфи свою ручку и внимательно наблюдал за тем, как тот подписывает письмо с запросом к банку о закрытии счета компании «Сирокко».

— Знаете, — заметил Пикар, возвращая ручку в карман и забирая у Данфи подписанное письмо, — с данным счетом связаны некоторые весьма неприятные события.

— О?

— Да. Именно со счетом компании «Сирокко».

— Неужели? — переспросил Данфи с предельным недоумением в голосе.

— Да-а... человек по имени Бламон как-то заглянул к нам в банк. Несколько месяцев назад. И заявил, что деньги — его.

— Иисус, Мария и Иосиф!.. С каждым днем они все больше наглеют! — воскликнул Данфи.

— Гм...

— И что вы сказали этому парню?

— Ну, вы можете сами вообразить, — ответил Пикар. — Его здесь видели впервые. Подписи его нигде нет. Никаких референций. Хотя тем не менее он упомянул ваше имя!

— *Мое* имя?!

— Да, ваше и не один раз.

— Ну и ну! И как вы поступили?

— Указали ему на дверь. Пригрозили, что позвоним в полицию. Как иначе мы могли поступить?

— Абсолютно верное решение.

— Хотя должен признаться, настроен он был весьма решительно. Я бы даже сказал, разъярен.

— Великий актер, без сомнения!

— Определенно! И скажу я вам, ему страшно не нравится получать отказ.

— Боже! Неужели он угрожал?

— Еще как угрожал! Впрочем, — сказал Пикар, потирая руки, — это так, небольшой разогрев для вас. И предупреждение.

Данфи покраснел.

— Ну а теперь, если вы пройдете за мной, мы получим ваши деньги. — Пикар широко улыбнулся. — Кому бы они на самом деле ни принадлежали.

Путешествие из Сент-Элье в Сен-Мало было не очень приятным. Ла-Манш бурлил и пенился. Сидя за столиком в ресторане первого класса за чашкой кофе, Данфи рассматривал других пассажиров и размышлял, кто же из его спутников следит за ним.

Выйдя из банка, он вообразил, что за углом его ждет Бламон, но, конечно, никакого француза поблизости не было. Чтобы удостовериться, что за ним не ведется слежка, Данфи брал такси и приказывал водителям ехать с одного конца острова на другой, петляя по автомобильным дорогам, больше напоминая проселочные. И хотя шоферы думали, что связались с каким-то странноватым субъектом и постоянно косились на него, Данфи окончательно убедился в том, что за ним никто не следит.

С другой стороны, думал Данфи, с какой стати им следить за ним здесь? Джерси — остров. С него можно ускользнуть только двумя путями: по морю и на самолете. Поэтому никакой существенной необходимости в слежке на самом острове не было. Единственное, что нужно было сделать Бламону, — это организовать наблюдение в аэропорту и на пристани. Если бы он так поступил, то знал бы точно, куда следует Данфи и когда прибудет на место назначения.

Да и заметить подобную слежку будет нелегко. Возможно, на пароме есть кто-то из людей Бламона, а может, и нет. Они вполне могли не беспокоить его до прибытия в Сен-Мало. В любом случае скорее всего на хвосте у него кто-то есть. Данфи не сомневался в этом.

Когда паром наконец прибыл в Сен-Мало, Данфи решил выйти последним. Пройдя по сходням, он внимательно оглядел пристань в поисках пары мужчин, которые, как ему казалось, обязательно привлекли бы к себе внимание. Но разобраться в толпе на пристани было невозможно. Здесь были таможенники и туристы, бизнесмены и домохозяйки, продавщицы и рабочие. Любой из них в принципе мог работать на Бламона.

Опершись на перила ограждения парома «Эмерод лайнз», Джек вдруг подумал, что перспектива у Бламона вовсе не столь уж блестящая. Француз много путешествует и мог как раз быть за границей, когда ему позвонили из Джерси и сообщили о прибытии Торнли в «Banque Privat». В этом случае Бламон скорее всего приказал бы следить за Данфи до собственного прибытия. Бламон относился к числу тех, кто склонен все вопросы решать при личном участии, и, конечно же, ему захотелось бы самому руководить допросом Данфи.

В любом случае особого выбора у Данфи не было. Если он останется на палубе парома, то очень скоро паром повезет его обратно на Джерси. После шести или семи подобных путешествий его просто вышвырнут. Продумав все за и против, он глубоко вздохнул, выпрямился и расправил плечи. Затем спустился по сходням, держа в руках дипломат, набитый деньгами, отмахнулся от зазывных криков таксистов и прошел в порт.

Воздух был холодный и сырой, но в порту кипела активная жизнь. Рестораны, до отказа наполненные людьми и пропахшие чесноком и оливковым маслом, светились яркими огнями. Мучаясь от голода, Данфи обменял несколько франков в bureau de change, ^[33] а затем остановился у киоска купить что-нибудь почитать. Там была и «Гералд трибюн», но он все-таки предпочел взять «Ле пуэн». В конце концов Данфи выбрал ресторан, а в нем столик, который показался ему вполне приемлемым, так как там он сидел спиной к стене и лицом к двери.

Никого...

Начиная думать, что за ним все-таки никто не следит, Данфи заказал тарелку котриады^[34] и большой бокал бельгийского пива. Затем начал листать «Ле пуэн». Несмотря на то что его французский был далек от идеала, он понимал основное содержание прочитанного и очень скоро нашел статью, которая его заинтересовала. Это был политический комментарий по поводу мирных переговоров на Ближнем Востоке, где анализировалась роль ЦРУ во взаимоотношениях палестинцев и израильтян. По мнению автора, главным камнем преткновения в названных переговорах была проблема доступа евреев на Храмовую гору. Она называлась «духовным эпицентром Израиля» — иерусалимский холм, на котором были построены первый и второй храмы. Там когда-то должен быть построен третий, и последний, храм.

Но только над телами огромного количества арабов, в течение столетий молившихся в мечети Омара и в мечети Аль-Акса — обе стояли на том же холме (и фактически на развалинах более ранних храмов) и сами относились к числу наиболее почитаемых святынь ислама. Израильские чиновники, боясь того, что набожные иудеи станут причиной бесконечных конфликтов, если будут приходить для молитвы на Храмовую гору, запретили евреям там молиться. Теперь израильские переговорщики и их помощники из ЦРУ стремились добиться поддержки Арафата в предоставлении евреям одинакового с арабами времени для молитвы на Храмовой горе.

Статья была интересная и определенным образом выходила на библейские пророчества о конце света, который, по свидетельству Писания, наступит, когда будет наконец построен третий храм. Данфи показалось весьма комичным, что ЦРУ ввязалось во все эти эсхатологические игры. Хотя, собственно, почему бы и нет? Если Брейдинг говорил правду, Управление вступает в самые непонятные дела.

И вновь Джек поднял глаза и оглядел помещение. У барной стойки он заметил мужчину, который плыл с ним на пароме. Среднего роста, со шрамами от угрей на лице, он выглядел лет на тридцать пять-сорок. Волосы у него имели специфический платиновый оттенок. Укороченное полуприлегающее пальто с пуговицами из оленьего рога. Курит... Данфи не мог во всех подробностях разглядеть его физиономию, но цвет волос невозможно было перепутать. Нет, он не ошибся.

А вот молодая пара за столиком у двери. Данфи вспомнил, что видел их на пристани в Сент-Элье. Они покупали билеты. Должно быть, вошли в ресторан, когда он был занят чтением.

Ну, собственно, и что? Ведь все должны где-то есть, даже блондины. Присутствие этих людей здесь вовсе не означало, что они за ним следят.

Тем не менее Данфи пожалел, что при нем нет оружия. После того как он разделался с Карри и обвел вокруг пальца Бламона, подобное нервное напряжение было вполне естественной реакцией. Следует добавить сюда еще и то, что он разгуливает с полумиллионом долларов наличными, что может послужить великим соблазном для множества людей. И им тоже захочется убрать его и заполучить деньги. А ведь большинство его потенциальных убийц не только не таят на него никакого зла, но вообще его не знают.

И все-таки сначала следует подкрепиться. Котриада оказалась просто потрясающая. Данфи вытер блюдо корочкой хлеба и запил вторым бокалом «Корзендонка», сверхъестественно дорогого бельгийского эля, который, по слухам, монахи готовят для миллионеров. Закончил он обед чашкой эспresso, затем выкурил сигарету, размышляя, не

слишком ли большим риском будет снять в Сен-Мало номер в гостинице. Данфи просмотрел расписание французских железных дорог и обнаружил, что примерно через час из Сен-Мало в Париж отправляется скоростной поезд. Если он благополучно доедет до Парижа, то до Цюриха, города, который Данфи знал превосходно, добраться будет уже значительно легче. Там он арендует депозитный сейф и положит туда свои деньги.

Или все-таки...

Возможно, лучше не торопиться с отъездом и хорошенько выспаться здесь. Найти надежный отель, закрыть дверь на стул и... Данфи понял, что страшно устал. Мысль провести ночь в Сен-Мало была очень соблазнительной. Он явно простудился по пути сюда и, помимо усталости, уже начинал ощущать первые неприятные признаки насморка. Ночь в «Отель де Вилль» с перспективой горячей ванны и прохладного постельного белья — как раз то, что ему сейчас необходимо.

Но отели будут представлять для Данфи большую проблему до тех пор, пока он не получит новый паспорт. Где бы он ни остановился, везде от него потребуют сведения о кредитной карте, чтобы гарантировать оплату телефонных звонков и других гостиничных расходов. Само собой, служащие отеля заверят его в том, что уничтожат счет-фактуру, но Данфи прекрасно знал, что часто они забывают выполнить свое обещание, а в его случае подобное не просто доставит неудобства, но может привести к фатальным последствиям. Более того, если он вселится в номер отеля, придется заполнить регистрационную карточку, которая, несомненно, той же ночью попадет в руки полиции. Как правило, регистрационные карточки просматривались рано утром, и полиция сверяла имена прибывших постояльцев со списками лиц, находящихся в розыске. Хотя, без сомнения, полицейские зачастую халатно относятся к своим обязанностям, в данном случае было бы непростительной ошибкой полагаться на их некомпетентность. В конце концов, даже остановившиеся часы дважды в день показывают правильное время.

Значит, разумнее будет сесть на поезд и провести ночь в пути. В любом случае нужно как можно скорее добраться до Швейцарии.

Данфи нехотя встал, оставил несколько франков на столе рядом с чеком и, спросив дорогу, отправился под холодным дождем на железнодорожный вокзал. Минут через пятьдесят он уже сидел, чихая, в вагоне первого класса скоростного поезда «Атлантик», мчавшегося по просторам Нормандии со скоростью двести километров в час.

Несмотря на быстроту экспресса, у Данфи вся ночь ушла на то, чтобы добраться до Цюриха. Во время двухчасовой остановки на Восточном вокзале в Париже Данфи купил в круглосуточном киоске телефонную карту и позвонил Максу Сетяеву в Прагу. После того как прозвучали пять или шесть гудков, сонный голос ответил:

— Алло?

— Genevieve, s'il vous plait.^[35]

— Кого?

— Genevieve, — повторил Данфи, подумав вдруг, что Макс мог забыть об их договоренности или, хуже того, попытается втянуть его в дальнейшую беседу.

К великому облегчению Данфи, Макс пробормотал какое-то проклятие на незнакомом Джеку языке и резко бросил трубку, в точности так, как они и договаривались. Если телефон и прослушивался кем-то, докладывать о подобном разговоре не было никакого смысла.

Повесив трубку, Данфи обернулся и вновь, к своему удивлению, обнаружил того светловолосого парня, который плыл на пароме (возможно) и сидел в ресторане в Сен-Мало

(совершенно определенно). Он расположился на деревянной скамье на расстоянии примерно двадцати ярдов от Джека и курил.

Каковы шансы того, что он действительно следит за ним? — задался вопросом Данфи. И каковы шансы того, что это просто совпадение? Шансы того, что два незнакомых человека сядут в один и тот же день на один и тот же паром, плывущий из Джерси, а затем возьмут билеты на один и тот же поезд до Парижа? Каковы шансы?..

Что ж, решил он, они довольно велики. Ведь мы имеем дело с общественным транспортом... И все же...

Из-за каких-то технических неполадок им пришлось простоять почти два часа на запасном пути неподалеку от Дижона. На протяжении всего времени ремонта Джек то впадал в дремоту, то просыпался, но стоило поезду тронуться, как он уснул таким крепким сном, что его можно было принять за кому. Когда подъезжали к швейцарской границе, вошел служащий таможни и попросил Данфи предъявить паспорт, однако увидев, что перед ним американец, отмахнулся.

К тому времени Джеку из-за простуды совсем стало не по себе. Ночью, где-то на полпути между Парижем и границей, у него подскочила температура и начался кашель. Он вдруг почувствовал себя жутко вымотанным, так, словно не спал несколько дней подряд.

Сойдя с поезда в Цюрихе, Данфи поспешил к ближайшему к Банхофштрассе выходу из вокзала.

Здесь ему все было знакомо. В Цюрихе Данфи бывал раз десять, и вокзал не обманул его ожиданий — огромное тусклое здание, казавшееся более значительным снаружи, чем изнутри, а сейчас к тому же наполненное холодным зимним воздухом. Чувствуя слабость от простуды и дрожа от холода, Данфи испытывал сильнейшее притяжение к залитым ярким светом вокзальным кафе, окна которых запотели от тепла внутри, а все вокруг было насыщено исходившими оттуда ароматами выпечки и кофе.

Пришлось подавить соблазн. Хотя белокурого нигде не было видно, Данфи прекрасно знал, что цюрихский вокзал — нечто вроде «игровой комнаты» для немецких наркоманов, голландских пьяниц, африканских воришек и вездесущего «Легиона отверженных»: хиппи, хайкеров, металлистов и всякого рода хулиганья. Остаться здесь надолго с чемоданом, доверху набитым наличностью, было опасно.

Снаружи резкие порывы ветра разносили легкий снежок. В Цюрихе было гораздо холоднее, чем на Джерси или в Сен-Мало, и у Данфи озябли руки и ноги. Ничего не оставалось, как выйти на улицу и, подняв воротник и закутав им шею, идти по самой шикарной улице Швейцарии. Вскоре он оказался рядом с отделением банка «Швейцарский кредит» и десять минут спустя уже стоял в полном одиночестве в закрытом помещении и заталкивал пачки фунтов в темный стальной ящик, который арендовал за тридцать пять швейцарских франков в месяц.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Покончив с этим, Данфи вышел из банка и проследовал к «Цум шторхен», ощутив некоторое облегчение, хотя далеко не легкость. В дипломате он оставил пятьдесят тысяч фунтов, чтобы расплатиться с Максом, и некоторую сумму просто «на жизнь». А жить ему на эти деньги предстоит неизвестно сколько времени. Несмотря на всю полученную информацию, Джек пока не мог ответить на вопрос, за что убили Шидлофа и почему его собственная жизнь была фактически разрушена только из-за того, что помимо своей воли он

очутился на периферии названного убийства. Ведь если подумать, единственным результатом его изысканий пока была его собственная жизненная катастрофа и смертельная опасность, нависшая над близкими ему людьми.

Нет, все-таки он был несправедлив к себе, слишком скромн. Ему ведь удалось ободраь как липку Бламона и прострелить колено Карри, что в принципе можно рассматривать как неплохое начало.

Старый Цюрих представляет собой хитросплетение узких улочек с булыжной мостовой, каменными зданиями на холме над студеной черной и при этом совершенно прозрачной рекой Лиммат. Теперь, когда Данфи спускался вниз по холму по направлению к «Цум шторхен», снегопад усилился. Он сыпался с неба, подобно муке, просеиваемой сквозь сито, прилипал к ресницам и белой вуалью покрывал волосы на голове. Снег таял и тонкими струйками ледяной воды стекал за воротник пальто и дальше по шее, отчего Данфи пробирал сильнейший озноб. Дойдя до реки, Джек немного постоял на набережной, любуясь на лебедей и на несколько минут позабыв о холоде и о снеге.

Затем зашел в магазин мужской одежды и, покашливая, попросил пару кожаных перчаток и шарф. В ответ на свою просьбу он получил чек на сумму, в которой, по его мнению, стоял лишний ноль. Впрочем, сейчас это не имело существенного значения. Деньги были самой меньшей из его проблем. Вернувшись на набережную, Данфи прошел последние два квартала, отделявшие его от «Цум шторхен», пересек холодную террасу отеля и вошел внутрь.

Расположенный у самой реки под сенью громадной старинной ратуши, «Цум шторхен» непрерывно функционировал на протяжении уже более шестисот лет.

Пройдя мимо камина с уютно потрескивающими в нем дровами, Данфи подошел к столу регистрации и спросил, приехал ли мистер Сетяев.

— Нет, еще не приехал, сэр.

— Когда приедет, скажите ему, пожалуйста, что друг ожидает его в ресторане.

— Да, конечно.

Данфи был готов просидеть там и прождать несколько часов, созерцая реку и потягивая кофе, но Макс появился гораздо раньше, чем он ожидал: Данфи даже не успел доесть второй круассан.

— Дерьмово выглядишь, — сказал Макс вместо приветствия.

— Спасибо, Макс. Зато ты выглядишь превосходно. Садись.

Русский опустился в кресло напротив Данфи.

— То, что я для тебя сделал, — прошептал он, — не смог бы сделать больше никто.

— Что ж, значит, я в тебе не ошибся.

— Еще бы! — воскликнул Макс. С этими словами он положил на стол папку и протянул руку в ожидании чека. Затем извлек из кармана ручку и нацарапал на чеке свой гостиничный номер. — Пойдем, — сказал он, вставая. — Делами мы сможем заняться и наверху.

Данфи поднялся с ним на лифте на шестой, самый верхний, этаж отеля. Номер, в котором поселился Макс, находился в самом конце коридора. Окна выходили на реку и на озеро. Дорожная сумка Макса стояла на ковре под окном.

— Я чувствую себя как выжатый лимон, — признался Данфи, падая в широкое и мягкое кресло.

— Что случилось? — спросил Макс.

— Простудился.

— Вот закончим наши дела... я поеду домой... а ты останешься здесь. И отоспишься.

— Наверное, ты прав, — ответил Данфи. — Я уже на пределе.

Макс вынул папку из дорожной сумки, вскрыл ее и вывалил содержимое на кофейный столик: пару кредитных карт, водительские права и паспорт. Данфи открыл паспорт, проверил наличие фотографии и взглянул на имя.

— Превосходно! — воскликнул он. — Но... Харрисон Питт?..

Макс заулыбался:

— Неплохое имя, правда?

— Неплохое имя? Что за чушь!

— Американское! Настоящее!

— Ты что, смеешься надо мной? Я вообще не знаю ни одного человека с именем Харрисон.

— И не можешь знать, потому что в Ирландии оно непопулярно. А в Канаде и в Америке полно Харрисонов.

— Назови хоть одного.

Макс, не задумываясь, выпалил:

— Форд!

Данфи не понадобилось долго размышлять, чтобы понять, в чем суть дела.

— А Питт?

— Есть парень, которого зовут Брэд Питт, — ответил Макс. — Он, конечно, кинозвезда. Но подобное имя носят и многие простые американцы.

Данфи тяжело вздохнул:

— Ладно. Как насчет всего остального?

Макс извлек из кармана куртки небольшой конверт и протянул Данфи.

Джек вскрыл конверт. Ему на колени упал ламинированный пропуск с пометкой «Андромеда». В верхнем левом углу находилась голограмма — радужное изображение чернокожей Девы из Айнзидельна, а внизу справа — отпечаток пальца. В центре под словами:

«МК-ИМИДЖ»

Программа особого доступа

Ю. Брейдинг

«Андромеда»

располагалась фотография самого Данфи.

— Неплохо сделано, мужик! Очень, очень хорошо.

На лице Макса появилось оскорбленное выражение.

— Ты что! Сделано превосходно!

— Да-да, умопомрачительно! А отпечаток пальца? Что с ним?

Макс отстегнул молнию на наружном отделении своей дорожной сумки и достал оттуда издание набоковской «Ады» в твердом переплете.

— Voila.^[36] — Он протянул книгу Данфи.

— Зачем мне она?

— Подержи, — ответил Макс, расстегнул главную молнию на сумке и из основного ее

отделения достал кожаную косметичку с массой разных туалетных принадлежностей: зубной пастой, щеткой, одноразовыми лезвиями, пузырьками с таблетками... и каким-то тюбиком с надписью «Биоклей».

— Что это такое? — спросил Данфи, когда Макс извлек тюбик из косметички.

— Биоклей.

— Надпись я уже сам прочел...

— Белковый полимер для врачей. Значительно надежнее швов. Не причиняет боли.

Прогресс...

— И что ты собираешься с ним делать?

— Книгу, пожалуйста.

Данфи протянул ему книгу, и Макс открыл ее. Внутри находился пергаминовый конверт. Макс сжал стороны конверта, дунул в него, и оттуда показалось нечто очень похожее на кусочек прозрачной кожи.

— Отпечаток пальца, — сообщил Макс.

Данфи не отрываясь смотрел на странный предмет на ладони у Макса, очень напоминавший какую-то сюрреалистическую выдумку.

— Из чего он сделан?

— Из гидрогеля. Примерно такого же, как тот, из которого делают контактные линзы... мягкие. Из биомиметического.

— И что это значит?

— Значит, что он сделан из пластика, совместимого с тканями человеческого тела. Сверхтонкого. А теперь, пожалуйста, хорошенько вымой руки и тщательно вытри.

Данфи встал и сделал то, что ему сказали, затем вернулся на свое место рядом с окном.

Макс взял правую руку Джека и покрыл его большой палец тонким слоем биогеля. Затем наложил отпечаток пальца на клей и размазал его по поверхности.

— Четыре минуты, — сказал он.

Данфи внимательно разглядывал накладной отпечаток пальца, который пришелся идеально.

— А как мне его снять? — спросил он.

Макс нахмурился. Минуту подумал, потом сказал:

— Наждаком, наверное.

— Наждаком?

— Конечно.

— Ладно... наждаком так наждаком. А теперь скажи мне, как ты его сделал?

Макс улыбнулся:

— С помощью фототипии. Когда клей высохнет, сам увидишь: палец будет идеально гладким.

— И это все? Не нужно ничего вырезать, штамповать?

— Вырезать, штамповать? Зачем? Мы ведь делали пропуск в здание! Он проверяется с помощью сканера.

Данфи бросил на него скептический взгляд.

— Да не беспокойся ты! — воскликнул Макс. — Расслабься.

К слову сказать, у Данфи и выбора-то особого не было. Оставалось только положиться на талант Макса. Если пропуск не пройдет, значит, не пройдет, и на том все закончится (в том числе закончится и он сам, подумал Данфи). Ничего поделать он не мог, оставалось

просто плыть по течению и проверять все на собственной шкуре. Данфи встал, прошел к своему дипломату, положил его на кровать, открыл замки и извлек из него шесть пачек валюты, в каждой из которых было по пятьдесят стофунтовых банкнот. Передавая деньги Макс, пачку за пачкой, он спросил:

— Ты можешь ответить мне на один вопрос?

— На какой? — спросил Макс, не отрывая глаз от денег.

— Когда ты жил в России, тебе приходилось что-нибудь читать о... даже не знаю, как сказать...

— Спрашивай!

— Об уничтожении скота.

Макс озадаченно взглянул на Данфи.

— Ты хочешь сказать... о мертвых коровах?

— Да. О коровах, которых разрубали на части... на пастбищах.

Макс усмехнулся:

— Нет, никогда не слышал ни о чем подобном. По крайней мере когда жил там. А что?

— Да так, просто интересно, — ответил Данфи и протянул ему последнюю пачку банкнот.

— Но с наступлением гласности, — продолжил Макс, — там появилось много подобных сообщений.

Данфи поднял на него глаза.

— Об уничтожении скота?

Макс кивнул, засовывая деньги в свою дорожную сумку.

— И об НЛО тоже. Много всякой ерунды. Это нам все в новинку. При коммунистах мы ни о чем подобном не слыхали.

Данфи сел на кровать.

— Да, и еще одно.

Макс улыбнулся и снова расстегнул молнию на сумке.

— Знаю, что одной услугой никогда не обходится.

— Мне нужен второй паспорт, для подруги. — Достав еще пачку банкнот из дипломата, Данфи отсчитал тридцать пять стофунтовых банкнот и протянул Макс, после чего вручил ему конверт с фотографиями Клементины. — Ее адрес на обороте. Все необходимо сделать как можно быстрее.

— Будет сделано сегодня же вечером, — пообещал Макс и бросил взгляд на фотографии. — Симпатичная девчонка.

— Спасибо.

— А на какое имя?

— Верушка Белл.

Макс улыбнулся и записал имя на обратной стороне конверта с фотографиями.

— Она русская?

— Нет. Просто слишком романтическая.

— О, это еще лучше. — Он поднял глаза от снимков, внезапно посерьезнев. — Паспорт Верушке — такой же, как и тебе? — Данфи кивнул. — Бланк из посольства. Не скажу, из какого. Но никогда не использовавшийся, значит, и без всякого шлейфа. Может ездить куда угодно, за исключением, возможно, Канады. Пойдет?

— Мы туда и не собирались.

— В таком случае у вас не будет никаких проблем.

— Окажи мне любезность, — попросил Данфи, провожая Макса до двери.

— С радостью.

Данфи подошел к столу, находившемуся в углу комнаты, и, взяв лист бумаги, написал на нем номер, в котором остановился, положил бумагу в конверт, запечатал его и, адресовав Верушке, протянул Максу.

— Пожалуйста, сделай так, чтобы она вместе с паспортом получила и это.

На протяжении следующих трех дней он выходил на улицу только раз — купить журналы в маленьком магазинчике на Фраумюнстерштрассе. Все остальное время Данфи проводил в уютном гостиничном номере Макса, лечил свою простуду, сидел у окна, смотрел на реку, слушая, как комочки снега, словно пули, стучат по стеклу. Из людей он встречался лишь с горничными, убиравшими комнату и менявшими полотенца и белье. Звонков было всего два, и то по ошибке. В целом судьба дала ему возможность немного спокойно поболеть. И все было бы совсем хорошо, если б не постоянная слабость, температура и кашель, который не проходил, несмотря ни на какие его усилия.

Из перечисленного больше всего Данфи беспокоила лихорадка — она вторгалась в его сны, и по утрам он просыпался утомленным, словно после тяжелой работы. Как правило, Данфи не обращал особого внимания на свои сны, но сновидения, навеянные болезнью, были иными, отличались изматывающей повторяемостью и монотонностью, подобно тестовой картинке. Он пробуждался от них весь в поту и еще более обессиленный.

К полудню четвертого дня, в раздражении из-за собственной слабости и, ощущая острейшую тоску по Клементине, Данфи решил наконец выйти из номера. Одевшись, он спустился на лифте в вестибюль и из него прошел на маленькую улицу за гостиницей.

Он понимал, что, как только приедет Клементина и они вдвоем доберутся до Цуга, события начнут развиваться с немыслимой скоростью. В этом не могло быть никаких сомнений. А к тому времени, когда все начнется, неплохо бы иметь смену нижнего белья.

Поэтому Данфи зашел в магазин и купил кое-что из одежды. В течение примерно двух с половиной часов он бродил по мощенным булыжником улочкам Старого города, заглядывая в одни из самых дорогих на земле магазинов для мужчин. Данфи приобрел дорожную сумку (за девятьсот швейцарских франков), в которой было больше карманов, чем луз в бильярдном зале, и, по словам продавца, она была крепче и надежней, чем ракета, летящая к Сатурну. Французские рубашки по четыреста франков, парочку немецких слаксов примерно за ту же цену, майки «Армани» по сто тридцать франков и носки по двадцать франков. Данфи обнаружил там также спортивную куртку в мелкую ломаную клетку, от вида которой ему сразу захотелось отправиться в Шотландию стрелять куропаток. Ну и конечно, он не мог остаться равнодушным к основным принадлежностям бега трусцой, каковых здесь тоже хватало с избытком — всяких кроссовок, шортов и носков.

Когда Данфи покончил с магазинами, было уже четыре часа пополудни, и он узнал по крайней мере две важные вещи. Во-первых, то, что Цюрих — очень дорогой город и покупать в нем что-либо не разумно. А во-вторых, то, что за ним, несомненно, кто-то следил.

Его «вела» пара мужчин, но это не удивило Данфи, он всегда предполагал, что именно так и будет. Первым был светловолосый парень в укороченном пальто, вторым — головорез на красной «веспе». Они даже особенно не скрывали своих намерений. Сохраняя приличное

расстояние, они тем не менее совершенно откровенно следовали за ним. Что означало, что он у них «под колпаком», или по крайней мере они так считают.

Парень на скутере имел вид классического качка. Толстая бычья шея, накачанные бицепсы боксера, крошечные свиные глазки, волосы, подстриженные под «ежик» и выбритые на висках. Несмотря на холод, он был одет в джинсы и толстовку. Казалось, зима и мороз ему нипочем, или — скорее всего — он просто хотел произвести подобное впечатление на окружающих. Его дружок пыхтел вслед за ним на расстоянии примерно ярдов пятидесяти, засунув руки глубоко в карманы и посасывая сигарету.

Три дня они ждали его у «Цум шторхен», сделал вывод Данфи. А это значит, что они упрямые маленькие говнюки, и ничего не остается, как пойти на прямое столкновение с ними.

А ну, выкладывайте, придурки!

Нет. Так не выйдет. Во-первых, потому, что у него слишком много всяких свертков в руках. Во-вторых, он неважно себя чувствует, да и отваги ему сейчас по всем названным причинам явно не доставало. Как раз наоборот, Данфи походил на начинающего пловца, стоящего на краю высокого трамплина и глядящего вниз на темную и коварную воду. Нет, его ощущения ничем не напоминали головокружение, но Данфи все-таки отметил, что у него сжалась мошонка, словно на дюйм уйдя в брюшную полость.

Это удивило его, так как он считал себя профессионалом в подобных делах. Устроившись на работу в Управление, в Уильямсберге и Вашингтоне Данфи прошел весь обычный комплекс тренировочных упражнений по слежке и уходу от нее. Процедура была вполне стандартная, и он справился с ней великолепно. Другими словами, ситуация в целом знакомая. Однако было в ней и нечто такое, что принципиально отличало ее от учебной. Инструкторы в Центре были настроены к нему вполне дружелюбно, а вот от здешних парней ничего хорошего ожидать не приходилось.

Ладно, по крайней мере пока они еще не попытались его убить. Значит, задание сводится только к наблюдению. И при том, что они не делали ни малейшего усилия скрыть свой интерес к нему, с них, по-видимому, хватало того, что они не упускают его из виду. Хотя шпики особенно не стремились встречаться с Данфи взглядом, они и не отворачивались, увидев, что он смотрит на них. Другими словами, это была в высшей степени пассивная слежка. По всей вероятности, сходная с той, которую он сам вел за Шидлофом.

Мало-помалу приток адреналина в крови Данфи пошел на спад. Дыхание нормализовалось, а с ним и пульс. Рассматривая своих преследователей в витрину «Джил Сэндер», он подумал, что быть объектом слежки примерно то же самое, что помимо воли попасть на съемочную площадку. Внезапно со всех сторон раздаются крики: «Свет! Камера! Начали!» Сердце начинает учащенно биться, легкие готовы вот-вот взорваться, и... если вас не схватили или не пристрелили, то вы постепенно привыкаете к своему необычному состоянию. Потому что, в конце концов, другого выхода просто нет. За вами наблюдают. Ну и что?

Наверное, все-таки люди Бламона, решил Данфи. Вряд ли из Управления. Он откололся от убийц из Управления еще в Лондоне, оставил их окровавленными в вестибюле дома Клементины. Карри и его кретины наверняка потеряли его. Значит, он имеет дело с парнями Бламона.

В этом, конечно, нет ничего хорошего, но и самым плохим такой оборот тоже назвать

нельзя. Если он правильно оценивает свое положение, Управление совсем не намерено допрашивать его. Управлению надо его уничтожить, так как смерть Данфи — единственный эффективный способ прекращения расследования, которое он начал. Бламону явно хотелось задать ему множество разных вопросов. Начиная с того, где находятся его деньги, и каким образом их вернуть. Со стороны Бламона Данфи не угрожало ничего, кроме похищения и пыток.

Поразмыслив, Данфи пришел к выводу, что для него, возможно, было бы лучше умереть. Только не сейчас. Лежать в луже крови в окружении целлофановых пакетов с дорогими покупками... Нет, его представление о достойной смерти было совершенно иным. Он даже представил газетный заголовок: «ПОСЛЕДНИЙ ШОПИНГ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ЦРУ».

Заметив впереди развевающиеся флажки на крыше «Цум шторхен», Данфи ускорил шаг. Ясно одно: Белокурый и Качок не будут преследовать его до бесконечности. Ведь они не изучают его. Они за ним охотятся. А когда собаки загонят лису на дерево, им ничего не останется, как ждать охотника с ружьем. Значит, слежка за Данфи либо уже вступила, либо близка к критической фазе, и если он хочет выжить, то должен как можно скорее найти способ ускользнуть и замести следы.

Вернувшись в отель, Данфи поднялся на лифте до шестого этажа и прошел в номер. Прогулка, кажется, пошла ему на пользу. Кашель утих, дышать стало значительно легче. Швырнув сумку на постель, он начал упаковывать купленные вещи, когда внезапно раздался тихий стук в дверь.

Нужно было запастись оружием, подумал Джек. Или хотя бы бейсбольной битой или чем-то в этом роде. В отчаянии он оглядел комнату в поисках хоть чего-то, чем можно было бы воспользоваться в целях самозащиты. Взгляд его упал на стойку для каминных принадлежностей. Схватив кочергу, Данфи на цыпочках прошел по комнате, подошел к двери и посмотрел в глазок.

— Джек? — послышался голос Клементины, мягкий, как снежное покрывало.

Он распахнул дверь, втащил ее в комнату и прижал к себе.

— Я думал, ты никогда не приедешь, — сказал он.

— Ты разжигашь камин? — спросила она, кивнув на кочергу в руках у Джека.

Мгновение он не мог понять, что она имеет в виду. А затем почувствовал себя полным идиотом.

— Ах это!.. — воскликнул он. — Да... я только... я действительно... да. Разжигаю камин.

Клементина подошла к окну, а он вернул кочергу на место.

— Очень мило, — оценила она вид из окна. — Гораздо лучше, чем у Вэл.

— Кто такая Вэл?

— Моя подруга. Я вижу, мы ходили по магазинам, — добавила она, указав на пустые пакеты рядом с кроватью. — Ты тут развлекаешься! А я одна сижу и нервничаю из-за тебя!

— Ну...

— Здесь есть что-нибудь для...

— ...кого?

— Моі? ^[37] — Шаловливая улыбка.

«Она пытается меня завести», — подумал Данфи. Вслух он произнес совсем другое:

— О да, кое-что было... пришлось вернуть вещи в магазин.

— Вернуть?

Клементина бросила на него подозрительный взгляд, уютно устроившись в кресле между окнами.

— Да. Так что я просто приобрел пару вещей для себя. Предметы первой необходимости.

Мгновение она молчала. Затем сказала:

— Джек.

— Что?

— «Гуччи» не производит предметов первой необходимости.

Данфи решил переменить тему:

— Ты удивишься, но у нас есть более серьезные проблемы, чем мое, как ты, по-видимому, полагаешь, увлечение модными шмотками.

— И что это за проблемы?

— За мной следят от самого Джерси.

Клементина молчала все время, пока он смешивал для них обоих коктейли у мини-бара. Наконец она спросила:

— Но кто? И чего они хотят?

Он бросил кусок льда в стакан, протянул его Клементине, затем уселся на краешек кровати и рассказал о Бламоне.

— Значит, ты все-таки присвоил чужие деньги! — И вновь у нее округлились глаза, а на лице появилось выражение восторга, смешанного с ужасом.

— Это были не его деньги, — возразил Данфи. — Он их не заработал.

— Возможно... но...

— А так как он их не заработал, как я мог их у него украсть? — Данфи воспользовался указательными пальцами, чтобы заключить глагол «украсть» в кавычки.

Клементина бросила на него непроницаемый взгляд.

— Логично, — сказала она довольно сухо. — Ну и что будем делать?

Данфи развалился на кровати, уставившись на потолочную плитку с диковинным узором. От наволочек исходил не выветрившийся запах стирального порошка.

— Они тебя не знают, — ответил он скорее самому себе, чем Клементине, — следовательно, они не знают, что ты здесь. — Он приподнял голову и, прищурившись, глянул на нее. — Ведь так?

Клементина кивнула:

— Думаю, что да.

Данфи снова упал на подушки.

— Ты не спрашивала обо мне у стола регистрации?

— Нет. Я прошла прямо сюда.

Должно быть, горничная сменила простыни, когда он выходил за покупками, потому что они казались свежими и приятными на ощупь.

— Я подумал, — продолжал Данфи, — что ты можешь снять номер на противоположной стороне коридора или где-то поблизости. А я съеду из этого и переберусь к тебе. — Он взглянул на нее, ожидая согласия.

— Да-а... наверное, да... а что потом?

— Не знаю. Возможно, они решат, что я уехал.

Мгновение Клементина молчала. Затем откашлялась и спросила:

— Таков твой план?

В ее голосе была слышна какая-то особая интонация, а произнося слово «план», она скорчила гримасу и комично покачала головой.

Данфи решил не сдаваться. Он приподнялся на постели, опершись на локоть.

— Это не план, — объяснил он, — а всего лишь идея.

Вкус виски очень приятный, и оно ведь полезно при простуде...

— Но ведь есть же план? У тебя? — спросила Клементина.

— Конечно, у меня есть план, — ответил Данфи. — Разве я похож на человека, у которого может не быть плана?

Каким порошком они пользуются? «Лемон-фреш»? Какой-то сладковатый аромат, оставшийся после стирки. Должно быть, здесь есть прачечная, в которой стирают белье и полотенца всех крупных отелей.

— Эй, Джек?

Горничные снимают постельное белье по утрам и относят его куда-то, возможно, в подвал. А есть подвал в «Цум шторхен»?

— Джек, вернись на землю...

Не может не быть. А затем на машине их отвозят...

— Дже-е-ек, ты меня слышишь?

Данфи поднял на нее глаза.

— Что такое?

— План. Ты хотел поделиться со мной своим планом.

— О, — сказал он, — да, действительно.

— Ну давай.

— М-м... план состоит в том... я думал, ты снимешь номер в гостинице...

— Что тебе так дался этот номер?

— Да ничего, только... Я хочу освободить свой номер. Наблюдение за номерами ведется с помощью мониторов. Когда я переберусь к тебе, в течение некоторого времени меня не будут видеть на камерах и, посчитав, что я съехал, поселят сюда кого-нибудь еще. Когда те, кто следит за мной, спросят обо мне у портье, им ответят, что я больше не проживаю в гостинице. Возможно, они даже поверят.

— И что тогда? — спросила Клементина.

— А тогда ты бронируешь еще один номер на завтрашнюю ночь в Цуге.

— В каком таком Цуге?

— Местечко неподалеку от Цюриха, на расстоянии примерно двадцати миль. Поэтому нам понадобится машина. Насчет машины справься у консьержа.

— Итак, я бронирую номер и автомобиль.

Данфи наконец опустил ноги на пол и сел, сунув руки в карманы. Вытащив оттуда небольшой ключ, он бросил его Клементине.

— А это что такое? Ключи от твоего сердца?

— Нечто гораздо более важное, — ответил Данфи. — Ключ от сейфа в банке «Швейцарский кредит». На Банхофштрассе. Номер два-три-ноль-девять. Запомнила? — Клементина кивнула. — Пригласи менеджера и дай ему ключ. Ему потребуется твой паспорт...

— Какой из них?

— На имя Верушки. Сейф зарегистрирован на твое и мое имя, поэтому никаких сложностей возникнуть не должно.

— А что потом?

— В сейфе очень много денег. Возьми часть из них. Ну... к примеру, пятьдесят штук.

— Пятьдесят *чего?*

— Тысяч.

Мгновение она не решалась переспросить.

— Франков?

Данфи покачал головой.

— Фунтов.

Клементина изумленно открыла рот.

— Просто возьми деньги, — продолжал Данфи, — а затем мы встретимся на стоянке у железнодорожного вокзала в Цуге. Я постараюсь приехать туда после шести.

— Но...

— Цуг всего лишь пригородная станция. Как только я выйду, ты сразу меня увидишь.

— Я о другом. Меня интересует, как ты выберешься из отеля. Так, чтобы тебя не увидели те люди.

Данфи взял одну из подушек и изо всех сил хлопнул по ней кулаком.

— Об этом не беспокойся, — ответил он. — А теперь пошли.

От подвала «Цум шторхен» до железнодорожного вокзала было меньше мили, однако чтобы добраться туда, Данфи пришлось заплатить сто фунтов. Турок, перевозивший белье в прачечную, поначалу был весьма удивлен, обнаружив американского бизнесмена в подвале отеля. Но, увидев деньги, он с радостью согласился помочь «другу» унести ноги от «обманутого и ревнивого мужа».

Поезда на Цуг ходили довольно часто, и Данфи не составило большого труда добраться туда к ленчу. До приезда Клем оставалось несколько часов, а Цуг не относился к числу тех мест, в которых можно весело и с пользой провести время. Джек знал об этом городе только то, что в нем были сконцентрированы самые секретные архивы. Он являлся хранилищем данных столь важных — или столь опасных, — что их нельзя было оставлять на территории Америки. Исходя из того, что названные архивы были одновременно и главной целью его поиска, и причиной охоты на него самого, Данфи решил, что разгуливать по Цугу для него небезопасно.

Лучше всего, наверное, на несколько часов выехать в какое-нибудь другое место.

И он прекрасно знал, куда ему следует отправиться, — в Айнзидельн. Чтобы воочию узреть деву с голограммы — «La protectrice».^[38]

Поезда из Цуга в Айнзидельн ходили через каждые полчаса, да и сам путь занимал примерно столько же. Дорога шла вдоль Цюрихского озера по пригородам. Каким-то причудливым образом путешествие напоминало идеально отчищенный высокогорный вариант дороги в Бриджпорт. Монтаж из коротких бытовых сценок, которые Данфи удалось уловить на ходу, демонстрировал изнанку жизни швейцарцев. Он видел их на задних дворах, занимающихся рутинным повседневным трудом, которые, как оказалось, практически ничем не отличались от повседневного рутинного труда и от задних дворов жителей многих других уголков мира. Мужчины и женщины, облокотившись на подоконники, смотрели на улицу, курили, развешивали выстиранное белье, ездили на велосипедах, подметали лестницу, судачили, спорили и занимались неисчислимым множеством других вполне обыденных дел.

Когда поезд выехал в сельскую местность и начал подниматься в горы, окрестности Цюриха — Тальвиль, Хорген и Веденсвиль — уступили место ряду милых городишек, каждый из которых казался еще более заснеженным, чем предыдущий.

Бибербругг.

Беннау.

Айнзидельн.

Выйдя из вокзала, Данфи приобрел туристический проспект и, следуя по карте на обложке, начал подниматься вверх по маленькой главной улице городка мимо лыжных магазинов и ресторанов по направлению к бенедиктинскому аббатству в честь Айнзидельнской Богородицы. Название городка, как он прочел в путеводителе, означало «отшельники», что делало ее (по крайней мере с постмодернистской точки зрения) Богородицей Бездомных. И в любом случае Черной Мадонной.

Сам город был лыжным курортом, точнее, даже не курортом, а местом, куда некоторые любители приезжали покататься на лыжах. По пути к аббатству Данфи миновал два или три отеля, но встретил очень немного автомобилей и всего нескольких прохожих. Создавалось впечатление, что он попал в тихое процветающее селение, известное миру только своей

загадочной статуей.

На расстоянии примерно шести кварталов от станции первое впечатление уступило место крайнему изумлению, когда крошечная главная улица вывела его на обширных размеров площадь. В центре площади на расстоянии пятидесяти футов от Данфи находился фонтан с замерзшей водой. За фонтаном над широкой лестницей возвышалось само аббатство. Здание, окруженное цепочкой сувенирных лавок, торгующих безделушками и открытками, казалось одновременно и массивным, и изящным. Увидев его впервые, Данфи был поражен как его внушительными размерами, так и удивительной простотой и отсутствием каких-либо украшений. Поразительно красивое и в то же время лишенное каких-либо архитектурных сложностей и ухищрений, оно вызвало у Данфи невольное сравнение с Моной Лизой, высеченной в камне.

Медленно поднявшись по ступенькам к аббатству, он повернулся, чтобы оглядеть с высоты площадь, городок и окрестные горы. Легкий ветерок нес с собой сыроватый запах тающего снега, сена и навоза. Заглянув в брошюру, Данфи обнаружил, что аббатство уже на протяжении более пятисот лет является действующей фермой. Монастырь славится своими лошадьми и скотом, который здесь выращивают.

Повернувшись, он вошел в церковь через высокий портал и остановился, моргая, пораженный величественным полумраком храма. Он был значительно больше многих соборов, наполненный мерцанием множества свечей, пропитанный ароматом воска и многовековым благоуханием ладана. Когда глаза Данфи немного привыкли к вечным сумеркам храмового интерьера, он вдруг понял, что стоит посреди некоего архитектурного оксюморона. Внутренность собора поразительным образом противоречила простоте его внешнего облика. Внутреннее убранство церкви представляло собой пеструю мешанину из цветов, украшений, гобеленов, картин, фресок и золота. Из каждой щели, казалось, выглядывал херувим. Канделябры сияли ослепительным светом. Ангелы порхали, расправив крылья, по стенам и колоннам. Создавалось впечатление, что здесь какому-то средневековому Диснею предоставили полную свободу фантазии, снабдив его палитрой из всего трех красок: эбеновой, слоновой кости и золота.

«Нет, в детстве я ходил совсем в другие церкви, — размышлял Данфи. — Здесь есть что-то совсем иное... Но что?»

Пройдя в глубь храма, который становился все ярче по мере того как зрение адаптировалось к церковному полумраку, Джек обнаружил, что стоит у входа в часовню Богородицы. Часовня представляла собой отдельное внутреннее святилище, изготовленное из черного мрамора, с гипсовыми святыми на крыше и золотыми барельефами на стенах. Размером она была с обширный бельведер и вся засыпана охапками цветов, от чего в воздухе вокруг стоял тяжелый аромат влажных папоротников и роз. Неподалеку расположилась странная группа людей — паломники из разных концов света, как решил Данфи. Коленопреклоненные, они с жаром молились на жестком и неровном полу.

Молитвы их были обращены к статуе в четыре фута высотой, которая изображала (должна была изображать) Деву Марию. Она была облачена в одежды из золота с вычеканенными на них орнаментами с изображением фруктов и колосьев. Голову Девы венчала корона, а в левой руке она держала младенца.

Самым странным в ее облике был цвет. Мадонна была черной. Черным был и младенец. Не темно-коричневым, но совершенно черным. Черным, как сажа. Черным, как уголь. Черным, как вселенная.

Невероятность подобного изображения была настолько поразительной, что у Данфи перехватило дыхание и в голове возник кошмарный вопрос: «Что, черт возьми... она делает... в Швейцарии?» И вместе с ним пришел и ответ: «А что она делает... вообще где бы то ни было?»

Отойдя на несколько шагов от святыни, Данфи вытащил из кармана пальто путеводитель и, остановившись за спинами молящихся, начал читать:

«На протяжении семи лет граф из рода Гогенцоллернов (Мейнрад) жил отшельником в Черном лесу над местом, где находится церковь аббатства. Зимой 861 г. Мейнрада убили разбойники. Бандитов до Цюриха преследовали единственные друзья Мейнрада — мудрые вороны, с которыми отшельник сдружился за долгие годы одиночества. В Цюрихе вороны набросились на убийц старого монаха, устроив такой переполох, что негодяи были тут же схвачены и получили по заслугам.

Аббатство и церковь были построены над пещерой Мейнрада в 934 г. На протяжении последующих столетий аббатство сильно пострадало от многочисленных пожаров, и современный свой вид оно приобрело после значительной реконструкции и перестройки в восемнадцатом веке.

В 1799 г. Наполеон послал своих людей похитить Черную Мадонну из аббатства, но монахам заранее стало известно о набеге, и они успели тайно перевезти образ Богородицы через горы в Австрию. Там, чтобы скрыть происхождение Мадонны, ее перекрасили в белый цвет. После трехлетнего пребывания в изгнании статую возвратили в Айнзидельн и вернули ей прежний облик.

И поныне череп святого Мейнрада покоится в золотой раке у подножия статуи. Ежегодно на особой мессе его извлекают из раки для поклонения».

— Sie ist verblüfft, nicht ist sie?^[39]

Вопрос произнесли благоговейным шепотом и так близко от Данфи, что он резко повернулся и даже непроизвольно отскочил в сторону, не сумев скрыть испуга. Полагая, что за ним и здесь следят, он взглянул туда, откуда послышался голос, ожидая худшего. Но там стоял не Белокурый и не Качок, а какой-то бледный американец в длинном черном плаще. С вандейковской бородкой.

— Простите? — переспросил Данфи по-английски.

Теперь наступила очередь американца удивляться.

— О, — воскликнул он, — вы тоже американец! Я сказал... — Он снова заговорил шепотом: — Я сказал, что она действительно потрясает, не так ли?

Данфи кивнул:

— Да, конечно.

Человек озадаченно поднял бровь.

— Я принял вас за немца, — признался он. — Обычно я не ошибаюсь.

Данфи задумчиво нахмурился и наклонил голову набок — жест, означавший: «Всякое бывает».

— Я определяю по обуви, — пояснил мужчина, кивнув на туфли Данфи. — Обувь любого выдаст. И она меня никогда не подводила.

Данфи наклонил голову, как и прежде, словно говоря: «Да неужели?» — но тут, глянув поверх плеча своего собеседника, заметил крайне непривлекательную группу туристов, шаркающей походкой приближавшихся к ним. Она состояла из восьми или девяти очень бледных сорокалетних мужчин в одинаковых длинных черных плащах.

— Моя группа поддержки, — объяснил его собеседник.

На какое-то мгновение Данфи решил, что они пришли за ним. Но нет, это была самая настоящая туристическая группа, хотя на первый взгляд и состоящая исключительно из вампиров среднего возраста. Данфи почувствовал себя еще более неуютно, когда заметил, что по меньшей мере у двоих ее членов были галстуки ленточкой и боло.

Внезапно один из туристов повернулся на каблуках и, став спиной к святыне, обратился к своим спутникам с акцентом, вызывавшим в памяти сцены из «Освобождения».^[40]

— Вопрос, который я задал раньше о жизни Мейнрада до того, как он оказался здесь. Кто знает ответ на него? — Все промолчали, спрашивавший удовлетворенно улыбнулся. — Должен признать: вопрос не из легких, но ответ на него таков: Парацельс! — Он переводил взгляд с одной физиономии на другую, радуясь изумлению своих спутников. — Старик Парацельс, наверное, величайший алхимик всех времен. Он родился прямо здесь, на вершине Этцель, в том месте, где жил Мейнрад. Ну а теперь скажите-ка мне, что вы думаете на сей счет?

Кивая и усмехаясь, члены группы обменивались смущенными и удивленными взглядами. Данфи стало ясно, что им всем известна какая-то тайна, либо... они просто убеждены, что она им известна.

— Извините, я должен идти, — улыбнулся Данфи. — Было очень приятно с вами побеседовать. — Взмахнув рукой, он отошел от алтаря, повернулся и вышел.

На улице порхали снежинки, столь немногочисленные, что Данфи показалось, что он может их пересчитать. Засунув руки в карманы пальто, он спустился по ступенькам на площадь и ускорил шаг. Он думал о человеке в длинном плаще и о тех людях, что были с ним. Кто они такие? Действительно ли те, за кого он их принимает? И в это мгновение его подозрения подтвердились. У обочины стоял мини-вэн черного цвета с работающим мотором. Из выхлопной трубы вырывались клубы дыма. Сбоку на нем виднелась странная эмблема: корона с нимбом, окруженная ангелами и словами:

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ «МОНАРХ» ЦУГ

Данфи встретил Клементину (или Верушку, как она теперь предпочитала себя называть) на стоянке у пригородной железнодорожной станции в Цуге. Она приехала на арендованном «фольксвагене-гольф» и принялась взволнованно рассказывать ему о том, что уже сняла номер в отеле «Оксен», который нашла просто «потрясным», а теперь занимается осмотром городских достопримечательностей.

— В Цуге зарегистрировано больше корпораций, чем жителей! — восторженно выдохнула она. — Ты слышал об этом?

— Угу, — откликнулся Данфи, бросая взгляд через плечо. — И где же находится твой отель?

— Дальше по Бэрштрассе, что в переводе значит «Медвежья улица», совсем недалеко отсюда. А берег озера удивительно удобен для купания.

Данфи поправил боковое зеркало, чтобы лучше видеть, следят ли за их машиной, но определенно сказать было невозможно. Бэрштрассе была весьма оживленной улицей, и за ними ехали десятки автомобилей.

— Ты полагаешь, мы прямо сейчас должны ехать к озеру?

— Да, прямо сейчас, потому что оно очень красиво, — ответила Клементина. — К тому же я голодна. А там самые лучшие рестораны.

Что ж, может, она и права, подумал Данфи. Утром у них будет много дел.

Город удивил его. При вполне современном и даже хайтековском облике он демонстрировал превосходный архитектурный вкус, радовавшее глаз сочетание новейших офисных зданий с традиционными постройками, в том числе и с очень старыми. На первый взгляд это должно было стать архитектурной катастрофой, но ее удалось избежать только благодаря тому, что все новое строилось здесь в обычных человеческих масштабах. В Цуге отсутствовали небоскребы, зато было очень много деревьев.

А в самом центре, всего в пяти минутах езды от вокзала, находился средневековый квартал с хитросплетением узких улочек, с булыжной мостовой, где в старинной городской стене располагались разнообразные изысканные магазинчики, торгующие ювелирными изделиями и произведениями искусства, древними картами и хорошим вином. Оставив автомобиль во дворе отеля «Оксен», Данфи последовал за Клементиной по направлению к Старому городу.

Воспользовавшись проходом в стене за Ратушей, они очутились на освещенной газовыми фонарями улочке, по которой прошли дальше до небольшого парка на самом берегу Цугского озера. Сумерки заканчивались, наступала ночь, и над Альпами взошла полная луна. Обняв Клементину за талию, Данфи притянул ее к себе.

— О чем ты думаешь? — прошептал он.

— О еде, — ответила она.

Их выбор пал на бистро с решетчатыми окнами, выходившими на озеро, и кружевными занавесками. Было уже поздно, и они оказались практически единственными посетителями ресторана. Они сели за деревянный столик спиной к тихо потрескивающему камину, попросили озерную рыбу, лонжеоль, тарелку рости^[41] и бутылку охлажденного «шатокарбонье». Закончив с выбором блюд, перешли к делу.

— Нам нужно встать очень рано, — сказал Данфи. — Это крайне важно.

— Во сколько? — спросила она.

— Не знаю. В пять тридцать или в шесть. Дело в том, что у меня есть время только от семи до часа. Совсем немного. От семи до полудня будет даже надежнее.

Она отпила глоток вина, облизала губы и улыбнулась.

— Очень терпкое, — сказала она.

— Совсем как Клем.

Девушка улыбнулась:

— Ты должен называть меня Верушкой.

— Клем...

— Ладно. И куда ты отправляешься?

— В место, которое называется страховая компания «Монарх», на Альпенштрассе.

— В страховую компанию.

— Нет.

— Тогда что это за организация?

Данфи покачал головой.

— Не знаю точно, — ответил он. — Какой-то особый архив.

— Чей?

— Компании, — ответил Данфи.

— Ты хочешь сказать...

— Той компании, на которую я работал.

— И они держат свой архив здесь? За тридевять земель, в Цуге?

Данфи кивнул.

— Но почему? — спросила она. — С какой стати им отвозить документы в такую даль?

— Не знаю, — ответил Данфи. — Но это самая важная и самая секретная информация из всей, которой они располагают.

— В таком случае они тем более должны держать ее поближе к дому.

— Верно. Очень логично. И тем не менее ошибочно.

Клементина нахмурилась:

— А каким образом тебе стало известно об архиве?

Данфи налил себе второй бокал вина, посмотрел его на свет и поведал ей о своих изысканиях в те времена, когда он работал в информационной службе.

— Неудивительно, что они так на тебя злятся! — воскликнула она.

— Да, — пробормотал Данфи, — неудивительно...

— И как мы теперь сумеем выпутаться? Потому что ведь если даже тот француз не убьет тебя за то, что ты украл его деньги...

— Это были не его деньги.

— ...тогда тебя убьет ЦРУ. — Она выжидающе взглянула на Данфи, но он ничего не ответил. — Ну, что скажешь?

— А что я могу сказать?

— Что ты собираешься делать?

— По какому поводу? — переспросил он. — По поводу француза или по поводу Управления?

Клементина молча смотрела на него.

— Так как мы имеем дело с двумя совершенно разными проблемами, — ответил Данфи, — хотя, думаю, нам не стоит особенно беспокоиться по поводу Бламона, если только за тобой не было «хвоста». Но с какой стати им устраивать за тобой слежку? Ведь они тебя не знают. По крайней мере я никого не видел... Значит, остается Управление. А вот по его поводу я не могу сказать ничего определенного, потому что даже не знаю, в чем суть вопроса, из-за которого меня преследуют.

— Тогда это безнадежно, — сделала вывод Клементина.

Данфи покачал головой:

— Нет, не безнадежно. Потому что, хоть я и не знаю, в чем суть вопроса, я знаю, где находятся ответы. Они в том архиве, который расположен дальше по улице. И ты должна помочь мне добраться до них, так как в противном случае...

— Что?

Он минуту смотрел на нее не отрываясь. Затем наклонился и доверительным шепотом произнес:

— Крышка.

На следующее утро они проснулись в пять тридцать и позавтракали кофе с тостами в кафе на Альпенштрассе на расстоянии двух кварталов от страховой компании «Монарх». Во время завтрака решили, что Данфи попытается проникнуть в Особый архив, а Клементина тем временем закажет билеты на самолет до Тенерифе.

— Поезжай в аэропорт, — сказал Данфи. — Купи билеты и затем возвращайся ко мне.

Клементина кивнула:

— В час.

— В час ты должна ожидать здесь в машине с включенным мотором. Или со мной будет покончено. Так как в нашем деле важнее всего предельная точность. Между Вашингтоном и Цугом шестичасовая разница, это, конечно, очень удобно. С помощью пропуска, изготовленного Максом, я проникну в здание, но, чтобы пропустить меня в архив, они должны будут получить дополнительное подтверждение из Лэнгли. И дело не только в подтверждении, им будет необходимо переговорить с человеком по имени Матта.

— И он скажет, что все в порядке? — спросила Клементина.

— Нет. Он прикажет им меня убить. Тут-то и должна помочь разница во времени. Они не станут будить его посреди ночи, так как никакой срочности в принципе нет. По крайней мере очевидной. Поэтому они дождутся, пока в США наступит утро, и тогда позвонят. Думаю, критический момент для меня наступит около часа дня. После этого события начнут развиваться очень быстро.

Клементина на мгновение задумалась, потом спросила:

— А что, если они все-таки решатся разбудить его?

Секунду Данфи колебался, затем пожал плечами.

— Если в пять минут второго я не буду сидеть рядом с тобой в машине, забирай деньги и беги.

Оставив Клементину допивать кофе, Данфи отправился вверх по Альпенштрассе в поисках страховой компании «Монарх». На номера домов он не смотрел. В этом, по его мнению, особой нужды не было. Здание виднелось на расстоянии трех кварталов. Ультрасовременный шестиэтажный совершенно непрозрачный куб из голубого стекла. В его облике явно чувствовалось присутствие ЦРУ, но Данфи понял, что прошел слишком далеко. В кубе размещался центральный офис какой-то торговой компании. Страховая компания «Монарх» находилась ближе.

Повернув назад, он, наверное, снова прошел бы мимо цели, как вдруг услышал голоса американцев. Обернувшись, Данфи обнаружил, что находится рядом с домом № 15 по Альпенштрассе. Неподалеку на стене старенького фахверкового дома с окнами из освинцованного стекла виднелась тусклая бронзовая табличка:

«Страховая компания „Монарх“»

Здание, несомненно, нуждалось в ремонте, однако, несмотря на ветхость, оно даже в этот ранний час заполнялось спешащими на работу людьми. Большинство из них, как заметил Данфи, были мужчины, почти все одеты в темные длинные плащи поверх таких же темных костюмов — обстоятельство, благодаря которому он понял, что пальто снимать крайне нежелательно. Кто знает, к каким выводам они придут, обратив внимание на его

спортивную куртку в мелкую ломаную клетку?

Сделав глубокий вдох, Данфи влился в поток, вошел в высокие старинные двери, широко распахнутые навстречу зимнему холоду.

Внутри несколько служащих мужского пола сидели за полированной конторкой из красного дерева, отвечая на телефонные звонки и на вопросы посетителей. Джек сделал все от него зависящее, чтобы, не обратив на них ни малейшего внимания, присоединиться к очереди сотрудников офиса, проходящей через хайтековский турникет. Заполненный людьми и шумом голосов, вестибюль напоминал улей.

Наблюдая за тем, что делают идущие перед ним люди, Джек заметил, что каждый из них вставляет свой пропуск в щель с левой стороны турникета и в то же время прижимает большой палец правой руки к освещенной стеклянной панели справа. Не проходило и секунды, как турникет издавал звук «чннк!», словно при нажатии на таймер, и очередной сотрудник проходил в ту часть вестибюля, которая находилась за турникетом.

Когда подошла очередь Данфи, он уже учащенно дышал от волнения. Вставив пропуск в щель, прижал большой палец правой руки к стеклу и начал ждать, считая секунды. Три... Четыре... Пять... За спиной уже начались нетерпеливые перешептывания.

— Ничего не понимаю, — произнес он, не обращаясь ни к кому определенно. — Раньше всегда срабатывало.

Он заметил, как один из клерков встал, устремив пристальный взгляд на Данфи. На лице у него появилось обеспокоенное выражение.

«Убью чертова русского!» — подумал Данфи и во второй раз вложил пропуск. И снова ничего не произошло. Клерк двигался к нему, а Данфи уже приготовился к бегству. Если повезет, он быстро доберется до двери и сможет затеряться в толпе...

— Вы держите пропуск вверх ногами.

Данфи чуть было не подпрыгнул от звука этого голоса, он повернулся в его сторону, сердце бешено забилось в груди. Черный длинный плащ... Галстук ленточкой... Бифокальные очки...

— Что?

— Ваш пропуск... Вы держите его вверх ногами. — Мужчина кивнул в сторону турникета.

Данфи глянул на пропуск.

— О да, — пробормотал он и, потерев пропуск в руках, вставил его в щель таким образом, чтобы голограмма точно вошла в щель. «Чннк!» — Спасибо.

Пот катился с него градом.

Вестибюль первые тридцать футов шел прямо, затем загибался направо и выходил на антресоли, которые производили впечатление скопированных с одного из фильмов о Бэтмене. Черный мраморный пол и травертиновые стены сверкали на фоне подъемников из нержавеющей стали. А в самом центре помещения находилось его единственное украшение — прозрачный цилиндр на золотой колонне, окруженный цветами. Внутри была установлена копия «La protectrice». Даже еще более черная, чем мрамор на полу. Самое необычное украшение для правительственного здания из всех, которые только можно себе вообразить.

Данфи заметил, как мигает индикатор подъема лифта от одного до пяти, и с некоторым опозданием обратил внимание на странное противоречие: пять этажей в одноэтажном здании?! А это означало, что большая его часть находится под землей.

— Эй! Привет, незнакомец! — услышал вдруг Данфи и вздрогнул от неожиданности.

Кто-то похлопал его по спине. Обернувшись, он увидел мужчину с вандейковской бородкой, того самого, которого он встретил в аббатстве — одного из загадочной группы туристов.

— Привет, — отозвался Данфи с натянутой улыбкой. — Ни свет ни заря, а вы уже при делах.

Его собеседник пожал плечами:

— Ничего удивительного. А вы? Вы здесь впервые?

Данфи покачал головой:

— Давно уже не навещался. Когда мы с вами встретились, я только что приехал в город.

— И вы не вытерпели! Вы должны были увидеть Ее! — Мужчина с бородкой расхохотался, откинув голову в притворном изумлении.

Мгновение смысл его слов был непонятен Данфи. Затем он понял, на что тот намекает, и продемонстрировал ему вполне ожидаемую реакцию — застенчивую улыбку.

— Да, думаю, что да, — ответил он.

Прибыл лифт, и они вошли в него. Из интеркома тихо звучала классическая музыка. «Мессия», — подумал Данфи. Правда, когда он слышал классическую музыку, ему всегда казалось, что исполняют именно «Мессию». Собственные вкусы Данфи в этой области не заходили дальше Цезарии Эворы, а в подпитии — «Ковбой джанкиз».

— Куда вы направляетесь? — спросил его спутник, нажимая на кнопку.

Уже второй раз за минуту Данфи не знал, что ответить. Мужчина с бородкой стоял и выжидающе смотрел на Джека, приставив указательный палец к панели с кнопками. Наконец Данфи ответил:

— Кабинет начальника.

Его спутник состроил гримасу, чтобы показать, что слова Данфи произвели на него сильное впечатление, и нажал на одну из кнопок. В лифт вошли еще двое, дверцы захлопнулись, и подъемник начал бесшумно опускаться вниз. Через несколько секунд дверцы распахнулись, и, заметив, что никто из ехавших с ним не пошевелился, Данфи сделал шаг к выходу.

— Поверните налево, — сказал ему его знакомый, — и пройдите дальше по коридору.

Коридор был широкий, его заливал неяркий приятный свет. На полу ковры темно-синего цвета, стены розовато-лиловых оттенков, канделябры в стиле ар-деко. Картины и гравюры в изысканных позолоченных рамах ручной работы. Старинная ксилография, изображающая «Гробницу Жака де Моле». Чертеж — план какого-то здания, то ли неизвестного замка, то ли собора, то ли того и другого одновременно. Картина, написанная маслом, на которой прекрасная дева остригает волосы у лежащего рыцаря. На второй картине, которая, по мнению Данфи, была развитием вечной темы «бедного Йорика», пастух, вероятно, в Аркадии, созерцал череп... Йорика. Или Мейнрада. Или чей-то еще.

Наконец Данфи дошел до двери с дымчатым стеклом в самом конце коридора. На стекле одно-единственное слово — «Директор».

Сердце Данфи глухо и страшно колотилось в грудной клетке, поэтому ему пришлось собрать все свое мужество, чтобы не очень громко, но вполне отчетливо постучать в дверь и, не дождавшись ответа, войти. Похожая на птицу женщина с волосами цвета соли с перцем подняла на него взгляд от невероятно тонкого компьютерного монитора. На ней были очки

для чтения в черепаховой оправе, и появление Данфи, казалось, вызвало у нее скорее раздражение, нежели удивление.

— Kann ich Ihnen helfen?^[42]

— Только в том случае, если вы говорите по-английски, — ответил Данфи и оглядел комнату. — Мне нужно встретиться с директором.

Она бросила на него скептический взгляд.

— Это невозможно, — ответила она с резким немецким акцентом. — Прежде всего потому, что вы должны были договориться о встрече заранее. А насколько мне известно, никакой подобной договоренности не существует.

— Вы правы, — ответил Данфи. — Но у меня есть нечто значительно более важное, чем договоренность.

— Вот как?

— Да. У меня поручение. — Он кивнул на дверь, расположенную в углу комнаты и направился к ней. — Здесь его кабинет?

Джеку показалось, что дама готова взлететь в воздух. Она уже наполовину поднялась с кресла.

— Нет! Точнее, конечно, да, но к вам это не имеет никакого отношения. Его здесь нет. Да кто вы-то такой, в конце концов? — Она потянулась к телефону.

Разыграв предельное раздражение, Данфи извлек пропуск и протянул ей. Мгновение дама рассматривала его, потом занесла имя с пропуска в небольшой блокнот на столе.

— Вы здесь уже бывали раньше, — сказала она, неуверенно взглянув на него.

Данфи кивнул, чувствуя себя крайне неудобно.

— Один или два раза, но очень давно.

— Но я очень хорошо помню ваше имя...

Она пристально воззрилась на него поверх очков, затем медленно покачала головой.

— Скорее всего вы просто видели его в какой-нибудь папке, потому что я не приезжал сюда уже много лет.

В ее взгляде появилось сомнение.

— Возможно.

— В любом случае я должен знать, когда придет директор. — Данфи попытался побыстрее сменить тему.

— Как правило, он не появляется раньше восьми. А сегодня его вообще не будет.

Ее слова застали Данфи врасплох, и на мгновение он растерялся. Ведь все его планы зиждились на том, что директор окажется на месте.

— Вообще не будет? — переспросил он.

— Не будет.

— Но почему? Где он?

— В Вашингтоне... Там возникли определенные проблемы. Ну а теперь, если вы не возражаете...

Данфи решил идти напролом:

— Вы имеете в виду проблемы из-за дела Шидлофа?

На лице дамы появилось удивление, и она сразу же несколько смягчилась по отношению к Данфи.

— Да, — ответила она, снова усаживаясь в кресло. — Была перестрелка...

Данфи нетерпеливо кивнул, так, словно уже много раз слышал о названном

происшествии.

— В Лондоне, — сказал он. А про себя добавил: «Да-да, ты на правильном пути, на этой теме можно здорово сыграть».

Дама едва заметно кивнула, но на нее явно произвела впечатление его информированность.

— Вот поэтому-то я и здесь, — объяснил ей Данфи. — Бедняга Джесси.

— Говорят, с ним все в порядке.

— В порядке, может быть. Но что-то я сомневаюсь. — Данфи задумчиво взглянул на нее. — Мне нужно место для работы. На пару дней, возможно, на неделю. И свободная линия связи с офисом Гарри Матты в Лэнгли.

Глаза секретарши округлились при упоминании имени Матты.

— Да, но... — неуверенно произнесла она.

— Но что?

— Ну в общем, я не знаю.

— Чего?

— Что ответить вам на то, о чем вы просите.

— Вы ведь секретарь директора, не так ли?

— На самом деле, — поправила она Джека, — я его ассистент.

— Тем более. — Он взглянул на табличку с именем у нее на столе. — Вас зовут Хильда? Верно?

На сей раз она кивнула уж совсем незаметно, с очевидным подозрением восприняв его внезапную фамильярность.

— О'кей, Хильда. Итак, я предлагаю следующее: мы должны начать прямо сейчас.

— Но я не могу предоставить вам помещения. Для этого мне необходимо получить специальное разрешение. Возможно, заместитель директора... — Она потянулась к телефону.

Данфи сделал возмущенное лицо, наклонил голову и спросил:

— Неужели я похож на глашатая? Или на антрепренера эстрадной певички?

Вопрос привел ее в некоторое замешательство. Выдержав паузу, она покачала головой и сказала:

— Нет, не похожи.

— Ну вот, видите? И если уж вам действительно требуется разрешение, тогда позвоните ему самому.

— Кому?

— Директору. Вы знаете, как ему дозвониться в Вашингтон?

— Да, конечно, но...

— Какой там у него номер?

Данфи протянул руку к телефонной трубке, но она накрыла трубку рукой.

— Мы не можем звонить ему прямо сейчас. Там половина второго ночи.

— Ну хорошо, если не хотите будить своего босса, позвоните в Лэнгли, — настаивал Данфи. — Попросите, чтобы вас соединили с Маттой. Вытащите его из постели!

— И что я ему скажу? — Глаза у нее расширились от ужаса.

— Скажите ему, что хотели бы узнать, могу ли я получить кабинет для работы. В два часа ночи, я уверен, ваш вопрос произведет на него сильнейшее впечатление.

Хильда удивленно взглянула на Джека.

— О каком впечатлении вы говорите?

— О вашей способности проявлять инициативу.

— Ах вот как! — воскликнула она. — Значит, мы перешли к сарказму.

На лице Данфи появилась виноватая улыбка.

— Извините... Вы ведь понимаете, что меня привели сюда не развлечения. — Он замолчал и с доверительным видом наклонился к ней, словно входя в ее положение. — Послушайте, — предложил он, — если вы найдете мне кабинет для работы, мы обязательно дозвонимся до них сегодня же ближе к полудню. До вашего босса, до моего, до кого хотите. И они подтвердят все, что я вам сказал. Вы видели мой пропуск. Я бы не смог сюда проникнуть, если бы не был своим человеком. — Он чувствовал, как она с огромным трудом пытается принять решение. Матта... Карри... Пропуск...

— Ладно. — Она подняла руку, чтобы заставить его замолчать. — На четвертом этаже есть помещение...

— Четвертый вполне подойдет.

— Я позвоню директору в час дня. Он встает рано. И тогда, если сочтет это необходимым, вы сможете связаться с господином Маттой.

— Превосходно, — согласился Данфи. — А если теперь вы еще объясните мне, как туда добраться, я смогу приступить к работе прямо сейчас.

Она сняла телефонную трубку.

— Охрана покажет вам дорогу.

— И еще одно.

— Да?

— Мне нужен человек, который таскал бы для меня папки.

Она непонимающе взглянула на него.

— Папки? Таскать?

— Совершенно верно. Как вы думаете, для чего мне понадобилось отдельное помещение?

— Не знаю. И для чего же?

— В целях проверки обеспечения надежного хранения информации.

— Что?

— В целях проверки обеспечения надежного хранения информации, — повторил Данфи и пристально взглянул на нее. — Вы знаете, что случилось с Карри?

— Да, конечно. По его поводу приходила телеграмма.

— Я в курсе, — сказал он. — Ведь я ее и писал. Так или иначе, парень, стрелявший в него...

— Данфи.

Звук собственного имени в ее устах произвел на него сильное впечатление.

— Верно. Джек Данфи, кстати, грязный подонок и сукин сын. Извините за грубость.

Она пожала плечами.

— Я живу среди мужчин, — сказала она, — и привыкла к грубости.

— Понятно. Так или иначе, Данфи работал на Управление. Вам ведь это известно?

— Конечно.

— И вам известно, чем он занимался, в чем заключалась его работа?

— Нет.

Джек нахмурился:

— Мне казалось, я сообщал в телеграмме о...

— Вы ошибаетесь.

— Как бы то ни было, он работал в Информационном отделе. — Заметив ее удивление, Данфи уточнил: — В группе по обеспечению выполнения закона о свободе информации.

— Ах вот как? — Было видно, что его слова одновременно и поразили ее, и несколько успокоили. — И только?

— Да, и только. Именно поэтому я и провожу проверку обеспечения надежного хранения информации.

Хильда взглянула на него так, что Данфи сразу понял, что смысл его слов не дошел до нее.

— Проще говоря, Гарри полагает, что имела место утечка сведений, — пояснил он.

— Утечка сведений?

— Из файлов «Андромеда». Сукин сын прошелся по ним, словно по Интернету.

Казалось, его слова не произвели на Хильду должного впечатления. Но затем, мгновение или два спустя, она слегка покачнулась в своем кресле. Данфи даже подумал, что она вот-вот упадет. Но Хильда не упала. Она просто какое-то время сидела неподвижно, делаясь все бледнее и бледнее. В конце концов Хильда резко вскочила и почти крикнула:

— Мы должны приступить к работе немедленно, не так ли?!

Первые папки поступили лишь через час. К этому времени Джек уже был почти парализован от овладевшей им мании преследования. И хотя он понимал, что Матте никто не станет звонить в два часа ночи, ему впервые пришла в голову мысль, что в Специальном архиве может иметься копия личного дела Брейдинга. Ведь именно они и выдали когда-то пропуск, которым завладел Данфи. В таком случае Хильда, если в ней снова пробудятся какие-либо подозрения, может обратиться к делу Брейдинга, и тогда сразу станет ясно, что Данфи выдает себя за более пожилого человека. И уже через несколько минут после подобного открытия за Данфи придут.

Помещение, которое ему предоставили, напоминало камеру без окон. Клаустрофобическая коробка размером три шага на три едва вмещала письменный стол и стул, на котором сидел Данфи. Пальто он повесил на крючок рядом с дверью. В комнате был телефон, но ни одной книги, поэтому Джеку было практически нечем заняться до тех пор, пока его «ассистент» — здоровенный охранник с бычьей шеей по имени Дитер — не ввалился с полдюжиной темных папок, помеченных «Шидлоф». Данфи глянул на часы. Было 8.25 утра.

— За них надо расписаться. — Дитер протянул Данфи дощечку.

— Пока я буду просматривать эти бумаги, — сказал Данфи, выводя фамилию «Брейдинг» на листе контроля выдачи документов, — пожалуйста, принесите все, что у вас есть о человеке по имени Данфи — Д-А-Н-Ф-И. Зовут Джеком. Понятно?

— Конечно.

— Мне также надо посмотреть файлы «Оптикал мэджик» и все, что вы сможете мне предоставить по... э-э-э... «переписи крупного рогатого скота».

Дитер нахмурился.

— Что-нибудь не так? — спросил Данфи.

— Мы пользуемся ручными тележками, — ответил Дитер, — но если вам нужны документы по «переписи», мне понадобится целый грузовик.

Данфи попытался исправить ошибку:

— Я имел в виду только последние два месяца. По Нью-Мексико и Аризоне.

Уточнение, кажется, удовлетворило его нового «ассистента», и он отправился выполнять поручение. Когда за Дитером закрылась дверь, Данфи со вздохом облегчения откинулся на спинку стула, затем вернулся к папкам с предвкушением чего-то в высшей степени захватывающего, и одновременно с ужасом, словно двенадцатилетний мальчуган, наткнувшийся на родительскую коллекцию порнографии.

Он сразу же отметил, что полученные документы совершенно не похожи на те досье, с которыми ему раньше приходилось работать в Управлении. Обычно, если человек представлял «операционный интерес» для ЦРУ, открывался файл «201», в который заносились результаты всех встреч и бесед. Но в досье Шидлофа не было отчетов ни о каких беседах или встречах, только факты. Записи телефонных разговоров и данные по кредитным карточкам находились в отдельных папках, как и копии страниц из его паспорта, где были указаны места, которые профессор посетил за последние десять лет. В них имелось еще несколько листов бумаги для контактного копирования со снимками, которые, по всей вероятности, были сделаны из автомобиля с помощью телеобъектива. Взглянув на снимки,

Данфи сразу узнал дом профессора (он вместе с Томми Дэвисом осматривал помещение перед установкой подслушивающих устройств), самого Шидлофа. Фотографий профессора было довольно много: Шидлоф, идущий на работу; Шидлоф, получающий корреспонденцию; Шидлоф, возвращающийся домой, и т. д. Слишком хорошо выглядит для парня, от которого в конце концов остался один лишь торс, подумал Данфи.

Досье на Шидлофа не являлось следственным файлом. Собиравших его Шидлоф интересовал не как человек, а как воплощение некой Проблемы. Поэтому и не имело никакого значения, кто друзья профессора или что соседи думают о нем. Им нужно было очень немногое: точный адрес профессора и его хорошая фотография.

С тем, чтобы, когда наступит время, не ошибиться и разрубить на части кого нужно.

А это значит, что Шидлоф перешел кому-то дорогу (Карри или Матте). Или, хуже того, напугал их. После чего возник вопрос: «Что это за сукин сын?» Ответ приходит в виде досье, которое теперь Данфи держит в руках. Он такой-то человек, вот так-то выглядит, там-то живет.

Большая часть информации, казалось, была получена за один заход. И хотя Данфи, конечно, не мог быть уверен относительно сроков ее получения, создавалось впечатление, что скорее всего ее собрали в сентябре прошлого года. Роясь в папке, распухшей от копий чеков, выданных по кредитным карточкам, и в папке с распечатками телефонных звонков Шидлофа, Данфи обратил внимание, что все они относились ко времени до 9 сентября. Это означало, что Шидлоф попал в поле зрения Матте примерно в то же время, то есть шесть или семь месяцев назад.

А вот то, что Данфи удалось узнать:

Леон Аарон Шидлоф (магистр искусств) — гражданин Великобритании, родился 14 октября 1942 г. в Гулле. Выпускник Нового колледжа Оксфордского университета (1963 г.), получил подготовку в качестве психоаналитика в институте К.Г. Юнга в Цюрихе (1964–1967 гг.). Публиковал статьи в многочисленных сборниках и специальных журналах. Шидлоф являлся автором двух монографий: «Словаря символов» (Нью-Йорк, 1979 г.) и исследования по юнгианской психологии «Die Weiblichen in der Jungian Psychologie»^[43] (Гейдельберг, 1986 г.). После двадцатилетней практики в качестве психоаналитика в Лондоне он стал вести семинар в Кингз-колледже на Стрэнде. Никогда не был женат. Его единственным близким родственником была старшая сестра, проживающая в Танбридж-Уэллс. Далее следовал собственный адрес Шидлофа (который Данфи давно знал наизусть).

В общем, довольно безобидно, подумал Данфи. Вряд ли можно предположить, что подобный тип был способен вызвать какой-либо скандал.

Во второй папке содержались чеки, выданные по кредитным карточкам Шидлофа, и распечатки телефонных звонков. Данфи не видел в них никакого смысла и усомнился в том, что они действительно были нужны Матте. Скорее всего содержащиеся здесь сведения собирались только потому, что добыть их не представляло особого труда, а сыщики создавали впечатление занятости выполнением серьезного дела. И все-таки два существенных момента удалось выяснить. Шидлоф довольно часто летал на самолетах компании «Суисс эйр». Два раза в июне и по одному в июле, августе и сентябре. Но для чего?

По документам об оплате авиабилетов невозможно было сказать, куда он летал, зато чеки по кредитным картам включали оплату гостиничных номеров за те же месяцы. И гостиница была всегда одна и та же: отель «Флорида», Зеэфельдштрассе 63, Цюрих.

Данфи это место было очень хорошо известно. Чистенькая гостиница среднего уровня, расположенная на расстоянии нескольких кварталов от Беллвьюплац, где сходились линии многих городских трамваев. «Флорида» — вполне пристойное место для человека с ограниченными средствами и именно тот тип отеля, в котором предпочитают останавливаться ученые, занимающиеся исследованиями в такой дорогой стране, как Швейцария.

Но «Суисс эйр» была не единственной компанией, самолетами которой летал Шидлоф. Счет по «Визе» от 5 сентября включал 371 фунт, потраченный на билет на самолет «Британских авиалиний». По другим расходам Шидлофа Данфи сделал вывод, что профессор посетил Нью-Йорк шестого и седьмого числа того же месяца. Он останавливался в отеле «Вашингтон-сквер» и питался в паре индийских ресторанчиков на Третьей авеню.

Ну и что?

Данфи проверил расходы, которые профессор сделал до того. В последний раз Шидлоф посетил Цюрих 3 сентября. В Нью-Йорк он полетел три дня спустя, и вскоре после этого его телефоны начали прослушивать. Возникло ощущение, что все три упомянутые события: полет в Цюрих, визит в Нью-Йорк и прослушивание телефонов каким-то образом связаны между собой.

«А что он делал в Нью-Йорке?» — задавался вопросом Данфи. В качестве ответа возникал другой вопрос: «А что он делал в Цюрихе?» И затем в полном отчаянии Джек подводил итог: «А что он делал вообще где бы то ни было?»

В третьей папке лежали перечень банковских счетов Шидлофа, погашенные чеки и... ответ на все вопросы. 4 сентября, находясь в Цюрихе, профессор выписал чек на две тысячи фунтов некой даме по имени Маргарита Фогеляй. Три дня спустя, уже во время визита в Нью-Йорк, он выписал чек на меньшую сумму предприятию, известному под названием «Товарищество Жилия Бекли».

Имя показалось Данфи знакомым. Он где-то видел или слышал его раньше. По телевидению или в кино... Бекли был актером или чем-то в этом роде. Нет. Не актером. А...

Данфи взглянул на чек. Он был выписан на сумму в пятьсот фунтов, и потребовалось почти два месяца, чтобы перевести их со счета Шидлофа в «Нэшнл Вестминстер» в Лондоне на счет Бекли в Ситибанк в Нью-Йорке. В самом низу чека в строчке, обозначенной Метод стояла отметка рукой Шидлофа: оплата услуг. Но не было сказано, каких именно.

И тут Данфи вспомнил.

Почерк.

Бекли не был актером, но часто появлялся на телевидении. Он был графологом или, как он сам себя называл, «экспертом по документам». В свое время он работал в ФБР, затем ушел в отставку и стал заниматься частной практикой. Данфи вспомнил, что он часто выступал в качестве эксперта на судебных процессах и обладал гипертрофированным чувством собственной значимости. Джек видел его в шоу канала «А&Е» «Сообщения о расследованиях». Его наняли для подтверждения подлинности писем, которые, как предполагалось, были написаны Дж. Эдгаром Гувером агенту по имени Первис. Бекли объявил письма «неуклюжей и грубой подделкой».

Дело принимало все более интригующий оборот. Шидлоф едет в Цюрих и платит некой Фогеляй пару шук... за что-то. Затем летит в Нью-Йорк и выбрасывает еще пятьсот фунтов, чтобы оплатить услуги графолога. После этого телефоны профессора начинают прослушивать, и вскоре его находят мертвым. «Что все-таки случилось?» — спрашивал себя

Данфи.

Ну скорее всего он обнаружил какие-то документы в Цюрихе.

Ладно... но зачем подтверждать их подлинность в Штатах? Почему не в Лондоне?

Потому что документы американские, решил Данфи, или потому что автор — американец. Но кто конкретно?

Данфи откинулся на спинку стула и уставился на потолок. Он попытался вспомнить день, когда ему звонил Карри и просил об услуге. Как-то осенью. В сентябре. Или в октябре. Примерно. Точно он не помнил. Но в любом случае примерно в то время, когда Шидлоф вернулся из Нью-Йорка.

В следующей папке были собраны копии биографических данных Шидлофа, его договоров об аренде, медицинских карт. Данфи ничто из перечисленного не заинтересовало. Наконец он дошел до тоненькой папки с двумя телеграммами. Первая гласила:

СРОЧНО

Текст телеграммы 98 Лэнгли 009100

Страница 01

Из Отдела изучения проблем безопасности

Офис директора/Штаб Лэнгли

В ЦРУ/Лондон

Американское посольство. Немедленно 11.30

Особые приоритеты: нет

Тема: Шидлоф

Ссылка: АНДРОМЕДА.

1. Высший уровень секретности для всего текста.
2. Односторонне контролируемый источник сообщает о телефонном контакте с гражданином Британии Шидлофом Лео/5 сент. Последующий контакт F-2-F в Нью-Йорке 7–8 сент.
3. Шидлоф заявляет, что он проживает в Лондоне.
4. Шидлоф обладает материалами, имеющими отношение к файлам «Андромеда».
5. Кто такой Шидлоф?

Ответ пришел от Джесси Карри через день. Его содержание без заголовков сводилось к следующему:

В соответствии со сведениями по владельцам карточки «Виза» (а также информации из биографического справочника) Леон Шидлоф является психоаналитиком юнгианского направления и преподавателем Кингз-колледжа. Уголовного прошлого и судимостей не имеет. Что я должен искать?

Других телеграмм в папке не было, хотя очевидно, что диалог между Карри и центром на этом не закончился. Если бы Матта не дал ему соответствующего задания, Карри не

собрал бы всей имеющейся здесь информации и не поручил бы Данфи организовать прослушивание телефонов профессора. Что означало... что? Только то, что Матта стремился свести к минимуму обмен бумагами. Весьма разумный подход с его стороны. Так же, как и решение использовать Данфи, работающего под неофициальным прикрытием в качестве связи с Томом Дэвисом. Матта мог бы запросить информацию от МИ-5, но тогда у него могли возникнуть определенные сложности. В случае нежелательной огласки все бы узнали, что Шидлофа прослушивал какой-то ирландец, у которого серьезные проблемы с законом и который, в свою очередь, работал на несуществующего в реальности человека.

Когда Данфи раскрыл предпоследнюю папку, сердце его бешено забилося. В ней он нашел небольшой конверт из манильской бумаги с круглым ярлыком на клапане. К конверту была прикреплена очень тонкая нитка. Она была закручена вокруг ярлыка. Таким образом было запечатано содержимое. Раскрутив нитку, Данфи перевернул конверт, и на стол высыпалась дюжина микрокассет. Привет!

Он узнал пленки. Все они были пронумерованы, и на всех стояли даты, написанные его собственной рукой. На номере первом Данфи увидел точное указание на время: 9/14-9/19, что и было ответом на уже возникавший у него вопрос: когда началось прослушивание? Примерно через неделю после того, как Шидлоф вернулся в Англию из Нью-Йорка. Другими словами, практически сразу после получения Карри телеграммы от Матты с вопросом «Кто такой Шидлоф?».

Все это хорошо, но перед Данфи вставала сложная дилемма: он мог либо попросить охранника принести ему магнитофон, чтобы прослушать пленки, либо продолжать чтение папок. Записи, конечно, соблазнительнее. Будет даже просто интересно снова услышать голос Шидлофа. С другой стороны, время пребывания Данфи в Особом архиве было ограничено, и он явно мог получить значительно больше информации, просматривая папки, чем слушая пленки. Значит, все-таки лучше продолжить чтение.

В последней папке находилась пачка писем, связанных джутовой бечевой. Данфи развязал узел и развернул первую страницу. Это было поздравительное послание, адресованное К.Г. Юнгу в Швейцарию, в Кюснахт. Страничка была датирована 23 февраля 1931 года, написана от руки зелеными чернилами на бланке нью-йоркской юридической фирмы «Салливан и Кромвель»:

Дорогой д-р Юнг!

Примите, пожалуйста, мою глубокую благодарность за Ваши постоянные усилия, направленные на избрание меня членом «Общества Магдалины». С этого момента и впредь оно будет для меня маяком, освещающим жизненный путь. Я хочу, чтобы Вы знали, что в нашем общем поиске Нового Иерусалима я всегда буду Вашим верным союзником. (Мой брат Джон направит Вам отдельное письмо, но я уже имел с ним беседу, и его чувства и устремления являются точным отражением моих собственных.) С глубочайшим уважением и признательностью,

Аллен.

P.S. Клоув вспоминает о Вас с любовью (и благодаря Вам процветает).

«Аллен? Какой Аллен?» — подумал Данфи. И тут вспомнил перекрестные ссылки в файле Шидлофа, не в том, который лежал сейчас перед ним на столе, а в том, который он видел еще в Лэнгли. Даллес... Данфи... Юнг. Ну и что? Данфи попытался восстановить е

памяти что-нибудь еще. «Оптикал мэджик»... или 143-й. Но в любом случае Даллес. Брат Джона. Аллен.

Данфи ворошил письма, держа их в руке. Вот что, оказывается, Шидлоф приобрел у Фогеляй. Но кто она сама такая? Ответ не заставил себя долго ждать: антиквар, родственница или кто-то из сотрудников Юнга. На самом деле это не имело принципиального значения. Главное заключалось в том, что Шидлоф пытался установить подлинность бумаг, что сейчас лежали перед Джеком. И именно за них поплатился жизнью.

Чувствуя, что впервые за несколько месяцев наткнулся на нечто реальное, Данфи развернул второе письмо и продолжил чтение. Подобно предыдущему, оно тоже было написано на фирменном бланке компании «Салливан и Кромвель». Отправлено двумя годами позже и формально являлось письмом благодарности за гостеприимство, оказанное Юнгом Даллесу и его супруге летом предшествующего года. Тем не менее, закончив выражением признательности, Даллес переходил к более деликатному предмету — определенной озабоченности, которую ощущал по поводу «нашего нового Кормчего».

Его гений, вне всякого сомнения, запечатлен в его восхитительных творениях. Немногие литераторы способны были писать так хорошо, а еще меньше среди них тех, кто оказал столь сильное влияние на современников. Совершенно очевидно и то, что его исключительный ум и духовное мужество, бесспорными доказательствами которых служат все его произведения, помогут ему в исполнении тех сложнейших и предельно ответственных обязанностей, что ныне возложены на него.

Несмотря на то что нашими Кормчими на протяжении столетий часто бывали люди искусства или литераторы (Бэкон, Гюго, Дебюсси — может ли какой другой список быть более блестящим?), я боюсь, что мы находимся на пороге того, что китайцы, называют «интересными временами». А в такие эпохи для ордена, подобного нашему, в качестве Вожатого предпочтительнее иметь спокойного дипломата, способного надежно провести наше судно среди бесчисленных столкновений государственных кораблей. Мне представляется, что Эзра излишне прям в своих высказываниях, слишком, даже вызывающе ярок, чтобы направлять наше небольшое сообщество к благополучному сретению тысячелетнего царства.

Аллен.

Да уж, действительно блестящий список, подумал Данфи. Бэкон, Гюго, Дебюсси? Эзра? Они обсуждали именно того человека, о котором он подумал? Или какого-то другого? Нет, конечно же, его! Какие могут быть сомнения! Сколько других «прямых и ярких» Эзр были известными литераторами в тридцатые годы, и сколько их могло быть включено в перекрестные ссылки в файлах «Андромеды»? Естественно только один — Эзра Паунд.

Значит, Паунд был Кормчим. Кормчим чего? «Общества Магдалины». Но что это такое? А слова насчет Нового Иерусалима?..

Расположив письма в хронологическом порядке, Данфи обнаружил, что Даллес писал Юнгу по четыре или пять раз в год. Большею частью смысл писем был довольно ясен. К примеру, когда он спрашивал совета у швейцарского профессора относительно «состояния нервов» своей жены. Но были в них и таинственные места. Особенно заинтересовали Джека

частые упоминания Даллесом о загадочном «нашем молодом человеке». Из писем о нем можно было узнать очень немногое — лишь его возраст (он явно был молод) и пол. Одной такой подробностью было и родимое пятно. В письме из Биаррица, датированного 9 июля 1936 года, Даллес писал о том, что он...

* * *

...провел сегодняшней день с нашим молодым человеком, и считаю это большой честью для себя. Он прибыл из Парижа на уик-энд, и мы были счастливы принимать его в нашем коттедже на побережье. И вот именно вчера я увидел отметину у него на груди — то, что Вы называли «эмблемой». Ее форма настолько точна, что Клоув поначалу приняла ее за обычную татуировку, что очень повеселило нашего молодого человека.

В других письмах их автор выказывал удивительный пророческий дар по поводу многих геополитических проблем. Как, например, в послании от 12 июля 1937 года:

Подозреваю, что в конце концов будет гораздо легче вернуть Иерусалим евреям, чем объединить беспокойный континент, на который мы возлагаем свои надежды. И все же и то и другое должно быть и будет сделано. Если не к середине нынешнего столетия, то уж по крайней мере к его концу. Очень скоро мы увидим Израиль (хотя иногда у меня и возникают сомнения, останутся ли к тому времени еще евреи, чтобы населить его) и объединенную Европу. И дабы избежать неверного понимания, я выражусь яснее: под «объединенной Европой» я имею в виду Европу, которая говорит одним голосом, живет на одну валюту и молится одному повелителю. Континент без внутренних политических границ.

Каким образом мы сможем достичь названных целей — другой вопрос, и, откровенно говоря, боюсь, что наш Кормчий возложил свои надежды на шаткие и недостойные основания. (Что доброго исходило когда-либо из Рима или Берлина?)

Я со своей стороны глубоко убежден, что европейские границы будут когда-нибудь разрушены не солдатами на танках, а людьми с пером в руке. То же самое, по моему мнению, относится и к Святой Земле, и к возвращению ее евреям. Но каким бы способом упомянутые мной цели ни были достигнуты, одно совершенно ясно, друг мой, — мы победим!

Конечно, он прав, подумал Данфи. Надежды их Кормчего зиждились на весьма ненадежном основании. Отринув Рузвельта и обратившись вместо него к Муссолини, он забил «гол в свои ворота» и в ворота того Общества, которое возглавлял.

Но возможно, все-таки не так уж недальновиден был этот Эзра Паунд, как может показаться на первый взгляд? Если взглянуть на все происшедшее под несколько иным углом зрения, можно сделать вывод, что война и геноцид, развязанные Гитлером, пусть невольно, но помогли проложить путь для возникновения государства Израиль и Общего рынка. И тот и другой в определенном смысле были реакцией на кровавую бойню, которая предшествовала их созданию.

Джек еще раз взглянул на письмо и заметил нечто, на что не обратил особого внимания при первом чтении: «...и молится одному повелителю». Данфи нахмурился. Повелителям не молятся. Это надо обдумать более основательно, решил Джек, но почти сразу забыл о своем решении, как только принялся за чтение самого короткого и самого загадочного письма в связке. На нем стояла дата — 22 ноября 1937 года, и оно начиналось со слов:

Ради Бога, что теперь?

Данфи многое бы отдал, чтобы узнать, о чем здесь идет речь, но в отсутствие ответа Юнга понять вопрос Даллеса было невозможно. Из следующего письма, однако, становилось ясно, что начались какие-то очень серьезные события.

Мой дорогой Карл!

Ваше письмо меня по-настоящему успокоило. Мне ничего не было известно об институте в Кюснахте и о тех жертвованиях, которые он внес. Слава Богу, он сохранен! Наука когда-нибудь, возможно, найдет способ осуществить то, что уже не может сделать он.

Наверное, это было предначертано. Узнав о катастрофе в Испании, я искал утешения в апокрифе и впервые понял истинный смысл тех роковых и таинственных строк:

Его царство придет и уйдет,
И вновь придет опять,
Когда, пораженный под корень,
Он станет последним, последним не став,
Один и со знаком священным на теле.
Тогда все земли те
В единую страну соединятся.
Он будет царствовать над ними,
Пока им не дарует сыновей навек.
Сам будучи безбрачен
И словно мертвый недвижим.

С пониманием того, что Его царство «придет и уйдет», мы живем вот уже несколько столетий. То, что оно должно прийти снова, когда он будет «поражен под корень», — основание для радостного ожидания. Ибо, дорогой Карл, это именно то, что случилось с нашим молодым человеком, чьи страшные раны лучше всего характеризует приведенная строка. Раненный таким образом и не имеющий ни братьев, ни сестер, он является, как доказывает и эмблема у него на груди, «последним» представителем своего рода.

Но далее мои способности толкователя зашли в тупик. То, что он станет «последним, последним не став» — загадка, решения которой, по-видимому, придется ждать до тех пор, пока «все земли те в единую страну соединятся».

Но это не единственное темное место в тексте. Как можно истолковать обещание, что «Он будет царствовать над ними, пока им не дарует сыновей навек,

сам будучи безбрачен и словно мертвый недвижим»? Я надеюсь только на то, что значение вышеприведенных строк будет объяснено тем даром, который он сделал институту в Кюснахте. Если именно так и произойдет, тогда Наука бесспорно будет Спасительницей Спасения, а наш молодой человек станет «последним, последним не став».

Чтение апокрифа так, как если бы он был христианской каббалой, конечно же, в высшей степени спекулятивное предприятие. Но если мое толкование верно, то молодой человек, находящийся под нашей опекой, сам есть исполнение пророчества и как таковой — последнее знамение. Значит, он *sine qua non*^[44] всех наших чаяний... По этой причине не следует жалеть ни усилий, ни денежных расходов, чтобы сохранить его в безопасности до того дня, когда со всей очевидностью будут явлены все другие предзнаменования.

Тогда и только тогда сможет наш молодой человек, каким бы старым он ни был на тот момент, стать повелителем. И уже не будет иметь принципиального значения, продлится ли его царствование многие годы или всего лишь минуту. Он «пройдет», как сказано в пророчестве, и, если так будет угодно Науке, породит бесчисленное количество сыновей.

Данфи потер затылок рукой, но с тем же успехом мог бы его и почесать. Что такое апокриф, подумал он, и что значит все им прочитанное? Ответить на этот вопрос было невозможно. Письма были полны тайн, значительных и мелких, важных и не очень. Чтение их напоминало прослушивание только одного участника телефонной беседы. Кое-что казалось очевидным. Что-то прояснялось само собой. Обо всем остальном можно было только гадать.

12 июля 1941 г.

Мой дорогой Карл!

Рад узнать, что Вам удалось убедить мистера Паунда, что нашему молодому человеку опасно оставаться в Париже. Нельзя суверенностью сказать, что может произойти в будущем году, но из соображений благоразумия его следует удалить на безопасное расстояние от места военных действий. Ведь, в конце концов, он наш *raison d'etre*,^[45] и без него у нас не останется ничего, ни надежды, ни цели.

Я полностью согласен с Вами в том, что Швейцария — достаточно безопасное место, и не только для нашего Гомелеса. Имущество Общества должно послужить достижению наших целей в послевоенной ситуации, какой бы она ни была, и нужно приложить все усилия, чтобы защитить названное имущество. Памятуя о его значимости, следует принять все меры предосторожности, чтобы его удаление из воюющих стран не вызвало ненужную сумятицу или шумиху. Исходя из сказанного, я предлагаю осуществить упомянутые трансферты с помощью наших контактов с Банком международных финансовых соглашений в Базеле. Они знают, как провести ликвидацию ценных бумаг, которые могут быть затем реинвестированы через Цюрих или Вадуц. (Насколько я понимаю, нашей целью в данный момент должно стать скорее сохранение капитала, нежели финансовый рост.)

«Значит, у „нашего молодого человека“ все-таки есть имя. Гомелес. Кто он такой?» — размышлял Данфи, но тут же отбросил мысль о нем. Все равно не было никакой возможности узнать наверняка.

Одно становилось яснее с каждой строкой — то, что Даллес с Юнгом принимали на себя все большую ответственность за судьбы и цели того тайного общества, к которому принадлежали. А именно...

19 мая 1942 г.

Мой дорогой Карл!

К тому времени, когда Вы будете читать это письмо, я уже буду исполнять свои конфиденциальные обязанности в Берне. Я высоко ценю Ваше предложение выступить в качестве связующего звена между нашим Кормчим и мной, но боюсь, путешествие в Италию и обратно невозможно для нас обоих. Тем не менее я с полным одобрением принимаю Ваше предложение о секретном демарше г-ну Шпееру. Должен ли я рассматривать Ваши слова как намек на то, что он тоже принадлежит к нашему сообществу? Признаться, я очень удивлен. Почему же в таком случае я никогда не встречал его?

Но хватит о Шпеере. У меня есть несколько имен весьма достойных людей, которых, как мне представляется, следовало бы принять на борт нашего судна. Никто из этих джентльменов не должен Вас удивить. Мы уже неоднократно имели возможность обсудить с Вами их *bona fides*,^[46] и Вы встречались с ними обоими. Я имею в виду д-ра Ванневара Буша и молодого Энглтона. Прошу Вас считать данное письмо официальным заявлением об их вступлении в наше общество.

Данфи откинулся на спинку стула. Он почувствовал отчаянную потребность выкурить сигарету. Ванневар Буш и «молодой Энглтон». «Неужели такое возможно?» — подумал он. Сколько разных Энглтонов мог знать Даллес? Наверное, только одного: Джеймса Джизуса Энглтона, который в послевоенные годы возглавлял отдел контрразведки ЦРУ. Он был легендарным шпионом, замешанным практически во всех крупных делах — от политики Израиля до комиссии Уоррена. И где был — а точнее, кембыл — Энглтон в сорок втором? Данфи задумался. Всего лишь студентом университета, хоть и с очень большими связями, которые и помогли ему сделать соответствующую карьеру.

Имя Буша гораздо меньше было знакомо Данфи, но он все-таки припомнил, что Ванневар Буш отвечал в США за научные исследования и разработку новых видов вооружения во время Второй мировой войны.

Те самые нужные люди, которых необходимо иметь на своей стороне, особенно когда ты руководишь тайным обществом. Но... Шпеер? Альберт Шпеер? Который был... кем? Архитектором Гитлера и... министром вооружений. Неплохой контакт для человека, подобного Даллесу, занимающегося разведывательными операциями в пользу союзников из Швейцарии. Но... возможно ли, чтобы такой нацист, как Шпеер, имел что-то общее — и в особенности какую-то общую тайну — с людьми статуса Даллеса и Юнга?

— А почему бы, собственно, и нет? — пробормотал себе под нос Данфи. У «Общества Магдалины» была своя идеология, и нет никаких оснований полагать, что эта идеология имела проамериканский или даже просто либеральный характер. Напротив, человек, всем у них руководивший (хотя бы формально), Кормчий, был безумным фанатиком, профашистски

настроенным поэтом, выступавшим с пропагандистскими речами по итальянскому радио, в которых восхвалял Муссолини как спасителя. Значит, и Шпеер вполне мог быть одним из них. Более того, Шпеер, бесспорно, был значительно меньше эксцентричен, чем Паунд. А Данфи все более отчетливо понимал, что «Общество Магдалины» (по крайней мере у организации было имя) представляло собой некую разновидность тайной церкви.

Но какую именно разновидность? Название организации вряд ли могло подсказать ему ответ на этот вопрос: Мария Магдалина была проституткой, которая впоследствии стала святой. Она как бы символизирует собой возможность получения прощения и искупления греха даже для самого закоренелого грешника. Ну и что? Какое отношение подобная символика могла иметь к идеям и целям организации?

Возможно, какое угодно, а может, и никакого. Одно совершенно ясно: если Общество является некой разновидностью церкви, то его приверженцы могли жить в любом уголке планеты, независимо от политических границ и даже границ между воюющими государствами.

В религии возможны гораздо более абсурдные и непредсказуемые союзы, чем даже в политике.

Данфи взглянул на часы. Было девять пятьдесят пять. У него есть еще три часа. А затем он превратится либо в большого человека (если ему повезет), либо от него останется один торс (если не повезет).

В дверь тихо постучали. Вошел Дитер с охапкой папок. Положив их на стол, он виновато развел руками:

— Файл Дампи недоступен.

— Вы хотите сказать — Данфи?

— Да, именно. Недоступен.

— Но почему?

— Его забрали.

Данфи попытался скрыть разочарование и пробудившееся любопытство.

— А вам известно кто?

Дитер кивнул:

— Директор.

На устах Данфи появилась слабая улыбка, а по телу пробежала дрожь.

— Здесь прохладно, — пожаловался он.

— Привыкнете, — ответил Дитер.

Когда парень ушел, Данфи вернулся к делу Шидлофа. Приехав в Берн, Даллес стал чаще видеть Юнга, но писал он ему уже гораздо реже. Возможно, потому что из-за войны переписка сделалась непредсказуемым предприятием. И все-таки в немногочисленных посланиях, написанных между сорок вторым и сорок четвертым годами, Данфи удалось отыскать несколько ценных «жемчужин».

Я с особенной благодарностью вспоминаю,

— писал Даллес после визита к Юнгу в Кюснахт в 1943 году, —

Вашу мисс Фогеляйн, которая вместе с миссис Даллес совершила незабываемую прогулку по озеру до Рапперсвилля и обратно. Настоящая удача

найти столь талантливую и очаровательную секретаршу.

Ах вот кто она такая, подумал Данфи, обрадовавшись тому, что еще одна ниточка вплелась в целостный узор. И еще один взгляд на часы. Десять пятнадцать.

Следующее послание было не письмом, а открыткой. Даллес отправил ее 12 апреля 1943 года. На открытке была фотография пустынного места в горах с деревьями, покрытыми снегом. Надпись на обратной стороне гласила, что это снимок участка Швейцарского национального парка (учрежден в 1914 г.) в кантоне Граубюнден рядом с итальянской границей.

Я встречался с нашим молодым человеком,

— писал Даллес. —

Он очень несчастлив из-за своего нынешнего состояния, ограничивающего его свободу, и не проявляет ни малейшего интереса к нашим планам. Однако в целом он неплохо себя чувствует и старается как можно больше двигаться, по крайней мере насколько ему позволяют его раны.

Вот снова «Наш молодой человек», подумал Данфи. Гомелес. Следующее письмо было написано уже после окончания войны. Датированное 29 мая 1945 года, оно было послано из Рима.

Дорогой Карл!

Я только что вернулся из исправительного центра в Пизе, где содержится Эзра до завершения бюрократических мероприятий, необходимых для возвращения его в Соединенные Штаты.

Как Вы, я полагаю, понимаете, Центр представляет собой весьма неприятное место — настоящий загон для американских солдат, обвиняемых в различных серьезных дисциплинарных проступках и преступлениях (убийствах, изнасилованиях, дезертирстве и наркомании). Узнав, что наш Кормчий оказался там, я был глубочайшим образом потрясен.

Но могло быть и хуже. Его «захват» осуществил майор Энглтон, который сделал все возможное, чтобы Эзра не был подвергнут допросу. (По свидетельству Эзры, я был первым американцем, с которым он смог обменяться парой слов со времени своего ареста.)

Но что греха таить, условия, в которых он содержится, просто ужасающие, чего, собственно, и следовало ожидать. Ужасают и улики, имеющиеся против него: десятки, если не сотни выступлений по радио, в которых он нападал на евреев, банкиров и на все американское и при этом восхвалял мужество и провидческий дар дуче.

Не знаю, что и сказать. Боюсь, не исключена возможность вынесения для него смертного приговора.

В течение следующих шести месяцев Даллесом было послано полдюжины официальных сообщений. Некоторые из них были достаточно пространны, другие довольно коротки, но

все вращались вокруг одной темы: как спасти Кормчего? В Америке многие склонялись чуть ли не к линчеванию поэта, и Даллес полагал, что суд может стать катастрофой. В конце концов решение нашлось: Паунда признают невменяемым, и таким образом обвинение в государственной измене будет снято. А в этом вопросе Юнг оказался самым ценным союзником. Основатель школы аналитической психологии, он был идиолом для всего психиатрического сообщества. Поэтому ему не составило большого труда помочь Даллесу и «молодому Энглтому» в организации массированного сбора доказательств достаточно шаткого утверждения, что политический преступник Паунд на самом деле просто безумен.

12 октября 1946 г.

Мы все-таки победили.

Эзра направлен в государственную психиатрическую больницу в Вашингтоне. Там, в Святой Елизавете, он останется под опекой д-ра Уинфреда Оверхользера, одного из наших. Несмотря на то что пока у меня не было возможности посетить великого человека в его психиатрическом убежище, я располагаю вполне достоверной информацией, что Эзру предоставлен отдельный номер, в котором он может принимать поклонников со всех концов света.

Винни заверил меня, что он не был и ни при каких обстоятельствах не будет лишен каких-либо привилегий, ему подобающих, за исключением свободы передвижения за пределами больницы. Еду ему готовят отдельно, не иссякает и поток посетителей. Эзра даже начал жаловаться, что у него не остается времени для работы, настолько загружен его день.

Ну что ж, по крайней мере все складывается совсем не так уж плохо...

Два месяца спустя Даллес желает Юнгу самого веселого Рождества и признается в «потрясающей беседе с глазу на глаз с пациентом д-ра Оверхользера».

Теперь, когда ужасы Пизы и суда позади, создается впечатление, что к нему вернулась его прежняя почти уже утраченная живость и острота суждений. Более того, на основании услышанного в течение нескольких часов, которые я провел с ним, могу Вас заверить, что его длительное заключение было достаточно продуктивным. Возникает ощущение, что концентрация его духовного зрения увеличилась до невероятной степени.

Из своего прибежища в психиатрической лечебнице наш Кормчий предлагает нам стратегию, которая на этот раз может сработать. «Нашей маленькой группе, — сказал он мне, — необходимо принять упреждающую позицию по отношению к апокрифу».

Вот опять то странное слово, подумал Данфи, исполнению пророчеств которого не повредит участие повитухи.

Я полагаю, Вы поняли суть. Вместо пассивного наблюдения со стороны наш Nauttonier^[47] предлагает нам активно вмешиваться в ход вещей и способствовать материализации тех знамений, которые упоминаются в апокрифе, содействуя реализации его пророчеств и тем самым выступая в качестве повивальных бабок

грядущей эры. В связи с этим Эз считает, что мы сможем достичь своих целей еще при жизни нашего молодого человека.

Данфи не совсем понял, что имел в виду Даллес. Во-первых, было неясно, что подразумевается под материализацией знамений, а во-вторых, он никогда не слышал об апокрифе. Правда, слова о реализации пророчеств были достаточно прозрачны, но какое отношение они имели к достижению их целей «еще при жизни нашего молодого человека», оставалось загадкой.

Чтобы достичь этого,

— говорилось далее в письме, —

необходимо разработать соответствующую политическую и психологическую стратегию. В особенности же важно найти механизм защиты «Общества Магдалины» от любопытства толпы. К счастью, как мне представляется, подобный механизм уже почти создан.

Следующее письмо, датированное 19 февраля 1947 года, было в основном посвящено ответу на упомянутый вопрос.

Во время нашей встречи на прошлой неделе Эзра заметил, что секретные службы являются идеальным убежищем для братств, подобных нашему. По той простой причине, что повседневная деятельность разведок по самой их сути скрыта под покровом тайны. Это главная отличительная черта всей их работы. Таким образом, тайное общество внутри секретной службы, будет столь же заметно, как кусок стекла на дне морском. (Метафора принадлежит ему.)

Вы сами хорошо понимаете, что наше Общество может только выиграть от подобного предложения.

К сожалению, британская и французская секретные службы в настоящее время нам недоступны. Несмотря на то что члены нашего ордена работали в обеих организациях, занимая в них самые высокие посты (достаточно упомянуть Винсента Уолсингэма, в течение девяти лет являвшегося нашим *Nautonnier*), в данный момент мы не можем похвастаться тем же масштабом влияния в них, каким обладали когда-то. (Я виню во всем Несту Уэбстера.)

Данфи встал и потянулся. Он не знал, кто такой Уолсингэм, но Неста Уэбстер прославился как автор книг о тайных обществах.

Джек немного покрутил головой, надеясь таким образом избавиться от спазмов. Он уже довольно давно не бегал, и подобное «воздержание» начинало сказываться на его самочувствии. «Возможно, завтра я все наверстаю», — подумал он и услышал, как внутренний голос ответил ему: «Если завтра наступит». Поэтому, не тратя больше времени, он снова сел за стол и принялся за чтение.

Тем не менее за последние годы у нас появился ряд возможностей. В январе президент Трумэн подписал секретную хартию о создании новой американской

секретной службы, деятельность которой будет строиться на основе работы Бюро стратегических служб. С названием Центральная разведывательная группа новое управление будет прежде всего заниматься Красной Угрозой, и все его усилия будут направлены на борьбу с опасностями, исходящими из Москвы. Полагаю, Вас не удивит тот факт, что мне была предоставлена центральная роль в создании ЦРГ до момента назначения первого директора организации.

Обладая названными полномочиями, я смог без особого труда создать нечто вроде внутреннего святилища в рамках ЦРГ, что позволит нам в дальнейшем действовать, не опасаясь излишнего любопытства посторонних и каких-то нежелательных последствий. Я имею в виду Отдел изучения проблем безопасности, подразделение аппарата контрразведки, которое в ближайшее время возглавит молодой Энглтон. С его помощью деятельность Общества будет сокрыта под океаном туманных и запутанных полунамеков и под бесчисленными слоями секретности. Она исчезнет за повседневным мельтешением разведки, и все это пресса и правительство очень скоро примут за нечто само собой разумеющееся.

Если метафора внутреннего святилища показалась Вам слишком неопределенной, вообразите тогда политический эквивалент «Dracunculus medinensis». (Предлагаю Вам обратиться к справочнику.)

Письмо выпало из рук Данфи. Откинувшись на спинку стула, он уставился на потолок и издал вздох усталости и изумления. Получается, что ЦРУ всего лишь прикрытие для чего-то значительно более важного. А «холодная война» — оправдание чего-то совсем иного. Этого самого непонятого «Общества Магдалины»...

— Оправдание?..

Данфи поднял глаза от стола. На пороге стоял Дитер.

— Что? — спросил Данфи, не сумев скрыть испуга.

— Мне показалось, я услышал, как вы спросили...

Дитер явно пребывал в некотором замешательстве, но и Данфи тоже растерялся — значит, он уже разговаривает сам с собой.

— Мне нужна энциклопедия, — сказал Данфи.

Дитер заморгал.

— Вся энциклопедия? На английском?

Данфи замотал головой, пытаясь взять себя в руки.

— Нет, только на букву «D». Но на английском.

Когда дверь за Дитером закрылась, Данфи взглянул на часы. Одиннадцать пятнадцать. В Штатах сейчас только самое начало шестого. Что означает, что у него есть еще примерно полтора часа.

Да, время действительно летит, когда получаешь от чего-то реальное удовольствие, подумал Джек, расправляя перед собой на столе следующее письмо.

23 апреля 1947 г.

Дорогой Карл!

Я снова вернулся в свой рабочий кабинет после восьми дней, проведенных на Западе. Я посетил там лабораторию по исследованию реактивного движения в Калифорнии и ряд предприятий в Неваде. На последнем этапе моего путешествия

меня сопровождал д-р Буш, и я могу сообщить Вам, что мы зря время не тратили.

Первый архетип будет задействован в течение нескольких следующих недель. Все произойдет в окрестностях Розуэлла, Нью-Мексико (небольшой городок неподалеку от лабораторий «Сандиа»). Сотрудники Отдела изучения проблем безопасности, временно приписанные к 509-й смешанной авиационной группе, отвечают за «обнаружение» объекта и за дальнейшую связь с общественностью и прессой.

В соответствии с договоренностью существование обнаруженного артефакта (в реальности метеозонда) вначале будет официально признано, а затем столь же официально опровергнуто. Таким образом событие превратится в то, что вы так удачно назвали «символическим слухом».

Время от времени мы станем различными способами подкреплять этот слух до того момента, пока архетип начнет сам порождать собственную мифологию. С упомянутой целью ЦРГ создает особое подразделение по распространению слуха под прикрытием ВВС в Райт-Филд (Дейтон, Огайо). В задачу названного подразделения будет входить косвенное подтверждение феномена американским и зарубежным СМИ путем отрицания его достоверности и опровержения любых доказательств, которые будут выдвигаться в пользу его реальности.

Его чтение прервал стук в дверь. Джек поднял глаза от письма. На пороге стоял Дитер с парой томов.

— Вот, — сказал он, одним шагом покрывая расстояние между дверью и Данфи. — Издание девяносто третьего года. Подойдет?

Данфи принял книги с нетерпеливым кивком и внимательным взглядом проследил за тем, как его большая «нянька» повернулась на каблуках и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Перед ним были два толстых тома в переплете из марокканской кожи. Первое мгновение Данфи даже не мог вспомнить, зачем они ему понадобились. Из-за чего-то в письмах Даллеса, каких-то слов на латыни, но... каких? Голова шла кругом, но это кружение совсем не походило на вращение компакт-диска. Создавалось впечатление, что от прочитанной информации она вообще вот-вот оторвется и улетит далеко-далеко.

Он вернулся к более ранним письмам Даллеса, просмотрел несколько страниц и наконец нашел в письме от 19 февраля слова о «политическом» эквиваленте «*Dracunculus medinensis*». «Предлагаю Вам обратиться к справочнику». Что и сделал Данфи.

Dracunculus medinensis — РИШТА (подкожный червь). Обитающий в воде представитель нематод, вызывающий страшное заболевание. Женские особи способны достигать метра в длину, пробираясь через двенадцатиперстную кишку в подкожные ткани, где паразит откладывает миллионы яиц в организм своего конечного «хозяина». В качестве такового, как правило, выступает представитель вида *Ното сариенс*. Промежуточным «хозяином» является морской рачок циклоп. Признаком присутствия червя в организме человека служит появление узелка-папулы на коже. Паразит может быть удален в ходе весьма болезненной операции по постепенному извлечению. При проведении операции используется короткая палка, на которую в течение нескольких недель медленно наматывается червь.

Считается, что описанная процедура стала основой для возникновения символа змея, обвивающего кадуцей.

Было одиннадцать пятьдесят пять.

Данфи вот уже почти четыре часа читал письма Даллеса, и ему вдруг стало не по себе. Возвращалась и мания преследования, которая овладела им несколько часов назад. Время от времени Данфи посещала мысль, что он находится под землей, от которой его отделяют четыре этажа, и осознание этого вызвало у него приступ незнакомой до сих пор клаустрофобии. И тут возник вопрос, один из тех страшных вопросов, которые рождаются скорее в селезенке, чем в мозгу: откуда он взял, что ему удастся свободно выйти из Особого архива только благодаря наличию у него пропуска? А что, если Хильда и ее коллеги не выпустят его до тех пор, пока не переговорят с Гарри Маттой?

Что ж, ответ на вопрос предельно прост: если они решат так поступить, от тебя останется один торс.

Внезапно ему захотелось подышать свежим воздухом, по крайней мере так он сказал себе. Но себе солгать трудно. Джек прекрасно знал, чего он на самом деле хотел: проверить, выпустит ли Дитер его из комнаты. Встав, он подошел к двери и открыл ее. Как он и предполагал, Дитер сидел неподалеку на стуле с прямой спинкой и читал «Маус».

— Здесь где-нибудь можно выпить кофе? — спросил Данфи.

— Конечно, — ответил Дитер, кивнув в сторону подъемников. — В столовой на втором этаже.

Данфи закрыл за собой дверь и, велев охраннику никого не пускать в помещение, направился к лифту.

— Будьте спокойны, — ответил Дитер и перевернул страницу.

Отыскать кафетерий оказалось не так уж сложно. Был полдень, и создавалось впечатление, что чуть ли не половина сотрудников архива устремилась к нему. Последовав за толпой, Данфи вскоре обнаружил, что находится в самом красивом — а скорее вообще в единственном по-настоящему красивом — кафетерии из всех, в которых ему когда-либо приходилось бывать. Все стены были украшены фресками — пасторальными сценами, у героев которых были вполне современные лица: Даллеса и Юнга, Паунда и Гарри Матты. Зато кассовых аппаратов в кафетерии не было совсем.

Все просто брали что хотели, ели и пили. У Данфи тоже возник соблазн, ведь вокруг лежали горы булочек с маком и хрустящих хлебцев, стояли тарелки с тонко порезанным ростбифом, утками и олениной; блюда с раклеттой, ^[48] шпецле и рости, жареной кровяной колбасой, остывающим фондю; а вокруг бутылки с ледяным пивом и вином. Еще дальше разнообразные сорта сыра, горы фруктов и корзины салата.

Данфи выпил чашку кофе без кофеина и вернулся в свою «камеру».

— Вот. — Дитер протянул ему сложенный листок бумаги.

— Что это? — спросил Данфи, и дурные предчувствия вернулись к нему с новой силой.

— Записка...

— Для меня?

— Да, возьмите! Она от вашего друга, от Майка.

— Майка?

Данфи взял записку и прошел в кабинет, захлопнув за собой дверь.

Джин!

Что ты здесь делаешь? Я думал, ты болен! Я видел Хильду сегодня утром, и твое имя у нее в списке. Она сказала, что ты занимаешься проверкой обеспечения надежного хранения информации. Что это значит? С каких пор ты начал заниматься проверкой обеспечения надежного хранения информации? Ты ведь обыкновенный ковбой! (Ха-ха!) Ну ладно, давай хоть пообедаем вместе. Я вернусь через десять минут.

Подпись была неразборчива: Р... что-то... что-то... Г-О-Л-Ь-Д. Р-гольд. Майк Р-гольд Райнгольд! Черт!

Хотя теперь уже не было особого смысла смотреть на часы, Джек все-таки взглянул на них: двенадцать двадцать два. Нужно немедленно убираться отсюда, потому что... потому что Данфи знает Райнгольда, а Райнгольд знает Брейдинга, а это уже совсем плохо. Райнгольд — тот самый зануда, который допрашивал его в безэховой комнате в Лэнгли. И если он увидит Данфи здесь в Цуге в архиве... нет, он немедленно должен уходить... должен уходить.

И оставить им великолепное пальто? Которое стоило тысячу фунтов на маленькой площади за «Цум шторхен». Потому что Дитер наверняка не выпустит его отсюда в пальто.

Данфи бросил печальный взгляд на папки, лежащие на столе. Оставалось еще полдюжины непрочитанных писем Даллеса к Юнгу, подборка файлов с надписью «Статистика поголовья коров — Нью-Мексико» и «Статистика поголовья коров — Колорадо». Да, их ему уже никогда не прочесть. Если только...

Джек засунул один из файлов «Статистики...» под рубашку, а оставшиеся письма Даллеса — в один из карманов. Он протянул руку за одной из пленок с записью Шидлофа, когда дверь распахнулась и в комнату вплыл Майк Райнгольд с распростертыми объятиями и идиотской улыбкой на лице, которая мгновенно преобразилась в выражение предельного изумления. А затем последовал намек на некое понимание происшедшего. Злобно нахмурившись, Райнгольд выдавил из себя:

— Эй...

Тут уж сомнений не могло быть никаких: Данфи поймали с поличным, но рефлексы у Джека были превосходные. Прежде чем Райнгольд собрался с мыслями, Данфи одной рукой схватил его за загривок, а другой — за волосы. Ногой закрыв дверь, Данфи втащил придурка в комнату и изо всей силы ударил физиономией об стол. Струя крови хлынула у него из носа, пленки подскочили, и Райнгольд тяжело рухнул на пол.

Подняв его под мышки, Данфи немного потряс его, словно тряпичную куклу. Никакой реакции... Ничего... В полной отключке.

В это мгновение раздался стук в дверь.

— Вам не нужна помощь?

— Все в порядке, — откликнулся Данфи. — Мы с Майком просто...

Вывернувшись, Райнгольд каблуком нанес удар по икре Данфи. От боли Джек не смог сдержать вопль.

— Дитер! — успел выкрикнуть Райнгольд, когда Данфи поднял его в воздух и со всего маху швырнул об стену. Потом еще раз. И еще... Пока дверь не распахнулась и не вошел Дитер, с удивлением увидевший, как «дружок» Данфи оседает на пол, словно мешок с перегноем. А стена за спиной у Данфи покрылась брызгами крови Майка Райнгольда.

— Was der Fuck?.. [49]

Дитер сделал шаг по направлению к Данфи, потом еще один, загоняя Джека в угол маленькой комнаты. Его глаза горели особым возбуждением, когда он сделал ложный выпад влево, а затем нанес удар правой, за одну секунду дважды достав Данфи. Джек отлетел к стене, ударившись об нее головой. Рассеченная верхняя губа начала кровоточить. Он боксер, подумал Данфи, и все внутри у него опустилось. Тяжелая левая рука Дитера врезалась в солнечное сплетение Данфи, отчего тот согнулся пополам.

Но тут немец допустил ошибку. Он схватил Данфи за галстук и рывком заставил его выпрямиться.

— Ну что! — крикнул он со своим гортанным акцентом. — Захотелось крутой игры, а? — И с улыбкой нанес Данфи очередной удар по лицу открытой ладонью. Сознание уже почти начало оставлять Джека, когда это произошло. Он просто не мог поверить. Мясник хлопнул его по физиономии совсем по-бабьи!

И снова! Он снова ударил его по-бабьи!

Рука Данфи, сжавшись в кулак, круто вырвалась вверх, суставы превратились в острый клин и врезались в горло Дитера подобно краю доски, раздробив хрящ у гортани. Дитер скорчился, схватившись за горло так, словно оно готово было вывалиться наружу.

Шум, который он устроил, был просто чудовищный — страшное удушливое бульканье изверглось у него из глотки. Данфи отчаянно оглядывался по сторонам в поисках чего-нибудь, что помогло бы заткнуть парню рот, но под рукой оказался только металлический степлер. Не слишком надежное оружие, но другого выбора у него не было. Джек схватил его со стола и, воспользовавшись как дубинкой, нанес несколько ударов по затылку охранника. Потом еще и еще, до тех пор, пока кожа на затылке не сделалась неким подобием пудинга. Наконец громила рухнул на колени и растянулся на полу. Громкое бульканье начало понемногу затихать.

Сердце Данфи билось, словно южноамериканский барабан, когда он стирал кровь с рук о полы пальто Райнгольда. Поправив галстук, провел языком по верхней губе, сморщившись от боли, когда язык коснулся того места, где она была рассечена. Затем натянул пальто, пригладил волосы, и тут...

Зазвонил телефон, издав жуткую электронную трель.

Данфи уставился на него, не зная, как поступить. Он позвонил снова, а потом и в третий раз. Наконец Джек поднял трубку.

— Алло?

— Говорит Хильда.

— Здравствуйте, Хильда.

— Юджин?

— Да.

— Вас должен был посетить ваш друг Майк.

— Да, — ответил Данфи. — Мы как раз беседовали.

— Ну что ж, полагаю, теперь мы можем позвонить директору. Поэтому если вы подниметесь ко мне в кабинет...

— Сию минуту.

— Можно позвать к телефону Дитера?

— Э-э, мне нужно посмотреть, на месте ли он. — Данфи сделал паузу, глубоко вдохнул, выдохнул, а потом еще раз вдохнул и выдохнул, прежде чем произнести в трубку: — Он

вышел.

— Простите?

— Пошел за очередной папкой для меня. Мне его подождать или подняться одному?

— О, ну... я думаю... поднимайтесь.

— Иду!

Данфи повесил трубку, протянул руку и выдрал телефонный провод из стены. Затем он подошел к Дитеру и ощупал его. Отыскав ключ у него в кармане, он чуть-чуть приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

По коридору двигался медленный, но непрерывный человеческий поток. Сотрудники архива шли по своим делам. Данфи вышел из комнаты, закрыл за собой дверь и запер ее на ключ. С идиотской улыбкой на рассеченной губе он проследовал к лифту, стараясь идти как можно медленнее, подавляя острое желание припуститься бежать. Он встретился взглядом с какой-то женщиной и, отворачиваясь, успел заметить, как она подозрительно нахмурилась, словно подумав: с этим парнем что-то явно не в порядке.

Он понял: дело не в крови у него на верхней губе и не в некоторой внешней помятости, дело в другом — в особой ауре нервного напряжения, которая его окружала. Женщина все поняла, взглянув ему в глаза, и поняла также, что он знает, что она все видит. Но вот Данфи легкой походкой и улыбаясь прошел мимо нее, и она ничем не смогла ему помешать. Это было всего лишь мимолетное впечатление, и в одно мгновение оно исчезло. Должно быть, она ошиблась.

По крайней мере Джеку очень хотелось, чтобы она именно так и подумала.

Дойдя до дверей подъемника, он нажал кнопку вызова и стал ждать. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем пришел лифт. Каждое мгновение у него за спиной мог прозвучать окрик, и на нем все бы и закончилось. Но вот дверцы распахнулись, и у Данфи на мгновение создалось впечатление, что он выходит на сцену: полдюжины разных людей внимательно оглядели его с ног до головы. Это заняло всего лишь секунду, Данфи вошел, дверцы захлопнулись за ним. Лифт начал медленно подниматься в тишине, столь оглушительной, столь напряженной и столь обличающей, что Джеку захотелось засвистеть. Какую-нибудь веселую мелодию.

Дверцы подъемника распахнулись, Данфи вышел в вестибюль и быстро проследовал к выходу. Один, два, три шага. И вот он уже на улице, спускается по ступенькам, направляясь к месту назначенной встречи...

Как вдруг чья-то рука опускается ему на плечо, и мужской голос произносит:

— Entschuldigen Sie mich.^[50]

Данфи обернулся, правая рука опущена, но напряжена и в полной готовности нанести первый удар.

— Ich denke, dass Sie dieses fallenliessen.^[51]

Данфи не понял обращенных к нему слов, и, что гораздо хуже, это непонимание было написано у него на лице, так как мужчина перестал улыбаться и нахмурился. У него в руке был листок бумаги, и Данфи хватило одного взгляда, чтобы понять, что он держит одно из писем Даллеса, которое, должно быть, выпало у него из кармана в вестибюле. Данфи хотел было забрать его, но человек уже начал читать текст. Вначале на его физиономии появилась гримаса непонимания, а затем изумление, словно он узнал прочитанное. Какое-то мгновение они держали письмо оба. Затем мужчина отпустил его, отступил, повернулся и бросился бежать.

Данфи тоже сделал несколько шагов назад, засовывая письмо в карман. Затем повернулся и поначалу медленно, но постепенно все ускоряя шаг, припустился в направлении маленького кафе, где его должна была ждать Клементина. На ходу он бросил взгляд на часы. Да, все, как он и ожидал: большая стрелка на «Торсе», маленькая на «Беги!».

Она опоздала ровно на одну минуту.

А может быть, он пришел на минуту раньше. Как бы то ни было, Данфи стоял перед входом в кафе на Альпенштрассе, оглядываясь по сторонам, словно олень, готовящийся перебежать оживленное шоссе. В любой момент Хильда может забеспокоиться. Дитер и Райнгольд начнут приходить в себя. Мужик, нашедший письмо, обязательно заявит, свидетелем чего стал. И через несколько минут из Особого архива выйдут вооруженные группы, направятся на север, юг, восток и запад в поисках Данфи и в конце концов неизбежно найдут его.

«Где же она? — подумал Джек. — Забирает деньги?..»

Верно. Деньги. Данфи пришло в голову — и уже не в первый раз, — что в сейфе на Банхофштрассе очень много денег. И можно ли винить Клем, если она просто возьмет их и исчезнет? Ведь он тоже виноват перед ней, бросил ее на несколько месяцев. Она улетит в Рио, повалится там на пляже парочку годков, а потом влюбится в какого-нибудь парня, которому не надо ни от кого убегать.

Верушка Love Паулиньо

И все-таки... Разве она сможет где-нибудь найти второго такого, как он, сумевшего превратить всю ее жизнь в одно сплошное приключение?

Оглянувшись в сторону Особого архива, Джек скорее почувствовал, чем увидел какую-то суматоху у самого здания. Шестерка парней в черных костюмах, очень напоминавших братьев Блюз, вертели головами, явно кого-то высматривая. «Я мертвец, — подумал Данфи. — Еще минута, и меня заметят. О, Моя Дорогая Клементина, не могу поверить чтобы ты была способна так подставить своего верного друга». Джек стал оглядываться в поисках хоть какой-нибудь машины.

И тут он увидел ее. Она ехала по Альпенштрассе во взятом напрокат «гольффе», сигналила и размахивая рукой так, словно была мамочкой юных игроков в футбол, уже опаздывающей вместе со своими «чемпионами» на большой матч. Как это не по-швейцарски, подумал Данфи, в несколько шагов преодолевая расстояние между ними, распахивая дверцу и ныряя в машину.

— Хочешь сам вести? — спросила она.

— Нет, — ответил Данфи, съезжая вниз по сиденью, чтобы его головы не было видно из-за приборного щитка.

— Я ведь не против.

— Нет, все в порядке.

— Если ты хочешь...

— Да поедешь ты наконец?!

Клементина подчеркнуто долго всматривалась в него и только потом включила зажигание.

— И к чему раздражаться? — произнесла она, когда автомобиль тронулся.

— Извини, — процедил он сквозь зубы. — Просто здесь так много людей, которым страшно хочется разделаться со мной. Поэтому будет замечательно, если ты станешь

рассказывать мне все, что увидишь. Пожалуйста.

— Вижу людей. Очень много людей. Выходят из здания... и довольно поспешно.

— Из какого здания?

— Не знаю. Из какого-то старого. Номер пятнадцать.

— Господи!

— Ты там был?

— Да.

— У них там как будто... противопожарные учения. Только как-то все идет не так.

— Не смотри на них.

— Почему?

— Просто проезжай.

— На них трудновато не смотреть, — ответила она. — Они здесь повсюду.

Данфи почувствовал, что автомобиль резко затормозил и они остановились.

— Что такое?

— Мы остановились.

— Я сам знаю, что остановились. Но почему?

— Потому что зажегся красный свет. Мне ехать на красный свет?

— Нет!

— Ненавижу пассажиров, дающих советы, как правильно вести машину, особенно когда они сидят, спрятав голову под бардачком.

Черт! Ни дать ни взять, жена пилит опостылевшего мужа.

— Ладно, скажешь мне, когда выедем из города, хорошо?

— Как изволите.

Машина рванулась вперед, и они поехали. Данфи сидел скрюченный, пока Клементина не сообщила ему, что они выехали из Цуга. Выпрямившись, Данфи огляделся по сторонам. Машина мчалась по извилистой горной дороге по направлению к аэропорту.

— Билеты у тебя? — спросил он.

— Бизнес-класс. Стоили целое состояние.

— А деньги?

Она кивнула.

Данфи с облегчением вздохнул и залез к ней в сумку в поисках сигарет, которые, как ему было хорошо известно, всегда там лежали. Отыскав пачку «Мальборо», он закурил, откинулся на спинку сиденья и выдохнул облачко табачного дыма. Мысли Данфи пребывали в невероятной путанице, одна перекрывала другую, в памяти попеременно всплывали имена Даллеса, Юнга, Брейдинга.

Спустя какое-то время Клементина повернулась к нему и, вопросительно приподняв бровь, поинтересовалась:

— Ну и как?

Данфи взглянул на нее.

— Что?

— Ты нашел то, что искал?

Он задумался.

— Не знаю, — наконец ответил он. — Наверное, да, но слишком уж все это сложно. Мне нужно еще разобраться.

Клементина бросила на него скептический взгляд, и они поехали дальше.

Вылетать из аэропорта в Клотене было рискованно, но не настолько, как из Хитроу несколькими днями раньше. Хотя Управление и обладало в Швейцарии определенным авторитетом, его невозможно было сравнить с тем влиянием, которым оно располагало в Англии. Швейцарцы очень гордятся и дорожат своей независимостью и нейтралитетом и старательно дистанцируются от спецслужб других стран, включая и разведку США. Это означало, что местные власти будут выполнять просьбы Управления чисто формально и не торопясь, а значит, если ЦРУ пожелает устроить наблюдение за аэропортом, людям Управления наверняка придется делать все самим.

Но Управление не способно действовать с такой быстротой. Ведь от Цуга до аэропорта меньше часа езды. Доехав туда и сдав взятую напрокат машину, Данфи с Клементиной буквально за несколько минут зарегистрировались на рейс. Следующие полчаса они провели в зале ожидания «Суисс эйр», выпив несколько чашек кофе. Данфи нервничал, в любую минуту ожидая появления Райнгольда с полудюжиной головорезов. Но все обошлось, их рейс объявили на два пятьдесят пять. Уже через полчаса они летели над бернским Оберландом по направлению к Мадриду.

Снова ему удалось выпутаться...

— Расскажи мне, — попросила Клементина.

— Что?

— В чем там дело.

Данфи задумался. Она, конечно, имеет право знать. Они вместе ввязались в это, и Клементина рисковала не меньше, чем он. С другой стороны, он не мог ответить на ее вопрос, потому что сам так толком и не понял, «в чем там дело».

— Я узнал совсем немного, — ответил он. — Кое-какие обрывки истины. И даже не понял, что некоторые из них значат и кто имеется в виду.

— Просто расскажи и все.

Данфи оглянулся. Место за ними пустовало, а впереди была только кабина пилота. Через проход, свободно раскинувшись, сидел молодой африканец и, закрыв глаз, слушал плеер. Данфи даже разобрал мелодию — знакомый слегка металлический звук: Сезария Эвора.

— Ты подумаешь, что я свихнулся.

— Не подумаю.

— Подумаешь.

— Почему?

— Потому что речь идет о чем-то вроде тайного общества.

Клементина глянула на него так, словно решила, что он шутит.

— В наше время?

Данфи печально улыбнулся:

— Угу.

Она выдержала его взгляд и только тогда убедилась, что говорит он вполне серьезно.

— Ты ведь не шутишь?

— Нет, — ответил он, — не шучу.

На мгновение она задумалась.

— Что-то вроде франкмасонов?

Данфи отрицательно покачал головой:

— Нет. Совсем другое.

— Что?

Он сделал глоток шампанского.

— Не знаю, — ответил он. — Не могу точно сказать тебе, кто они такие. Но называются они «Общество Магдалины». И оно очень древнее.

— И насколько же древнее?

Данфи пожал плечами.

— Я нашел свидетельство того, что его членом был уже Фрэнсис Бэкон.

Клементина усмехнулась:

— Ты надо мной издеваешься?

— Нет, не издеваюсь.

Она неуверенно взглянула на него:

— Получается, что обществу четыреста лет?

Данфи покачал головой.

— Там сказано, что он был его членом, но вовсе не первым членом. Наверное, оно все-таки старше. И намного.

Он выглянул в иллюминатор, на пейзаж, словно сошедший с открытки «Суисс эйр»: лазурные небеса и темно-коричневые покрытые снегом горы. Прекрасный вид с высоты тридцать пять тысяч футов.

Но там, на земле, этот мир, на который Данфи взирал с борта самолета, был для него смертельно опасен.

Откинув спинку кресла, Данфи попытался расслабиться и закрыл глаза. То, с чем он столкнулся, слишком грандиозно. Чем бы оно ни было, оно действительно громадно. От него не удастся спрятаться. Он снова открыл глаза и выглянул в иллюминатор. Не имеет значения, сколько информации удастся заполучить. Как ею распорядиться? Пойти в полицию? В газеты? Это верная смерть.

— Дам тебе пенни, если расскажешь, о чем ты так мучительно размышляешь, — предложила Клементина.

А он как раз подумал: «Рано или поздно эти парни с нами расправятся».

Но вслух произнес:

— Прогодаешь. Мысли мои гораздо дешевле.

Клементина подняла бокал, сделала глоток и поставила на поднос, который держала на коленях.

— Ты мне не сказал, почему мы летим именно на Тенерифе, — заметила она.

— Там у меня друг.

Еще один скептический взгляд.

— Друзей на Тенерифе не бывает, — заявила Клементина, — это же край света.

Данфи улыбнулся:

— Томми — особый случай.

— Почему?

— Потому что он попал в ту же переделку, что и мы.

Воцарилась долгая пауза. Данфи наблюдал, как облака укутывают вершины Альп, а Клементина листала номер «Mein schöner Garten».^[52] В конце концов она раздраженно

сунула журнал в карман своего сиденья.

— Это религиозное общество? — спросила она.

Данфи кивнул.

— Я так и подумала, — сказала Клементина.

— Почему?

— Из-за имени Магдалина. — Она лукаво улыбнулась. — Знаешь, я всегда задавалась вопросом, а не было ли чего-то между ними?

Он не понял, о чем она толкует.

— Между кем? — спросил он.

— Ну... Между Ним! И ею. Марией Магдалиной!

Данфи поморщился.

— Клем, у меня в детстве было очень благочестивое воспитание, поэтому...

— Что?

— Стоит тебе начать говорить на подобную тему, и не успеешь оглянуться, как самолет разобьется. В него ударит молния, к примеру. Такое часто случается.

— Я ведь серьезно, Джек!

— Клем...

— Она ведь омыла ему ноги!

— Ну и что?

— Ничего. Я просто задала вопрос. А может, между ними действительно было нечто большее? Вот и все.

Данфи потряс головой, словно хотел прочистить ее от всякой ерунды, что заполняла его мозги в последнее время.

— Не понимаю.

— Я просто говорю, что она омыла Его *ноги*, Джек. Я же твои никогда не мыла.

— Взято на заметку.

И снова каждый из них углубился в собственные мысли. Данфи пытался уяснить прочитанное сегодня утром, а Клементина... ну кто может знать, о чем думала Клементина. Через несколько минут он наклонился к ней и начал рассуждать вслух:

— В Айнзидельне есть статуя.

— В том местечке, куда ты ездил? В горах?

— Да. Там есть статуя. Очень похожа на Деву Марию, только черная. И младенец Иисус тоже. Черный. И то учреждение, в которое я проник в Цуге. Особый архив. У них на пропусках изображение этой самой черной Мадонны. В виде голограммы. А на первом этаже что-то вроде алтаря прямо у входа.

— Особый архив? Так называется место, в котором ты был?

— Угу.

— Как скучно.

— Они ведь бюрократы.

— И все же... Опиши мне его, — попросила Клементина.

Данфи задумался.

— Снаружи Шекспир. Артур Кларк внутри.

— И там у них много всяких папок?

— Да.

Клем издала возглас нетерпения.

— Ну и?..

— Ну и что?

— Ты прочел какие-нибудь из них?

— Да, парочку папок прочел.

— И?!

Данфи нервно заерзал.

— Ну, там были разные письма, — ответил он. — Осталось гораздо больше папок, которые я прочесть не успел. Хотя это не имеет существенного значения. Я знаю, чем они занимаются.

— Откуда?

— Я имел беседу с одним из них.

— Беседу? Когда?

— Несколько недель назад. Тот человек живет в Канзасе.

— И что он тебе сказал?

— Он сказал, что все время, пока служил в армии — в течение двадцати лет, — занимался одним и тем же: убивал и уродовал скот.

Клементина взглянула на Данфи как на откровенного идиота.

— Это только часть того, к чему они причастны. Есть масса других еще более странных затей. НЛЮ, круги на полях — самая дикая бредятина, которую тебе когда-либо приходилось слышать.

Клементина нервно захихикала.

— Суть в том, что все перечисленные дикости не имеют значения, — продолжал Данфи. — Существенного значения. Все было лишь...

— Чем?

Он попытался подобрать как можно более точное определение.

— Шоу со световыми эффектами.

По изумленному взгляду Клементины было ясно, что она ничего не понимает.

— Лишь дым и зеркала, — объяснил он. — Они занимаются этим только ради того, чтобы произвести впечатление.

— Кто?

— «Общество Магдалины».

— Но ведь человек, с которым ты беседовал...

— Был военным. Да, был. Только его военная профессия служила всего лишь прикрытием.

— А впечатление? — спросила она. — О каком впечатлении ты ведешь речь?

— О психологическом.

— Скот и все остальное?

— Да.

Она задумалась.

— Все, о чем ты говоришь, очень напоминает «Волшебника страны Оз».

Данфи кивнул:

— Да, напоминает именно его, но работающего на Теда Банди. [\[53\]](#)

Клементина нахмурилась.

— Не знаю, кто такой.

Данфи покачал головой.

— Неудачная шутка. Суть в том, что твой дружок Саймон был прав: Шидлоф действительно нашел письма, адресованные Юнгу. Об «Обществе Магдалины» и о коллективном бессознательном.

— И что?

— Они планировали «перемонтировать» его.

— О чем ты?

— О коллективном бессознательном. Они собирались его «перемонтировать». — Клементина молчала, и Данфи добавил: — Когда задумываешься об их делах, какой-то ужас охватывает.

— Вот-вот, а я даже задумываться не желаю, — заметила Клементина. — Потому что все это просто бред.

— Кажется бредом, но бредом не является. И потом, он многое объясняет.

— Что, например?

— Например, то, что люди видят на небе всякие абсурдные вещи; и то, что кто-то или что-то, кого никто никогда не видел, ежегодно убивает и уродует сотни коров; и что по всему миру на пшеничных полях постоянно появляются разные геометрические узоры. Теперь-то мы знаем, в чем причина всего перечисленного.

— Нет, не знаем, — возразила Клементина. — Даже если ты прав, нам все равно неизвестна причина. Нам известно только, кто это делает и как.

Конечно, она права.

— Как бы то ни было, — продолжал Данфи, — суть в том, что Шидлофа убили из-за тех писем, которые я прочел. И ты никогда не догадаешься, кто их автор.

Клементина взглянула на него так, словно хотела сказать: ну, раз не догадаюсь, тогда сам говори.

— Аллен Даллес.

— О! — воскликнула она, потом вдруг нахмурилась. — Между прочим, я не знаю, кто он такой.

Данфи улыбнулся:

— Американский дипломат. И шпион. В сороковые годы. И раньше.

— Ну и что?

— А то, что они с Юнгом являлись главными игроками в этом деле. Они создали ЦРУ в качестве прикрытия.

— Прикрытия для чего? — спросила Клементина.

— «Общества Магдалины». Даллес придумал Управление, и оно стало идеальным инструментом для достижения их целей. Ведь все, чем занимается Управление, окружено непроницаемым ореолом секретности. Оно подобно черной дыре: все, что попадает в сферу его притяжения, исчезает.

— Но что они делали?

— Психооптические эффекты, — ответил Данфи. — То световое шоу, о котором я говорил.

На мгновение она задумалась, потом спросила:

— Какой в этом смысл? Чего они хотели добиться?

Данфи покачал головой, словно говоря: кто знает?

— В письмах, которые я читал, шла речь об Иерусалиме для евреев. И о европейском союзе.

— А что плохого в европейском союзе? — спросила Клементина. — И он уже ведь существует.

— Я знаю. И скорее всего они весьма посодействовали его возникновению. Но дело даже не в нем. Любая политика для них второстепенна.

— А что тогда первостепенно?

Данфи пожал плечами:

— Не знаю. Ясно одно: эти ребята с их Обществом существуют уже достаточно давно. Они были как-то связаны с инквизицией. И с войной Алой и Белой розы. И со многим многим другим, о чем я уже успел забыть.

— Так все-таки... к чему они стремятся?

— Не знаю, — ответил Данфи. — Я не дочитал до конца. Мне пришлось оттуда бежать.

К вечеру они прилетели в Мадрид и сразу же направились в «Ла вента квемада», маленькую гостиницу на площади Зубейда. Данфи останавливался здесь тремя годами раньше, когда у него было совместное дело с одним не очень чистым на руку менеджером школы тореадоров. На протяжении уже большей части столетия отель представлял собой постоянное место сборищ для потенциальных участников «смертей в полдень». Гостиница стала настоящим домом для Манолете, Домингина и огромного числа других тореро, пикадоров и страстных болельщиков корриды. Данфи нравилось и само место, и особо парень, сидевший за рабочим столом у входа, убежденный анархист, за небольшие чаевые соглашавшийся дать номер без регистрации.

Вселившись, Джек и Клементина почти сразу взяли такси и поехали на Гран-виа. Один из великих европейских бульваров, теперь довольно обветшавший (но все еще ностальгически притягательный), Гран-виа битком набит старенькими кабаре, мюзик-холлами и роскошными кинотеатрами, давно пережившими свой век. Гигантские, нарисованные от руки плакаты, рекламирующие мышцы Сталлоне и губы Бэссинджер, покрывали стены зданий. Посреди улицы некий художник творил свой перформанс. Он стоял, совершенно не шевелясь и не обращая никакого внимания на транспортные пробки, которые то и дело возникали рядом. Кожа и одежда у него были выкрашены в алюминиевый цвет. Жестяной человек, предположил Данфи, а может быть, просто жестяная банка.

Пожилые чистильщики обуви с укором указывали Данфи на его обувь. Цыганята носились вокруг подобно койотам. Прекрасная, с широко открытыми глазами, в изумлении от увиденного и боящаяся какой-то неизвестной опасности, Клементина обеими руками хваталась за его правую руку, словно хаос, царивший вокруг, мог унести их в разные стороны. Дальше по бульвару яркими неоновыми буквами сверкал знак в стиле ар-деко. Неподалеку подсвеченное меню обещало блюда из морепродуктов и бифштексы. Бросив взгляд на Клементину и пожав плечами, Данфи прошел вверх по ступенькам в освещенный неярким светом ресторан, расположенный на втором этаже. Официантами в смокингах, белыми скатертями, панелями из мореного дуба он напоминал мужской клуб, и при том очень неплохой. По мадридским меркам время для ужина еще не настало — было всего десять вечера, — поэтому они решили провести часок за тапас^[54] и бутылкой красного испанского вина.

Они были в полном одиночестве рядом с громадными окнами с двойными рамами, выходящими на Гран-виа, и Данфи рассказал Клементине все то, что оставалось недосказанным, о причинах, приведших к их нынешнему положению. Он рассказал ей также

и о том, как Даллес и ЦРУ спасли Эзру Паунда — Кормчего Общества, заключив его в больницу Святой Елизаветы. Он сообщил ей о значении, которое в этом Обществе придавали таинственному человеку по имени Гомелес, и о том, как Даллес и Юнг договорились «разворошить муравейник», запустив новые архетипы и реанимировав старые. Когда Клементина спросила, что за ерунду он несет, Данфи напомнил ей слова Саймона о теориях Шидлофа относительно поля архетипов и о мистификации в Розуэлле. А потом он задал ей вопрос:

— Что значит слово «материализовать»?

Клементина наколола пинчито на зубочистку и, улыбаясь, отправила в рот.

— Чему ты смеешься? — спросил он.

— У меня был бойфренд троц, — ответила она.

— Что?

— Троцкист. Давно. И «материализовать» было его любимым словом.

— Боже мой! Ты что, была коммунисткой?

— Куда там. Мне было всего шестнадцать. А он действительно был коммунистом.

— Ну и что это значит?

— Что?

— Слово «материализовать».

— Ах, материализовать, — ответила она. — Значит сделать реальным то, что до тех пор было абстракцией.

— Можешь привести пример?

Клементина задумалась.

— Ну, даже не знаю... Например, время. Время — абстракция. А часы «материализуют» его. Но какое это имеет отношение к тому, о чем ты рассказывал?

— В одном из своих посланий Даллес пишет о «материализации знамений». Он настаивал, обращаясь к Юнгу, что они — я цитирую по памяти — должны «активно вмешиваться в ход событий и способствовать материализации тех знамений», которые упоминаются в их книге.

— В какой книге? — спросила Клементина.

— Никогда не предполагал, что мне когда-нибудь придется всерьез говорить о знамениях и пророчествах, — пожаловался Данфи и подал знак официанту, чтобы тот принял заказ.

— В какой книге? — повторила Клементина.

Данфи вздохнул.

— Я забыл, как она называется. Апокрифы или что-то в этом роде. Какое-то шарлатанство...

— Не думаю.

— Почему?

— Мне кажется, ты имеешь в виду апокриф, действительно очень древнюю книгу.

Данфи удивленно взглянул на нее.

— Ты меня потрясаешь.

— Я ее видела, — кивнула она, — в «Скубе». В дешевом издании. Ее публиковало «Дувр пабликейшнз». Собственно, она даже и не книга в прямом смысле слова. Это большая поэма, но некоторые называют ее «Творением» с большой буквы. «Дувр пабликейшнз» выпустило ее как часть серии, посвященной концу света. Мне кажется, серия называлась... «На пороге

Золотого века».

Утром следующего дня они отправились искать книжные магазины, торгующие англоязычной литературой, нашли их несколько, но ни в одном не оказалось изданий «Дувр пабликейшнз». До отлета оставалась пара часов. Они взяли такси, доехали до Пуэрто-дель-Соль, где отыскивали неплохое интернет-кафе.

На улице было десять градусов, но в кафе было тепло, воздух пропитался ароматом пекущихся чурро.^[55] Данфи заказал тарелку испанских пончиков для себя и Клементины, но испортил аппетит обоим, как только открыл файл, украденный им из Особого архива. О «переписи крупного рогатого скота».

Клементина взглянула на фотографию, и у нее перехватило дыхание.

— Чудовищно! — воскликнула она. — Кому могло такое прийти в голову?

Данфи задумался.

— По Шидлофу и по Саймону, они пытаются «разворошить муравейник». «Оживление архетипа».

— Дерьмо какое-то! — воскликнула Клементина, и ее глаза внезапно наполнились слезами.

— Я просто пересказываю тебе его слова. Тебя ведь в тот момент не было. Он сказал, что принесение в жертву животных старо как мир. И он прав.

— Ладно, я не собираюсь на это смотреть, — ответила Клементина. — Пойду прочитаю газету.

Она встала и отошла от компьютера.

— Я видел газетный киоск здесь неподалеку на улице, — сказал ей Данфи.

Когда она выходила, Данфи внимательно наблюдал за ней. У Клементины была походка, которую иногда можно видеть у женщин Рио-де-Жанейро и Милана. Бородатый молодой человек, сидевший рядом с Джеком перед двадцатиоднодюймовым монитором, уставился на Клементину таким взглядом, как будто у него начались желудочные колики.

Через несколько минут принесли чурро и две чашки дымящегося ароматного café con leche.^[56] Маленькие пончики лежали на тарелке словно ворох хвороста, золотистые и теплые. Данфи посыпал горку сахаром, извлек из груды один, самый аппетитный и обмакнул его в кофе. После чего повернулся к открытой папке и начал чтение.

Ему потребовалось минуты две, чтобы понять, что ничего особенно нового он не узнает. Фотографии, представшие перед ним на экране, могли бы послужить веским свидетельством обвинения, но Данфи уже ни в чем убеждать не требовалось. Подробности были излишни. И осознав это, он вдруг начал нервничать. Он вдруг понял, что у него до сих пор нет ни четкого плана, ни стратегии, как им выпутаться из страшной истории, в которую они угодили благодаря его неумемному любопытству. В мире не найдется ни одной службы правопорядка, которая посмела бы противопоставить себя «Обществу Магдалины». Да и его, Джека Данфи, просто никто не воспримет всерьез. Черные Мадонны, уничтожение скота, тайные организации и ЦРУ? Он представил, как будет сидеть в кабинете перед следователем по особо тяжким делам или перед каким-нибудь Майком Уоллесом.^[57] Джек приступает к рассказу, и к тому моменту когда он доходит до кобылы по кличке «Придира» и Айнзидельнской Мадонны, красная лампочка на камере выключается, а Уоллес уходит из студии. «История» слишком грандиозна и туманна, ее участники слишком могущественны, заговор молчания вокруг нее слишком всеобъемлющ. Сколько бы доказательств ни собрал

Данфи, они не будут иметь никакого значения. Это не та информация, которой можно воспользоваться себе во благо. Подобная информация несет смерть.

Таким образом, у Данфи и Клементины оставалось несколько выходов. Первый: их выносят в мешках для трупов. (Неприемлемо.) Второй: они находят надежное укрытие и проводят там вместе остаток жизни. (Наверное, тоже неприемлемо и скорее всего неэффективно.) Третье: они уничтожают «Общество Магдалины» до того, как оно уничтожит их. (Превосходная идея, Джек, но?..) Да, скорее всего им остается только на время затаиться. Другой реальной альтернативы нет. Ведь живут они на большой планете. Каким бы могущественным ни было ЦРУ, оно все-таки меньше ее. И пусть не стопроцентный, но шанс выжить у них будет.

Вернувшись к сообщениям, Данфи увидел, что они все примерно одинаковы. В каждом стояла дата полета со временем вылета и возвращения. Дальше шел список членов команды и описание метеорологических условий. Ну и в конце короткий отчет о выполнении задания.

03.03.99 Деп. 0510Z Ret. 1121Z

143-е хирургическое подразделение

Дж. Несбитт (пилот)

Р. Керр Э. Пэган

П. Гидри Т. Конуэй

Дж. Содзио Дж. Маклеод

Д-р С. Амирпаша (производил операцию)

Темп. — 23°, ветер — юго-западный, 4-10 узлов

Видимость — 18 километров

Давление — 30,11

Определен образец породы «Блэк Энгус» на ранчо, принадлежащем некоему Джимми Ре, Платте 66, Участок 49 в 16,3 километра к северо-северо-западу от Сильвертона. Анестезию сделал капитан Браун. Удаление глазной ткани, глаз, языка, внутренних и внешних органов слуха. 6,5-сантиметровые разрезы в нижней подмышечной области. Удалены органы пищеварения. Вырезано анальное отверстие, полость обработана с помощью вакуумного ружья. Удалены половые органы. В грудной клетке проделаны 2,5-сантиметровые отверстия. Позвоночный столб рассечен в трех местах с помощью лазерной пилы. Останки возвращены на пастбище. Столкновений с гражданским населением не было.

Таких докладов там были десятки. И чтение их вместе с просмотром фотографий превращалось в настоящее испытание: Джека начало мутить. Когда Клементина вернулась с номером «Индепендент», Данфи уже закрыл папку и отодвинул ее от себя.

— Ну что, получил удовольствие? — спросила она.

— Какое там удовольствие! — ответил он. — Кошмар!

Протянув руку, она взяла папку и стала перелистывать материалы, задерживаясь на фотографиях.

— Что ты будешь с этим делать? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Данфи. — Наверное, ничего.

— В таком случае... можно я возьму их себе?

Он задумался.

— Собственно, почему нет? Бери.

Клементина улыбнулась и встала из-за стола. Повернувшись, она подошла к прилавку и сказала служащему, что хотела бы воспользоваться одним из компьютеров. Он дал ей членскую карточку, и она заполнила ее на имя Верушки Белл. Служащий взял с нее плату в полторы тысячи песет и подвел к компьютеру. Устроившись поудобнее, она вошла в Интернет и с помощью поисковой системы «Альтависта» стала искать адрес в Лондоне.

Ей потребовалась всего минута, чтобы найти его. Затем Клементина извлекла из сумки большой конверт. Наклеив на него множество марок, написала отысканный адрес. Закончив с этим, вернулась к столу, за которым сидел пребывающий в полном недоумении Данфи, вложила папку в конверт, запечатала его и с довольной улыбкой сказала:

— Нам, случайно, не пора?

Данфи взглянул на то, что она написала:

Общество «За гуманное отношение к животным»
Паркгейт-Хаус 10
Брумхидл-Роуд
Лондон, юго-западный р-н 18
Англия

— Ты уверена, что поступаешь правильно? — спросил он.

Она улыбнулась:

— Абсолютно.

Их самолет уже летел над просторами Атлантического океана, Европа и Африка исчезли где-то позади. Данфи смотрел в иллюминатор на бескрайнее голубое пространство. На земле есть места, где можно легко затеряться, подумал он. Ведь такое очень часто происходит. Ты можешь поселиться там, где твои преследователи не имеют никакой власти. Например... в Кабуле, Пхеньяне, Багдаде...

Проблема состоит лишь в том, что во всех перечисленных местах ощущается явный недостаток тех удобств и удовольствий, без которых Данфи и Клементина вряд ли могли себе представить нормальную жизнь человека двадцатого века. К примеру, арахиса, жаренного в меду; надежно функционирующего водопровода. Ну что ж, ничего не остается, как только попытаться счастья на Тенерифе, пусть и у черта на куличках, но уж по крайней мере с обилием арахиса, жаренного в меду.

Расположенный на расстоянии сотни миль от самой южной оконечности Марокко, Тенерифе является самым крупным островом Канарского архипелага. Известный во всем мире своими живописными и удивительно разнообразными пейзажами (от выжженного солнцем побережья до самой высокой вершины «Испании»), Тенерифе тем не менее пользуется дурной славой из-за неумеренного наплыва туристов и излишне свободной ночной жизни, которая, как утверждают очевидцы, начинается почти сразу же после завтрака. Данфи, уже дважды побывавший на острове, одновременно и любил, и ненавидел его.

Примерно через час после вылета к ним подошла стюардесса и, наклонившись над Клементиной, извлекла поднос Данфи из кармана у его сиденья. Накрыв поднос белой льняной салфеткой, она протянула Джеку меню и спросила, не желает ли он шампанского. Он отказался. Тогда она с тем же вопросом обратилась к Клементине, и та ответила, что предпочла бы перье.

— А ты уже решил, где мы остановимся? — спросила она.

Данфи пожал плечами:

— Найдем место.

— А что потом?

— Потом? Ну потом, я думаю, мы будем играть по тем правилам, которые предложит нам жизнь. — Увидев, что она недовольно нахмурилась, он продолжал: — После того как я поговорю с Томми, надеюсь, у меня появятся более ясные планы.

— А почему бы нам просто не обратиться в газеты? — спросила Клементина.

Данфи не смог сдержать улыбку.

— Примерно как в «Трех днях Кондора»?

— Я ведь только предложила, — ответила она. — Нечего меня высмеивать.

— Я тебя не высмеиваю, — сказал он. — Но газетчики нам не помогут.

— Откуда ты знаешь?

— Уж поверь мне на слово.

— А почему бы тогда не сбросить всю информацию в Интернет? Тебе никто не сможет помешать, зато весь мир ее прочтет.

Данфи задумался. На секунду. Затем отрицательно покачал головой:

— В Интернете и так уже, наверное, миллион шизофренических сайтов. Летающие

тарелки, чупа кабра, сатанинский секс... Пожалуй, у каждого, от «снежного человека» до Зорро, есть своя домашняя страничка. Поэтому нашу жалкую жалобу скорее всего просто никто не заметит. Да и никого не заинтересует, есть ли у нас какие-либо доказательства или нет. Подумаешь, файлы! В наше время у всех есть какие-нибудь файлы.

Стюардесса принесла Клементине минеральную воду и спросила, что они хотели бы на обед: телятину или лингвини?^[58] Клем выбрала лингвини, а Данфи предпочел телятину. Когда стюардесса ушла, Клементина повернулась к нему и с осуждением воскликнула:

— Как ты можешь?

Данфи не понял.

— Что? — переспросил он.

Она отвернулась.

— Как я могу *что*? — повторил Данфи.

Девушка протянула руку к карману, расположенному в спинке сиденья перед ней, и достала оттуда потрепанный номер журнала.

— Есть телятину! — процедила она сквозь зубы.

Отвернувшись от него, Клементина открыла журнал и начала читать, накручивая на палец завиток волос и не обращая на Данфи никакого внимания.

— Телята — детеныши коров...

— Мне нужно немного поразмяться, — сказал Данфи и, встав, медленно прошел в заднюю часть салона, чувствуя, как дрожит под ногами пол. Остановившись у кухни, он подозвал стюардессу и изменил заказ.

— Думаю, мне лучше взять лингвини.

Стюардесса улыбнулась и кивнула.

Проходя из салона бизнес-класса в салон эконом-класса, Данфи обратил внимание на сигаретный дымок, поднимающийся из задней части самолета, где группа людей прогуливалась у туалета. Оглянувшись, он заметил, что самолет отнюдь не набит пассажирами, как ему показалось поначалу. Публика летела весьма разношерстная. Здесь были мамы с детьми, бизнесмены, студенты, туристы и арабы. Группа примерно из шестидесяти английских путешественников шумно развлекалась: они много пили и играли в карты. Примерно на трети из них были одинаковые красные кардиганы с чем-то вроде герба на груди. Протискиваясь мимо них по проходу, Данфи узнал, что летит одним рейсом с представителями «Священного ордена Утесника». Видя замешательство Джека, один из них оторвал взгляд от своих карт и улыбнулся.

— Игроки в гольф, — пояснил он.

Двигаясь дальше по проходу, Данфи остановился у запасного выхода, присел на колени и выглянул в маленькое окошко. Далеко-далеко внизу во всех направлениях простирались сверкающие океанские просторы, их лазурная поверхность была покрыта белыми крапинками пенистых волн и пересечена путями грузовых судов. Около минуты Джек созерцал панораму, пытаясь ответить на вопрос, сердится ли на него Клементина.

Потом встал, потянулся и отправился в обратный путь. Он уже почти дошел до небольшой занавески, что отделяет бизнес-класс от эконом-класса, как вдруг почувствовал на затылке чей-то взгляд. Обернулся, и его глаза встретились с глазами мужчины среднего возраста с волосами платинового цвета и плохой кожей.

Белокурый!

А вон там впереди, рядом с переборкой спит на своем сиденье Качок.

«Черт бы вас всех побрал!» — подумал Данфи. Он почувствовал, как в крови резко, подобно приливу, подскочило содержание адреналина, затем наступил спад, потом снова прилив.

Он не знал, что делать. Как они нашли его? И что теперь его и Клементину ожидает после приземления в Тенерифе? И тут, к своему полнейшему изумлению, Данфи обнаружил, что направляется к Белокурому.

— Здесь свободно? — спросил он и, не дожидаясь ответа, перешагнул через ноги шпика и опустился на сиденье рядом с ним. — Вы говорите по-английски? — продолжал Данфи попытки завязать разговор, поднимая подлокотник, разделявший их.

Мужчина кивнул. Сглотнул.

— Прекрасно, — произнес Джек, — так как очень важно, чтобы вы меня правильно поняли. Если вы мне не скажете правду, я сверну вашу мерзкую шею прямо здесь. Вы поняли? Шею! Le cou!^[59]

Мужчина начал испуганно оглядываться по сторонам, словно в поисках помощи, затем потянулся к ремню безопасности и попытался расстегнуть пряжку.

— Прекратите, пожалуйста, — проговорил он с тяжелым эльзасским акцентом. — Иначе я позову la hôtesse.^[60]

Отказавшись от дальнейших попыток отстегнуть пряжку ремня, он потянулся к кнопке вызова обслуживающего персонала, но застыл на полпути, как только левая рука Данфи вцепилась ему в яйца и... сильно надавила.

Глаза мужчины вылезли из орбит и грозили вообще лопнуть, когда Данфи надавил еще больше.

— Пожалуйста!

Данфи сдавил еще.

На сиденье напротив маленький мальчик потянул мать за рукав и указал на Данфи и Белокурого. Данфи улыбнулся ему так, словно всего лишь весело шутил со своим соседом. Наконец он ослабил хватку, и эльзасец с облегчением выдохнул.

— Как вы меня нашли? — спросил Данфи.

Белокурый зажмурился, затем замигал и затряс головой. Он глубоко вздохнул и сказал:

— Девушка.

— Какая девушка?

— Англичанка. Когда она приехала в Цюрих, я узнал ее по Джерси.

— Значит, вы следовали за мной...

— От Сент-Элье до Цюриха. Потом вы потеряли нас в отеле. Но... она приезжает туда и мы следуем за ней. — Он произнес эту фразу, как некий упрек, словно критикуя способности Данфи.

— Я не знал, что вы видели ее на Джерси, — объяснил Данфи.

— Да. Мы видели ее. Ее трудно забыть.

— И...

— Мы последовали за ней до банка. Затем до аэропорта. Затем до Цуга.

— И Мадрида.

— Да, конечно, — ответил мужчина, расстегивая воротник рубашки. — До Мадрида.

— Ну и что теперь? — спросил Данфи.

Эльзасец пожал плечами.

— Я думаю, вам следует поговорить с Роджером. Потому что теперь... он вас убьет.

— Неужели? — риторически переспросил Данфи. — И он ждет меня на Тенерифе?

Когда собеседник не ответил, Данфи приготовился применить уже испытанный прием, но эльзасец поднял руки, словно пытаясь успокоить его.

— Не могу сказать. Понимаете, у него проблемы с полицией. В Кракове. Когда вы были в Сент-Элье, поляки отобрали у Роджера паспорт. Если бы не это, вы бы с ним встретились уже в Цюрихе, могу вам гарантировать.

— И что теперь?

На физиономии эльзасца возникла презрительная гримаса.

— Возможно, ему вернут паспорт.

Данфи положил руку на предплечье собеседника.

— Вы думаете?

Испуганное выражение скользнуло по лицу эльзасца.

— Да, я думаю, ему его уже вернули.

Данфи кивнул и заговорил очень тихо:

— Значит, вы скоро его увидите, что очень хорошо. Потому что я хочу, чтобы вы ему кое-что передали. Скажите ему, что я могу вернуть половину денег прямо сейчас. А остальные... немного позже. Но только в том случае, если его не будет на Тенерифе... Но если я его там увижу...

Он оставил фразу незаконченной, полагая, что так она произведет более устрашающее впечатление.

Эльзасец повернулся к нему, на физиономии выражение абсолютной невинности, в глазах смущение вперемешку со страхом.

— Да? — переспросил он. — Если вы увидите его на Тенерифе? И что мне ему сказать?

«Водишь меня за нос?» — подумал Данфи. Но ведь сделать пока ничего нельзя. По крайней мере не на самолете.

— Скажите, что это будет для него сюрпризом.

Он встал и отправился на свое место.

Путь от аэропорта «Рейна София» до Плайя де Лас-Америкас напоминал поездку по диораме, построенной бандитами с большой дороги в сотрудничестве с разгневанным богом вулканов. Вокруг был пустынный охристого цвета пейзаж из кактусов, камней и рудяка, разделенный, как казалось на первый взгляд, вечной транспортной пробкой. Примерно через сорок пять минут черепашого продвижения по дороге пустыня уступила место городскому ландшафту Лас-Америкас — разрастающимся в разные стороны туристическим анклавом с обилием примитивных кабаков, шумных дискотек, лавок, торгующих майками и сувенирами. Градусник у Банко Сантандер показывал 36° по Цельсию.

— Добро пожаловать в ад, — сказал Данфи.

Такси остановилось рядом с ночным клубом «ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ» в район Вероникас.

— Abajo allí.^[61] — Водитель указал на узкую пешеходную дорожку, что вилась мимо пальм и цветников по пологому склону холма в направлении к морю.

Данфи вручил шоферу тысячу песет.

— Остаток пути придется пройти пешком, — сообщил он Клементине.

На поиски «Сломанного побега», в котором Данфи не бывал уже три года, у них ушло полчаса. За минувшие годы пивнушку Фрэнка Бойлана со всех сторон окружили

новостройки. И теперь она располагалась под укрытием ослепительно белого шестиэтажного отеля, именованного «Мирамар». По бокам немецкая bierstube^[62] и дискотека «Студия 666». В остальном все осталось по-прежнему.

Примостившийся на склоне зеленого, хорошо орошаемого холма, «Побег» представлял собой простой, но элегантный ресторан с баром, в котором подавали в основном морепродукты. Окна выходили на пустынный пляж. Вид на закаты отсюда потрясающий, вспомнил Данфи, особенно в сезон дождей. Вечер их прибытия не был исключением.

Роскошное красное солнце висело над горизонтом в самом низу макрелевого неба, отливая золотисто-персиковым оттенком. Поставив дорожные сумки рядом с бледно-голубым автобусом, Данфи и Клементина сели за маленький столик с белыми плетеными стульями. Из-за барной стойки к ним вышел улыбающийся молодой красавец, явный уроженец Тенерифе.

— Что вам принести? — спросил он.

— Мне пиво, — ответил Данфи, — и... что?

Он взглянул на Клементину.

— Джин с тоником, пожалуйста.

Бармен уже хотел было уйти, как Данфи остановил его:

— Я ищу тут одного друга.

— О? Да?

— Да, его зовут Томми Дэвис. Я подумал, что, возможно, вы его встречали.

Мальчишка — ему не могло быть больше восемнадцати лет — заморгал, сделал вид, что пытается усиленно что-то припомнить. Наконец он покачал головой и пожал плечами:

— Lo siento.^[63]

Глупый вопрос, подумал Данфи. Томми не хочет, чтобы его нашли, поэтому ответ будет отрицательным в любом случае, видел его парнишка или нет.

— А Фрэнк Бойлан? Как насчет него? Ресторан все еще принадлежит ему?

Широкая улыбка на лице юноши.

— Ну конечно. Он его никогда не продаст. Вы знаете мистера Бойлана?

Данфи кивнул.

— Мы старые друзья. Вы не могли бы позвонить ему?

— Да, разумеется, — ответил бармен. — Если он не пьет. Иногда, когда он пьет...

— Я знаю.

— ...он выключает свой сотовый. Говорит, что не хочет, чтобы его беспокоили.

— Ну что ж, попробуйте, возможно, сумеете до него дозвониться. Скажите ему, что в баре сидит Весельчак Керри.

Парень расслышал только последний слог первого слова.

— Чак Керри?

— Ве-сель-чак Кер-ри, — повторил Данфи по слогам. — Примерно то же самое, что и Счастливчик Керри, только по-другому пишется. Ну и попутно загляни-ка за стойку. Думаю, там меня ждет пакет.

Было уже половина девятого, когда в бар вплыл Томми вместе с невысоким, но дородным Фрэнсисом Бойланом.

— Ну, никак это он! — воскликнул Томми. Его ирландский акцент только усилился за время пребывания в Испании. — Я постоянно пытался до тебя дозвониться, — прохрипел

он, — но мне отвечали лишь трели телефонных гудков. Я уж подумал, не отдал ли ты концы!

Крепкие объятия, из которых Данфи с трудом высвободился, чтобы пожать руку Бойлану.

— Ночь только начинается, — ответил Данфи другу, — у меня еще будет масса возможностей для этого.

Затем он представил им Клементину.

— Очень рад с вами познакомиться, — сказал Томми, обнимая ее с несколько большим энтузиазмом, чем требовали правила этикета.

— А вот наш гостеприимный хозяин, — провозгласил Данфи и подвел Клем за локоть к «великому Фрэнсису Бойлану».

Ирландец пожал ей руку и, повернувшись к Данфи с выражением одобрения на лице, произнес:

— Хорошая работа.

Вскоре они уже сидели за тарелкой тапас и пили, а Томми жаловался на «тяжелую жизнь» на Тенерифе.

— Она нас обоих убивает, — сказал он. — Фрэнсис здесь превратился в призрака того человека, которым был когда-то. Ты только посмотри на него, худеет не по дням, а по часам. Глянь, какие у него мешки под глазами...

— По моему мнению, он выглядит превосходно, — возразила Клементина.

— Спасибо, — откликнулся Бойлан.

— Вот что может сделать с человеком обилие секса, солнца и выпивки, — продолжал Томми. — Сюда в день прилетает по тысяче женщин, и каждая полна желанием весело провести время. Другими словами, если здесь себя не ограничивать, можно очень скоро угодить в больницу.

В течение нескольких следующих часов они опробовали кулинарные таланты повара «Сломанного побега» и нашли их превосходными. За восхитительным блюдом из меч-рыбы с молодым картофелем и фасолью, разбавляемым глотками великолепного рислинга, Данфи рассказал друзьям о Бламоне и встрече с его шпиками во время полета из Мадрида.

— Значит, ты прикарманил деньги того парня? — проговорил Бойлан. — И теперь он хочет получить их назад?

— Именно так, — ответил Данфи.

— Никто не вправе его осуждать, — заметил Томми. — На его месте я поступил бы точно так же.

— Конечно, конечно, — согласился Данфи, — любой поступил бы также. Но давайте взглянем на вопрос шире. Человек он исключительно мерзкий. Ведь я ж не «бедную клариску»^[64] какую-нибудь обокрал.

— И все-таки...

— Он ведь антисемит! — настаивал Данфи. — И дело даже не в его деньгах.

— Пусть тогда евреи его и обворовывают! — откликнулся Томми.

Прежде чем Данфи успел ответить, Бойлан предложил свой вариант:

— Если хочешь, я могу с ним поговорить. Пошлю парочку парней. Попрошу потерпеть.

Данфи задумался на мгновение, затем отрицательно покачал головой.

— Это моя проблема. Я должен решить ее сам.

— В таком случае... — Бойлан сунул руку за спину и вытащил маленький аккуратный пистолет. Завернув его в номер местной газеты «Канариас 7», он подвинул его через стол к

Данфи. — «Р7», — пояснил Бойлан. — «Хеклер-и-кох». Восемь патронов в обойме.

Клементина с удивлением взглянула на него, откинулась на спинку стула и отвернулась.

— Бог ты мой! Большое спасибо! — воскликнул Данфи, засовывая пистолет между ремнем и рубашкой. — Я верну его перед отъездом.

Бойлан кивнул:

— Буду очень обязан. Он стоил целое состояние.

— Где ты остановился? — спросил Томми.

— Не знаю, — ответил Данфи. — Мы прилетели только два часа назад.

— Ну, в таком случае ты мог бы остановиться у Никки Слейда, — предложил Бойлан. —

Ты помнишь Никки?

— Коммерсанта? — спросил Данфи.

— Его, — подтвердил Томми.

— Место прекрасное, — пояснил Бойлан, — а Никки оно пока не нужно.

— Почему не нужно? — спросил Джек.

Бойлан взглянул на Томми, а затем снова на Данфи.

— Он путешествует, ведь так?

— Не знаю. Путешествует? — спросил Данфи.

— Путешествует, — подтвердил Томми. — И в ближайшем будущем не вернется.

— Значит, поездка дальняя? — предположил Данфи.

— Очень дальняя.

— А почему ему вздумалось отправиться так далеко? — спросил Джек.

— Ну, потому что он не в ладах кое с кем, — объяснил Бойлан.

— И с кем же?

— С определенными организациями.

— С какими такими организациями?

— С НАТО, — ответил Томми. — Какой ты любопытный, парень, черт тебя дери!

Клементина захихикала, а Данфи нахмурился.

— Как это можно быть не в ладах с НАТО?

— Дело в том, что на одном из его сертификатов конечного получателя обнаружилась незначительная опечатка, — сказал Бойлан.

— И что?

— Да вот, представь себе, — продолжал Томми, — бюрократы завели на него федеральное дело.

— И что это за опечатка? — спросил Данфи.

— Насколько мне известно, он по досадной ошибке впечатал на бланке слово «шардоне» вместо слова «гранаты».

Они прибыли к дому Никки Слейда вскоре после полуночи. Это был один из дюжины небольших кондоминиумов на тихой улочке в Лас-Галлетас, чуть дальше по берегу от Лас-Америкас и совсем недалеко от пляжа. Домик слева снимало трио стюардесс, а в том, что справа, проживала пожилая шотландка.

— Тебе здесь понравится, — заверил Джека Томми.

Войдя, они сразу же почувствовали острый запах давно не проветриваемого помещения. Здесь явно никто не жил уже несколько недель. Впрочем, стоило только открыть окна, отдернуть шторы, и свежий ветер наполнил комнаты, прогнав затхлый аромат плесени.

Данфи вошел в гостиную и зажег свет.

— Утром я принесу «Перлкордер», — сказал Томми. — И ты сможешь послушать пленку.

Он имел в виду ту самую пленку, которую Данфи послал на собственное имя на адрес «Сломанного побега».

— Только перед приходом не забудь позвонить, — предупредил его Данфи. — Мне бы не хотелось ненароком тебя пристрелить.

— Обязательно! — пообещал Томми и, выходя, весело помахал ему. — Привет.

Данфи запер за ним дверь и прошел на кухню. Открыв холодильник, он обнаружил там пол-ящика «Будвайзера», два вида горчицы и больше ничего. Подумав, что ящик «Будвайзера» скорее всего стоит на Канарах целое состояние, Данфи открыл одну бутылку и вернулся в гостиную.

— Мне твои друзья понравились, — сказала Клементина, просматривая подборку компакт-дисков. — Хотя...

— Что?

— Немного крутоватые.

Данфи кивнул.

— В общем, да, — согласился он. — Такая уж у них работа.

Вытащив пистолет из-под ремня, он положил его на кофейный столик рядом с вазой, в которой стояли пыльные шелковые гвоздики. Затем подошел к окну и вдохнул теплый морской воздух.

— Как ты думаешь, они найдут нас? — спросила Клементина.

— Не знаю, — ответил Джек. А собственно, кого она имеет в виду, Бламона или Управление? — Не думаю, что за нами следили от аэропорта, но ведь я был уверен, что за нами не было слежки и от Джерси. Поэтому точно ничего не могу сказать.

Клементина вставила в проигрыватель диск, и мгновение спустя задушевный голос наполнил комнату жалобным признанием: «Жить легко становится труднее с каждым днем».

— Айрис Демент, — прокомментировала Клементина, покачиваясь в такт музыке.

Данфи присел на подоконник, потягивая пиво. Он смотрел на маленький садик (кто бы мог подумать, что такой человек, как Слейд, способен увлечься садоводством?) и на цепочку огней дальше, на горизонте. Грузовые и пассажирские суда, парусные шлюпки и танкеры. Красивый, даже романтический пейзаж, но он не мог отдалиться чистому созерцанию. Из головы не выходили те двое в самолете: Белокурый и Качок. Они так подозрительно быстро исчезли, как только самолет приземлился в Тенерифе. Что должно было бы его успокоить, но...

Не отягощенные серьезным багажом, Данфи с Клементиной пронеслись через таможен и через аэропорт, взяли первое попавшееся такси и доехали до города. Если бы его преследователи находились неподалеку, Данфи обязательно заметил бы их. Но их нигде не было. И у него неизбежно возникли вопросы...

Какое-то мгновение Джеку казалось, что ему удалось их напугать. Но потом он понял всю невероятность подобного предположения. Белокурый совсем не производил впечатления напуганного. Правда, он ощутил некоторое неудобство, но не более. Поэтому...

Должно быть, они заранее позвонили кому-то из Мадрида. И кто-то ждал их в аэропорту. Что означает...

Поморщившись, Данфи задернул шторы, проверил замки на французских окнах, выходящих в сад. Замки были ненадежные. Их ничего не стоит открыть, достаточно просто хорошенько пнуть дверь.

Вернувшись в гостиную, он взял пистолет и положил в карман. Клементина продолжала покачиваться в такт музыке.

— Джек? — спросила она.

— Что?

— С нами все будет в порядке?

Томми пришел утром в начале одиннадцатого. Так как у Слейда практически не было никакой еды, они вначале отправились за булочками на местный рынок, а затем поехали на Лас-Америкас.

— Мы с тем же успехом могли бы позавтракать в «Побеге», — заметил Томми. — Кофе у Бойлана замечательный и в два раза крепче, чем в других ресторанах.

Красный «де шво» Томми они оставили на стоянке рядом с кинотеатром «Дюма» и пошли пешком вниз по холму по направлению к «Сломанному побегу». Парнишка, который встретил их вчера вечером, уже стоял за барной стойкой и протирал бокалы.

Кроме него, в ресторане никого не было. Вокруг царили полумрак и прохлада.

— Эспрессо, Мигель!

— Мне не надо, спасибо, — сказала Клементина. — Я пойду искупаюсь.

Данфи бросил на нее скептический взгляд.

— Ты ничего не забыла?

Она озадаченно оглянулась.

— Что?

— Купальник, — ответил Данфи, усаживаясь за столик в углу.

Клементина поцеловала его в затылок.

— Какой ты умный! — Она взяла полотенце, повернулась и вышла на ослепительно сиявшее солнце.

— Я обязательно должен это увидеть! — воскликнул Томми.

— Совсем не обязательно! — Джек взял его за локоть и заставил сесть рядом с собой. — Ты принес «Перлкордер»? — спросил он.

— Принес, — ответил Томми, вынимая его из кармана рубашки и передавая Данфи. — Здесь тот самый профессор, которого ты прослушивал?

Данфи кивнул, вставляя микрокассету в магнитофон.

— Последняя запись перед тем, как из него сделали отбивную.

— Ну, если ты не возражаешь, — сказал Томми, — исходя из того, что кассету может слушать только один человек, я спущусь со своим кофе на пляж.

Данфи вставил наушники.

— Ты ведь не собираешься строить глазки моей подружке?

— За кого ты меня принимаешь? — запротестовал Томми.

— За извращенца.

Если Томми ему что-то и ответил, Данфи все равно ничего не услышал, так как уже успел нажать кнопку воспроизведения, и крошечные катушечки диктофона завертелись.

«— Золотого луга.

- Золотого луга?
- Да.
- Ну, если вы так говорите... а не кажется ли вам, что это несколько...
- Что?
- Желтовато.
- Я знал, что вы так скажете! Но нет, я не думаю. С Кирманом все будет выглядеть великолепно.
- Ах да! У вас же есть Кирман!»

Данфи потребовалось некоторое время, чтобы разобрать голоса, и еще минута, чтобы понять, о чем говорят. В данном случае речь шла о кресле, которое Шидлоф собирался покрыть новой материей.

Следующий разговор оказался гораздо понятнее: Шидлоф договаривался о визите к врачу по поводу подозрений на бурсит. И тут Данфи принесли кофе. Так внезапно, что он даже вздрогнул. Склонившись над «Перлкордером» и полностью погрузившись в прослушивание записи, он не заметил, как подошел Мигель.

— Спасибо, — сказал он немного громче, чем нужно. Сделал глоток. — Великолепно!

Третий и четвертый звонки были от студентов, просивших перенести консультации с ними на другое время. Пятый звонок, международный, был от самого Шидлофа. Данфи насчитал пятнадцать отчетливых гудков, прежде чем телефон зазвонил на противоположном конце. Затем послышался голос с выраженным американским произношением.

- «— Товарищество Джибельи.
- Алло! Говорит Шидлоф!
- Да...»

Данфи остановил магнитофон и перемотал пленку.

«— Товарищество Джибельи».

Перемотал снова.

- «— Товарищество Жилия Бекли.
- Говорит Шидлоф!
- Да, доктор Шидлоф. Рады вас слышать.
- Я звонил по поводу отосланного мной чека.
- Да, конечно, я хотел поблагодарить вас за него.
- Это был предварительный гонорар.
- Я понимаю.
- И меня интересовало, была ли у вас возможность взглянуть на письмо.
- Была.
- И?... Вы смогли составить какое-либо мнение?
- Да, конечно. Письмо абсолютно подлинное. Здесь не может быть никаких сомнений».

Наступила пауза продолжительностью пять или десять секунд.

«— Профессор?

— Да.

— Мне показалось, что со связью какие-то неполадки.

— Нет-нет, просто...

— Если хотите, я могу познакомить вас с человеком, который работает на „Сотбис“. Первоклассный специалист.

— Нет...

— Вероятно, с его помощью вы сможете получить за письмо тысячу долларов, а то и больше. Уверяю вас, вы не прогадаете».

Данфи узнал голос Бекли. Он вспомнил, что видел его в одном из ток-шоу Дианы Сойер. Эксперт говорил там о полной неаутентичности дневников Гитлера.

«— Да, я вам весьма признателен, но... в данный момент мне просто хотелось бы подтвердить подлинность писем».

На этот раз замолчал Бекли, потом вдруг воскликнул:

«— Ах, а я и не предполагал!..

— Да, речь идет о переписке. Мне казалось, я достаточно ясно дал вам понять, что высылаю лишь одно из писем.

— Признаться, я не понял.

— Ну...

— И все они... Вы утверждаете, что все они от Аллена Даллеса?

— Да. Переписка завязалась в начале тридцатых годов. Юнг скончался в шестьдесят первом. Вместе с его смертью закончилась и переписка.

— Понимаю».

Бекли снова замолчал.

«— Знаете ли, ваш интерес может стать крайне небезопасным.

— О! Что вы имеете в виду?

— Гм... Аллен Даллес был очень влиятельной персоной. Нити от него шли весьма далеко и в самых разных направлениях.

— Я понимаю, конечно, но...

— Если хотите, я мог бы взглянуть и на остальные письма.

— Очень мило с вашей стороны, но...

— Совершенно бесплатно.

— Полагаю, что это не имеет смысла».

Разговор продолжался еще примерно минуту. Бекли пытался выманить у Шидлофа остальные письма, а профессор вежливо ему отказывал. Наконец профессор повесил трубку, сказав, что у него консультация.

Данфи вспомнил телеграмму, которую видел в Особом архиве, от Магты к Карри. «Односторонне контролируемый источник... обладает материалами, имеющими отношение к файлам „Андромеда“... Кто такой Шидлоф?»

Ну что ж, по крайней мере теперь ясно, кто был «источником». Да, собственно, он и раньше подозревал. Бедняга Шидлоф обратился за советом не к тому человеку. Бекли принадлежал к тому весьма распространенному в Вашингтоне типу людей, которые никогда не порывают своих психологических связей с разведкой. Уйдя в отставку в пятьдесят, они готовы сделать все, что угодно, лишь бы продемонстрировать шпионскому сообществу свою незаменимость. Для них главное — чувствовать себя «своим» и оставаться «в игре».

Поэтому Бекли не задумываясь заложил своего клиента Отделу безопасности Управления в обмен на простое «похлопывание по спинке». Да, кстати, подумал Данфи, дождался ли он его или подобно Шидлофу уже давно превратился в корм для рыбок? Джек предпочел бы для него последнее.

Подняв голову от магнитофона, он сделал знак Мигелю, чтобы тот принес ему еще один эспрессо, и огляделся по сторонам. К своему удивлению, он обнаружил, что в баре уже давно не один. За столиком на веранде сидела молодая пара и оживленно беседовала о чем-то. А у стойки, повернувшись ко всем спиной, какой-то мужчина молча пил пиво. Превосходная рубашка, подумал Джек, придя в восторг от ее цвета — оригинального оттенка синего кобальта.

Затем он повернулся и бросил взгляд на пляж, надеясь увидеть Клементину. Ее там не было. Десятки других отдыхающих плескались в воде и ныряли, по меньшей мере еще сотня загорала на песке, многие — обнаженными. Кто-то спал, другие читали, нежась на солнышке.

В отличие от него. Здесь, в баре, было прохладно. И даже немного сыро.

Данфи поправил наушники, нажал кнопку воспроизведения и снова начал слушать запись.

Шидлоф заказывает билеты на матч. Шидлоф отменяет визит к зубному врачу. Шидлоф сочувствует своему коллеге по поводу совершенно нестерпимой академической нагрузки. И вдруг Шидлоф набирает какой-то номер, и ему отвечает жизнерадостный голос:

«— Алло, алло?

— Доктор ван Ворден?

— Просто Эл, большое спасибо!

— О! С вами говорит Лео Шидлоф из Кингз-колледжа.

— Да?

— Я надеялся, что смогу с вами встретиться.

— О?

— М-м... Дело в том... я полагал, что в случае, если Вы будете свободны, мы могли бы вместе пообедать».

Пауза, после которой Шидлоф переходит к решительным действиям:

«— Меня заинтересовало „Общество Магдалины“.

Ван Ворден усмехнулся:

— В самом деле?!

— Да. И... ух-х... насколько я понимаю, вы один из тех немногих, кто мог бы просветить меня на его счет.

— Ну да... думаю, что вы правы, но... вы историк?»

Появился Мигель с новой порцией эспрессо для Данфи и бесшумно поставил кофе на стол.

«— Я психолог.

— Ах, понимаю.

Долгая пауза.

— Хотя на самом деле скорее нет. Какой интерес оно может вызвать у психолога? Оно же исчезло лет двести назад!

Шидлоф молчит.

— Профессор?

— Да?

— У меня возник вопрос, зачем психологу...

— Потому что я совсем не уверен в том, что оно действительно...

— Действительно что?

— Действительно исчезло.

На сей раз замолчал ван Ворден. После долгой паузы он произнес:

— Ну что ж, в таком случае нам действительно нужно с вами пообедать».

«Кто такой ван Ворден?» — подумал Данфи. Какой-то профессор. Наверное, преподаватель истории. В любом случае кто-то такой, кто знал достаточно об «Обществе Магдалины», чтобы Шидлоф решил обратиться к нему за советом.

Он перемотал пленку на момент начала разговора. Услышал звук набора номера — семь цифр и затем жизнерадостный голос ван Вордена: «Алло, алло?» Значит, это был местный звонок из дома Шидлофа. По-видимому, ван Ворден живет где-то в центре Лондона.

Данфи подумал, что номер ван Вордена, вероятно, можно найти в лондонском телефонном справочнике, когда до него донесся приглушенный вскрик. Он поднял глаза, что-то мелькнуло слева от него, но он не разобрал что. Когда он повернулся, то застыл от неожиданности и ужаса: человек, сидевший у стойки, саданул Мигеля бутылкой по голове. Затем бита или кирпич или что-то еще ударило самого Данфи, мир мелькнул у него перед глазами яркой вспышкой молнии, затем стал быстро гаснуть, а Джек с грохотом повалился на выложенный плиткой пол. Наушники упали, вопль становился все громче, переходя в страшное завывание. Данфи неловким движением сунул руку за пояс, пытаясь нащупать пистолет, который вручил ему Бойлан. Он уже почти вытащил его, когда носок чьей-то ноги врезался ему в поясницу, а затем в плечо, и снова удар по почкам. Теперь уже кричали два человека. По прошествии нескольких мгновений Данфи понял, что второй кричащий — это он сам. И тут еще один удар в ребра, и он перевернулся, но успел выхватить пистолет и начал стрелять. Он стрелял не целясь, не зная, сколько людей вокруг него и попал ли он в кого-то. Он полз по полу на спине, стараясь увернуться от ударов туфли. Кто-то истерически орал. И он тоже кричал.

Потом что-то случилось у него с головой. Все завершилось каким-то тихим щелчком и потоком мелких ярких искр.

Данфи было дурно. Казалось, одинаково дурно было всем частям его тела: желудку, голове. В нижней части ощущалась такая боль, что создавалось впечатление, будто она сломана, а грудная клетка вся состоит из осколков.

Он сидел где-то, опустив голову, уставившись на колени, боясь поднять взгляд. Боясь даже дышать. Тяжелой волной накатила тошнота, и он рыгнул. Мгновенно мир сделался зримым.

Судя по окружению, он находился в какой-то мастерской. Вокруг мигали и жужжали флуоресцентные лампы, а воздух наполнял резкий неприятный запах. По-видимому, протрава для древесины. В голове пульсировала боль, так, словно кто-то непрерывно сжимал и отпускал ее, сжимал и отпускал. Почти против воли он оторвал глаза от колен, посмотрел вверх и увидел...

Мебель. Много мебели. И рулоны тканей. Какую-то проволоку и пружины. Обивочный цех. И тут неспешно, как будто откуда-то издалека комнату наполнил хлопающий звук. Данфи повернулся в сторону этого звука.

В роскошном, даже, пожалуй, слишком роскошном зеленом кресле сидел Роже Бламон и медленно аплодировал, настолько медленно, что эхо от каждого хлопка успевало угаснуть прежде, чем он ударял в ладони в очередной раз. Он улыбался и, как всегда, одет был безупречно. Часы «Брайтлинг», идеально отутюженные брюки и... рабочая рубашка.

За стойкой, когда Джек слушал телефонные разговоры Шидлофа, сидел тоже он. Данфи видел его, но только со спины, а теперь...

— У тебя вид хуже, чем у дерьма, — заметил Бламон.

С уст Данфи сорвался еле различимый стон.

— Un vrai merdiers.^[65]

Данфи услышал чей-то смешок и обернулся. Там, в ботинках и кожаной куртке, откинувшись на спинку дивана, сидел Качок, наблюдая за Данфи с нескрываемым любопытством. А в кресле рядом расположился эльзасец с непроницаемой физиономией.

«Но почему здесь?» — подумал Данфи, оглядываясь. И тут он все понял — белый флаг, словно значок, который иногда носил Бламон, свисал над загроможденным всяким хламом верстаком. А на флаге на сине-золотом поле лозунг «Contre la boue».^[66] Кажется, у Бламона есть друзья даже на Канарах.

Инстинктивно Данфи попытался встать, сжав зубы, чтобы побороть боль, но напрасно. Руки у него были связаны за спиной.

— Знаешь что, Керри... — начал Бламон негромким голосом.

— Меня зовут не Керри, — пробормотал Джек.

Бламон усмехнулся:

— Меня не колышет, как тебя там зовут на самом деле.

— А зря, — откликнулся Данфи. — Не зная моего настоящего имени, ты не сможешь вернуть свои деньги.

— А-а-а-а! — воскликнул корсиканец, словно вспомнил нечто существенное. — Деньги. Я сказал Марселю: «Мы побеседуем о деньгах, мы с Керри». — Он бросил взгляд на Качка. — Ведь я так сказал?

Громила кивнул и закурил небольшую сигару.

Все еще улыбаясь, Бламон прошел по комнате, опустился на корточки перед Данфи и заглянул ему в глаза.

— Почему ты взял мои деньги? — спросил он.

— Мне они были нужны, — ответил Данфи. — У меня были серьезные проблемы.

— Были?

Данфи отвернулся. По всему телу растекалась страшная боль, но он понимал, что это только начало. Бламон собирался из него мозги вытрясти. Джек видел, что его ожидает, по выражению глаз корсиканца.

— А ведь сумма-то очень приличная, — заметил Бламон. — И не только основной капитал, но и проценты. N'est-ce-pas?^[67]

Данфи вздохнул.

— А кроме процентов, есть также... — Бламон нахмурился. — Как говорится, le dessous de table?

— Взятка, — подсказал Качок.

— Точно.

— Какая взятка? — спросил Данфи.

— Секретарше, — ответил Бламон. — В Сент-Элье. А как, ты думаешь, нам удалось тебя найти?

Значит, он был прав. Великолепно.

— Ну и другие расходы, конечно. Марсель и Люк. Им тоже нужно платить гонорар, как ты понимаешь. У них имеются свои расценки. И немалые! А цена билетов на паром? На самолет? За номера в гостинице? Оплата обедов в ресторанах? Ведь они тоже должны что-то есть.

Данфи перевел взгляд с Бламона на Качка, а с него на эльзасца.

— Эй, — сказал Бламон тихим ворчливым голосом. — Я здесь.

Но Данфи не мог оторвать взгляда от эльзасца: тот сидел сгорбившись в широком мягком кресле и злобно таращился на Джека. Данфи сначала решил, что этот взгляд пронизан ненавистью, что эльзасец смотрит на него так, как смотрят друг на друга враги, встретившиеся в многолюдном зале. Но затем он заметил что-то красное и понял, что дело совсем не в нем. Эльзасец истекал кровью, прямо там, в кресле. А взгляд его был взглядом человека, сосредоточенного на том, чтобы не умереть, удержать в себе жизнь, ускользающую из тела вместе с кровью.

«Черт побери их всех! — подумал Данфи. — С меня хватит!»

Бламон тоже посмотрел на эльзасца и вновь издал тот громкий возглас внезапного понимания истины, с которого начиналась их беседа:

— А-а-а-а-а! Я вижу, в чем дело! — воскликнул он. — Ты думаешь, что если Люк passé,^[68] то ему нет необходимости платить? — Бламон состроил гримасу презрения. — Логичный вывод. Но ведь с Люком все будет в порядке, ведь так, Люк?

Люк издал какое-то нечленораздельное бормотание, которое, по-видимому, должно было выражать сомнение.

— Что случилось? — спросил Данфи.

На физиономии Бламона появилась насмешливая гримаса.

— Ты его пристрелил.

Джек не смог скрыть удивления.

— Ты падал, — объяснил Качок. — И пару раз выстрелил. И попал в него.

— Он же умирает, — сказал Данфи.

Бламон отмахнулся.

— С ним все будет в порядке.

— Он истекает кровью.

— Нет. Он в превосходной форме. — Бламон приблизился к Джеку вплотную и едва слышно произнес: — Ты его испугаешь.

Ничего смешнее за сегодняшний день Данфи не слышал, но ему было явно не до смеха.

— Послушай, я могу вернуть тебе деньги.

Бламон безразлично кивнул:

— Я знаю.

Качок что-то пробормотал себе под нос и швырнул недокуренную сигару на пол. Затопав ее, он повернулся к Бламону:

— Pourquoi juste ne le détruisons?..^[69]

Данфи почти ничего не понял. Его познания во французском были в лучшем случае посредственными. «Почему мы не... что-то... что-то...»

— Soyez patient,^[70] — сказал Бламон. После чего повернулся к Данфи и пояснил: — Он хочет тебя убить.

Джек бросил взгляд на Качка.

— Но почему? Ведь я даже его не знаю.

И снова Бламон приблизился вплотную к Данфи и прошептал:

— Потому что он считает, что ты убил его дружка. И знаешь что? Между нами? Мне кажется, он прав.

Бламон расхохотался.

И тут до Данфи дошло. Белокурый и Качок были не просто «командой», а чем-то бóльшим — они были «семьей».

— Послушай. — Джек попытался придать беседе деловой характер. — Я могу вернуть тебе деньги. И не только те, которые лежали в банке. Остальные тоже.

— Остальные? И сколько ты потратил? — спросил Бламон.

Мгновение Данфи колебался, затем солгал:

— Двадцать тысяч. Возможно, двадцать две.

— Фунтов?

— Долларов.

Бламон покачал головой, видимо, размышляя о чем-то, потом сказал:

— Ответь-ка мне на один вопрос.

— На какой?

— На что у тебя ушло так много времени?

Данфи не понял, что он имеет в виду.

— О чем ты? — спросил он.

— Прежде чем ты забрал деньги, ты ведь уже скрывался несколько месяцев.

Данфи задумался, не зная, какую часть правды открыть Бламону. Наконец он пожал плечами и ответил:

— Я был в Штатах. И просто не мог выехать оттуда.

Бламон погрозил ему пальцем.

— Не морочь мне голову.

— Я говорю правду.

— Ты от кого-то скрываешься, — сказал Бламон. — И не только от меня.

Данфи промолчал.

— Мы ходили к тебе в офис, — продолжал Бламон. — Ничего. И к тебе на квартиру. То же самое. И я подумал, мой дружок Керри забрал не только мои деньги, а деньги всех своих клиентов. Но нет, я ошибался. Я пошел к Кроллу. Ты ведь знаешь Кролла?

Данфи кивнул.

— Контора сыщиков?

— Верно. Я пошел к нему — двести баксов за час, — и знаешь, что они мне поведали? Что ты украл только мои деньги. Больше никто не жалуется. С остальными ты был чист и честен. Почему так получилось?

— Я взял только необходимое, — ответил Данфи.

— И тебе нужно было никак не меньше полумиллиона баксов?

— Да. Именно.

Бламон мгновение выдерживал взгляд Джека, затем замотал головой, словно хотел прочистить ее.

— Значит, тебе нужно было много, очень много зеленых. Но почему ты попытался решать свои проблемы именно за мой счет?

— Потому что... — Потому что ты сволочь, подумал Данфи, но вслух сказал: — Потому что деньги были под рукой. На счете. Их было нетрудно получить. Вот и все.

— Ты хочешь сказать, у тебя создалось впечатление, что их нетрудно заполучить, — поправил его Бламон, и Данфи кивнул. — Ну а теперь ответь-ка мне, от кого ты скрываешься, кроме меня?

Данфи покачал головой.

— Не от полиции, — размышлял вслух Бламон. — По крайней мере не от лондонской. Итак, от кого?

— Какая разница? Ведь речь не обо мне. Речь о тех деньгах, которые я взял.

— Отнюдь, речь не только о деньгах, — возразил Бламон.

Джек бросил на него скептический взгляд.

— Речь идет о дружбе, — продолжал корсиканец, его голос был пронизан такой лживой проникновенностью, что им можно было бы озвучивать рекламную телекомпанию в поддержку «Хезболлы».

Данфи был готов рассмеяться.

— Ты же в таком дерьме... — пробормотал он.

Бламон ударил его. Джека никогда так раньше не били. От удара у него с громким хрустом сломался нос, и густая струя крови залила рубашку. У Данфи перехватило дыхание, из глаз посыпались искры, и все вокруг мгновенно потемнело. Через какое-то время Бламон приподнял его за подбородок и произнес:

— Pardon.

Кровь из носовых пазух лилась в горло Джеку, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы сплюнуть ее. С большим трудом он проговорил:

— Я что-то не то сказал.

Бламон улыбнулся.

Данфи откинул голову назад в напрасной попытке остановить кровь.

— Eh, bien, — сказал Бламон, вынимая из кармана рубашки пачку сигарет.

Закурив одну из них от инкрустированной серебром зажигалки «Зиппо», он глубоко

затянулся, а затем выдохнул на Джека облако дыма.

— Да, такое случается, — продолжал он. — Но ведь наши совместные обеды... Боже, Керри, как мы смеялись!

— Всего пара обедов. Ничего серьезного. Особо дружеских отношений между нами никогда не было.

— Но что все-таки случилось? — произнес Бламон жалобным голосом, словно разговаривал с обманувшим его возлюбленным.

Данфи вяло покачал головой. Глубоко вздохнул.

— Это очень сложно объяснить.

Корсиканец отмахнулся от его довода, презрительно фыркнув.

— У нас много времени. Целый день. Рассказывай.

Данфи вздохнул. Он понимал, что Бламон играет с ним. И все же чем дольше они будут болтать, тем лучше для него. Ведь Томми и Бойлан уже, несомненно, начали его разыскивать. В баре была перестрелка. На полу остались следы крови.

— Меня зовут Джек Данфи, — произнес он глухим и слабым голосом. — А не Торнли. Я не ирландец, а американец. — «Мне все ему рассказывать?» — задался вопросом Джек. И ответ пришел сам собой: да, а почему бы и нет? И какая вообще разница?

Бламон наклонил голову, демонстрируя легкое любопытство. Он слушал не очень внимательно, заливая в зажигалку жидкость из маленького баллончика для заправки зажигалок фирмы «Ронсон».

— Тот мой лондонский бизнес... моя компания... — Из-за сломанного носа ему становилось все труднее дышать.

Бламон выдавил тонкую струйку бензина на прокладку в нижней части зажигалки.

— Ну и?..

— Была прикрытием.

На какое-то мгновение Бламон растерялся.

— Прикрытие? Ты хочешь сказать...

— Только фасад.

— Для кого?

— Для ЦРУ.

Качок громко хохотнул, выразив тем самым свое полное недоверие к словам Данфи.

Бламон с невозмутимым выражением лица продолжал заряжать свою зажигалку. Наконец он завершил эту процедуру, щелкнул ею раз, потом другой и взглянул Джеку прямо в глаза.

— Ты что, меня совсем за дурака держишь? — Данфи покачал головой. — Ты думаешь, я здесь, чтобы развлекать тебя.

— Нет!

— Потому что если я начну...

— Не стоит!

— Мы можем все закончить. Прямо сейчас! Хорошо? Хочешь? — Голос корсиканца становился все громче, одновременно росло и его озлобление. — Ты к этому стремишься? Ну что ж, получишь!

— Послушай, — произнес Данфи, но не смог продолжать, так как Бламон начал разбрызгивать по его рубашке жидкость для зарядки зажигалок, словно он был Джексоном Поллоком,^[71] а Данфи — его холстом. — О Боже! Роджер...

Все заняло одну секунду. Бламон наклонился вперед со своей «Зиппо». Затем последовал щелчок, вспышка света, и волна синевато-желтого пламени взметнулась вверх к лицу Джека. Ослепленный ею и слишком потрясенный даже, чтобы кричать, он просто сдавленно захрипел. Жар... И вдруг так же внезапно, как появилось, пламя погасло.

Бламон и Качок хохотали.

— Посмотри-ка, какой дым! — воскликнул корсиканец, похлопав пальцами по рубашке Данфи. — Он дымится! — Он втянул воздух, глянул на Качка и ухмыльнулся. — *Peux-tu sentir les cheveux?*^[72]

В ответ раздалось хихиканье.

— О Господи!.. — процедил Данфи сквозь зубы. — Что тебе нужно?

Бламон сделал усилие, чтобы выглядеть серьезнее, откашлялся и нахмурился, подавив желание расхохотаться. После чего заговорил тихим голосом, пародируя искренний и доверительный тон:

— Признаться, Джек, мне хочется подвергнуть тебя нескольким разнообразным пыткам.

И Бламон с Качком снова громко расхохотались.

Сердце Данфи стучало, словно африканский барабан. Он не знал, что задумал корсиканец: будет ли он бить его, колоть или просто подожжет? «Как было бы хорошо, если б я сейчас умер от сердечного приступа», — подумал Джек. Прямо здесь. Но он прекрасно понимал, что ничему подобному не суждено случиться. Поэтому попытался высвободить связанные руки, и, к его удивлению, веревки поддались, совсем немного, но поддались.

— Это был только... — Бламон щелкнул пальцами, подыскивая определение поточнее, затем сухо усмехнулся. — Разогрев. — И снова дико и грубо расхохотался.

Он свихнулся, подумал Данфи.

— Посмотри-ка сюда!

Бламон взял что-то похожее на электродрель. От нее шел длинный оранжевый шнур к механизму, стоящему на полу, а тот был подключен к розетке в стене. Наклонившись, корсиканец нажал на выключатель, расположенный на боковой панели механизма, и мгновенно помещение наполнилось нестерпимым гулом вибрирующего воздушного компрессора.

— Мой дед был плотником! — крикнул Бламон, пытаясь перекрыть грохот машины. — В Аяччо!

Данфи еще раз повертел руками и отвернулся. Ему не хотелось знать, что собирается делать Бламон, так как, что бы он ни придумал, он в любом случае собирался испытать это на Джеке.

— Я видел, как он работает! Очень не... — Компрессор выключился. — Очень неплохо. — Внезапно в комнате воцарилась мертвая тишина. — Конечно, в те времена еще не было пневматических молотков. Все делалось вручную. Но с помощью такой штуки... — Бламон направил инструмент на Данфи и с садистской улыбкой нажал на кнопку включения.

Шшшшшшш!

Звук напомнил Данфи отключение пронзительно звонящего будильника, и в то же мгновение у него за спиной в стену вонзился гвоздь. И, к ужасу Джека, не отскочил.

— С помощью этой штуки я могу целый день без усталости забивать гвозди. Действует как кувалда. Гвоздь так легко и мягко входит в стену. Давление — сто фунтов на дюйм. —

Мгновение он помолчал, нахмурившись. — Конечно, существует масса разных видов гвоздей: длинные гвозди, короткие гвозди, обивочные гвозди, кровельные гвозди. — Он поднял то, что на первый взгляд напоминало патронташ, набитый двухдюймовыми гвоздями. — Здесь отделочные гвозди, — пояснил Бламон, вставляя их в пневматический молоток. — Комплект из ста штук.

Данфи сидел неподвижно, вцепившись ногтями в узлы веревки за спиной. Он чувствовал, как кровь струйкой течет у него по лицу, а Бламон тем временем снова поднял пневматический молоток, целясь теперь немного ниже. Данфи большим и указательным пальцами правой руки крутил узел.

Бламон упивался своими садистскими фантазиями.

— Те, что с большими шляпками, — обивочные. Но вот у этих практически совсем нет шляпки. Посмотри. — И он нажал на крючок.

Данфи инстинктивно согнулся, когда гвоздь вонзился ему в голень, пройдя мимо большеберцовой кости к икроножной мышце. Боль была оглушительная, от нее перехватывало дыхание, словно иглу шприца на всю длину загнали в ногу, а затем вынули с другой стороны. Вопль ужаса и боли огласил помещение. Его издал Данфи.

— У-у-у-у! — передразнил его Бламон.

Данфи содрогнулся, он ощутил страшную слабость, ему внезапно стало холодно. Наклонившись вперед, он увидел на штанине маленькую аккуратную дырочку. И пятно крови. А за спиной его пальцы продолжали лихорадочно возиться с веревкой.

У него уже появилась надежда. Тот, кто связывал ему руки, явно не был моряком. Вместо того чтобы завязать один крепкий узел, веревку несколько раз обмотали вокруг кистей рук и запястий, а потом заплели в квадратные узлы. Один из них из-за постоянного шевеления пальцами уже развязался, и Данфи почувствовал, что оковы немного ослабли. Джек даже мог пофантазировать насчет, что еще небольшое усилие — и он будет свободен.

Бламон обеими руками поднял пневматический молоток, чем напомнил полицейского-убийцу из ночного телесериала, а затем медленно его опустил, оглядев ствол.

— Les bijoux de famille...^[73] вот уж действительно серьезный выстрел.

Шшшшшшш!

Гвоздь распорол Джеку бедро пониже ягодицы, вызвав очередной крик муки и ужаса, Бламон радостно улюлюкал, а Качок широко торжествующе улыбался.

— Roger, laissez-moi essayer,^[74] — попросил Качок.

— А почему бы и нет? — ответил Бламон и швырнул ему свое оружие. А сам повернулся к верстаку обойщика в поисках какого-нибудь другого интересного инструмента для продолжения «игры».

Качок с кривой улыбкой подскочил к Данфи.

— Ну, что предпочитаешь? — спросил он.

Данфи сделал глубокий вдох и отвернулся. Что бы он ни говорил, они все равно замучают его до смерти. В мольбах и проклятиях не было никакого смысла. Что бы он ни сказал, боль от этого не станет меньше. Поэтому он решил молчать, а руки его продолжали трудиться, развязывая узлы.

Качок внимательно рассматривал инструмент, которым сейчас собирался воспользоваться. Затем повернулся к Бламону.

— А ты не позволишь мне пригвоздить его couilles^[75] к стулу? — спросил он.

Бламон захихикал.

— Ну тогда отдай нам ключи.

И вновь Данфи отрицательно покачал головой.

— Я, конечно, могу отдать ключи, но это не поможет. Если твоего имени нет в списке владельцев сейфов, ты все равно не сможешь его открыть, есть у тебя ключ или нет. Тебе позволят открыть сейф только при наличии у тебя ордера из полиции.

— Но откуда они узнают...

— Посмотрят твой паспорт.

Бламон задумался.

— Мы можем поехать туда вместе, — предложил Джек.

Бламон покачал головой.

— С тобой будет трудно справиться на людях.

— Но это единственный выход, — возразил Данфи.

— Вот как? А как насчет девушки? — спросил Бламон.

Данфи сделал вид, что не расслышал его слов.

— Обещаю, что у вас со мной не возникнет никаких проблем, — заверил он корсиканца.

— А как все-таки насчет девушки? — повторил Бламон.

— Какой девушки?

Корсиканец с размаху ударил его по щеке.

— Ты что, меня дурачить собрался?! — воскликнул он, злобно вращая глазами. — Я говорю о твоей сучке, о Верушке.

— А-а, — отозвался Данфи, помотав головой, словно стараясь прочистить ее. — О ней...

Бламон несколько раз сжал и разжал правую кисть, стараясь успокоиться.

— Она ходила для тебя в банк в Цюрихе, — произнес он уже более спокойным тоном, — когда тебе удалось ускользнуть от моих друзей в отеле.

— На Банхофштрассе, — подсказал Качок. — В «Швейцарский кредит».

— Значит, ее имя есть в списке, — сделал вывод Бламон.

Данфи кивнул.

— Да, — подтвердил он. — Ты прав. Я забыл.

— Значит, она может получить деньги.

— Я ей позвоню, — предложил Данфи. — Она, наверное, в «Сломанном побеге» ждет.

Бламон лукаво улыбнулся:

— Не думаю.

— Если ты беспокоишься из-за полиции...

Бламон покачал головой.

— Всегда лучше свои дела устраивать самому.

В течение следующего часа произошли три события: Качок ушел покупать магнитофон; Данфи развязал последний узел на руках; Люк испустил дух.

Это третье событие прошло почти незамеченным. Люк вдруг как-то странно дернулся в своем мягком кресле, а затем откинулся назад с тихим хрипом в горле. Услышав едва различимое бульканье, Данфи повернулся к нему как раз вовремя, чтобы заметить, как расслабились мышцы на лице умирающего и закатились глаза.

Бламон стоял за верстаком, повернувшись спиной к Данфи и Люку.

Джек кашлянул.

— Я слышал, — отозвался корсиканец, не поворачиваясь. — C'est triste.^[77]

Качок вернулся минут через десять с дешевым «Сони» со встроенным микрофоном. Взглянув на эльзасца, он сразу все понял, подошел к нему и осторожно закрыл глаза. Затем с громким стоном повернулся и бросился на Данфи, но Бламон вовремя остановил его, схватив за руку, и что-то шепнул на ухо по-французски. Внимательно выслушав его, Качок кивнул, сделал глубокий вдох и с шумом выдохнул.

— Eh, bien,^[78] — сказал он и прислонился к верстаку.

Бламон подошел к Данфи с магнитофоном в руках.

— А теперь вот что мы решили, — произнес он. — Ты говоришь своей девчонке, чтобы ехала в Цюрих вместе с Марселем. Как только они получают деньги, я сразу тебя отпущу. А до тех пор ты будешь здесь со мной.

Данфи попытался вывернуть план корсиканца наизнанку:

— А если Марсель обманет тебя и сбежит с деньгами?

Бламон решительно отмахнулся от предположения Джека, энергично покачав головой.

— Не сбежит! — отрезал он. — Я знаю, где он живет. И он знает, что я знаю... не так ли, Марсель?

Француз что-то пробормотал в ответ.

— После того как я запишу свою просьбу на пленку, — сказал Джек, — вы оставите меня в живых, потому что... Кстати, почему? Вот эту часть нашего договора я как раз и запомнил.

Бламон раздраженно взмахнул руками, как будто ответ на вопрос Данфи был очевиден даже идиоту. Но, видя, что Джек никак не реагирует на его эмоции, он сказал:

— Деньги!

— Какие деньги? — переспросил Данфи смущенно.

— Остальные деньги. Те, которые ты мне должен. Ты сам сознался, что потратил двадцать штук. А я полагаю, что двадцать две. И я тебе еще сказал, что мы только начинаем сводить наши счета. Ведь я начислю тебе процент и расходы на преследование и поимку. Только когда я выясню, сколько денег осталось в Цюрихе, я пойму, сколько тебе еще придется заплатить.

Он прав, подумал Данфи. Если Бламон когда-нибудь и сможет получить все свои деньги назад, то только от Джека. Это, конечно, чистейшие предположения, потому что полной суммы он, естественно, никогда не вернет, так как у Данфи ее нет и скорее всего никогда не будет. Однако Бламону пока ничего не известно.

— Ладно, — согласился Джек, — я сделаю, как вы просите. Итак, что мне говорить?

— Что с тобой все в порядке. Что не нужно тебя разыскивать. Скажи ей, чтобы ехала в Цюрих с Марселем. Как только она передаст ему деньги, ты будешь свободен. — Бламон испытующе взглянул на Джека. — Согласен?

Данфи снова задумался. В конце концов он понял, что ему ничего не остается, кроме как согласиться. Он кивнул, и Бламон поднес крошечный магнитофон ко рту Данфи, нажал кнопку записи и прошептал:

— Говори.

Данфи откашлялся и произнес в микрофон:

— Верушка, это Джек. Со мной все в порядке, но мне необходимо, чтобы ты кое-что для меня сделала...

Закончив запись, Бламон перемотал пленку и отставил магнитофон в сторону. Затем

повернулся к Качку и шелкнул пальцами.

— Теперь можно перейти к делу, — сказал он.

Перемена настроения Бламона застала Данфи врасплох, но смысл ее очень скоро стал понятен.

— У тебя нет никаких денег, Джек. Если бы они у тебя были, Кролл нашел бы их. Я могу держать пари, что потратил ты гораздо больше, чем двадцать штук. Ведь так?

Пальцы Данфи продолжали сражаться с петлями веревки за спиной.

— Поэтому нам придется вытащить их из тебя, — продолжал Бламон, — а так как это значительно больше, чем ты стоишь, я полагаю, мы будем вынуждены вытащить из тебя все. Что скажешь, Марсель?

Качок ослабился.

Бламон, не торопясь, прошествовал к верстаку, где его ожидал кусок электропровода.

— Повешение было бы весьма интересно, — сказал он, затем помедлил и отбросил провод. — И все-таки...

Корсиканец взял кусок трубы длиной примерно три фута и диаметром в дюйм. Данфи поначалу подумал, что они забьют его до смерти своей трубой, но потом увидел, что она снабжена парой подвижных зажимов, расположенных на расстоянии фута друг от друга. У него ушло несколько секунд, чтобы понять, для чего предназначен данный инструмент. Потом до него дошло. Труба представляла собой портативные тиски, которые носят с собой плотники, чтобы удерживать деревянные детали, пока не высохнет клей.

Бламон как-то странно смотрел на него, словно оценивая, и вскоре Данфи понял, что он как раз именно этим и занимался.

— Я могу ими расколоть тебе череп, — сказал Бламон, примеривая зажимы к голове Данфи. — Какой у тебя рост? Примерно шесть с половиной?

Джеку уже удалось практически полностью распутать веревку, которая связывала ему руки, но они были скручены таким образом, что он пока не мог полностью их высвободить. Отчаянно, но стараясь не выдать себя никаким лишним движением, он дергал и тянул за веревку. Пот градом катился по щекам и телу.

С недовольной гримасой Бламон отбросил трубку на верстак и снова взял пневматический пистолет.

— Слишком много работы, — сказал он. — А с помощью этой штуки мы сможем сделать из тебя настоящую *pelote d'épingles*.^[79] Как ты думаешь?

Корсиканец махнул своим инструментом в сторону Джека, и тот невольно отпрянул.

Он никогда раньше не слышал словосочетания «*pelote d'épingles*», но при данных обстоятельствах о его значении было нетрудно догадаться.

— Сто выстрелов, — продолжал Бламон, — или около того. Нет, определенно меньше. — Он постучал пневматическим молотком по левой руке. — Сколько времени пройдет, прежде чем ты умрешь, как Люк, от потери крови?

Данфи сжал веревку у себя за спиной, затем высвободил пальцы правой руки. Это заняло у него всего мгновение, еще одно усилие — и он свободен. Он держал веревку за спиной, сохраняя совершенно невозмутимое лицо, словно ничего не изменилось.

«И что теперь?» — подумал он, как только прошло первоначальное радостное ощущение. Даже если бы Джек находился в лучшей своей форме, все равно с Бламоном ему было бы трудновато справиться. А Джек был далеко не в идеальном состоянии. У него сломан нос, и он потерял довольно много крови. Ему сломали ребра, а боль в спине и

пояснице заставляла заподозрить почечное кровотечение. Кроме того, в теле у него все еще оставались гвозди. И из-за них любое движение причиняло боль. Поэтому в случае столкновения (а такое было неизбежно, если бы он сейчас показал им, что ему удалось развязать веревки) Бламон станет настоящей проблемой.

Что касается Качка, то... о Боже! это был настоящий шкаф из мышц и тестостерона. Чтобы свалить его, пушка нужна.

Бламон повернулся к своему сообщнику.

— Dites-moi, — произнес он. — Que pensez-vous? Le pistolet ou la corde?^[80]

Качок улыбнулся и что-то тихо ответил на своем родном языке. Данфи не понял, что он сказал, но Бламон быстро перевел:

— Он говорит, что нам не стоит тебя убивать.

Пожав плечами, Бламон отложил пневматический молоток на диванные подушки тыквенного цвета, скрестил руки на груди и стал наблюдать.

Некоторая озадаченность Бламона обеспокоила Данфи значительно больше, чем пневматический молоток. И его беспокойство переросло в настоящий ужас, когда он увидел, что Качок взял пильные козлы и перенес их к тому месту, где сидел Данфи. Продолжая улыбаться, он что-то сказал Бламону по-французски и поставил козлы на расстоянии нескольких футов от Джека.

— Ты по-английски говоришь не хуже, чем я, — обратился Бламон к Качку. — Скажи ему то же самое на его языке.

Качок улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Бламон прищурился.

— Он сказал, что может сломать тебе хребет на этих козлах.

У Данфи отвисла челюсть.

— Как тебе нравится его предложение? — спросил Бламон.

У Данфи все внутри перевернулось.

— Ты просто больной сукин сын — вот что я думаю, — ответил Джек, пытаясь найти в себе силы и мужество, чтобы пошевелиться. Если он будет двигаться достаточно быстро, то, вполне вероятно, сможет добежать до двери, а при определенном везении и выбежать на улицу.

— Мне приходилось это делать и раньше, — пояснил Качок. — На Кипре, на спор. Ублюдок потом долго трепыхался, словно рыбешка на берегу.

И он помахал ладонью, изображая движение своей жертвы.

Бламон поморщился.

— Оно похоже на выстрел! Паф! — И Качок хлопнул своими ручищами, чтобы проиллюстрировать сказанное.

Снова включился воздушный компрессор, и Бламону пришлось повысить голос, чтобы его можно было расслышать.

— Тысяча франков, — крикнул корсиканец, — если сможешь сделать это за один присест! — Он взглянул на Данфи. — Ты азартный человек? — Глаза Данфи ничего не выражали. — Нет? Ну что ж. Не мне тебя винить, — пробормотал Бламон.

— Вот увидишь! — провозгласил Качок и сделал шаг по направлению к Данфи. — По сути, здесь нет ничего сложного. — Он оглядел пленника с ног до головы. — Сколько ты весишь?

Компрессор выключился.

— Пошел ты на... — ответил Данфи, но его фраза прозвучала гораздо спокойнее, чем ему хотелось.

— Мне кажется, наверное... килограммов восемьдесят. — Качок повернулся к Бламону. — Никаких проблем! Я и с сотней кило справлюсь без труда. Одним захватом. — Он взглянул Данфи прямо в глаза и понизил голос до шепота: — Тебе это, конечно, не понравится, но у тебя будет много времени, чтобы все обдумать.

Он потянулся к ремню Джека, схватил его правой рукой, левой сжал воротник и, часто дыша, присел и наклонился вперед.

Если бы Данфи помедлил еще секунду, было бы уже слишком поздно — Качок поднял бы его вверх и затем со всего маху опустил на козлы. И его позвоночник неизбежно сломался бы, как карандаш.

Но Джек не стал ждать страшной развязки. Резко подняв голову, он нанес удар лбом по переносице Качка, разбив ему носовую перегородку, и внезапным толчком свалил противника с ног. У Бламона отвисла челюсть, когда Качок растянулся на полу, а Данфи с криком боли подскочил со стула, покачиваясь из стороны в сторону.

Он раскачивался так сильно, что ни один из его ударов не попал в цель, хотя корсиканец в ужасе отступил, скорее от неожиданности, чем из страха. С громким стуком оба рухнули на верстак. В течение какого-то мгновения Данфи одолевал Бламона, но это продолжалось недолго. Гвозди продолжали раздирать его плоть изнутри, корсиканец же был свеж и крепок. Данфи чувствовал, как убывают его силы. И тут Качок стал со стоном подниматься с пола.

«Я не справлюсь, — подумал Данфи. — У меня не хватит сил». Он схватил Бламона за горло, но корсиканец довольно успешно продолжал отбиваться от него, нанося удары в челюсть, в ухо и один раз по уже разбитой переносице. Внезапно подняв колена, Бламон врезал Джеку в пах. Вскрикнув, Данфи откатился в сторону, и Бламон ударил его еще раз, отчего Данфи отлетел к краю верстака. Ухватившись левой рукой за угол, Данфи сумел удержаться на ногах и заметил, что Бламон приближается к нему. Тогда он схватил первый попавшийся предмет, который оказался у него под рукой. Это был молоток. Данфи размахнулся и всадил его острым концом прямо в висок корсиканца.

С выражением некоторого удивления на физиономии Бламон остановился и выпрямился. Молоток так и висел, застряв у него в черепе. Подобно быку, который еще не понял, что его настигла смерть, и продолжает стоять посреди арены со шпагой в сердце, корсиканец покачнулся. Затем у него подкосились ноги, и он тяжело рухнул на пол. Судорога пробежала по телу, он еще несколько раз дернулся и затих.

И тут на Данфи с пола бросился Качок. Джеку удалось откатиться вдоль верстака. Он попытался нащупать какой-нибудь другой инструмент для защиты, но ничего не нашел. Качок ударил верстак плечом и двинул его на Данфи, а затем со страшным звериным ревом встал во весь рост и обошел верстак гораздо быстрее, чем мог это сделать Данфи в его нынешнем состоянии. Какое-то мгновение они не сводили глаз друг с друга: Качок оценивал разделявшее их число шагов — не больше трех, в голове Данфи мелькнула мысль о приближающемся конце.

Он повернулся к двери, но Качок налетел на него прежде, чем он успел привести свой план в действие. Озлобление француза было столь велико, что вместо того чтобы схватить Данфи за горло и свернуть ему шею, — а в том состоянии, в котором находился Джек, Качку это не составило бы никакого труда, — он начал просто пинать его. Удары были очень

Ему хотелось остаться на полу до тех пор, пока он не почувствует себя лучше или не умрет. Данфи казалось, будто все у него внутри переломано, и единственное, что он способен сейчас делать, — это просто лежать. Но через какое-то время его взгляд упал на знамя с надписью «Contre la boue», лежащее на верстаке, и Данфи вспомнил, что находится на вражеской территории.

За линией фронта.

Сбросив с себя безжизненное тело Качка, Джек с огромным трудом поднялся на ноги и остановился, покачиваясь из стороны в сторону, посреди погружавшегося в полумрак помещения.

Должно быть, его пытка длилась несколько часов. Почти совсем стемнело, и тень Джека тянулась по полу и по половине стены. Воспользовавшись краем кушетки, чтобы не упасть, он прошел мимо трупа Бламона к телефону, стоявшему на столике в углу комнаты. Подняв трубку, он набрал номер «Сломанного побега».

— Бойлан, — прозвучал тихий, лишенный всяких интонаций голос, почти шепот человека, ожидавшего услышать плохие новости.

— Это я, — произнес Данфи.

Ему ответило молчание, длившееся несколько секунд, а затем:

— Где ты?

Вопрос застал Данфи врасплох. Он огляделся по сторонам.

— Где ты? — повторил Бойлан.

— Не знаю, — ответил Данфи. И снова обвел взглядом помещение. — В какой-то обивочной мастерской.

— Где?

— Не клади трубку. — Данфи открыл несколько ящиков стола и в одном из них обнаружил пачку счетов, на каждом из которых стояло одно и то же название и адрес. — Кажется, это место называется «Каса тапизада». Улица Сарагоса. В Канделярии.

— Тебе так кажется, или ты знаешь наверняка?

— Нет, я предполагаю.

— Ну, тогда спроси у кого-нибудь!

— Не могу.

— Почему?

— Потому что все мертвы. Да и сам я еле жив.

Чтобы доехать туда, у Бойлана, Дэвиса и Клементины ушло полчаса. Когда они наконец прибыли, Клементина чуть в обморок не упала, увидев эльзасца с его алым кушаком и молотком, застрывшим в виске. Да и Качок был не лучше.

А при взгляде на Данфи создавалось впечатление, что он сделал прыжок «ласточкой» в пересохший пруд.

— Боже мой! — воскликнул Томми, сделавшись белым как смерть при виде своего друга. — Что случилось?

— Я поскользнулся, — ответил Данфи.

Они отвезли его в деревушку в горах, где жил один пенсионер-гинеколог, которого хорошо знал Бойлан и который подрабатывал тем, что время от времени делал аборт. Он вколол Данфи хорошую дозу кодеина и один за другим вынул из его тела все гвозди.

Однако ни сломанному носу, ни ребрам он ничем помочь не сумел.

— Нос сам заживет, — сказал он, — а что касается ребер, серьезных повреждений, по-видимому, нет. В противном случае мы вряд ли смогли бы так спокойно беседовать здесь. В общем, пока вы остаетесь самим собой, ваш случай не смертелен. Таков мой прогноз, и я в нем абсолютно уверен.

Более серьезной опасностью была инфекция. Чтобы избежать ее, доктор прописал Джеку курс мощных антибиотиков и поручил его заботам Клементины, разместив в комнатах, располагавшихся на втором этаже виллы.

Услуги врача обошлись Данфи недешево. За них, а вдобавок к ним еще за свое гостеприимство и молчание добрый доктор запросил — и без возражений получил — пять тысяч фунтов. Клементина, конечно, предпочла бы отвезти Джека в больницу в Санта-Крус, но это было исключено. «Кровавая резня в Канцелярии» — с такими заголовками на первой полосе выходили все газеты на Канарах. Репортеры не уставали повторять историю о том, что некоему французскому гангстеру «изгвоздили мозги», а второму бандиту раскрыли череп молотком. И для Данфи, истыканному гвоздями, прийти в больницу значило бы примерно то же, что явиться в полицию с повинной.

Поэтому у них с Клементиной не было другого выбора, как оставаться в доме старого врача в Маска, где они проводили большую часть времени, сидя на террасе за чтением и игрой в шахматы. Раны Джека заживали быстро и без проблем. Вскоре миновала и опасность инфекции. Только нос его стал значительно больше, чем раньше, напоминать клюв. Кроме того, наметился и прогресс в расследовании убийства Лео Шидлофа.

Однажды вечером, когда они сидели среди бугенвиллей на террасе, потягивая сангрию, Данфи пожаловался Клементине, что «после всего того дерьма, через которое нам пришлось пройти, мы все еще остаемся беглецами. И мы ведь за целый месяц ни на йоту не приблизились к истине».

— Неправда, — возразила Клементина. — Ты ведь сам говорил мне, что очень многое узнал в Цуге о Даллесе и Юнге...

— И о Паунде, — добавил Данфи. — И о том, что существует нечто, именуемое «Обществом Магдалины». Но ведь вся эта информация слишком туманна и неопределенна. Я только удвоил количество вопросов, с которых начинал. К примеру, кто такой Гомелес? Теперь ему, наверное, уже лет девяносто, если не сто. И апокриф... Какое он имеет ко всему отношение? Уже не говоря о Шидлофе. О нем отдельный разговор. У меня все больше складывается впечатление, что я задаю неверные вопросы. Если хочешь знать правду, я бы предпочел вернуться на шесть месяцев назад.

— Ты говоришь ерунду, — ответила Клементина.

— Почему это?

— Потому что в прошлое вернуться нельзя.

— Почему же?

— Ну, ты помнишь своего друга, того, которого звали Роско?

Да, конечно, она права. В одну реку невозможно войти дважды, особенно если того, к кому ты был не совсем безразличен, задушили выше по течению. Данфи вздохнул:

— Ну и что теперь делать?

Клементина покачала головой:

— Делать нечего. У тебя просто нет выбора.

Накануне их отлета из Маска в Лондон, где Джек надеялся отыскать ван Вордена, Клементина принесла ему письмо, которое она нашла во время сборов.

— Оно было в твоих спортивных штанах. Наверное, ты привез его из Цуга.

Данфи взглянул на почерк и кивнул. Он практически забыл о нем. Письмо было датировано 19 апреля 1946 года.

Мой дорогой Карл!

Приношу свои извинения за промедление с ответом на Ваше последнее сообщение. Мы с братом практически непрерывно работаем над созданием послевоенной инфраструктуры ради достижения тех геополитических целей, которым посвятили свою жизнь. Возвращение Иерусалима евреям, как мне кажется, вполне законное устремление, которое очень легко обосновать и которое может и должно стать составной частью внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов. И здесь мы не должны останавливаться ни перед какой дестабилизацией ситуации внутри данного региона, которая может иметь место в ближайшее время. По крайней мере наша деятельность основывается на высоких нравственных принципах, и это, как всегда, служит великим утешением для меня.

Объединение Европы — лошадь совсем другой масти. Советы сделают все, чтобы его не допустить, что приведет к новой серьезной конфронтации. Однако у меня нет ни малейших сомнений относительно того, что мы выйдем победителями. Единая Европа, с моей точки зрения, есть лишь вопрос дипломатических и военных усилий.

Значительно более сложной задачей является непосредственное воздействие на коллективное бессознательное путем распространения архетипических образов, описанных в апокрифе. Воссоздать Сион — это одно. Новое государство очень скоро станет таким же, как и все другие. Но как мы сможем создать мир, в котором

в полях лежат растерзанные звери,
загадкой стали письмена из знаков,
и призраки явились в небесах.

Задача трудная, но, как мне кажется, вполне выполнимая. В Бюро стратегических служб мы разработали технологию, которую назвали «пси-оп». (Предлагаю предоставить решение названной проблемы мне.)

Аллен.

Джек дважды перечитал процитированные в письме строки, потом обратился к ним в третий раз: «...в полях лежат растерзанные звери», а ведь действительно, так оно и случилось. И он вспомнил слова Джина Брейдинга: «Позже, к концу моей карьеры, мы начали делать... узоры — на пшеничных полях. В Управлении их называли „агриглифами“... „загадкой стали письмена из знаков“». И он еще что-то говорил относительно «оптической магии»: «И Меджугордже — тоже их рук дело. Розуэлл. Тремонтон. Галф-Бриз».

Получается, весь двадцатый век был неким световым шоу — конгломератом

спецэффектов, выдаваемых вначале за реальность, а затем за историю. И все они были результатом деятельности горстки могущественных субъектов с более чем странными идеями. «Но для чего все это было нужно? — подумал Данфи, глядя в сторону африканского побережья, находившегося где-то там за горной грядой. — Зачем?»

Они вылетели в Лондон первого июня, воспользовавшись поддельными документами, полученными от Макса Сетяева. Данфи привык путешествовать по фальшивому паспорту, но Клементина, никогда даже улицу не переходившая в неполюженном месте, очень нервничала. Очередь выезжающих вилась длинной змейкой, и они простояли в ней минут пятнадцать. Все это время паспорт служил Клементине в качестве веера.

— Номер восемь, мисс.

Пожилой сикх, иммиграционный чиновник, жестом направил ее к одному из десятка подиумов, где сидел более молодой человек, поигрывая печатями. Джека потрясло, как он преобразился, когда перед ним, смеясь и протягивая паспорт, материализовалась Клементина. Данфи не слышал, что она сказала, но ее слова не имели принципиального значения. Потребовалась всего одна секунда, чтобы они стали старыми друзьями. Он сияет, она хихикает. «Счастливого пути, мисс!» И вот она уже спускается на эскалаторе к каруселям с багажом внутри таможенного отделения. Затем наступила очередь Данфи.

Он достался молодому худошавому человеку с холодным взглядом голубых глаз и черной бородой, служившей чем-то вроде щита вокруг губ и по линии челюсти тянувшейся до бакенбард. Уныло взглянув на сломанный нос Джека, он пролистал нетронутые страницы паспорта в поисках печатей.

— Мистер Питт, — произнес он так, словно выплюнул застрявшее между зубов семечко.

— Да.

— Прибыли из?..

— Из Тенерифе, — ответил Данфи.

— Отпуск или дела?

— В общем, и то и другое.

— И какого же рода дела?

Ничего особенно интересного, подумал Данфи.

— Бухгалтерские.

Чиновник бросил взгляд поверх плеча Данфи.

— Вы один? — спросил он, и в голосе его звучало явное сомнение.

Данфи кивнул:

— В данный момент — да. В Лондоне меня встретят друзья.

— Понимаю. — Чиновник нахмурился и указал на нос Джека. — Драка?

— Нет, меня ограбили на улице, — ответил Данфи, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Чиновник поморщился:

— Лас-Америкас?

Данфи кивнул. Ему показалось, что именно такой ответ и хотел от него услышать его собеседник.

— Сволочи испанские, — пробормотал чиновник, покачав головой, и с грохотом опустил печать на паспорт. Затем, улыбнувшись, протянул его Джеку. — Добро пожаловать

на Британские острова, мистер Питт!

Отыскать ван Вордена оказалось делом совсем не сложным. Телефонные гудки в записи разговора Шидлофа указывали на то, что звонок был местный. Данфи с Клементиной отыскивали интернет-кафе на Стрэнде, где занялись поисками ван Вордена в Сети. К своему удивлению, Данфи обнаружил, что профессор живет на Чейн-Уок в Челси. Джек, должно быть, сотню раз пробежал мимо этого места.

— Ты пойдешь со мной? — спросил он.

— Конечно, — ответила Клементина. — Но может быть, вначале стоило бы позвонить?

— Не надо.

— Почему?

А действительно, почему? Данфи никак не мог узнать, состоялась ли в реальности встреча Шидлофа с ван Ворденом. Тем не менее одно было абсолютно ясно: ван Вордену прекрасно известно о гибели профессора, случившейся вскоре после их телефонного разговора. Поэтому он скорее всего будет с крайней осторожностью относиться к визитам незнакомых людей.

— Давай просто преподнесем ему сюрприз, — предложил Данфи.

Ван Ворден оказался практически единственным обитателем «Королевы фей», старенького ржавеющего плавучего дома, пришвартованного у моста Бэттерси. Незнакомый с этикетом посещения подобных жилищ, располагающихся почти в самом центре Лондона, Джек просто провел Клементину по сходням на судно. Подойдя к двери, он осторожно постучал и стал ждать. Никто не ответил, он постучал снова, на этот раз громче.

— Минуточку!

Мгновение спустя дверь со скрипом распахнулась, и перед ними появился импозантного вида мужчина лет пятидесяти с бокалом красного вина и длинной сигаретой в руках.

— Могу быть чем-то полезен? — спросил он, медленно переводя взгляд с Данфи на Клементину и вновь с Клементины на Данфи.

— Я ищу Эла ван Вордена.

— Да-а-а?

— Меня зовут Джек Данфи. А вы...

— Да-а-а?

— Если вы не против, мы могли бы... побеседовать. Наш разговор не займет много времени.

Ван Ворден смерил их взглядом.

— Вы, случайно, не из «Свидетелей Иеговы»?

Клементина захихикала.

— Нет, — ответил Данфи. — Конечно, нет. Мы друзья профессора Шидлофа.

Ван Ворден нервно заморгал глазами. Глотнул вина.

— Того самого, которого убили?

— Его.

— И вы утверждаете, что вы его друзья?

— В определенном смысле — да. Мы ведем расследование, которое вел и он.

Ван Ворден кивнул, в большей степени самому себе, нежели Данфи или Клементине.

— Боюсь, я вам ничем не смогу помочь. — С этими словами он попытался закрыть

дверь.

— Тем не менее мне кажется, — произнес Джек, сунув в дверь ногу, — что вы все-таки сможете, если захотите. Так ведь думал и Шидлоф.

Ван Ворден бросил взгляд на ногу Данфи и поморщился.

— Откровенно говоря, я не хотел бы ввязываться в подобные дела.

— Я вас понимаю, но...

— В любом случае вы впустую потратите время.

— Почему? — спросил Данфи.

— Я всего один раз говорил с ним. И никогда не встречался.

— Я знаю.

Ван Ворден, казалось, был несколько озадачен словами Джека.

— Вот как? — переспросил он. — Откуда?

Данфи на мгновение пожалел о своих словах, но потом решил играть в открытую:

— Я прослушивал его телефонные разговоры.

Ван Ворден затянулся сигаретой и выпустил дым через ноздри. Глотнул вина.

— Но вы ведь не из полиции, я надеюсь? — спросил он.

— Нет, — ответил Данфи. — Не из полиции.

Ван Ворден кивнул, оценив искренность Джека. Потом нахмурился:

— И все-таки объясните мне толком, почему я должен с вами разговаривать?

Данфи задумался и понял, что ничего вразумительного ответить не сможет. Тут к двери подошла Клементина и с нежностью взглянула на ван Вордена.

— Это будет так мило с вашей стороны, — сказала она.

Ван Ворден кашлянул.

— Ну ладно, — сказал он и, распахнув дверь, предложил им войти.

Данфи и Клементина проследовали за ним по узкому коридору, увешанному черно-белыми фотографиями средневековых церквей и соборов. Из камбуза доносился аромат свежеспеченного хлеба. Затем они миновали гостиную, забитую книгами, и вышли на палубу, где вокруг стола из кованого железа со стеклянной столешницей стояло несколько стульев.

— Портвейн?

— Спасибо, — ответил Данфи. — Я бы не отказался.

— У меня есть «Ратуша». Неплохой вариант. По крайней мере лучшее из того, что я могу предложить. — Ван Ворден налил им по бокалу вина и жестом указал на тарелку с сыром. — Чертовски замечательный стилтон. Попробуйте.

Клементина стояла, опершись на перила, и смотрела вверх по течению в сторону моста Бэттерси.

— Какое замечательное место! — воскликнула она с энтузиазмом, когда волны от пронесшегося мимо катера ударили по корпусу судна.

— Хотите, продам?

Джек рассмеялся.

— Мы не за тем пришли...

— С вас я возьму недорого.

— Извините, нет.

Ван Ворден пожал плечами.

— Да, я все прекрасно понимаю. Но с ним ведь столько хлопот.

— Значит... вам здесь не нравится? — спросила Клементина.

— Нет, не нравится.

— Но почему?

— Ну, — произнес ван Ворден, — потому что приходится делать запасы чуть ли не на целый год. Поход отсюда за пинтой пива в выходные превращается в сложнейшее предприятие.

— В таком случае зачем вы приобрели его?

— Из-за Альберта Хофмана, — ответил ван Ворден.

Данфи снова засмеялся, а Клементина только непонимающе покачала головой и нахмурилась.

— Это тот парень, который открыл ЛСД, — объяснил ван Ворден. Затем повернулся к Данфи: — Разбираетесь в моторах?

— Нет, — ответил Джек.

— Я тоже, поэтому, думаю, нам лучше будет остаться на месте. — Он опустился в кресло лимонного цвета и жестом предложил Данфи и Клементине тоже сесть. — Ну а теперь выкладывайте, чего вы от меня хотите.

Данфи не знал пока, какую часть правды может ему открыть, поэтому сразу перешел к делу:

— В точности того же, чего хотел и Шидлоф. Нас интересует «Общество Магдалины».

— Потому что?..

— Потому что мы совсем не уверены, что оно давно ушло в историю.

Ван Ворден фыркнул.

— Что ж, вы совершенно правы, оно не ушло в историю.

Реплика прозвучала неожиданно, и Данфи озадаченно нахмурился. Он попытался вспомнить последнюю прослушанную им запись Шидлофа.

— Тем не менее во время беседы с Шидлофом по телефону, — заметил он, — вы были удивлены, когда собеседник предположил, что Общество все еще существует.

— Я действительно был удивлен.

— А сейчас вас это не удивляет?

Ван Ворден отрицательно покачал головой.

— До момента гибели доктора Шидлофа до меня доходили только слухи.

— И что же, его смерть все изменила?

— Конечно!

— Каким образом? — спросила Клементина.

— Благодаря обстоятельствам его гибели.

— Что вы хотите сказать? — спросил Данфи.

Ван Ворден нервно заерзал в кресле и попытался перевести разговор на другую тему.

— А что вам вообще известно об «Обществе Магдалины»? — спросил он.

— Немногое, — честно признался Джек.

— Но что-то все-таки, несомненно, известно?

— Ну... да.

— В таком случае расскажите мне что-то такое, чего я бы не знал, — попросил ван Ворден, — дабы подтвердить честность ваших намерений.

Данфи задумался. И после минутной паузы сказал:

— Тот, кто руководит им, называется Кормчий.

— Ну, это ни для кого не тайна.

— В тридцатые и сороковые годы Кормчим был Эзра Паунд.

У ван Вордена от удивления отвисла челюсть.

— Поэт?

Данфи кивнул.

— Бог ты мой! — воскликнул ван Ворден. И тут он вспомнил. — Но ведь Паунд...

— Попал в психушку? Да, именно так. Но его пребывание там ничему не помешало. Он и оттуда всем руководил, видел всех, кого хотел видеть, и делал все, что хотел.

— В самом деле? Ну что ж, я совсем не удивлен, — заметил ван Ворден. — Несколько их Nautonniers были поэтами. Да и безумцами к тому же.

Немного разговорившись, ван Ворден рассказал им, что впервые заинтересовался Ложей Мунсальвеше (под этим названием «Общество Магдалины» было известно ранее), когда писал предисловие к антологии гностической литературы.

— Подождите-ка, — вспомнил он, — она у меня есть. — Он встал, прошел внутрь судна и через некоторое время вернулся с книгой под названием «Гностика» в руках. Том оказался толще предплечья Джека. — Здесь собраны в высшей степени интересные документы. Псевдоэпиграфы. А самым интересным является, пожалуй, апокриф Магдалины.

Данфи озадаченно взглянул на своего собеседника.

— Вы употребили какое-то странное слово.

— Какое? — не понял его ван Ворден.

— Псевдо-что-то.

— Псевдоэпиграфы?

Джек кивнул.

— Так называются евангелия, предположительно написанные персонажами Нового Завета, — пояснил профессор. — Тот, о котором идет речь — апокриф Магдалины, — был обнаружен среди развалин одного ирландского монастыря примерно тысячу лет назад.

Он открыл книгу на нужной странице и протянул ее Данфи.

Джек прочел несколько строк и поднял взгляд на профессора.

— И оригинал был действительно написан Марией Магдалиной?

— Существует такое мнение.

Далее ван Ворден объяснил им, что, несмотря на наличие в тексте большого количества пропусков, можно сделать вывод, что апокриф, несомненно, является чем-то вроде дневника и собрания пророчеств и знамений. На дневник его делает похожим, к примеру, попытка описания тайного брака Христа и Марии Магдалины.

Данфи издал скептический взглас.

— Это вовсе не так странно, как может показаться на первый взгляд, — возразил ван Ворден. — Во многих Евангелиях к Иисусу обращаются как к равви или учителю, а ведь, как ни удивительно, подобное обращение многое говорит о его семейном положении.

— Я думал, он был плотником, — заметил Джек.

Ван Ворден покачал головой.

— Весьма распространенное заблуждение. Слово, которым его характеризуют Евангелия, на самом деле означает «ученый». Человек, получивший хорошее образование. Примерно то же, что и равви. И ведь это очень логично. Всем известно, что Христос был евреем и что он давал наставления в вере. Гораздо менее известно другое — то, что согласно

закону Мишны равви должен был иметь жену, так как «неженатый человек не может быть учителем».^[81] Поэтому предположение, что Христос мог быть женат и иметь детей, не столь уж абсурдно.

— А его жена? — спросила Клементина. — Ведь если бы она действительно существовала, в Библии о ней обязательно были бы упоминания.

— Если бы Христос проповедовал, не будучи женатым человеком, это было бы воспринято с возмущением. И до нас обязательно дошли бы сведения о подобном скандале. Но если он был женат, то подобное воспринималось бы его соплеменниками как нечто само собой разумеющееся и не заслуживающее упоминания. Ведь мы ведем речь о Ближнем Востоке двухтысячелетней давности. Женам там не придавали особого значения. Много ли нам известно о женах апостолов? А ведь представляется крайне маловероятным, чтобы все ученики Христа были холостыми.

Данфи, откровенно говоря, никогда на подобные темы не размышлял, а теперь, задумавшись, пришел к выводу...

После распятия, продолжал ван Ворден, Магдалину, ожидавшую ребенка от Христа, сажают в лодку без парусов и весел и отправляют в море.

— На основании многих свидетельств — а свидетельства действительно многочисленны — ее сопровождали Марфа, Лазарь и Иосиф Аримафейский. На море началась буря и длилась довольно долго. Легенда гласит, что она была вызвана битвой ангелов с демонами, преследовавшими Марию. Как бы то ни было, Магдалина благополучно добралась до Марсея. И там родила Меровея. Сына. — Ван Ворден улыбнулся и наполнил бокалы гостей. — Интересная история, не так ли?

Клементина слушала его с широко раскрытыми глазами.

— И что произошло потом? — спросила она.

— Потом было много разных пророчеств. Если вы читали «Апокалипсис», то понимаете, что я имею в виду.

— Нет, я спрашиваю о Меровее, — уточнила Клементина. — Что случилось с ним?

— О, с ним все обстояло самым наилучшим образом. Он основал династию Меровингов. — Ван Ворден изобразил в воздухе знак вопроса. — Династию Длинноволосых королей.

— А почему их так называют? — спросила Клементина.

— Очевидно, потому, что они никогда не стриглись.

— Но почему? — удивился Джек.

— Считалось, что они обладают магической силой: их волосы, их дыхание, их кровь. — Ван Ворден сделал паузу. — Впрочем, не забывайте, что мы ведем речь о легендах. Это была эпоха короля Артура... век Грааля, который в зависимости от того, с кем вы беседовали, мог быть как чашей, так и родом.

— Что вы имеете в виду, говоря «мог быть и родом»? — спросил Данфи.

— Только то, что сказал. Правда, только определенным родом. Родом Христа. Sang reel.^[82] Легенды о Меровингах, дошедшие до нас, свидетельствуют о том, что они были не только королями, но и волшебниками. Людями, наделенными некой сверхъестественной силой.

— Какой же? — спросила Клементина.

Ван Ворден улыбнулся и закурил сигарету.

— Считалось, к примеру, что они могут исцелять больных прикосновением. И что

способны воскрешать мертвого с помощью поцелуя. Они беседовали с птицами, летали с пчелами и охотились с медведями и волками. Им подчинялась погода. Что тут скажешь? Времена были загадочные. — Ван Ворден помолчал, а затем добавил: — Некоторые полагают, что загадочность их не случайна.

— Что вы имеете в виду? — спросил Джек.

Было видно, что от вопроса Джека ван Ворден почувствовал себя несколько неуютно.

— Ну, как вам сказать... Есть некоторые... я бы даже не назвал их историками... есть некоторые люди, которые считают, что с Темными веками явно что-то не так. Они утверждают, что это был золотой век, который кажется нам темным только потому, что наше знание о нем намеренно затемнено. Названный период пребывает под покровом мрака, потому что... определенным организациям так было нужно.

Данфи вспомнил, что читал что-то на подобную тему в «Архее».

— О чем вы говорите? — спросил он.

— О Риме. Рим был хранителем истории Запада. Отцы Церкви писали ее, берегли, и когда возникала необходимость, то и стирали.

Клементина удивленно уставилась на него.

— Вы хотите сказать... точно так же, как в Советском Союзе? Как и у них, люди исчезали с фотографий?

Ван Ворден пожал плечами.

— Значит, Церковь вычеркнула из европейской истории целых три столетия? — воскликнул Данфи.

Ван Ворден отрицательно покачал головой.

— Это просто теория заговора. И я ее пересказал, не более. Но что здесь удивительного? Вспомните, что иезуиты сделали с историей майя.

— С какой историей майя?

— Вот именно! С какой историей майя!

— Но зачем Церкви нужно было изменять историю? — спросила Клементина.

— В соответствии с вышеупомянутой теорией?

— Да.

— Чтобы стереть память о золотом веке, к которому она не имела никакого отношения, и скрыть сведения о «грязной войне», которая положила ему конец. — Заметив недоумение Джека, ван Ворден решил разъяснить подробнее: — Меровинги были самой настоящей ходячей ересью. Именуя себя детьми самого Бога — в буквальном смысле Его сыновьями и дочерьми, — они делали все остальные престолы и светскую власть бессмысленной и незаконной. Кому нужен папа в Риме, если сын (или внук, или правнук) Божий сидит на троне в Париже? Пожалуй, это была самая опасная ересь в истории. И вот Меровингов похищают, убивают, предают до тех пор, пока в конце концов из анналов истории не исчезают все следы их правления. В результате они просто исчезли из памяти потомков...

— Пока не появился апокриф, — перебил его Данфи.

— Абсолютно верно. И само собой, когда та же самая ересь всплыла на страницах апокрифа, ее свет необходимо было как можно скорее погасить. Что и было сделано. Верившие в истинность апокрифа беспощадно преследовались и уничтожались до тех пор, пока они не скрылись с глаз Церкви, превратившись в тайное общество, в заговорщиков, постоянно прячущихся от своего могущественного врага.

— Но в чем состояла цель заговора? — спросил Джек.

— Водворить на земле золотой век, — ответил ван Ворден. — А какая еще могла быть цель?

— И каким образом они собирались достичь этого?

— Как только исполнятся все пророчества, он и наступит сам собой.

— Те пророчества, которые...

— ...которые приведены в апокрифе.

— И те, где говорится про загадку письмен из знаков? — спросил Данфи. — И про призраки в небесах...

— Значит, они вам известны! — воскликнул ван Ворден.

Джек пожал плечами.

— Да, я видел упоминания о них.

— Конечно, не все пророчества столь... поэтичны. Некоторые довольно конкретны.

— Например?

Теперь плечами пожал ван Ворден.

— «Те земли в единую страну соединятся», — ответил он.

— Это, по-вашему, конкретно?

— Для данного контекста вполне. Оно относится ко времени, когда все европейские народы объединятся в единое государство. Там есть также упоминание об Израиле. «Сион возродится из пепла печей». Очень похоже на то, что произошло на самом деле, не правда ли?

Данфи кивнул.

— Если воспринимать перечисленные пророчества как руководство к действию, — продолжал ван Ворден, — то «Общество Магдалины» можно считать одной из первых сионистских организаций в Европе. Возможно, даже самой первой.

Джек откусил кусочек стилтона и запил его портвейном.

— И что с ним случилось?

— Пока я не узнал о том, как погиб Шидлоф, я считал, что от Общества остались только черные Богородицы в некоторых церквях, типа той, к примеру, что хранится на горе Монсеррат.

Джек и Клементина переглянулись.

— О чем вы? — спросила Клементина.

Ван Ворден снова пожал плечами.

— О статуях Черной Мадонны, иногда с младенцем, тоже черным. Церковь не очень любит о них распространяться, но ведь их можно найти повсюду в Европе.

— Но почему они черные? — спросил Данфи.

Ван Ворден рассмеялся.

— Их цвет — своеобразный код. Он означает, что перед вами не Дева Мария с младенцем Христом, а Магдалина с Меровеем. Это одно из последних напоминаний о тайной церкви — церкви Меровингов, которую Ватикан стремился уничтожить.

Данфи встал и прошел к борту. Солнце справа от него заходило за клубы дыма, поднимавшиеся из фабричных труб на северном берегу Темзы.

— Вы что-то сказали насчет того, как погиб Шидлоф, — вспомнил Джек. — Что вы имели в виду?

— То, что, когда Шидлоф позвонил мне с вопросом об «Обществе Магдалины», я ответил ему, что оно давно не существует. Он высказал предположение, что я ошибаюсь, и я

согласился с ним встретиться, но исключительно из вежливости. Я был уверен, что заблуждается-то как раз он, а не я. Но когда я прочел об обстоятельствах его гибели и о том, где нашли его тело — на территории Внутреннего Храма, — я понял, что Шидлофф был прав.

— Каким образом? Что было такого в его смерти, что заставило вас предположить...

— Это было ритуальное убийство. Таким способом члены Ложы всегда расправлялись со своими противниками. Я могу назвать вам десяток людей, погибших подобным образом, начиная с четырнадцатого столетия. Каждый из них представлял определенную угрозу тому, что вы называете «Обществом Магдалины».

— Но почему? — спросила Клементина. — Какова их цель? К чему они могут стремиться в наше время?

— К тому, чтобы посадить на европейский трон потомков Меровингов.

— Потомков? — воскликнул Данфи. — Откуда кому-либо может быть известно...

— Существуют генеалогии, — ответил ван Ворден. — Одну из них заказал Наполеон. Насколько мне известно, есть и другие.

— Наполеон?

Ван Ворден взмахнул рукой.

— Он сверг Бурбонов и, мне думается, был заинтересован в том, чтобы очернить их как узурпаторов права на престол, принадлежавшего другой династии. Конечно, ему это было очень выгодно: вторая жена Наполеона тоже была потомком Меровингов.

— Но то, о чем вы говорите, произошло двести лет назад, — возразил Данфи. — А в наше время остались какие-нибудь Меровинги?

Ван Ворден нахмурился.

— Не знаю. О подобных вопросах вам следует спросить Уоткина.

— Уоткина? Но кто такой Уоткин, черт возьми?

— Специалист по генеалогиям. Живет в Париже. Знает, кто есть кто.

— В самом деле?

— М-м... Постойте-ка, у меня, кажется, есть кое-что для вас. — Ван Ворден встал и проследовал внутрь судна. Данфи и Клементина слышали, как он роется в каких-то ящиках. Через некоторое время он вернулся, держа в руках открытый журнал. — Вот он, — сказал профессор, протягивая им журнал.

Джек взглянул на имя автора статьи — Жорж Уоткин; затем на название: «Вино Магдалины — древний напиток из Палестины».

— Черт меня подери! — воскликнул Данфи. — Это же «Архей».

Ван Ворден с удивлением посмотрел на него.

— Значит, вы видели статью?

— У меня какое-то время был такой же номер, — объяснил ему Джек. — Но я его потерял.

— Ну, старый Уоткин как раз тот, кто вам нужен, — сказал ван Ворден. — Кстати, должен вас предупредить, что он может принадлежать к прямо противоположному лагерю. Поэтому, если соберетесь посетить его, будьте осторожны...

Они провели вечер в поезде, в экспрессе «Евростар», следовавшем от вокзала Ватерлоо до Гар-дю-Нор. Прибыв в Париж в десятом часу, взяли такси до Латинского квартала, а затем прошли немного пешком до острова Людовика Святого. Там они отыскивали небольшой, но элегантный отель на набережной Бетюн. Портье весьма скептически взглянул на Данфи, сломанный нос которого стал поводом для неприятных ассоциаций. Однако Клементина вызвала у него гораздо больший восторг, почти мгновенно затмивший все подозрения относительно ее спутника. Под аккомпанемент тихого ворчания консьержки, дряхлой старушки, наруганные щеки которой напомнили Джеку физиономию циркачки, им нашли номер на четвертом этаже.

Собственно, почему бы и нет? Номер стоил пятьсот долларов за ночь.

— Мы берем, — сказал Данфи и сразу заплатил наличными.

Это был удивительно просторный для Парижа номер, со стенами охристого цвета, арабскими коврами и черно-белыми фотографиями известных джазменов. Клементина наполнила себе ванну, а Джек стоял у открытого окна, откупорив бутылку «33», и смотрел на левый берег Сены. Данфи казалось, что отсюда ему видны крыши половины Парижа.

Вскоре из ванной повалили клубы пара, и воздух в номере наполнился ароматом «Бадеда». До Данфи доносился звук льющейся воды и голос Клементины, напевавшей мелодию из старого фильма.

Подойдя к двери в ванную, Джек приоткрыл ее. Клементина блаженствовала, сидя по шею в воде и манипулируя кранами с помощью большого пальца ноги.

— Клем, дорогая, — позвал Данфи.

— М-м?

— Мне нужно ненадолго выйти.

Глаза девушки широко открылись.

— Что? — Ноги упали в воду, и она взволнованно выпрямилась посреди пузырьков мыльной пены.

— Я должен позвонить Макс. И мне не хочется делать это отсюда.

— Но...

— Я могу задержаться, поэтому... не жди меня, ложись спать.

Прежде чем она успела возразить, Данфи повернулся и вышел.

Ему потребовался почти час на поиски киоска, в котором продавались телефонные карты для международных звонков. Данфи купил карту за сто франков и прошел еще целый квартал, разыскивая платный телефон. Он нашел его рядом с уже закрытым boulangerie.^[83] Была четверть двенадцатого, когда Данфи удалось дозвониться.

Макс ответил после третьего гудка усталым бормотанием:

— Угу?

— Макс!

— Да, а что?.. — Голос у него был сонный. — Кто говорит?

— Харрисон Питт, Макс! — ответил Данфи. — Твой старый друг.

Наступила короткая пауза, в течение которой русский напряженно размышлял. Наконец он воскликнул:

— Ну конечно, Гарри! Как поживаешь?

— Нормально.

— Нормально?

— Да, но... у меня нет возможности долго беседовать.

— Да, конечно... Мне ли не знать, какой ты занятой!

— Ну и прекрасно. Кто-нибудь посещал тебя по моему поводу?

— Только один раз. Я ведь говорил тебе...

— Нет, я не про то, — прервал его Данфи. — Я имею в виду наше последнее дело.

Макс ответил мгновенно:

— Нет. Никто.

Если бы Джек почувствовал в голосе Макса колебание, даже мгновенное, он бы не раздумывая повесил трубку. Но, не услышав ничего тревожащего, он просто сказал:

— Хорошо.

— Тебе что-нибудь нужно?

Говорить подобное по телефону — вопиющее нарушение правил конспирации, но Данфи все-таки решился:

— Мне нужно оружие.

— Но у меня нет оружия. Я могу устроить тебе лицензию на него... любой страны... даже ватиканскую... без всяких проблем...

— Знаю, Макс. Мне нужно имя человека, который... ты понимаешь. Ты знаешь кого-нибудь в Париже?

— Подожди-ка. — Раздался стук — Макс положил трубку на стол. Затем послышался звук выдвигаемых и задвигаемых ящиков. Приглушенное ругательство. Опять стук. И вот... — Неплохой парень. Украинец, как и я. Но со странностями.

— Что?

— Он со странностями!

— Ты хочешь сказать, он псих?

— Нет. Просто голубой. Это для тебя не проблема?

Джек покачал головой, забыв, что разговаривает по телефону.

— Нет, не проблема. А как его зовут?

— Азамов. Сергей Азамов. Он полотенщик...

— Кто?

— Полотенщик, — повторил Макс. — Его можно найти в «Шоле-Термо». Ты знаешь где это?

— Нет, — ответил Данфи, — не знаю.

Макс закудахтал в трубку.

— Проверка, ха-ха-ха. Оно находится на рю Пуассонье за углом станции метро. Кажется, она называется «Бон-Нувель».

— Значит, этот парень... Работает по ночам?

Макс расхохотался.

— А как ты думаешь? Там всегда ночь.

Какое-то время у Данфи ушло на поиск такси, а когда он наконец поймал машину, то не решился сказать прямо, куда ему нужно. И потому просто попросил шофера отвезти его к метро на «Бон-Нувель».

Была уже почти полночь, когда Данфи вышел из такси, но найти сауну ему не составило никакого труда. Он отыскал ее по разбросанным неподалеку использованным презервативам. Сауна располагалась в ветхом здании из бурого песчаника с затемненными окнами и осыпающимся цементным спуском, ведущим от тротуара к грубой железной двери. Рядом с дверью Джек разглядел вывеску, очень похожую на те, что часто можно видеть на сельских церквях: маленькими пластиковыми буквами на черном фоне выведено время и детали сегодняшней службы. На здешней же вывеске значилось:

CHAUD LE THERMOS
SAUNAS ET BAINS
CLUB PRIVÉ^[84]

У входа сидел мужчина средних лет в ботинках, джинсах, холщовой безрукавке и с подозрительно густой шевелюрой. Он курил сигарету и беседовал с мальчишкой-алжирцем, которому явно было еще очень далеко до совершеннолетия. Они внимательно посмотрели на Данфи, но ничего не сказали.

Как только Джек вошел в здание, он сразу же почувствовал необычайно высокую влажность и довольно приятный аромат пара. У самой двери за выдавшим виды письменным столом сидел пожилой мужчина и читал роман У.Х. Хадсона в переводе на французский.

— C'est privé,^[85] — сказал он.

— Я ищу одного человека, — сообщил ему Данфи.

Старик сверкнул зубными протезами.

— Здесь все кого-то ищут.

Данфи улыбнулся его шутке.

— Сергея Азамова.

Старик кивнул.

— Вы, случайно, не из полиции?

— Нет, — ответил Джек.

— Да, вы действительно не похожи на полицейского.

— Спасибо.

— Он внизу, но вначале вы должны стать членом клуба. — Мужчина протянул Данфи регистрационный журнал. — Сто франков.

Данфи отсчитал купюры и записался в журнал.

«Эдди Пайпер, Грейт-Фоллс, США».

Старик положил деньги в ящик стола, вытащил пачку членских карточек и заполнил одну из них шариковой ручкой. Закончив, протянул карточку Данфи вместе с парой сложенных белых полотенец.

— За ключ отдельная плата, — сказал он. — Но вам без него не обойтись.

— А зачем мне ключ? — спросил Джек.

— Чтобы запереть одежду.

— С этим все будет в порядке, — ответил Данфи. — О своих штанах я сам позабочусь.

Он повернулся и медленно направился вниз по лестнице. Чем ниже он спускался, тем плотнее и насыщеннее водяными парами становился воздух, и вскоре у Данфи начался приступ настоящей клаустрофобии. Здесь было нестерпимо жарко, почти совсем темно, и на лбу у Джека выступил пот. Дойдя до подвального этажа, он остановился на последних

ступеньках и стал всматриваться в зловещий полумрак.

Несколько мгновений у Джека ушло на то, чтобы приспособиться к темноте, но постепенно он разглядел, что находится в небольшой раздевалке. У одной стены располагалась пара десятков шкафчиков для одежды, у другой стояло несколько скамеек, рядом отдельные душевые с грязными пластиковыми занавесками. За душевыми находилась сауна а еще дальше — парилка.

Из парилки появился невысокого роста мужчина, обладатель идеальной скульптурной фигуры, с полотенцем на плечах и, тихо шлепая босыми ступнями по полу, проследовал в сауну. За ним вышел голый пятидесятилетний мужчина с приличных размеров брюшком. Он обнимал за шею «двойника» Кларка Кента^[86] в очках в черепаховой оправе.

«Ну и что мне теперь делать?» — подумал Данфи, чувствуя себя крайне неудобно среди такого количества совершенно голых мужчин. И тут он услышал за спиной громкий вздох. Джек обернулся и увидел еще одного обнаженного мужчину, лежащего на деревянной скамейке, подложив под голову полотенце. На полу рядом с ним стояла банка «Криско» и валялся номер «Блю бой».

— Эй, Сергей! — изо всех сил крикнул Данфи. — Сергей Азамов! Я ищу Сергея Азамова, украинца! Кто-нибудь...

Примерно через три секунды Азамов появился. Он вышел из комнаты, располагавшейся где-то в глубинах этого подвала, и вид у него был такой, как будто Джек только что помочился на его автомобиль.

— Qu'est-ce que tu fous?^[87] — произнес он, приближаясь к Данфи с видом вышибалы в дурном расположении духа (кем он, собственно, и был).

Джек поднял руки и произнес:

— Друг Макса.

Азамов остановился на расстоянии примерно шести дюймов от носа Данфи. У Сергея были тонкие свисающие прядями волосы, блестящие голубые глаза и сережка с бриллиантом.

— Кто такой Макс? — спросил он.

— Сетяев. Ваш друг.

Азамов смерил его взглядом.

— А что с вашим носом? — спросил он.

Данфи пожал плечами.

— Один парень ударил.

Азамов улыбнулся:

— Вам следовало бы заняться карате. Научитесь самообороне.

— Неплохая идея. Обязательно попробую.

— А знаете, ведь Макс должен мне весьма приличную сумму.

Данфи поднял руки ладонями вверх.

— Возможно, я смогу помочь вам и в этом вопросе.

Азамов сделал шаг назад, повернулся, наклонился и хлопнул парня с банкой «Криско» по ягодицам.

— Dégagez,^[88] — приказал он. С недовольным видом мужчина встал, подобрал свою банку и зашлепал босыми ногами в соседнее помещение. — Что вам нужно? — почти шепотом спросил Азамов.

— Мне нужно оружие, — ответил Данфи.

Украинец изобразил кислую мину.

— Из-за оружия у меня могут возникнуть проблемы.

— Я заплачу хорошие деньги, — заверил его Данфи.

Азамов наклонил голову сначала в одну, потом в другую сторону.

— И какое нужно оружие? — спросил он.

— Такое, которое можно было бы носить с собой, — ответил Джек. — Но достаточно серьезное, чтобы из него можно было прикончить подонка с первого же выстрела.

Азамов задумчиво кивнул.

— У вас есть что-нибудь такое? — спросил Данфи.

— Возможно. А когда оно вам понадобится?

— Прямо сейчас.

Азамов пожал плечами.

— Вначале я должен позвонить Максу, надеюсь, вы понимаете?

— Никаких проблем, — ответил Данфи. — Дать вам его номер?

Азамов покачал головой.

— Где вы остановились?

Данфи назвал отель.

— Хорошо. Если мне удастся что-нибудь отыскать, я завтра подойду. До обеда.

Украинец сдержал слово. Он явился в отель в час дня с новеньким кожаным портфелем. Клементины не было, она отправилась на выставку Матисса в Центре Помпиду. Открыв портфель, Азамов извлек из него три узелка из марлевки, один из которых был немного больше остальных, и положил их на кофейный столик перед Джеком.

— За это я хочу получить две штуки, — сказал он. — В стоимость входит и портфель.

— Франков? — спросил Данфи.

Азамов улыбнулся:

— А как вы думаете?

— Не знаю, — ответил Данфи. — Зависит от того, что там внутри. Может быть, там всего лишь стартовый пистолет.

— Отнюдь, — возразил Азамов.

Данфи взял самый большой узел, который оказался удивительно легким, и медленно развязал его. Внутри он обнаружил нечто противоположное стартовому пистолету — «Глок-17» с четырехдюймовым магазином. Он взвел затвор, наставил пистолет на фотографию Диззи Гиллеспи и трижды нажал на спусковой крючок.

Щелк! Щелк! Щелк!

— Что со спусковым крючком? — спросил он.

— У него всего лишь трехфунтовая тяга, — объяснил Азамов. — Им пользовалась женщина. Не очень сильная. Хотите, чтобы я приспособил его под вашу руку?

— Нет, не надо, все в порядке, — ответил Джек, снимая марлевку с других узелков. В каждом лежала обойма по пятнадцать девятимиллиметровых патронов.

— Я понимаю, это дорого. Но сами видите, я вам не какое-нибудь дерьмо пытаюсь всучить. Превосходное оружие.

Данфи кивнул и встал. Подойдя к комоду, вынул из верхнего ящика пачку банкнот, отсчитал две тысячи фунтов стофунтовыми бумажками и протянул Азамову.

Украинец взял деньги, не пересчитывая, словно сверток «Клинекса», сунул в карман

своей кожаной куртки и стал прощаться.

— Вы с Максом разговаривали? — спросил Джек.

Азамов кивнул:

— Разговаривал. Я его разбудил. Он готов был меня на части разорвать.

— И что он сказал?

— Попросил передать вам, чтобы вы избегали слишком резких движений.

* * *

Ночью, когда Клементина уже лежала в постели и решала кроссворд из «Геральд трибюн», Данфи стоял у окна и смотрел на огни на реке.

— О чем ты думаешь? — спросила она, вписывая карандашом слово в верхний правый угол кроссворда.

Джек покачал головой.

— Ну, давай выкладывай, — сказала она, — ты ведь не можешь не думать.

Данфи оглянулся на нее, затем снова воззрился на реку.

— Я думал о том, что... что нам все-таки необычайно везет.

Клементина покосилась на него, не отрывая глаз от газеты.

— Это шутка?

— Вовсе нет.

— Что касается тебя, то тебе ведь тяжеловато пришлось. Тебя же в буквальном смысле изгвоздили.

— О-о-о...

— Извини, не смогла удержаться.

— Я о другом. Мы все еще живы и свободны, и Управление так и не смогло нас разыскать.

— Меня ведь они нашли.

— Да, но это было довольно давно. Нам удалось скрыться. И больше они уже не могли нас поймать.

— Ну, потому что мы были очень осторожны.

— Или просто потому, что нам очень везло, — возразил Данфи. — У них такие возможности, которых ты себе и представить не можешь.

— И какие же?

— Не знаю... ну, например, «Эшелон».

— А что такое «Эшелон»? — спросила она.

Данфи мгновение колебался. «Эшелон» представлял собой один из самых больших секретов разведывательного сообщества. Подобное не принято было обсуждать вслух за пределами Управления. Данфи посмеялся над своими сомнениями. Они пытаются убить его, а он беспокоится о сохранении их секретов!

— Это система сбора данных, — пояснил Джек. — Управление передает АНБ список слов...

— Я не знаю, что такое АНБ.

— Агентство национальной безопасности. Самая большая часть разведывательного сообщества. И АНБ с помощью названной системы проникает во все системы электронной

коммуникации... во все без исключения. Я не преувеличиваю.

— Подобное невозможно.

— Возможно! — возразил Данфи. — Все телефонные звонки, факсы, электронные письма пропускаются через систему. Все телеграфные переводы, все случаи бронирования билетов, информация, получаемая со спутников, и радиотрансляции. Все они собираются и пропускаются через гигантский фильтр — «Эшелон».

— А что он делает?

— Существует контрольный список слов, терминов и так далее. И как только в каком-либо тексте появляются слова, включенные в список...

— Какие слова? Откуда?

— Их поставляют самые разные организации. Оперативное подразделение ЦРУ, Отдел эмбарго Торговой палаты, подразделение по наблюдению за деятельностью банков Администрации по контролю за применением законов о наркотиках, Антитеррористический центр в ФБР. И это только в США. А ведь есть еще и союзники Британцы, французы, турки... У каждого имеется свой собственный небольшой список. Именно благодаря упомянутой системе схватили Окалана^[89] и Карлоса.

— И ты полагаешь...

— Я думаю, мы тоже занесены в список. Как и «Общество Магдалины». Когда в том или ином тексте появляются включенные в него слова, «Эшелон» выделяет сообщение с ними, копирует и пересылает его в заинтересованную организацию. Но это далеко не все. «Эшелон» не единственная система. Есть и другие. Поэтому, подводя итог сказанному, я крайне удивлен, что мы еще живы.

Клементина натянула одеяло до самого носа.

— Стрррашно! — пробормотала она.

— Я говорю серьезно!

— И я тоже серьезно! Иногда мне кажется, что ты мне больше нравился как ирландец-бухгалтер, или кем ты тогда был по своей легенде?

Данфи отошел от окна, открыл мини-бар, извлек оттуда бутылку «труа мон», откупорил ее и сел рядом с Клементиной на кровать.

— Я иногда начинаю думать, что во всем этом больше нет никакого смысла. Если мы будем продолжать поиск, нас обязательно рано или поздно поймают. И как только подобное произойдет, нам конец. Может быть, нам следует просто... исчезнуть?

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь за горизонт. Туда, где заходит солнце.

— За горизонт?

— Да, я понимаю, заход солнца тебя не устраивает. А как насчет Бразилии?

— Бразилии?!

Ее тон заставил его принять оборонительную позицию.

— Мы могли бы пожениться.

Сама мысль о браке привела ее в ужас.

— Это что, официальное предложение?

Джек и сам не знал.

— Наверное. Может быть, не очень официальное, но предложение.

— Ты хочешь сказать, предложение типа: «А не хотела бы ты сходить со мной на представление „Кошек“?»

— Нет, конечно, нет.

— Ну естественно, — продолжала Клементина, — если бы мы поженились, мы были бы мистером и миссис Питт! — Она задумалась, а потом решила еще раз испытать, как звучало бы ее новое имя: — Hola! Yo soy Señora Peeet!^[90]

— В Бразилии говорят не на испанском, — заметил Данфи.

— Я знаю, но так как португальский мне совершенно не знаком, то и испанский сойдет. — Внезапно на губах Клементины появилась легкомысленная улыбка, а в голосе зазвучали шелковистые соблазнительные интонации. — Привет, меня зовут Верушка Питт, и я за все плачу наличными. — Взглянув Джеку прямо в глаза, она еще больше понизила голос. — С вами говорит Верушка Белл-Питт, нашедшая убежище в Флорианополисе! — Она сморщила носик.

— По-видимому, твои слова следует понимать как отрицательный ответ? — спросил Данфи.

Она покачала головой.

— Я только хочу сказать, что у нас постоянно и повсюду одна и та же проблема: кто-то все время хочет тебя убить. Поэтому мне кажется, что нам следует вначале решить ее, а потом уже я пойду покупать приданое.

— А что, если решить ее не удастся? — спросил Данфи. — Иногда просто нет другого выхода, кроме как бросить все и уйти. И создается впечатление, что сейчас именно такой момент. Ведь подумай, с кем мы имеем дело. Эти ребята существуют как минимум тысячу лет. Они фактически захватили власть в ЦРУ. Как бы много мы ни узнали о них, мы все равно ничего не в состоянии изменить. Мы ведь не можем пойти в полицию...

— Но почему?

— Потому что в полиции с такими вещами работать не умеют. Они могут выписывать штрафные квитанции, искать похитителей автомобилей. Иногда находят убийц. Но они никогда не заведут дело по поводу воздействия на коллективное бессознательное.

Клементина закатила глаза.

— Мы можем обратиться в прессу.

Джек покачал головой:

— Нет, не можем.

— Почему?

— Я ведь объяснял тебе, когда мы летели в самолете на Тенерифе. Чем бы все это ни было, оно «не подходит для печати». Здесь нет в прямом смысле «плохих парней», нет одиноких маньяков-убийц. Мы столкнулись с тайной церковной организацией. И чем больше мы узнаем о ней, тем труднее становится даже просто представить себе выход из сложившегося положения. Такие вот дела. Ну, и что ты скажешь? Куда мы в подобных обстоятельствах попадем?

— Пока мы попали в Париж, — ответила Клементина и похлопала по постели. — А теперь иди-ка к маменьке.

Данфи нахмурился.

— К мамочке, — поправил он.

— Что?

— Надо говорить «иди к мамочке», а не «к маменьке», только англичане говорят «к маменьке».

— Как угодно, — сказала она и снова похлопала по постели.

Жорж Уоткин жил и работал на третьем этаже особняка, построенного в стиле ар-нуво и расположенного в Девятом округе Парижа. Из-за предупреждения ван Вордена, что Уоткин «может принадлежать к прямо противоположному лагерю», Данфи держался настороже. Наскоро придумав предлог для визита, он позвонил французу и сказал, что прибыл в Париж по поручению церкви Святых Последних Дней, которая проявляет большой интерес к Уоткину как опытному консультанту по вопросам генеалогии. Как отнесется мсье Уоткин к перспективе подобного сотрудничества? Нельзя ли будет договориться о встрече?

Eh, bien! Конечно! Уоткин оказался свободен после обеда. Данфи это не удивило. Генеалогия для мормонов все равно, что кино для Голливуда. Даже если Уоткин был несметно богат и независим, он вряд ли пренебрег бы перспективой подобной встречи.

Уоткин же далеко не богат. По словам ван Вордена, он был скромным поденщиком с аристократическими замашками. Зарабатывал тем, что писал статьи о королевских семействах для французской и английской желтой прессы. Кроме того, как признанный специалист по Виндзорам, Габсбургам и Гримальди, Уоткин имел дополнительный заработок на генеалогических изысканиях для частных клиентов.

С «глоком» на дне своего нового дипломата Джек в сопровождении Клементины прибыл в офис Уоткина. Они поднялись на третий этаж, где у дверей своей квартиры их уже ожидал улыбающийся Уоткин.

Это был невысокий и очень полный мужчина с детским лицом. На нем был потертый, но вполне респектабельный черный костюм с засаленными рукавами. Под пиджаком он носил белую рубашку и военный галстук, пятна на котором говорили о неумеренной любви Уоткина к супу. Потертые ботинки и запах пота завершали не слишком симпатичный образ специалиста по генеалогии.

— Раймонд Шоу, — представился Данфи. — И моя ассистентка Вероника... Флекс.

Удивление Клементины прошло незамеченным.

Сам кабинет был обширный и удобный, правда, немного душноватый. Стены заставлены стеллажами, до отказа забитыми книгами. Во всех концах помещения были расставлены тяжелые деревянные библиотечные столы, заваленные пачками документов и пергаментными свитками. Вдоль северной стены протянулись давно не мытые окна, сквозь которые в комнату проникал серый свет полудня, готового вот-вот разразиться затяжным дождем.

— Арманьяк? — спросил Уоткин, наливая себе рюмку.

— Нет, спасибо, — ответил Джек, опускаясь в потертое кожаное клубное кресло. — Мы вообще не пьем.

Уоткин стиснул зубы и вздохнул:

— Да, конечно! Как глупо с моей стороны. Я... — И исполненный энтузиазма голос Уоткина вдруг как-то затих, словно он внезапно забыл, что хотел сказать, и даже его улыбка превратилась в гримасу удивления или, может быть, даже испуга. Как бы то ни было, все это продолжалось не более мгновения, он взял себя в руки и снова заулыбался. — О, простите меня ради Бога! — воскликнул он.

— Нет никакой необходимости извиняться, — ответил Данфи, удивленный странными переменами в лице Уоткина. — Вы можете спокойно пить свой коньяк, а мы пока

расскажем вам о цели нашего визита.

Француз уселся в кресло за столом, просмотрел какие-то бумаги и кивком пригласил гостей начинать свой рассказ.

Данфи провел утро в интернет-кафе неподалеку от Сорбонны. Он осуществил небольшой поиск относительно мормонов, их обычаев и учения, сделал кое-какие записи и составил небольшую речь, которая, как ему казалось, должна была произвести вполне благоприятное впечатление.

— Нас сюда привел Петр, — сказал он. — Не знаю, верующий ли вы человек, но апостол Петр учит нас, что Евангелие «для того и мертвым было благовествуемо, чтобы они, подвергшись суду по человеку плотию, жили по Богу духом». ^[91] В церкви Святых Последних Дней мы считаем, что Христос страдал и умер не только за грехи живых, но и за грехи мертвых. И, как вы понимаете, это накладывает на нас особые обязательства — спасение душ тех, кто уже умер, наших предков в мире духовном. Как я уверен, вы знаете, мы совершаем его с помощью таинства, широко известного под названием «заочное крещение». Конечно, прежде чем совершить его, мы должны установить личности крещаемых предков, что мы и делаем часто с использованием традиционных генеалогических методов.

Свою речь Джек закончил натянутой ханжеской улыбкой. Улыбка Клементины была, как всегда, обворожительна. Уоткин отреагировал на слова Данфи уважительным, но слегка рассеянным кивком.

— Мы занимаемся подобными изысканиями довольно давно, — продолжал Данфи, — каждая наша семья пытается найти свои корни, поколение за поколением. И мы с радостью уповаем на то, что сумели спасти уже миллионы душ. Но, как вы прекрасно понимаете...

— Чем дальше в историю уходят ваши поиски, — продолжил за него Уоткин, — тем сложнее они становятся.

— Совершенно верно. Особенно для американцев, семейные корни которых почти всегда ведут на противоположный берег Атлантического океана.

Уоткин сочувственно кивнул.

— Именно по этой причине мы с мисс Флекс и прибыли сюда. Нас просили организовать научно-исследовательский институт в Париже, который бы способствовал активизации генеалогических исследований на основании запросов членов нашей Церкви в США.

— Понимаю, — откликнулся Уоткин, — и вы полагали...

— Мы полагали, что вы нам поможете. Ведь так?

Уоткин медленно кивнул, Данфи показалось, что кивнул он с некоторым сожалением. Совсем не такой реакции ожидал от него Джек. После недолгой паузы француз спросил:

— Кто вам подсказал обратиться ко мне?

Данфи ожидал, что Уоткин может задать подобный вопрос. Сунув руку в карман куртки, он достал оттуда копию статьи из «Архея» «Вино Магдалины — древний напиток из Палестины».

— Ваша статья произвела на нас огромное впечатление, — сказал Джек, протягивая ее Уоткину.

Француз извлек из нагрудного кармана очки для чтения и нацепил их на нос. Затем кашлянул и взглянул на копию журнальной статьи. Никакой явной реакции не последовало. Просто он как будто слегка *застыл*. Когда Уоткин начал читать свою статью, мышцы его лица немного расслабились, губы двигались в такт чтению. Наконец он оторвал глаза от

текста и спросил:

— Где вы это нашли?

Вопрос снова не стал неожиданностью для Данфи.

— Журнал прислали одному из наших специалистов по генеалогии в Солт-Лейк-Сити, а он передал статью нам. Я даже не помню точно, из какого она журнала...

— Все говорили, что вы продемонстрировали пример первоклассного исследования, — заметила Клементина, почувствовав смущение Уоткина.

— Абсолютно верно! — подтвердил Данфи.

Уоткин медленно переводил взгляд с Джека на Клементину и обратно.

— У журнала был очень ограниченный тираж, — пробормотал он.

— Вот как?

— Да-да, — продолжал Уоткин. — Было напечатано всего несколько номеров. Можно сказать, что это была... заказная публикация. Для особой аудитории. Не для рядового читателя. Поэтому количество экземпляров было очень небольшим.

— Ну что ж, в таком случае нам, по-видимому, следует считать себя счастливыми, раз нам так повезло! — воскликнул Данфи. — И мы не только прочли статью, но и познакомились с ее автором!

Уоткин едва заметно кивнул, было видно, что его занимают совсем другие мысли.

— Она так блестяще написана, — заметил Джек.

— Что? — переспросил Уоткин.

— Статья, — сказал Данфи.

— И так остроумно! — добавила Клементина, скрестив ноги. — Особенно то, как вы там пишете о династии Меровингов...

— Так, словно это действительно статья о виноделии, — завершил Данфи череду комплиментов. — Каким образом вам пришла в голову подобная идея?

Рассеянность Уоткина как рукой сняло. Он переводил взгляд с Данфи на Клементину и снова на Данфи. Затем он, кажется, взял себя в руки и начал ответную игру.

— Не знаю, — ответил он. — Просто пришло в голову, и все. Я написал статью в качестве развлечения. — Он сделал паузу, затем продолжил: — Итак! Вас, значит, интересуют Меровинги?

— В высшей степени! — ответил Джек.

— Всех интересуют Меровинги, — добавила Клементина.

— Интересно, жив ли еще кто-то и поныне из их рода? — стал размышлять вслух Данфи.

— Не только вас интересует эта проблема, — с улыбкой заметил Уоткин. — Вы не хотели бы посмотреть на генеалогии, заказанные Наполеоном? Не оригиналы, конечно, но...

— Черт! Конечно! — воскликнул Данфи и сразу пожалел о своей поспешности. — Извините. Иногда я бываю чрезмерно... восторженным.

Уоткин пожал плечами.

— Они в соседней комнате. Если не возражаете, я схожу за ними...

Когда Уоткин вышел, Данфи скорчил гримасу, а Клементина наклонилась к нему.

— Кажется, вы немного облажались, ваша святость.

Данфи согласился, но поделаться ничего уже было нельзя. Встав, он подошел к окну и выглянул на улицу. Шел мелкий дождь, и тротуар лоснился и блестел от влаги.

— Дождь идет, — сказал он, обходя комнату и осматривая стеллажи с книгами в

поисках объяснения странного поведения Уоткина.

«Информационный бюллетень Британского международного генеалогического общества».

«Каталог рукописей Франко-Иудейского архива».

«Документы, касающиеся истории заселения городов в долинах рек Дадуг^[92] и Агуг^[93] (за исключением Реалмона), с 1330 по 1382 гг.».

«НЛО над Биаррицем!»

— Ох! — пробормотал Джек, непрерывно прохаживаясь по комнате, пока наконец не дошел до письменного стола Уоткина.

Здесь две вещи сразу бросились ему в глаза. Первой была красная лампочка, горевшая на телефонном аппарате Уоткина и указывавшая, что кто-то (скорее всего сам Уоткин) в соседней комнате звонит по телефону. Второе, что привлекло внимание Данфи, была... его собственная фотография.

Снимок был размером с тот, что вклеивается в паспорт. Он был прикреплен к записке от директора Отдела изучения проблем безопасности Гарольда Матты. Потрясенный, Данфи прочел от начала до конца записку, в которой давалась характеристика человеку, изображенному на фотографии и известному под именами Джон Данфи, Керри Торнли, Джек. Далее говорилось, что он...

«...вооружен и чрезвычайно опасен. Имеются сведения, что он путешествует вместе со спутницей, пользующейся поддельными документами. Объект выдавал себя за федерального чиновника в Канзасе, ранил агента ЦРУ в Лондоне, способствовал рассекречиванию документов государственной важности в Швейцарии. В ходе его проникновения в Архив в Цуге были похищены документы, имеющие отношение к файлам „Андромеда“ по „МК-ИМИДЖ“, а на двоих сотрудников архива было совершено нападение. В наши представительства в Лондоне, Париже и Цюрихе посланы команды-сафари. В случае обнаружения объекта немедленно связаться с ближайшей из них».

«О черт! — подумал Данфи. — Что это за „команды-сафари“?» Ответ напрашивался сам собой: именно то, что ты думаешь. Джек снял свою фотографию с записки и вместе с ней вернулся в кресло. Садясь, показал снимок Клементине и прошептал:

— Мы действительно облажались.

— Что?!

— У нас, наверное, не более десяти минут, — сказал он, засовывая фото в карман куртки. — Пора уходить. Он уже звонит по телефону.

Мгновение спустя появился Уоткин с охапкой каких-то рукописей и свитков под мышкой. Его физиономия выдавала крайнюю степень волнения.

Разместив их на одном из библиотечных столов, Уоткин положил по углам тяжелые фолианты. Джек и Клементина подошли к нему.

— Вы видите перед собой генеалогическое древо Меровингов, — сказал он, — подготовленное специалистами, работавшими на Наполеона, в первые три года XIX столетия.

— Длинноволосые короли, — пробормотал Данфи.

Губы Уоткина искривились в гримасе истинного сноба.

— Их также называли королями Грааля.

— Они похожи на старинные рукописи, украшенные орнаментами, — заметила Клементина, указав на изысканный узор на полях свитков. Там были изображения львов, херувимов, цветов и волхвов. А посередине вилась причудливая вязь родственных отношений, от наполеоновской эры к эпохе крестовых походов, а от них к началу Средневековья и, наконец, к самому Меровею.

— Очень красиво, — заметил Данфи.

— Даже и представить себе не можете насколько! — откликнулся Уоткин.

Данфи внимательно рассмотрел имена на генеалогическом древе и разочарованно отметил, что почти все они ему малознакомы. Дагобер II, Сигизберт IV. Эти он по крайней мере встречал в файлах «Андромеды», хотя и не имел ни малейшего представления о том, кто они такие.

— Кто такой Дагбер? — спросил он.

Уоткин презрительно поморщился.

— Да-го-бер. Его отец был королем Австразии...

— А что такое Австразия?

— Северная Франция и несколько частей Германии. Очень интересная история, — признался Уоткин. — Похожа на сказку. Когда отца Дагобера убили, самого его похитил мажордом дворца и спрятал в монастыре в Ирландии. У них явно не хватило духа убить ребенка. Спустя несколько лет сын мажордома сделался королем, а Дагобер вырос, стал взрослым мужчиной.

— И когда все это произошло? — спросила Клементина.

— В 651 году. Ему удалось вернуть себе трон в возрасте двадцати трех лет.

— А что было потом? — спросил Джек, вспомнив, что у них, вероятно, остается не более пяти минут.

Уоткин пожал плечами:

— Он погиб.

— Каким образом? — поинтересовалась Клементина.

— Его убили во сне, вонзив копьё в глаз.

— А кто был убийцей? — спросил Данфи.

— По свидетельству хроник, оруженосцы Пипина Толстого.

— А на самом деле?

Уоткин презрительно фыркнул.

— Конечно же, люди, подсланные Ватиканом.

— А вот этот? — спросила Клементина. — Кто он такой?

— Сигизберт, — ответил Уоткин. — Он стал продолжателем рода.

— И сколько времени он еще продолжался? — спросил Данфи, подводя разговор к цели своего визита.

На лице Уоткина появилось растерянное выражение.

— Что вы имеете в виду?

— Где сейчас потомки Меровингов? Дожил ли кто-нибудь из них до нашего времени?

Уоткин пожал плечами.

— Только не пытайтесь убедить меня, — проворчал Данфи, — что со времен Наполеона никто не интересовался подобным вопросом!

Уоткин уныло усмехнулся.

— Ну в общем, — сказал он, — это не имеет принципиального значения. Как бы то ни было, последний из них жил здесь, в Париже.

— Не шутите? — выразил свое изумление Джек. — Кто он?

— Банкир, — ответил Уоткин. — Кажется, его звали Бернарден. Фамилии не помню. Джек почувствовал, что может идти напролом, терять ему было все равно нечего.

— Гомелес? — спросил он.

Уоткин с изумлением уставился на него.

— Ведь я прав, не так ли? — воскликнул Данфи. Он повернулся к Клементине. — Вот видишь, я оказался прав.

— Откуда вам известно его имя? — выпалил Уоткин.

Данфи пожал плечами.

— Из Интернета. Я много работаю с Интернетом.

— И что с ним случилось? — спросила Клементина.

— С кем?

— С мистером Гомелесом, — сказала Клементина, и как только она произнесла это имя, с улицы донесся звук подъезжающей машины.

Уоткин подскочил, словно от звука выстрела. Отвернувшись от своих гостей, он начал поспешно сворачивать свитки.

— Кажется, его ранили на войне, — ответил он.

— На какой войне? — спросил Джек.

— В Испании. Он был добровольцем.

Клементина подошла к окну, отдернула занавеску и выглянула на улицу.

— Наверное, сейчас он очень стар, — сказала она.

Уоткин покачал головой и солгал:

— Полагаю, он уже умер. Он был очень болен. И не только из-за ранения. У него была... Как она называется? Pernicieuse anemie.^[94]

— Пернициозная анемия? — подсказала Клементина.

— Абсолютно верно! А во время большой войны, когда пришли немцы, они сделали из его дома на рю де Могадор госпиталь. С тех пор его никто не видел.

— Даже после войны? — спросил Данфи.

— Да, он исчез.

— А дом?..

Уоткин отмахнулся от вопроса.

— Он переходил из рук в руки. Сейчас, я думаю, там музей. Археологии.

Данфи внимательно наблюдал за Уоткином. Тот был необычайно напряжен и напоминал сторожевого пса, наострившего уши при приближении прохожих. И в это мгновение Клементина отскочила от окна с восклицанием:

— Ого!

Данфи подошел к ней, выглянул на улицу и увидел пятерых мужчин в черных костюмах и галстуках ленточкой, вылезавших из серого фургона, заехавшего передними колесами на тротуар. Один из них поспешно шел к дому Уоткина, на ходу нажимая кнопки на сотовом телефоне.

Телефон на столе зазвонил. Уоткин сделал движение по направлению к нему.

— Стоять! — крикнул Данфи, словно француз был большой и очень нервной собакой. Затем открыл портфель и вытащил оттуда «глок». — А теперь слушайте меня, — приказал

он. — Скажите им, что мы только что ушли и находимся по пути в Национальную библиотеку, и что мы едем на стареньком автомобиле марки «де шво». В общем, говорите им все, что вам взбредет в голову, Жорж, но постарайтесь быть убедительным, в противном случае на вас сегодня завершится род Уоткинов. Надеюсь, вы меня поняли?

С искаженным от ужаса лицом Уоткин кивнул и медленно поднял трубку. Он говорил слишком быстро, и Данфи не понял в точности, что он сказал, однако услышал слова «библиотека» и «де шво», из чего сделал вывод, что Уоткин буквально исполнил его требования.

Подойдя к окну, Данфи выглянул на улицу и увидел, как трое мужчин запрыгнули обратно в фургон, захлопнув за собой дверцу. С громким скрежетом автомобиль выехал на улицу, развернулся, затормозил и помчался в сторону, как решил Данфи, Национальной библиотеки. Тем временем двое стоявших на тротуаре мужчин в черных пиджаках направились к дому. Один из них сильно хромал, и какое-то мгновение Данфи казалось, что это Джесси Карри. Но нет, Карри был значительно выше ростом, и, кроме того, вряд ли после той стычки с Джеком в Лондоне он уже так свободно разгуливает.

— Они уехали? — спросила Клементина. Голос ее срывался, как у подростка.

— Некоторые, но не все, — ответил Данфи.

Раздался звонок в дверь. Потом еще один.

Данфи повернулся к Уоткину.

— Впустите их.

Уоткин прошел к домофону и нажал кнопку, затем повернулся к Джеку.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

Данфи подумал, что этот вопрос Уоткин должен был задать до того, как нажать кнопку. Он ничего не ответил, просто покачал головой. Правда состояла в том, что он не знал, что будет делать, когда они войдут.

— Джек?

Данфи повернулся к Клементине.

— Что сейчас будет? — спросила она.

Он снова покачал головой.

— Не знаю. Постараюсь с ними договориться, — ответил он.

По лестнице поднимались два человека — теперь Данфи их хорошо слышал — два человека, которые, если им представится возможность, с огромным удовольствием прикончат и его, и Клементину на месте. Но, конечно, он не даст им подобной возможности. Данфи увидит их раньше, чем они поймут, что он находится в комнате, а вовсе не по пути в библиотеку.

Но он ведь не может просто так взять и убить их. Пристрелить их, как только они откроют дверь. Они ведь люди. И потом...

Они члены «группы сафари». Это термин Управления, и хотя Данфи никогда раньше не слышал его, смысл слова ему был вполне ясен: «группа» охотится на какого-то несчастного, тупого, опасного зверя. И им был Данфи, «Бемби с „глоком“».

И все же...

Послышался стук в дверь. Тук-тук-тук-тук! Словно прибыла обычная доставка товара на дом.

Данфи жестом попросил Клементину уйти в соседнюю комнату, а сам зашел за дверь и кивнул Уоткину. Тот сделал глубокий вдох и с видом актера, выходящего на сцену, повернул

ручку двери...

Данфи держал пистолет обеими руками, направив его дулом вниз. Люди в черных костюмах вошли в квартиру Уоткина так быстро, словно она была охвачена огнем. Джек уже открыл рот — вероятно, чтобы крикнуть: «Стоять!» — и тут увидел вначале хромого, а затем их оружие.

Ему показалось немного странным то, что они ведут себя таким образом, не ожидая застать его здесь. Возможно, это просто результат хорошей подготовки. Но в данном случае она им не помогла. Совсем не помогла.

Последовало восклицание «Стоять!», но не в форме слова, а как вопль злобного возмущения и удивления одновременно — перед Данфи стоял убийца Роско, направив на Джека свой автомат. Вслед за ним, хотя и несколько медленнее, в сторону Джека повернулся и другой мужчина, которого Данфи тоже видел тогда в доме Роско. Правда, теперь мешки у него под глазами стали значительно больше, чем при их первой встрече.

Первым выстрелом Данфи разбил окно у них за спиной, но следующие два попали в цель, поразив хромого в плечо, отчего тот завертелся на месте и рухнул на пол. Его компаньон выстрелил в Джека, промахнулся, а в это мгновение очередная пуля прошла ему самому живот, и он упал. Данфи палил как безумный, стоя спиной к стене, непрерывно нажимая на спуск и даже не задумываясь о цели, просто изрыгая из своего «глока» как можно больше свинца, пока не услышал зловещее «клик-клик-клик» и не подумал: «Ну вот, теперь я мертвец. О Клем!..»

Какое-то мгновение Данфи казалось, что он вообще оглох. Не слышно было ни звука. В воздухе повисли струйки голубоватого дыма, комнату наполнял какой-то странный электрический запах. Наконец Джек услышал стон раненного в живот. Он катался по полу и подвывал. В нескольких метрах от него, присев на корточки на китайском ковре у двери, плакал от страха Уоткин, сцепив руки за головой, словно ожидая неизбежной и скорой смерти. Рядом с Данфи лежал хромой с неприятным оскалом на физиономии, кровь густой струйкой текла у него из отверстия над бровью.

Данфи глубоко вздохнул впервые за последние полминуты, выбросил пустую обойму из «глока» на пол, вставил новую и сунул пистолет за пояс под пиджак.

Затем откашлялся и крикнул:

— Клем? Клем?

Клементина вышла из другой комнаты, очень похожая на енота, с черными кругами под глазами в том месте, где потекла тушь. Она оглянулась по сторонам, почувствовав запах дыма, увидела труп, рыдающего Уоткина, второго члена «группы сафари», корчащегося на полу от страшной боли, заметила пятна крови и в ужасе отшатнулась. В конце концов она встала на цыпочки и двинулась к двери, пытаясь не испачкать туфли.

— Клем. — Джек приблизился к ней и обнял.

— Здесь была такая страшная стрельба, — пробормотала она, слезы неудержимым потоком катились из глаз. — Такая страшная стрельба!

— Не дайте ему убить нас! — взмолился Уоткин.

— Не вмешивайся! — огрызнулся Данфи и повернулся к Клементине. — Они были вооружены и прикончили бы меня на месте, — объяснил он. — Все произошло само собой, я ничего не мог поделать.

— Но пожалуйста, больше не трогай их, хорошо? — попросила Клементина.

— Конечно, конечно, — согласился Джек. — Да я и не трогал их. Они сами. Я просто

начал стрелять.

Он так и не понял, поверила она ему или нет, но это и не имело значения, так как в любом случае все, что он сказал, было лишено всякого смысла. Он просто сделал то, что должен был сделать.

Схватив Уоткина за ворот, Данфи швырнул его на диван.

— Сидеть!

Затем подошел к столу и выдернул телефонный провод из розетки. Вспомнив о сотовом, Данфи оглянулся по сторонам и увидел его на полу. Он поднял телефон, положил на стол и разбил ударом рукоятки «глока». Покончив с ним, собрал оружие своих противников, бросил его в портфель, щелкнул замками и повернулся к выходу.

— Мне нужна «скорая помощь», — произнес раненый.

Джек кивнул.

— Да, я вижу, — откликнулся он и направился к двери.

— Ради Бога, парень, ну посмотри на меня! Я же... я же американец, как и ты! — Он отвел руку от живота, и Данфи увидел, что кровь бьет оттуда фонтаном, словно из тела парня вынули пробку. Затем он снова закрыл рану рукой и выдохнул: — Мне кажется, я умираю.

В его голосе не было ни злобы, ни упрека, одно лишь удивление.

Данфи кивнул и вспомнил о том, что произошло в доме Роско. Вот этот, который теперь корчится перед ним в предсмертных муках, тогда стоял там с надменной и странной улыбкой на устах. За окном светились фары полицейского автомобиля. И Роско, мертвый, в чулках сеточкой, которые тот, что лежит сейчас перед Данфи, помог на него надеть.

— Да, — сказал Джек, — бывает...

Они нашли такси на расстоянии нескольких кварталов от дома Уоткина и поехали к Святой Клотильде. Это место первым пришло в голову Данфи, ему просто хотелось отъехать подальше от их отеля. Мельком взглянув на шпили церкви, они нашли ближайшую станцию метро и спустились в ее уютные недра. Примерно через полчаса они вышли под потоки дождя у «Мютуалите» и, перейдя через мост, направились к отелю.

Клементина проявляла несвойственное ей равнодушие ко всему. Джек открыл «Кампари» и сел на диван рядом с телефоном.

— Клем, — начал он.

Она покачала головой:

— Не надо ничего объяснять.

— Они вошли в дверь...

— Да, я знаю, ты уже говорил.

— Нет-нет, наверное, я не совсем понятно...

— Нет, я все поняла. Да это и не имеет значения. Я ведь все еще люблю тебя. Мне просто нужно привыкнуть к мысли, что я сплю с «Жестоким Убийцей».

Данфи не стал настаивать, наверное, потому, что знал, что она действительно не винит его ни в чем. По крайней мере после Тенерифе. Он открыл банку «33» и сел в кресло.

Спустя какое-то время Клементина спросила:

— И что теперь?

Данфи покачал головой:

— Не знаю. — Он плотнул пива и задумался. — Мне кажется, мы уже узнали очень много и вряд ли сможем узнать больше. Но важнее другое. Мы ни на шаг не приблизились к спасению и к свободе. Другими словами, чем больше информации мы будем получать, тем больше будем увязать в этом деле. Значит...

Наступила долгая пауза, в течение которой Клементина внимательно всматривалась в Джека и, не дождавшись продолжения, спросила:

— Значит, что?

— Мне кажется, мы должны о нем забыть. Просто повернуться и уйти. У нас ведь есть деньги, нормальные документы. И все будет в порядке.

— Но если мы так поступим... — пробормотала Клементина.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Это будет означать, что они победили. У тебя есть другие идеи?

Некоторое время она молчала, закрыв глаза и потягивая «Кампари». Наконец пристально взглянула на Джека и сказала:

— То, что ты предлагаешь, неправильно. И мы поступим иначе.

Клементина нашла адрес в парижском телефонном справочнике в разделе «Музеи». Уоткин говорил, что Гомелес жил в особняке на бульваре Капуцинов, и что после войны в его доме разместили археологический музей.

В Париже был только один подобный музей, он располагался на рю де Могадор, и полное его название звучало: «Musée de l'Archaeology du Roi Childeric 1er».^[95]

Они взяли такси, назвали адрес. Оказалось, что музей находится практически за углом

от площади Оперы. Он размещался в четырехэтажном особняке, построенном в стиле «беллэ эпок». Массивные железные двери постоянно держали открытыми с помощью больших медных колец, прикрепленных к гранитным стенам с обеих сторон. По всей длине здания шли высокие окна, занимавшие все пространство от пола до потолка. Струйки дождя покрывали сегодня их рифленые стекла. Горгульи скалились на прохожих. В стоках клокотала вода.

Табличка при входе напоминала посетителям часы работы музея. Данфи сверился с часами. В их распоряжении было около часа.

У самой двери за резным деревянным столом сидел седовласый усатый пенсионер в выцветшей синей униформе. Он проводил время за чтением рассыпающегося у него в руках издания Сименона в бумажной обложке. Данфи вручил ему двадцать франков и дождался, пока старик оторвет пару билетов, которые он с церемонным поклоном и улыбкой протянул Клементине.

Они были не единственными посетителями. Небольшая группка школьниц шла по залам, болтая, хихикая и не обращая ни малейшего внимания на рассказ учительницы.

На самом же деле музей оказался весьма и весьма любопытным. Он обладал уникальным собранием артефактов, становившихся все старше и старше по мере того, как вы поднимались с нижнего на верхние этажи. На первом этаже размещалась коллекция произведений живописи пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого столетий, а также различные геральдические предметы, гербы, эмблемы из полудюжины различных стран. Большая часть полотен представляла собой изображения пасторальных сцен или мечтательных пастухов, собравшихся у гробницы Христа, ^[96] и рыцарей, молящихся посреди цветочного луга.

Второй этаж почти полностью был посвящен разного рода религиозным постройкам и в особенности тем, в которых находились статуи Черной Мадонны. Рядом с архитектурным чертежом величественного храма в Гластонбери к стене была прикреплена прозрачная пластиковая коробочка. В ней лежало несколько плохо отпечатанных листков, на которых на шести языках объяснялось, что статуи Черных Мадонн можно найти во всех странах Европы и Латинской Америки. В одной только Франции их более трехсот.

— «Цыганам она известна как Сара-ла-Кали, — прочла Клементина, — другим — как Кибела, Диана, Изида и Магдалина».

Данфи внимательно всматривался в рисунки и фотографии. Кроме Гластонбери, здесь были также изображения Яснагурского монастыря в Польше; Шартрского собора; монастырской церкви в Айнзидельне; других храмов и святилищ в Клермон-Ферране, Лиможе и Марселе. На этом этаже размещались также многочисленные культовые предметы: каменные реликварии, мраморные рельефы, гобелены и священнические облачения.

— Пошли дальше, — предложила Клементина. — У нас осталось всего двадцать минут.

Третий этаж был полностью посвящен крестовым походам и рыцарям-тамплиерам. Здесь находились гравюры четырнадцатого века с изображением Иерусалима, шкатулка с регалиями тамплиеров, копья, мечи, гностическая погребальная стела, триптих и диорама. На первой створке триптиха был изображен Готфрид Бульонский, отправляющийся в первый крестовый поход в 1098 году. На второй створке — рыцари-крестоносцы, взявшие Иерусалим год спустя. На последней створке — те же рыцари, занимающиеся раскопками на месте Соломонова храма.

Диорама была значительно менее сложна. На ней был запечатлен Жак де Моле, Великий магистр ордена тамплиеров, сжигаемый на медленном огне на острове Сите в 1314 году.

— Это как раз там, где находится наш отель! — воскликнула Клементина.

Клементине очень хотелось прочитать побольше о Моле и рыцарях храма, но времени у них не осталось. Музей вот-вот должен был закрыться.

Поэтому они поспешили на четвертый этаж, где на лестнице их поразила словно парившая в воздухе голова медведя, сделанная из золота. Работа была просто неподражаема. Можно волоски сосчитать у него на шее, подумал Джек.

— Как им удалось сделать подобное? — спросила потрясенная Клементина.

— Это голограмма, — предположил Данфи, — а может быть, эффект получен с помощью зеркал. Не знаю.

Дойдя до конца лестницы, он просунул руку сквозь изображение и помахал ею. Голова медведя сморщилась, и мгновенно слева от них распахнулась дверь.

Данфи повернулся к подруге. Большая часть экспонатов находилась справа в некоем подобии галереи, тянувшейся почти через все здание. Но создавалось впечатление, что дверь слева открылась специально для них.

— Иди, — сказал он, подталкивая ее к двери. — Ты первая.

— Нет, не надейся, — ответила она. — Оружие ведь у тебя. Давай вынимай.

Чувствуя себя мальчишкой в доме с привидениями, Джек вошел в комнату, а Клементина осталась у порога, готовая обратиться в бегство, если его обезглавленный труп упадет ей под ноги или из дверного проема вылетят крылатые чудовища. Спустя мгновение Данфи позвал ее:

— Заходи. Здесь все в порядке.

Клементина вошла, и у нее захватило дух. В центре комнаты находилась ярко освещенная гробница. Вокруг саркофага из известняка навалены бочки с вином и груды зерна, а поодаль установлены возвышения разного размера, напомнившие Данфи каменные изваяния, виденные им в английской провинции. На каждом таком возвышении стоял подсвеченный стеклянный стенд, в котором лежали древние монеты и золотые и серебряные украшения.

На простом листке бумаги, который можно было взять из пластиковой коробки, прикрепленной к одной из таких витрин, давалось краткое описание представленных экспонатов. Там говорилось, что гробница принадлежала Хильдерику I, королю из династии Меровингов. Она была найдена в Пиренеях в 1789-м, в год начала Великой французской революции. В листке также сообщалось, что саркофаг был обнаружен в пещере рядом с отрубленной конской головой и медвежьей головой, сделанной из золота. Венок из орлиных крыльев был смешан с костями, которые оставались нетронутыми на протяжении более тысячелетия.

Помимо всего перечисленного, в зале находилась еще одна загадочная вещь. Это был хрустальный шар голубовато-зеленоватого оттенка, примерно девяти дюймов в диаметре, на золотой подставке внутри стеклянной витрины. Подставка была изготовлена в виде человеческой руки, на кончиках пальцев удерживающей коробку с шаром. Данфи и Клементина сделали то же, что сделал бы на их месте любой человек, увидевший хрустальный шар, — они уставились на него. И стоило им заглянуть в него, как внутри стеклянной поверхности появилось дрожащее изображение старца, но перевернутое, так что

первоначально они его не узнали. Данфи наклонил голову. Старец откашлялся. Клементина вскрикнула.

— Пожалуйста, поторапливайтесь. Мы закрываемся! — произнес старик мягким, почти уговаривающим тоном.

Клементина от страха впилась ногтями в руку Джека. Наконец они поняли, кто с ними разговаривает. Старый охранник нашел их. Он вошел в зал и, задыхаясь от долгого подъема на верхний этаж, улыбнулся им.

Клементина немного успокоилась. Она сделала глубокий вдох и одарила охранника самой обворожительной из своих улыбок.

— Неужели уже пять? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Без малого, мадемуазель.

— Но мы еще очень многое не рассмотрели как следует, — взмолилась она.

Охранник сочувственно кивнул.

— И думаю, что вы еще не видели пчел.

— Каких пчел? — спросила Клементина.

Старик еще раз вежливо кивнул и поманил их к себе.

— Ici.^[97] — Он стоял рядом с большим старым шкафом. — Regardez.^[98]

Вынув большую связку ключей, он выбрал тот, что побольше, вставил его в замок в шкафу и повернул. Затем медленно открыл дверцы. Внутри вспыхнули какие-то огоньки, и старик отошел, чтобы они смогли все внимательно рассмотреть.

Взорам предстало коронационное одеяние невероятной длины, мерцавшее светом, отраженным от крылышек тысяч золотых пчел, которыми была украшена мантия.

— Одежда Наполеона, — объяснил охранник. — Предназначенная для его коронации. Когда он стал императором.

— Пчелы...

— Да! Конечно, пчелы! Медведь! Священные символы Меровингов!

Данфи и Клементина кивнули.

— Наполеон нашил их на свое одеяние, чтобы люди смотрели на него и думали: «Ага, значит, он тоже Меровинг!» — Старик помолчал и, улыбнувшись, добавил: — Но нет, конечно, никаким Меровингом он не был. Я понимаю, вы сейчас думаете: какая-то там крошечная пчелка. Кто ее заметит? Никто! А ведь одна такая пчелка стоит намного больше моей пенсии. Итак, я слышу голос...

— Какой голос? — спросила Клементина.

Старик постучал пальцем по виску.

— И он говорит мне: «Люк, ты ведь бедный, почему бы тебе не взять это маленькое насекомое для своей семьи?» Но поддамся ли я на его уговоры? — Он покачал головой и засмеялся. — Нет, Люк не дурак.

— Сколько времени вы здесь работаете? — спросил у него Джек.

Охранник опустил ладонь на расстояние двух футов от пола.

— С самого раннего детства. Тогда здесь еще не было музея.

— Вы хотите сказать...

— Да, наше здание раньше было частным особняком, — ответил старик. — И все, что вы здесь видите... принадлежало его владельцу.

— А чей это был особняк? — спросила Клементина, разыграв полное неведение.

— Мсье Гомелеса. Его фонд оплачивает содержание музея. L'Institut Mérovée.^[99]

— А вы знали самого Гомелеса? — спросил Данфи.

— Конечно, — ответил охранник. — Мой отец служил у него камердинером.

— И что стало с Гомелесом?

Старик пожал плечами:

— Была война. Он болел. Его отвезли в надежное место. Но... он не возвратился.

Улыбнувшись Клементине, он закрыл дверцы шкафа и запер их. Вместе они вышли из комнаты и стали спускаться по лестнице.

— И когда, как вы говорите, его забрали в надежное место? — спросил Данфи.

— У него были друзья. Могущественные друзья.

— Но куда они его отвезли? — спросила Клементина.

Старик остановился на мгновение на ступеньках лестницы, задумался, а потом произнес:

— В Швейцарию, конечно. Куда-то в Швейцарию.

Лететь самолетом было невозможно. Ехать поездом тоже. После того, что случилось на квартире Уоткина, Джека, само собой, ищет французская полиция, и все пограничные посты уже оповещены. Другими словами, он попал в совершенно безвыходную ситуацию. Они не могут оставаться здесь, но и не могут никуда выехать.

Джек с Клементиной сидели в небольшом заполненном туристами кафе на Елисейских полях, пили эспрессо, а Данфи размышлял над имеющимися у них вариантами. Главной проблемой оставался выезд из страны. Клементина может взять напрокат автомобиль, и они доедут на нем до границы, но пересечь ее все равно не смогут. Фотографии Данфи уже наверняка висят на всех пропускных пунктах. Какое-то время ему казалось, что они могли бы прибегнуть к переодеванию, но эту идею пришлось сразу отбросить. В переодевании было что-то, независимо от обстоятельств заставлявшее вас чувствовать себя виноватым, преступником, скрывающимся от заслуженного наказания. Определенную роль играл и фактор «чистого нижнего белья». Если ему суждено было погибнуть, Джек не хотел умереть в комичном парике или, что еще хуже, переодетым в женщину-мусульманку. Значит, оставался единственный способ пересечения границы.

Дорога им предстояла долгая, почти 350 миль по шоссе А-6, на юг от Макона, затем на восток по направлению к Аннеси. Они выехали вскоре после полуночи на взятой напрокат «ауди», ехали всю ночь и прибыли в От-Савой на заре. Небо было огненного цвета, и не нужно было видеть горы, чтобы понять, что они находятся в Альпах. Казалось, сам воздух здесь говорил об этом. Он был свеж, чист и прохладен. К освежающей силе местной атмосферы они добавили чашку крепкого кофе с хрустящими круассанами в рабочем кафе на окраине Аннеси и почувствовали себя бодрыми, словно после хорошего отдыха и сна.

Позавтракав, поехали через горы в Эвиан-ле-Бен, легендарный курорт на Женевском озере. Там Данфи снял небольшой номер с просторной террасой, выходящий на широкую лужайку, протянувшуюся до самого озера, с которой открывался вид на противоположный берег, на Лозанну.

Гостиница, в которой они остановились, называлась «Рояль», и Данфи предложил Клементине, пока он съездит в город, «принять водные процедуры или те, которые они ей здесь предложат». Она согласилась с энтузиазмом и вскоре уже лежала совсем голая и с ног до головы покрытая комками целебной грязи с Мертвого моря.

Тем временем Данфи прибыл в порт в поисках яхты. Требовалось судно с каютой на тот случай, если погода на озере испортится, что могло случиться в любую минуту. На отрогах Альп уже клубились кучевые облака, напоминавшие громадные коробочки хлопка.

Сложность состояла в том, что ему нужно было найти что-то среднее между настоящей яхтой и простой лодкой. Какое-то суденышко, которым он смог бы управлять сам. Джек объяснил продавцу на пристани, что он не Васко да Гама и долго в углой лодчонке не продержится. С другой стороны, он не хотел связываться и с четырнадцатифутовыми «лимузинами», любой из которых можно было взять напрокат на пристани. Он искал посудину побольше, которая не перевернулась бы от сильного ветра.

В конце концов после пары телефонных звонков продавец получил разрешение сдать Данфи двадцатитрехфутовый «Сонар», который его владелец надеялся выгодно сбыть. Плату за него он запросил немалую — тысячу франков в день плюс пять тысяч франков залога, — но лодка оказалась идеальной. Она была требуемой величины, располагала капитанской каютой с двумя койками, полным комплектом парусов и кубриком. Продавец спросил Джека, когда ему будет нужно судно, и Джек ответил, что прямо сейчас.

Продавец бросил на него скептический взгляд. Уже четыре, на горизонте собираются облака, и через два часа зайдет солнце.

— Нам нужно доплыть на ней до Тонона. — Джек назвал город, расположенный на расстоянии около десяти миль от того места, где они находились. — У наших друзей дом на озере. Жена хочет преподнести им небольшой сюрприз. И я с ней согласен. Мы не виделись несколько лет.

Данфи поспешил в отель, нашел Клементину в процедурной. Ее завернули в нагретую пластиковую простыню, и она стала напоминать хот-дог в шоколаде. Он упрямил служителя окатить Клементину струей холодной воды из шланга и смыть с нее всю грязь, а затем отвел ее в номер.

— Куда мы едем? Зачем такая спешка? — воскликнула она. — Я собиралась сделать педикюр. И уже заказала его в номер!

— Мы отплываем, — сообщил ей Данфи.

— Что?

— Я взял напрокат лодку.

Она взглянула на него так, словно он сошел с ума.

— Но мне совсем не хочется отправляться в плавание.

— У нас нет другого выбора.

— Уже почти вечер, — простонала она. Когда стало ясно, что Джек не пойдет ни на какие уступки, Клементина спросила: — Ты хоть умеешь управлять яхтой-то?

— Конечно, — ответил он. — Я великий яхтсмен. Разве ты не в курсе?

* * *

Дождем в прямом смысле слова это назвать было нельзя. Просто с неба на поверхность озера одна за другой падали крупные капли, оставляя большие концентрические круги, перекрывавшие друг друга. Данфи устанавливал оснастку.

Клементина со скептическим видом наблюдала за ним.

— Вот-вот начнется сильный ливень, — заметила она.

— А на этот случай у нас есть каюта, — ответил Данфи. — Не говоря уже о хлебе, сыре и бутылке вина. С нами все будет в порядке. И мы хорошо проведем время.

— Ливень будет сильный.

— Я уже слышал.

— Да, но мне кажется, ты не понимаешь, что и ветер тоже будет не слабый. — Она помолчала и добавила: — Он будет завывать, как баньши. [\[100\]](#)

Джек сидел в кубрике, повернувшись спиной к комингсу. Ему плавание доставляло удовольствие.

— Почему ты так думаешь? — спросил он.

— «Утром небо красного цвета?»

— Да-а-а? И что это значит?

Клементина покачала головой, в полном недоумении оттого, что он ее не понял.

— «Матросам знакомо это».

Данфи промычал что-то нечленораздельное в ответ на ее пословицу, до него наконец-то дошел намек. Клементина имела в виду поразительный рассвет, свидетелями которого они стали, подъезжая к Аннеси.

— А там есть еще и продолжение, — сказала Клементина.

— О Господи!.. — отозвался Джек.

— «С севера тучи несутся, рыбаки дома остаются». Гм... — Она пошлюнула палец и подняла его вверх, хотя, собственно, в этом не было особой необходимости. Ветер действительно усиливался с каждой минутой, и относительно его направления гадать не приходилось. Он дул прямо с противоположного берега, со стороны Лозанны. — А где север? — спросила Клементина игриво.

— Очень смешно, — откликнулся Данфи, а лодка тем временем набирала скорость и начала чуть-чуть крениться на бок. — Ого! — воскликнул он с удивлением.

Клементина захихикала.

— Пойду-ка я за спасательными жилетами, — сказала она и почти ползком направилась в капитанскую каюту. — Нам они не помешают. Озеро-то большое.

Минуту спустя Клементина появилась из каюты уже в желтом жилете, второй она бросила Данфи.

Джек недовольно нахмурился. Ему хотелось выглядеть настоящим героем, но — ого! — лодку несло вперед, пена вздымалась у кромки борта. Под ногами раздался странный звук, лодка содрогнулась. Возможно, жилеты не такая уж и плохая идея, подумал Данфи. В любом случае они не помешают. Передав румпель Клементине, он натянул жилет, который оказался несколько тесноват.

— И куда мы направляемся? — спросила Клементина, пытаясь перекричать шум ветра, который явно крепчал и уже набрал скорость узлов до двенадцати.

— На противоположный берег, — ответил Данфи.

— Чего?

— Озера, конечно! Мы не можем позволить себе проходить таможеню. У них уже наверняка есть моя фотография.

— Значит, ты собираешься доплыть до того берега... ночью?

Данфи кивнул.

— Да. Именно это я и собираюсь сделать.

— Неблизкий путь, — откликнулась она. — И где мы, по твоему мнению, высадимся?

— Поблизости от Лозанны, — ответил Данфи. — Как раз вон там...

— Там, откуда дует ветер?

— Да.

— Ну что ж, думаю, названное обстоятельство еще больше усложнит нашу задачу.

Уже совсем стемнело. Температура заметно понизилась, дождь шел уже не отдельными каплями, а длинными широкими струями, хлеставшими по поверхности воды. Вдали, на противоположном берегу, виднелись огни Лозанны, но добраться до них было совсем не легко. Создавалось впечатление, что ветер дует прямо из здания городской ратуши, и Данфи приходилось идти галсами.

Поначалу это просто раздражало, но вскоре стало опасным. Еще несколько часов назад вода на озере отливала темными красками, теперь же оно покрылось белыми бурунами, а волны с каждой минутой становились все выше и выше. Было все труднее удерживать нужный курс, а когда Джеку все-таки удавалось справиться с судном, то оно плавно вздымалось в воздух, а затем резко опускалось вниз. Возникало ощущение, сходное с тем, какое бывает в аттракционе «Вращающиеся чашки» в Диснейленде. Только в отличие от Диснейленда здесь их окружало холодное и темное озеро, и создавалось впечатление, что их плавание будет длиться бесконечно и в конце концов они обязательно утонут.

— Ветер крепчает, — заметила Клементина.

Данфи поразило, с каким равнодушием она произнесла эту фразу.

Клементина сидела на корточках напротив него и улыбалась, даже когда волны перехлестывали через борт. Данфи тоже присел.

Теперь он даже не мог сказать точно, где они находятся. Почти ничего не было видно. Дождь бил в лицо. Одной рукой он управлял румпелем, вторую держал на лине кливера. Тем временем лодку качало, валило набок.

Клементина дрожала.

— Вода ледяная! — прокричала она.

Данфи кивнул.

— Потому что она стекает с гор. Это талая вода.

— Боюсь, мы в ней недолго продержимся, — заметила Клементина и начала вычерпывать воду из лодки с помощью пластиковой бутылки из-под «Хлорокса».

— На судне есть помпа для откачки воды, — сообщил Данфи. — Я проверял. Она должна работать сама, без нашего вмешательства.

— Все равно ей нужна наша помощь, — ответила Клементина. Спустя мгновение она взглянула на паруса, которые, казалось, готовы были вот-вот лопнуть, и повернулась к Данфи. — Я хочу тебе кое-что предложить, — прокричала она, выливая за борт полгаллона воды и зачерпывая еще столько же, — пока мы совсем не потеряли снасти.

— Что?!

Ветер продолжал усиливаться. Его завывание в сочетании со скрипом опор производило жуткое впечатление.

— Возьми риф, отпусти кливер и перейди на правый борт, — велела она.

У Джека отвисла нижняя челюсть, он уставился на нее, онемев от изумления.

— Что? — произнес он в полнейшей растерянности.

Его вопрос подхватил ветер и унес куда-то в темноту.

— Я сказала, возьми риф...

— Хорошо! Ладно! Я тебя прекрасно слышал.

Зажав канат кливера зубами, Джек развязал узел, завязанный в форме восьмерки, которым фал прикреплялся к рее, и грот опустился. Он скручивал парус до тех пор, пока от него не осталась одна маленькая тряпочка, после чего завязал его. Наконец Джек отпустил кливер и повернулся к Клементине с совершенно растерянным видом. Лодка, как ни удивительно, шла ровно.

— На какой борт ты велела мне перейти? — спросил он, прекрасно понимая, что дает ей повод для бесконечных насмешек.

Клементина ответила ему своей обворожительной улыбкой:

— Сюда. — Она продолжала вычерпывать воду. Ее волосы развевались на ветру.

Когда Данфи оттолкнул от себя румпель, кливер наполнился ветром. Лодка изящно повернулась в сторону от Лозанны и более спокойно поплыла по ветру. Даже дождь как будто немного утих.

Какое-то время спустя, когда он сам немного успокоился, Данфи спросил ее:

— Где ты научилась управлять лодками?

Клементина улыбнулась и поставила бутылку из-под «Хлорокса» на пол.

— У моих родителей был домик в Кинсале, — ответила она. — Мы ездили туда каждое лето. И я часто выходила в море. В общем, приобрела определенный опыт.

— Заметно, — прокомментировал он.

— Если ты отпустишь кливер чуть побольше, — сказала она, — я думаю, мы сможем плыть по ветру... У тебя есть карта?

— Нет.

— Вот умница! Действительно, зачем нам карты? — Она нахмурилась. — Мне кажется, там впереди Ролль. Но в любом случае — Швейцария. Полагаю, мы можем двигаться в том направлении...

Данфи передал ей румпель.

Примерно в одиннадцатом часу они причалили у лужайки, расположенной рядом с большим, но плохо освещенным домом на расстоянии примерно пятнадцати миль к юго-западу от Ролля, за Коппе. Водитель грузовика согласился подвезти их до Женевы, где они сняли номер в первом попавшемся отеле, сказав портье, что у них сломался автомобиль.

Утром Данфи нашел Handelsregister^[101] в Старом городе и с помощью весьма дружелюбной чиновницы отыскал Institut Mérovée. Информации о нем было очень немного.

В соответствии с документами Институт был основан в 1936 г. на деньги, полученные в дар от Бернардена Гомелеса, жителя Парижа. Цели он преследовал «благотворительные, образовательные и религиозные». В 1999 г. активы Института составили >1 миллиарда швейцарских франков. Что при приблизительном подсчете давало более 700 миллионов долларов. Но насколько больше? И что на самом деле означал знак >? Больше чем... Ну что ж, подумал Данфи, два миллиарда швейцарских франков больше одного миллиарда швейцарских франков. А десять миллиардов — еще больше. И так далее. И тому подобное.

Другими словами, узнать, насколько богат Институт, было практически невозможно. Хотя, вне всякого сомнения, он был очень и очень богат. Его президентом являлся, как можно было понять из бумаг, сын или внук Гомелеса. По крайней мере они носили одинаковое имя — Бернарден Гомелес. В качестве адреса Института и его президента называлась вилла Мунсальвеше в городке Цернец.

Данфи спросил помогавшую ему даму, шестидесятилетнюю блондинку с глубокими

морщинками вокруг глаз и веселенькими сережками, где находится Цернец. Она рассмеялась.

— Это в Граубюндене! — воскликнула она так, словно кантон располагался дальше островов Фиджи. — Очень глухое место. Наверное, там в основном говорят на ретороманском. Не по-немецки и не по-итальянски.

— Так где он все-таки? — настаивал Данфи.

Дама закатила глаза.

— На востоке. Рядом с Австрией. За Сент-Морицем. — На мгновение она задумалась, а затем, решив до конца прояснить проблему, добавила: — Да, конечно же, там, где живет Хайди.

До Цернеца оказалось невозможным долететь на самолете, поэтому они взяли напрокат автомобиль в цюрихском аэропорту и на следующее утро выехали в направлении Граубюндена. Расстояние до Цернеца составляло около двухсот миль, им предстояло пересечь довольно большой участок швейцарской территории с северо-запада на юго-восток. Они рассчитывали проделать названный путь за семь или восемь часов. Как бы то ни было, очень скоро они забыли о времени, так как дорога вела по сказочно красивым местам. Она открывала одну потрясающую перспективу за другой, вилась узкой ленточкой, прижавшись к отвесным скалам, а затем широким шоссе неслась среди просторных долин рядом с реками цвета слоновой кости, наполненными водой с тающих ледников. Как в раю, подумал Данфи. Горная растительность была не менее роскошной, чем в Донегале, все вокруг цвело. Скука городских пейзажей осталась далеко позади. Вокруг только ледники, озера и стада коров.

В Куре, городке с населением в тридцать три тысячи жителей, они повернули на юг к Цуоцу, а затем по узкой маленькой дороге к Цернецу. И прибыли как раз к тому моменту, когда солнце начало уже скрываться за вершинами гор.

Цернец оказался очень маленьким городком, но весьма оживленным, служившим сборным пунктом для групп хайкеров, отправлявшихся в расположенный поблизости Швейцарский национальный парк, каковой представлял собой единственный принадлежащий государству участок первозданной природы — шестьдесят четыре квадратных мили хвойных лесов, населенных лишь горными козлами, сернами и благородными оленями. В отличие от американских парков Швейцарский национальный парк был совершенно дик. Они обнаружили здесь всего один ресторан и множество троп, проложенных хайкерами, которых в Швейцарии можно встретить повсюду.

В самом Цернеце магазины были забиты японскими туристами и хайкерами, одетыми, как выразилась Клементина, «со специфическим граубюнденским шиком»: в горные ботинки, шерстяные носки, шорты и рабочие рубахи. Ансамбль завершали дорогие солнцезащитные очки, рюкзаки и сумки. Атмосфера царила здесь праздничная с неким налетом маниакальности, так как хайкеры и туристы метались по магазинам в отчаянном стремлении купить необходимое до закрытия магазинов в шесть. Пиво, минеральную воду, «Ландегер», хлеб и сыр. Самый лучший альпеншток и идеальный крем от загара.

Снять номер в гостинице оказалось значительно сложнее, чем предполагал Данфи. Те немногие отели, которыми располагал городок, были переполнены. Но им повезло, когда они свернули с главной улицы и в одном из шале, выстроенных в традиционном швейцарском стиле, увидели объявление в окне — «Zimmer».^[102] За пятьдесят долларов им

вручили ключи от двухкомнатной квартирki с парой односпальных кроватей и с гостиной, в которой красовались внушительных размеров комод, заполненный разными безделушками, альпийский рог длиной в девять футов и самые большие из когда-либо виденных ими часы с кукушкой. Вся остальная мебель производила впечатление выписанной по каталогу фирмы «ИКЕА».

Пообедали они в ресторане, специализировавшемся на раклетте^[103] и фондю с сыром. Интерьер ресторана был отделан сосновыми панелями и лепниной, на столах стояли свечи и цветы. Еда оказалась выше всяческих похвал. После обеда Джек с Клементиной забежали в расположенный поблизости кабачок. Там в уютном уголке у камина они выпили по бокалу вина.

Атмосфера в кабачке была камерная, почти семейная, и Данфи стал весело подшучивать над официанткой по поводу ее национального костюма. В конце беседы он сказал:

— Знаете, мы тут, в Цернеце, ищем один дом.

— Дом? — переспросила она. — Вы хотите снять дом?

— Нет, — ответил Данфи, — мы ищем один конкретный дом.

— О? И у вас есть адрес?

Данфи пожал плечами.

— Нет, номер дома нам не указали, только название: «Мунсальвеше». Вам что-нибудь известно о нем?

— Нет, ничего.

— Там живет некий господин Гомелес.

— Испанец?

Данфи покачал головой.

— Француз.

— Думаю, что вы ошибаетесь, — ответила официантка. — Такого человека в Цернеце нет. Иначе я бы, конечно, его знала. Я ведь здесь родилась.

Тем не менее по просьбе Джека она спросила у бармена, не известен ли ему человек по имени Гомелес или дом с названием «Мунсальвеше». Он отрицательно покачал головой и прошел в соседнее помещение, чтобы спросить хозяина. Минуты через две бармен вернулся с предложением:

— Попробуйте разузнать утром на почте. Они наверняка будут в курсе.

И он оказался прав.

Утром Данфи и Клементина отправились на почту к самому ее открытию и спросили у сотрудников о господине Гомелесе. Один из них сразу же понял, о чем идет речь.

— Да, конечно... Гомелес... Он здесь получает свою корреспонденцию с незапамятных времен, с тех пор как я был еще ребенком. В основном журналы.

— Значит, вы его знаете? — спросил Данфи.

Почтовый служащий отрицательно покачал головой:

— Нет, я его не знаю.

— Но...

— Сам он сюда не приходит. Это делают люди, которые на него работают. Они забирают почту два раза в неделю. Всегда приезжают на одной и той же машине. Вы любите автомобили?

Данфи пожал плечами.

— Конечно, люблю.

— Ну, тогда вам их автомобиль должен понравиться. Настоящая классика. «Кабриолет-С», как у Гитлера.

— А вы не знаете, где расположен его дом? Вилла...

— Мун-саль-веше! — провозгласил почтовый работник, рассмеявшись. Но тут же посерьезнел. — Сам-то я, конечно, никогда там не бывал, но один из егерей рассказывал мне, что вокруг большой парк. Так что дом расположен на территории заповедника, но не является его частью. В общем, владения очень богатого человека...

Данфи кивнул.

— А когда они забирают почту? — спросил он. — Возможно, мне удастся переговорить с ними.

Его собеседник пожал плечами.

— По вторникам и пятницам.

— Сегодня?

Кивок.

— Если вы зайдете сегодня в середине дня, то... можете встретиться с ними.

* * *

На противоположной стороне улицы находилось небольшое кафе, в котором столики были выставлены на широкую террасу. Джек с Клементиной уселись там и, сделав вид, что с увлечением читают «Геральд трибюн», внимательно следили за почтой. Воздух был свежий и морозный, солнце светило ярко, и когда его закрывало облако, создавалось впечатление, что температура мгновенно падает на двадцать градусов. В полдень они заказали сэндвичи и пиво, которое им принесли в высоких бокалах с инеем по краям. В час Клементина отправилась на прогулку, оставив Данфи за решением кроссворда из «Геральд трибюн». Если появится «мерседес», он сразу заскочит в их взятую напрокат машину и просигналит ей. Конечно, это будет совсем не по-швейцарски, но Клементина его услышит. Как бы то ни было, «мерседес» не появился.

Клементина вернулась через полчаса с топографической картой парка. Они расстелили ее на столе и стали искать какой-либо свободный участок, который бы подходил для расположения виллы Гомелеса. Ничего подобного обнаружить не удалось.

И вот перед самым закрытием почты Данфи обратил внимание, что головы нескольких прохожих повернулись в одном направлении. Взглянув туда же, он увидел древний «мерседес-бенц», за рулем которого сидел темноволосый мужчина в черном костюме и галстук ленточкой. Схватив Клементину за руку и швырнув на стол бумажку в сто франков, Джек бросился к своему автомобилю. Он находился на расстоянии квартала, и к тому моменту, когда они вернулись, «мерседес» уже выезжал из города в восточном направлении.

Они последовали за «мерседесом», стараясь держаться на безопасном расстоянии. Клементина расстелила карту на коленях и следила по ней за их движением.

— Здесь не отмечено никаких дорог, ведущих в парк, — сказала она, — только дорожки для пешеходов и тропы для хайкеров. Поэтому я даже не представляю, куда он может ехать.

Шоссе проходило рядом с бурной горной рекой, которая шумно катила по гальке свои сероватые воды.

Они выехали в глубокую долину, образованную ледником, солнце оказалось у них

прямо за спиной, а тени начали удлиняться, свидетельствуя о приближении ночи. Река извивалась, резко поворачивая то в одну, то в другую сторону, шоссе полностью повторяло все ее изгибы, следуя точно по берегу. Впереди на расстоянии ста метров «мерседес» вдруг круто повернул, и Данфи нажал на тормоза. Затем они снова последовали за автомобилем, миновали поворот и выехали на прямую магистраль. Знак на обочине гласил:

ИЛЬ-ФУОРН 8 КМ

Джек увеличил скорость.

— А где «мерседес»? — спросила Клементина.

Данфи заморгал глазами. Впереди ничего и никого не было. Нажав на тормоза, Джек съехал с дороги и выключил мотор.

— Куда он подевался? — спросил он.

Создавалось впечатление, что они преследовали не реальную машину, а видение. Клементина повернулась на сиденье и вытянула шею. Мгновение спустя она сказала:

— Посмотри, — и ткнула пальцем в ту сторону, откуда они ехали.

В том самом месте, где завершался последний поворот шоссе, пологой аркой над рекой возвышался мост. Он был настолько узок, что по нему с трудом могла бы проехать даже одна машина. Мост находился за невысоким холмом со стороны сиденья пассажира. Так как они ехали с севера на юг, они миновали его, не заметив. И теперь мост был виден только в зеркало заднего обзора. Чтобы добраться до моста, водителю «мерседеса» пришлось съехать с дороги и дать задний ход. Что он, вне всякого сомнения, и сделал.

Данфи прищурился. Рядом с мостом был установлен небольшой знак: «PRIVÉ».^[104]

— Ничего этого на карте нет, — заметила Клементина, указывая на то место, где должен был быть указан мост, — все остальное есть. Пожарные вышки, хайкерские тропы, лужайки для пикников и отдыха, домики лесников... И мосты. Множество разных мостов. А этого нет.

— И ее тоже нет, — добавил Данфи, указывая на грунтовую дорогу, начинавшуюся с противоположной стороны моста и исчезающую в лесу. — Подожди-ка, — сказал он, открывая дверцу машины. — Я сейчас вернусь...

Клементина тоже вылезла из машины и уже натягивала пальто.

— Я не собираюсь ждать где бы то ни было, — заявила она. — И конечно же, не на обочине дороги. Тем более здешней дороги.

Они перешли мост вместе, взявшись за руки. Сознание того, что «глок» при нем, внушило Джеку уверенность в себе, пожалуй, даже большую, чем того требовала ситуация. Вокруг ничего не говорило о наличии какой-то реальной опасности, и чем дальше в глубь леса уходила дорога, тем лучше она становилась. На расстоянии примерно километра от моста на ней появился гравий, а вскоре его сменило превосходное асфальтовое покрытие. Они ускорили шаг. Через какое-то время впереди замерцал какой-то свет, и они направились к нему.

Это оказался газовый фонарь, висящий на столбе перед величественными воротами из кованого железа. Ворота, распахнутые настежь, были примерно двадцать футов в высоту, в ширину же они перекрывали всю дорогу. Данфи, прищурившись, разглядывал искусную ковку, которую уже покрывал мох и лишайники.

Данфи взглянул на Клементину, миндалевидные глаза которой сделались круглыми, как бильярдные шары.

— Ну как, ты не против?.. — спросил он.

Девушка молча кивнула, и они, не говоря ни слова, вошли в ворота. Почти совсем стемнело, и уже было трудно что-либо разглядеть. Тем не менее, впереди, среди деревьев, виднелись какие-то огни. Джек и Клементина шли по дороге еще примерно полмили, как вдруг неожиданно оказались посреди широкой поляны.

На некотором расстоянии от них находилась похожая на сказочный замок вилла Мунсальвеше, занимавшая склон высокого холма. И множество звезд, рассыпанных по небу над ней, и...

— Посмотри! — Клементина дернула Данфи за рукав.

У темного пруда, смутно мерцавшего в лунном свете, вырисовывался силуэт старика в инвалидной коляске. Колени его были укутаны пледом. Он кормил хлебом лебедей. Лица они рассмотреть не могли, но в глаза бросилась густая грива седых волос до плеч.

— Это Гомелес, — догадался Данфи и сделал шаг по направлению к нему, но застыл на месте, услышав низкий и властный рык.

Медленно повернувшись, Данфи и Клементина обнаружили, что на них злобно уставились морды нескольких родезийских риджбеков. Самая маленькая из двух собак, светлой масти и мускулистая, доставала Данфи до пояса. И тут Джек по каким-то ему самому не совсем ясным признакам понял, что собаки следовали за ними по пятам от самых ворот.

Старик бросил лебедям горсть хлебных крошек и, продолжая сидеть вполоборота к незванным гостям, произнес:

— Ну что ж, добро пожаловать на виллу Мунсальвеше, мистер Данфи. «Собратся вы можете в любой момент, но вот уйти вам будет трудновато».

[\[105\]](#)

— Вы поклонник «Иглз»? — спросил Данфи.

— Только одной их песни, — ответил Гомелес, опрыскивая орхидею из хрустального распылителя. — Она мне лично очень близка.

Джек вместе с Клементиной находился в оранжерее виллы, они занимались пересаживанием и подкормкой орхидей вида «Dendrobium», которые разводил ее хозяин. Цветы источали благоухание, напоминавшее смесь аромата малины с цитрусовыми, одновременно изысканное и соблазнительное. Гомелес сказал, что выращивает их на протяжении уже почти пятидесяти лет.

— Я занялся этим практически сразу после войны, — объяснил он. — И оно стало моим хобби. Одним из множества.

Среди них было также изучение языков. По признанию Гомелеса — шутливому, как заключил Данфи, — он говорил почти на всех. Он явно преувеличивал, но насколько, не могли сказать ни Данфи, ни Клементина.

Одним из самых обширных помещений виллы была библиотека, сводчатый, отделанный деревянными панелями зал, от пола и до потолка заполненный книгами, до большей части которых можно было добраться только с помощью раздвижных стремянок. Большинство изданий, представленных здесь, были на одном из современных европейских языков, но имелись также полки и целые шкафы, где находились рукописи и фолианты на загадочных наречиях, о происхождении которых Джек мог только догадываться: на древнееврейском, китайском, японском, санскрите, урду, хинди, арабском и... эвзакиди?

Возможно, Гомелес скорее библиофил, нежели лингвист? Но нет, Джек видел почту старика, она почти полностью состояла из подписных научных изданий на языках столь далеких друг от друга стран, как, к примеру, Дания и Индонезия.

В любом случае библиотека представляла собой внушительное помещение. Она протянулась на тридцать метров, и в ней, кроме шкафов и стеллажей, находились выставочные стенды, в которых располагались древние телескопы и астролябии, хронометры и скрипки. Этрусские монеты и терракотовая посуда соседствовали там с коллекцией византийских и римских масляных ламп.

Но не библиотека была любимым местом Гомелеса в его обширном доме, а небольшая мастерская, проход в которую находился между двумя высокими стеллажами с литературой по Японии и иудаизму. В мастерской располагался стол среднего размера, на котором было установлено разнообразное электронное оборудование. На стене за столом висел плакат со словами «La vérité est dehors la!». [\[106\]](#)

Гомелес с любопытством наблюдал за тем, как Данфи с Клементиной разглядывают аппаратуру. Два устройства были соединены с принтером, из которого постоянно выползала бумажная лента с чем-то, что напоминало обычную кардиограмму.

— А что это такое? — спросил Данфи, рассматривая подсвеченные шкалы и кнопки.

— Анализатор спектра, — ответил Гомелес, — подключенный к преобразователю из цифровой формы в аналоговую. Ну и к принтеру, конечно.

— А для чего оно вам? — спросила Клементина.

— Ну, — ответил старик, — в данный момент оно занимается тем, что анализирует радиосигналы, получаемые из космоса.

— О! — откликнулась Клементина на его объяснения. — А для чего?

— Ну, хотя бы для того, — ответил Гомелес с усмешкой, — чтобы внести свой посильный вклад в поиски признаков разумной жизни во вселенной, на которые направлены усилия многих профессиональных астрономов.

— Вы хотите сказать...

— На крыше установлен радиотелескоп. Не очень большой, но работает вполне исправно.

— И упомянутая проблема вас очень волнует? — спросил Данфи.

Гомелес пожал плечами:

— Да в общем-то не очень.

Данфи хотел было задать следующий вопрос, который логически вытекал из первого.

— Зачем же тогда...

Но Гомелес приложил палец к губам:

— Поймете позже. Всему свое время.

Данфи никогда не любил подолгу гостить у кого бы то ни было, даже у владельцев замков и дворцов. Ему больше нравилось останавливаться в гостиницах. Но Гомелес являлся обладателем ответов на те вопросы, которые в последнее время занимали его больше всего. И хотя Джек бывал порой излишне напорист в своих расспросах (Знали ли вы Даллеса и Юнга? Каковы цели Общества?), у старика, несомненно, был свой план общения с ним, и торопить его было бессмысленно. Поэтому Данфи пришлось набраться терпения. Что было совсем не легко.

После недели, проведенной в Мунсальвеше, они довольно близко познакомились с Гомелесом. Старик — а он действительно, что уж тут греха таить, был стариком, незадолго до их приезда отпраздновавшим свое девяностодвухлетие — оказался идеальным хозяином, очень чутким и внимательным ко всем нуждам своих гостей, интеллигентным и тактичным. В Гомелесе, в его характере и поведении было некое сочетание серьезности и мягкой обходительности, заставившее Данфи пожалеть, что его собственный отец был так мало похож на этого швейцарского затворника. Что касается Клементины, то она была в полном восторге от старика, каждое утро проводила с ним в оранжерее, а ближе к вечеру выкатывала его к пруду кормить лебедей.

Конечно, Гомелес жил не один. Обслуживающий персонал виллы состоял из дюжины человек, включая тех, кто работал в самом здании и в поместье. Он состоял из двух садовников, шофера, медсестры, четырех горничных, секретаря, который также исполнял роль дворецкого, двух поваров и нескольких охранников, крайне редко попадавшихся на глаза, — они патрулировали границы владений Гомелеса, объезжая их на мототележках для гольфа.

— Я не могу беседовать ни с кем из них, — как-то заметил Гомелес, — они ведь откровенные идиоты.

Данфи усмехнулся.

— Они хуже, чем идиоты, — сказал он. — Они бездельники. Не знаю, где они были прошлой ночью, но за воротами они не следили. Мы беспрепятственно вошли на территорию поместья при свете луны. На нашем месте могла бы быть целая русская армия.

— Ну да, конечно, вы вошли беспрепятственно, — согласился Гомелес. — Но ведь так было задумано.

— Что вы хотите сказать? — спросила Клементина.

— Они хотели, чтобы вы вошли. Собственно говоря, я тоже этого хотел.

— Но зачем?

— Потому что они не могли вас найти. Даже наоборот, вы находили их, а не они вас. Вначале в Лондоне, потом в Цуге. А затем в Париже. Поэтому, я полагаю, ваш приятель Матта решил провести мозговой штурм в подведомственной ему организации и пришел к выводу, что если Магомет не идет к горе, то пусть уж гора придет к Магомету.

— Значит, мы находимся в ловушке, — заключил Данфи.

Гомелес пожал плечами.

— У меня на вилле никогда не случалось никакого насилия, мистер Данфи, и могу вас заверить, что не случится и впредь.

— А если... если... когда... мы решим уйти? — спросил Джек.

— Они убьют вас в то же мгновение, как только вы переступите границы моих владений.

Данфи задумался.

— Только что вы сказали: «Они хотели, чтобы вы вошли. Собственно говоря, я тоже этого хотел». Что вы имели в виду?

— Ну вот, — ответил Гомелес, — вы и дошли до самого главного вопроса. Я имел в виду, что здесь я такой же пленник, как и вы. Конечно, я могу выходить из дому, могу прогуливаться, но недалеко. Я очень стар, и инвалидная коляска — большое подспорье. Полагаю, вы понимаете, что сбежать отсюда мне одному практически невозможно...

Данфи мгновенно понял, на что намекает старик.

— Но вы обдумывали то, как...

Гомелес кивнул:

— Я только об этом всегда и думал. По крайней мере с тех пор, как был ребенком лет пятидесяти. — Он смерил Джека взглядом с ног до головы и спросил: — Спина-то у вас сильная?

Данфи пожал плечами:

— Думаю, да. А что?

— Просто интересно. — Старик развернул кресло и поманил их за собой. — Я хочу, чтобы вы кое-что увидели. — И, нажав кнопку на подлокотнике кресла, резко рванул на нем вперед.

Они миновали библиотеку и оказались в большом зале, где их ждал лифт начала XX века. Данфи успел заметить, что дверцы из кованого железа изображают падение Люцифера и его ангелов. Джек придержал дверцы, пропуская вперед Клементину и Гомелеса, а затем вошел сам. Как только Гомелес вставил ключ в панель управления, дверцы с грохотом захлопнулись. Лифт начал медленно опускаться.

Движение вниз длилось очень и очень долго. Наконец они прибыли в самый глубокий подвал виллы. И то, что увидел Данфи, крайне изумило его. Он ожидал найти там винный погреб или подземную темницу, но глазам его предстал сияющий чистотой коридор с ультрасовременными кабинетами. Вокруг были слышны звонки телефонов, щелканье клавиатур, жужжание копировальных устройств. Мужчины и женщины в черных костюмах занимались своей работой и только изредка украдкой бросали взгляды в сторону Гомелеса.

— Создается впечатление, что они боятся на вас смотреть, — заметила Клементина.

Гомелес пожал плечами.

— Они считают меня богом, — ответил он. — Вы понимаете, что подобное мнение крайне усложняет наши отношения. — Он проехал немного дальше по коридору, остановился и кивнул на стеклянную стену. — Взгляните.

В комнате с неярким приглушенным освещением несколько мужчин в темных костюмах сидели перед строем мерцающих зеленоватым свечением компьютерных мониторов, манипулируя тумблерами на сверкающей алюминиевой панели управления. На стене напротив находилась карта окружающего виллу леса, которую во всех направлениях пересекали фиброволоконные нити.

— Что это за голубые огоньки? — спросила Клементина.

— Дорожки, проложенные через парк, — ответил Гомелес.

— А красные? — спросил Данфи.

— Ими обозначены границы территории поместья. Они постоянно находятся под наблюдением с помощью видеокамер.

— Даже ночью? — спросила Клементина.

Гомелес кивнул.

— Они оборудованы синхронизированными усилителями сигнала с устройствами теплового видения, — пояснил он. — Другими словами, им подвластно все лучшее, что есть в обоих мирах — как внешний, так и внутренний свет.

Клементина нахмурилась, не поняв его последней фразы.

— Свет звезд и телесное тепло, — пробормотал Данфи.

— Ну, можно и так сказать, — согласился Гомелес.

— А как вам удалось приобрести такие обширные познания? — спросил Джек.

— О, у меня очень много свободного времени! — ответил Гомелес. — Фактически вся моя жизнь была посвящена этому.

Проехав немного дальше по коридору, Гомелес, не оборачиваясь, дал знак, чтобы они следовали за ним. Переместившись еще примерно футов на двадцать, он остановился у затемненной комнаты, стена которой состояла в основном из стекла. Она напомнила Клементине родильное отделение больницы, и, заглянув туда, она думала обнаружить там ряд инкубаторов. Однако увидела лишь одинокую мужскую фигуру, склонившуюся над книгой рядом с компьютерным монитором. По экрану разгуливал какой-то персонаж из мультфильма с блаженной улыбкой на физиономии.

— А кто это такой? — спросил Данфи. — Мистер Тупица?

Гомелес покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Это я.

Он постучал в окошко, и мужчина в кресле оторвал глаза от книги. Гомелес помахал ему рукой и улыбнулся. В ответ тот наклонил голову в почтительном поклоне и вновь вернулся к чтению.

— Не понимаю, — произнес Данфи. — В чем тут цель?

Гомелес опустил руку вниз и приподнял правую штанину.

— Вот в чем цель. — Лодыжка старика была обмотана черной лентой, а к ленте крепилась маленькая пластиковая коробочка.

Клементина уставилась на нее.

— Что это такое? — спросила она.

Данфи покачал головой от изумления.

— Браслет контроля и наблюдения.

— Блестяще! — воскликнул Гомелес.

— Он излучает слабый радиосигнал, — пояснил Данфи. — Сигнал принимается транспондером, находящимся где-то на территории поместья. А транспондер передает его на принимающую станцию. Я правильно говорю?

Гомелес кивнул:

— Совершенно верно.

— Пока человек, за которым ведется наблюдение, находится в полосе действия транспондера — именно его сигналы и отслеживает тот парень, — все в порядке. Но как только он выйдет за ее пределы... — Джек повернулся к Гомелесу. — Насколько далеко вы вообще можете отходить?

— Примерно на сто метров от дома, прогуливаться вокруг пруда, если мне захочется.

— Вы ведь можете просто взять и снять все это, — возмущенно заметила Клементина.

— Чтобы снять его, мне придется разрезать ленту, — ответил Гомелес, — и цепь разомкнется. Нет цепи, нет и сигнала. А если нет сигнала, значит, возникли какие-то проблемы. — Внезапно он улыбнулся. — Пойдемте, я покажу вам кое-что еще.

Гомелес покатил кресло дальше по коридору, остановился у одной из дверей, открыл ее и зажег свет в помещении. Данфи и Клементина заглянули внутрь.

Помещение оказалось оснащенной по последнему слову техники операционной с рентгеновской аппаратурой и другим диагностическим оборудованием. Имелся тут также и отсек интенсивной терапии со всеми устройствами, необходимыми для поддержания жизни. Гомелес выключил свет и поежился.

— Я очень хотел, чтобы вы это увидели, — сказал он.

Тем вечером они обедали в геральдическом зале и смотрели по телевизору повторный показ «Зайнфельда»^[107] под внимательным взором собак Эмины и Зубейды. Они следовали за Гомелесом постоянно, куда бы он ни направлялся в доме или на улице, бесшумно ступая за ним по пятам. Время от времени он рассеянно протягивал руку, и одна из собак подскакивала к нему и подставляла ему ухо, которое он должен был почесать.

После окончания фильма Гомелес провел своих гостей в маленький кабинет с видом на озеро. В камине горел огонь, а над камином висела картина такой художественной мощи, что у Джека и Клементины захватило дух. Клементина прочла надпись на бронзовой табличке, прикрепленной к золотой раме:

«ДЕ МОЛЕ НА КОСТРЕ»
(1576?)

— Никогда не слышала о подобной картине, — сказала она. — Что странно, так как я с отличием сдала историю искусств.

Гомелес пожал плечами и налил им обоим по рюмке кальвадоса.

— Потому что она известна только по слухам, — пояснил он. — Ее никто никогда не фотографировал, и она никогда нигде не выставлялась.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что она всегда находилась здесь.

Мгновение они молчали, затем Данфи заметил:

— В отличие от вас.

Гомелес с недоумением взглянул на Джека.

— Мы были в музее на рю де Могадор, — объяснила Клементина.

Гомелес закрыл глаза и задумчиво кивнул.

— И что случилось? — спросил Данфи.

— Случилось? — переспросил старик.

— Да, с вами. Когда пришли немцы...

Гомелес печально покачал головой.

— Все, что случилось, случилось еще до того, как пришли немцы.

Клементина села рядом с ним в кресло и спросила:

— Что вы имеете в виду?

Гомелес уставился на огонь, горевший в камине, и начал свой рассказ.

— Я был тогда еще совсем ребенком и жил в Париже. И как-то отец взял меня на встречу с группой людей, как мне сказали, весьма влиятельных в мире политики, бизнеса и искусства. На этой встрече мне объяснили, что моя семья «отличается» от всех других семей — и я тоже отличаюсь, — и что у нас есть особые обязанности. Мне также сообщили, что когда-нибудь я узнаю гораздо больше о своем происхождении и обо всем остальном, но в данный момент они собрались там для того, чтобы принести мне присягу, поклявшись в верности моему делу.

Гомелес сделал глоток кальвадоса.

— Моему делу? Вы можете представить мою реакцию. Мне было всего десять лет! — воскликнул старик. — «Какое „дело“ имелось в виду?» — спросил я отца. И он ответил, что дело — это я сам. «Но почему?» — спросил я. «Потому, — ответил он, — что если в их жилах течет обычная кровь, то в твоих течет кровь Спасения. И они сказали, что я принц, который должен стать царем. А если не я, то мой сын. А если не он, значит, его сын». — Гомелес покачал головой. — Можете представить, что я ощутил. Я ведь был ребенком. Конечно, их слова меня почти не удивили. Подобно многим другим детям, я всегда знал — или по крайней мере подозревал, — что в каком-то смысле являюсь необычным, исключительным, волшебным существом. И, по правде говоря, мне казалось вполне естественным и вполне справедливым, что я должен стать центром некой тайной вселенной, темным солнцем, вокруг которого вращается множество верных почитателей. Став старше, я понял, что должен заплатить за свое положение определенную цену, и притом немалую — я лишился права распоряжаться собственной жизнью. Она попросту превращалась в одно сплошное ожидание.

Гомелес почесал Зубейду за ухом и налил себе вторую рюмку кальвадоса. Данфи взял кочергу и помешал угли в камине.

— И я ушел... В тридцать шестом. Вышел из дому, сказав, что иду за сигаретами, и отправился в поисках приключений, верных друзей, справедливой войны... Меня очень волновали политические события. В тридцатые годы политика волновала всех. Поэтому мне понадобилось совсем немного времени, чтобы разыскать в Париже штаб-квартиру Франко-бельгийской коммуны. А два дня спустя я сидел в поезде, направлявшемся в Испанию, на Гражданскую войну. А через неделю уже лежал в госпитале с ранением шрапнелью.

Данфи заморгал.

— И когда это случилось?

— Четвертого ноября тридцать шестого года.

— Значит, вот что он имел в виду, — произнес Данфи.

— Кто?

— Аллен Даллес. В своем письме Юнгу. Он писал, что произошла катастрофа. Полагаю, он имел в виду ваше ранение.

Гомелес кивнул:

— Катастрофа — очень точное слово. Друзья моего отца отыскиали меня и перевезли в Париж. Но дело было сделано. Из-за ран я лишился возможности стать отцом. И самое ужасное заключалось в том, что, будучи последним представителем своего рода, я сделался еще большим сокровищем для всех тех, дело жизни которых воплощал. В результате я... уже очень много лет нахожусь в этом заточении.

Ни Джек, ни Клементина не знали, что сказать.

— Как ни удивительно, последствия моих ран еще более вдохновили друзей моего отца, которые увидели в них исполнение пророчеств.

— «Его царство придет и уйдет, — процитировал по памяти Данфи. — потом придет опять...»

Дальше он не помнил, но Гомелес знал весь текст как свои пять пальцев и продолжил:

Его царство придет и уйдет,
И вновь придет опять,
Когда, пораженный под корень,
Он станет последним, последним не став,
Один и со знаком священным на теле.
Тогда все земли те
В единую страну соединятся.
Он будет царствовать над ними,
Пока им не дарует сыновей навек,
Сам будучи безбрачен
И, словно мертвый, недвижим.

— Вы что, знаете апокриф? — удивленно спросил старик.

Данфи кивнул:

— Я его видел. Но мне кажется, его авторы явно промахнулись в этом последнем моменте.

— О чем вы?

— О том, что он будет безбрачен и в то же время будет иметь детей. Как такое возможно?

Гомелес нахмурился.

— Возможно, и притом очень легко.

— Каким образом?

— Я передал образцы спермы Институту евгенических исследований в Кюснахте. Еще шестьдесят лет назад. Она хранится там, законсервированная криогенным способом.

— Вы уверены?

Гомелес улыбнулся:

— Уж поверьте мне. Они никогда ничего не выбрасывают.

— В таком случае зачем вы нужны им? Обществу, я имею в виду. Почему бы им

просто...

— В пророчестве все сказано достаточно ясно. Царство может быть возвращено только прямому наследнику, который будет «поражен под корень и со знаком священным на теле».

— Со священным знаком? — переспросила Клементина.

— У меня родинка особой формы на груди, — объяснил Гомелес. — Но это не все. Возвращение царства должно произойти при жизни последнего...

— Не ставшего последним, — напомнил Данфи.

— Абсолютно верно, — согласился Гомелес. — В свете всего здесь сказанного вы можете представить причины их энтузиазма по моему поводу.

Джек невольно улыбнулся.

— Меня беспокоит, — продолжал Гомелес, — только то, что я буду жить вечно. Пожалуйста, не смейтесь! Вы ведь видели полностью оборудованную больничную палату. Они будут поддерживать во мне жизнь до скончания века. И преисполнены решимости именно так и поступить. — Гомелес сделал паузу и поднял глаза вверх. — Вот мы и подходим к загадке вашего появления здесь. Что заставило вас прийти сюда?

Данфи взглянул на Клементину и пожал плечами.

— Собственно, нам и идти-то больше было некуда. Начиналось все в Лэнгли. Мы побывали в Цуге. И у меня появилось ощущение, что они будут следовать за нами, куда бы мы ни направились. Поэтому я решил, что должен поехать туда, где находится источник и причина всех моих проблем.

Гомелес кивнул.

— А вам не приходило в голову, что, возможно, вам придется убить меня?

Джеку стало неуютно из-за столь прямого вопроса. Клементина громко запротестовала.

— Признаться, подобная мысль у меня появлялась, — ответил Данфи.

Гомелес улыбнулся:

— В таком случае у меня есть к вам предложение.

И вновь Данфи и Клементина переглянулись.

— Послушайте, Бернар, я ведь не доктор Кеворкян,^[108] — сказал Данфи. — Да, кстати, вы не так уж плохо и выглядите.

Гомелес рассмеялся.

— Я совсем не это имел в виду. Хотя, если бы я сказал, что устал от Лондона, вы бы поняли меня?

Клементина кивнула.

— Значит, вы устали от жизни?

Гомелес кивнул:

— Да, хотя я ведь никогда не бывал в Лондоне. — Он замолчал и задумался. — Как бы то ни было, я не хочу никакого насилия над природой. Итак, у меня есть для вас очень простое предложение: если я покажу вам выход отсюда, вы возьмете меня с собой?

— Конечно! — ответила Клементина.

— Но какой в этом смысл? — спросил Данфи. — Рано или поздно они нас найдут. И что тогда?

Гомелес покачал головой.

— Как только я умру, вы будете в безопасности, — сказал он. — С моей смертью все закончится.

— Что — все? — переспросил Данфи.

— Общество и его деятельность, — пояснил Гомелес. — Во мне заключен весь смысл его существования.

Данфи задумался.

— Я понял, к чему вы клоните... Но... я не хочу, конечно, показаться бесчувственным негодяем... но... э-э... это ведь может занять определенное время.

— Джек!

Гомелес рассмеялся.

— Не беспокойтесь. Если мы отсюда уйдем, я долго не протяну. Я болен анемией. Без регулярных инъекций В-12...

— И все-таки куда мы отправимся? — не унимался Данфи. — Они ведь будут искать нас по всей земле, во всех странах.

— Конечно, будут, — согласился Гомелес. — Но как раз там нас и не будет.

— Что?!

— Нас не будет ни в одной стране на земле.

Старик появился в их спальне в два часа утра. За ним по пятам следовали его собаки.

— Пора уходить, — прошептал он.

Вместе они прошли в зал, а оттуда по винтовой лестнице — в библиотеку. Повернув налево у стеллажей с книгами по иудаизму, вошли в маленький кабинет, где Гомелес ловил сигналы из космоса. Он зажег свет, подкатил кресло к столу и выключил принтер. Затем повернул пару тумблеров и несколько дисков на анализаторе спектра. Зеленоватый огонек на осциллографе задрожал и взлетел вверх на шкале.

— Вы что-то ищете? — спросил Данфи.

— Частоту и амплитуду браслета, — ответил Гомелес. — Думаю, она равна примерно восьмистам пятидесяти килогерцам, но они ее постоянно меняют, и если я... если я ошибусь, то... стану убийцей.

Данфи и Клементина внимательно наблюдали за тем, как старик возится с аппаратурой. Время от времени бегунок на осциллографе резко взмывал вверх, и Данфи думал: вот оно! Но нет, не то...

— В Цуоце работает пиратская радиостанция, — сказал Гомелес, — и у егерей имеется рация. В здешних местах есть также парочка радиолюбителей и несколько военных станций. А, вот! Вот оно! Поймал! — Вынув небольшой блокнот из верхнего ящика стола, он сверил принятую частоту с той, что была записана в блокноте. — Та же, что была на прошлой неделе.

Он сунул руку в нижний ящик и извлек оттуда коробку для сигар. В коробке находился какой-то предмет, завернутый в кусок материи. Гомелес снял с него ткань.

— Что это? — спросила Клементина.

— Передатчик, — ответил Данфи. — Мне кажется, Бернар собирается продублировать сигнал на устройстве слежения. А потом заменит его. И будет создана полная иллюзия того, что он находится здесь, когда его уже здесь не будет.

— Великолепно, — откликнулся Гомелес, — только я уже давно это сделал. Сложность состояла не столько в том, чтобы определить несущую частоту, сколько в том, чтобы демодулировать ее. Сигнал закодирован...

— Поэтому вам и нужен был преобразователь, — перебил его Данфи.

— Верно, — согласился Гомелес.

— Значит, все ваши игры с телескопом...

— ...не более чем уловка, предназначенная для приобретения анализатора спектра, — ответил Гомелес, вставляя батареи в маленький передатчик на столе. — Их хватит примерно на шесть-семь часов. К тому времени мы будем уже далеко.

Гомелес вынул из верхнего ящика стола ножницы, нагнулся, перерезал ленту браслета и бросил его на пол.

Старик показал им подземный коридор, в который можно было попасть через замаскированную дверь на первом этаже башни в западном крыле виллы. По коридору они прошли на второй уровень подвала, где на узких рельсах стоял электровагон, рассчитанный на четырех человек. Гомелес велел им пройти мимо и следовать вдоль путей внутри слабо освещенного тоннеля.

— Вам что-нибудь известно об архитектуре подземных оборонительных сооружений? — спросил он.

Данфи отрицательно покачал головой.

— Это еще одно ваше хобби?

— Швейцарцы просто помешаны на подобных вещах, — объяснил Гомелес, немного замедляя движение кресла, чтобы Данфи и Клементине было легче за ним поспевать. — Вся страна буквально источена тайными подземными ходами. Целые горы выдалбливались изнутри, чтобы в них можно было расположить танки, ракеты и истребители. Туннель, по которому мы сейчас следуем, построен ВВС. В случае вторжения в Швейцарию вилла Мунсальвеше должна стать местом размещения ставки генерального штаба страны.

— И куда он ведет? — спросил Данфи.

Гомелес пожал плечами.

— В Иль-Фуорне есть шале. По крайней мере строение выглядит как шале. Там туннель, который выходит на поверхность.

Данфи поморщился.

— Вот там-то они и будут нас ждать, — сказал он. — Маловероятно, чтобы подобное строение оставили без охраны.

— Естественно, там охрана, — согласился Гомелес. — Но мы туда все равно не пойдем. Поэтому охраняют его или нет, для нас не имеет никакого значения.

Они шли еще минут двадцать, когда Гомелес вдруг нажал на тормоза на своем кресле.

— Ну вот. — Он указал на железную лестницу, поднимающуюся по гладкой бетонной стене по направлению к вентиляционной шахте. — Если вы поднимете меня, мы сможем отсюда выйти. За вентиляционными шахтами не ведется наблюдение — их слишком много. Да и в любом случае они никогда не создавали никаких проблем.

Взгромоздив Гомелеса к себе на спину, Данфи начал медленный подъем по лестнице. Сзади вдруг раздался тревожный шепот Клементины.

— В чем дело? — спросил он.

— Высота, — выдохнула она. — У меня с ней проблемы.

И в самом деле, вентиляционная шахта оказалась значительно длиннее, чем предполагал Данфи. Он спросил у Гомелеса:

— И сколько до верха?

— Тридцать футов, — ответил старик, а затем шепотом добавил: — А может быть, и метров.

Наверное, все-таки метров...

Когда они наконец достигли верха, мышцы Данфи дрожали от напряжения, и он боялся, что не сможет поднять вентиляционную решетку. Но волноваться о решетке не стоило. Как он вскоре обнаружил, она была сделана с характерной швейцарской основательностью. Ее удерживали только три фиксатора. Их без труда можно было открыть одними большими пальцами. Сдвинув решетку в сторону, Джек, полностью обессиленный, вылез на поверхность. Минуту спустя появилась и Клементина, белая как полотно.

Данфи оглянулся по сторонам. Было три часа утра и темно, хоть глаз выколи.

— Где мы? — спросил Данфи.

— Рядом с тропой, — ответил Гомелес. — По ней мы выйдем на дорогу, и, возможно, нас кто-нибудь подвезет. В любом случае Иль-Фуорн находится всего в нескольких милях отсюда. Вы сможете найти там автомобиль и вернуться сюда за мной.

Они отправились в путь. Данфи нес Гомелеса. Когда они в конце концов добрались до дороги, солнце уже вышло из-за гор, осветив темноту, но не рассеяв ее. Джек остановился у обочины, держа портфель в одной руке, и подняв большой палец второй в надежде, что кто-нибудь из немногочисленных водителей, в этот час проезжавших здесь, подберет их. Он замерз, устал и беспокоился, как бы на дороге не оказался кто-то из работающих на вилле. Если бы случилось что-то подобное, могла бы завязаться перестрелка. По прошествии какого-то времени Клементина порекомендовала ему отойти и сесть в сторонке вместе с Гомелесом, который уже сидел, прислонившись к дереву.

— Позволь мне попробовать, — предложила она. И опершись на бедро, подняла большой палец вверх.

Буквально через минуту рядом с ними затормозил грузовик. Водитель был явно разочарован, увидев, что Клементина не одна, а в сопровождении двух мужчин, но сотня франков, которые ему протянул Данфи, мгновенно умиротворили его.

— *Venvenuto al bordo!*^[109] — воскликнул он и, включив зажигание, помчался в сторону Италии.

Опасения Данфи по поводу того, что Гомелеса могут не пропустить через границу, не оправдались. Одиноким пограничник, встретивший их в Глоренце, сделал вид, что девяностодвухлетний пассажир с паспортом, просроченным на целых пятьдесят семь лет, его немного беспокоит, но все признаки беспокойства мгновенно испарились, как только Джек протянул ему стофранковую купюру. Через несколько минут они уже ехали по направлению к Больцано.

В Больцано они приобрели пару чемоданов, кое-что из одежды и сели на первый поезд до Триеста. Разместившись вместе с Клементиной и Гомелесом в купе первого класса, Данфи вслух задался самым главным вопросом: каковы на самом деле цели «Общества Магдалины»?

Гомелес не отрываясь смотрел в окно на бесконечное поле подсолнухов.

— Они очень изменились, — произнес он. — В прежние времена цели у них были...

— Благородные? — подсказала Клементина.

Гомелес кивнул:

— Думаю, да. Они боролись с инквизицией. Пытались противостоять террору. Но что-то случилось, и то, что начиналось как религиозная битва, закончилось обычной битвой за власть. Впрочем, это неудивительно. Состояние «Общества Магдалины» огромно.

— Я не могу понять одного, — сказала Клементина, — каким образом они надеялись

установить монархию? Монархию в прямом смысле слова. Они явно отстали от времени.

Гомелес мрачно усмехнулся и покачал головой:

— Не уверен. Боюсь, они всегда шли в ногу со временем. Вы забываете о том, каким удивительным очарованием обладает монархическая идея и как она притягательна. вспомните, что происходило, когда погибла принцесса Диана. Вся Европа встала на дыбы. Поэтому я не думаю, что реализовать этот их проект было бы так уж трудно. По крайней мере не так трудно, как объединить Европу. В тех немногих случаях, когда я пытался обсуждать с ними упомянутую тему, мне отвечали, что вопрос заключается лишь в правильной организации очередной предвыборной кампании. Схема та же: грандиозная рекламная кампания, лоббирование по всем возможным каналам, а где нужно, и подкуп влиятельных лиц. В конце концов во всех странах Европейского Союза будет проведен референдум. Европа — континент в основном христианский, и монархию предполагалось ввести чисто символическую, «конституционную», которая должна стать чем-то вроде вдохновляющей идеи для дальнейшего развития ЕС.

— И вы думаете, им бы все это удалось? — спросила Клементина.

Гомелес пожал плечами:

— Их состояние огромно. И они готовы потратить его все до последнего цента ради достижения своей главной цели. вспомните, ведь они не останавливались ни перед какими тратами ради того, чтобы сбылись пророчества.

— Но каков их план? — спросил Данфи. — Чего они на самом деле хотят?

Гомелес бросил на него внимательный взгляд.

— Они полагают, что, как только исполнятся все пророчества, на земле наступит Золотой век. Подавляющее большинство членов «Общества» не задумываются о том, что произойдет на следующий день после его наступления, так же как большинство из нас не задумываются о том, чем будут заниматься, очутившись в раю. Все просто хотят туда попасть. И точка. Но в отсутствие Вознесения или чего-то подобного, полагаю, «Общество Магдалины» превратит Европу в теократическое государство, христианскую версию Ирана Хомейни. Затем, как мне представляется, «Общество» займется тем, что попытается расширить свое влияние на обе Америки. А потом начнет великое очищение владений Мервингов от грешников. Я слышал, как они уже обсуждали подобные планы. Они называют это Прижиганием. И вот тогда пощады не будет никому.

Через час поезд прибыл в Триест. И именно там, в гостинице у моря, Данфи понял, что имел в виду Гомелес, когда говорил, что «нас не будет ни в одной стране на земле».

«Стенсил» представлял собой небольшое двухмачтовое судно в сорок пять футов длиной, с потрепанными парусами красного цвета и корпусом, который давно не мешало бы покрасить. Его изготовили в Чили в 70-е годы. На судне имелись две каюты: одна в носовой части, другая на корме. Кроме того, оно могло похвастаться элегантным салоном, отделанным красным деревом и тиком. Несмотря на обилие несомненных недостатков, у судна было по крайней мере два столь же несомненных достоинства: оно было из дерева, и оно было выставлено на продажу. Они купили его за 60 тысяч фунтов наличными, но Клем тем не менее не переставала бурчать, что гораздо практичнее было бы что-нибудь из стекловолокна. Гомелес не желал ничего слушать: он настаивал только на дереве.

Вечером они отплыли по прямому курсу к Венецианскому заливу. А у оконечности полуострова Истрия сменили направление. Повернув на юго-восток, устремились к

побережью Далмации, где среди сотен крошечных островков и тысяч удобных бухточек могли легко затеряться.

Данфи не строил никаких иллюзий, нисколько не сомневаясь в том, что рано или поздно Управление все равно их разыщет. Прежде всего, конечно, допросят пограничника в Глоренце, затем быстро разойдется слух о старике, приехавшем в Триест, и о молодой парочке, его сопровождавшей, которая приобрела «Стенсил» и расплатилась за него наличными. После чего их начнут искать в близлежащем регионе, анализируя данные, полученные со спутников.

Поэтому плыли они большей частью ночью, причаливая только в переполненных пристанях для яхт или в хорошо защищенных заливах. И вот в течение этого плавания начало происходить нечто странное.

Гомелес нашел свое счастье.

Наверное, впервые в своей жизни старик испытал настоящую безграничную радость, которую чувствует собака, сорвавшаяся с поводка.

— В последний раз я ощущал нечто подобное в тридцать шестом году, — сказал он Клементине, — да и то вскоре меня чуть было не убили.

Клементина выполняла на судне роль капитана. С ней во главе они проделали зигзагообразный путь мимо сотен островов со странными названиями: Крк, Паг, Вис и Брач. В одной рыбацкой деревушке на острове Хвар они выкрасили корпус в черный цвет, но Данфи понимал, что этого явно недостаточно. Силуэт судна, его оснастку, паруса можно было без труда разглядеть. Пройдет какое-то время, и какой-нибудь сотрудник вашигтонского штаба ВМС обязательно рассмотрит их лодку на фотографии, сделанной со спутника. Данфи даже представил эдакого зануду, занимающегося анализом снимков, сидящего за экраном Фреснела за длинным столом на складе с затемненными окнами и пристально всматривающегося в фотографии. Ему сказали, что Управление разыскивает опасного террориста. И вот изображение пристани в Сплите. Воды не видно из-за скопления яхт. И где-то в нижнем правом углу маленькое суденышко, красный парус которого напоминает тоненький капилляр, идущий по центру лодки. В точку! Медаль от разведки аналитику, а Данфи и его компании — черные вертолеты.

Ничего не поделаешь, другого выхода у них просто не было. В море им грозила ничуть не большая опасность, чем на суше, а, может быть, даже меньшая. Правда, они могли разделиться и отправиться в разные стороны, но у Данфи не хватило бы духу предложить нечто подобное. Они были нужны Гомелесу, и Клементина просто не стала бы ничего слушать.

Она полюбила старика как отца. Да его и трудно было не полюбить. Он обладал редкостным чувством юмора и располагал удивительным запасом интереснейших историй, невероятным для человека, вся жизнь которого прошла в заточении. Ночь за ночью, пока «Стенсил» скользил по волнам, Гомелес очаровывал Джека и Клементину своими удивительными рассказами, которым, казалось, никогда не будет конца.

Так могло продолжаться довольно долго. Из Данфи со временем наверняка получился бы превосходный моряк. Он делал успехи. Но очень скоро у старика начали проявляться признаки анемии, его состояние быстро ухудшалось. Клементина постоянно уговаривала его разрешить им причалить к берегу, с тем чтобы ему можно было сделать необходимые инъекции В-12.

Гомелес с ходу отвергал все ее предложения.

— Признаюсь, что я начал снова проявлять интерес к Лондону. Благодаря вам, моя дорогая. Но это все ни к чему. Мы здесь совсем по другой причине.

Данфи, провожая старика в каюту, тоже пытался обсуждать с ним его положение.

— Вы все равно не можете считаться последним, — пытался он убедить Гомелеса. — В таком роду существуют, наверное, десятки самых разных людей, которые могут претендовать на то, что являются потомками Меровингов. И даже если они всего лишь какие-нибудь дальние родственники, все равно...

Гомелес покачал головой.

— Значение имеет только одна линия наследования — прямая, — ответил он, снимая рубашку и готовясь ко сну. — И ее представителей вы можете узнать вот по этому знаку. — И он медленно повернулся к Джеку, чтобы тот мог рассмотреть отметину у него на груди — красное родимое пятно величиной с ладонь в форме мальтийского креста. — Родимое пятно, — пояснил он. — У всех представителей нашей фамилии оно было со времени... всегда. Поэтому, как видите, вопрос заключается не только в наличии документов, дающих право на некий титул. Есть и более зримые доказательства. Но я хотел бы и еще кое о чем с вами поговорить, Джек. Когда меня не станет, я хотел бы, чтобы вы кое-что для меня сделали. Для меня это очень важно.

В течение нескольких следующих дней здоровье Гомелеса стало стремительно ухудшаться. Ухудшаться начала и погода. Она установилась сырая и не по сезону холодная. Небо затянуло тяжелыми серыми тучами. И пошел непрерывный дождь.

Данфи обрадовался подобной перемене. В такую погоду трудно вести наблюдение со спутника, и у них появился шанс продвинуться незамеченными дальше вдоль береговой линии. Несмотря на все прогнозы, беглецы приняли решение с наступлением ночи двигаться в сторону моря. Так они и сделали, продолжая плавание вдоль гористого побережья.

Теперь «Стенсил» плыл гораздо быстрее, чем когда-либо. Западный ветер наполнял паруса судна и влек его по направлению к порту — они держали курс на Дубровник. За штурвалом стоял Данфи, Гомелес спал внизу в каюте. Клементина ходила по палубе, проверяя и поправляя оснастку с уверенным видом человека, выросшего на море.

Штормило, но не настолько, чтобы вызывать беспокойство. Более серьезной проблемой была ухудшившаяся видимость из-за темноты и дождя. На пути не было ни рифов, ни мелей, но они прекрасно понимали, что их корабль в море не единственный и столкновение сейчас стало бы катастрофой.

Поэтому приходилось постоянно вглядываться в почти непроницаемую темноту, прищурившись и моргая из-за дождя. Вспышки молнии сменяли одна другую, оставляя в памяти образы, на краткое мгновение освещенные грозowymi зарницами. Снова и снова перед ними мелькал далматинский берег, пока вдруг Клементина не крикнула что-то, указав прямо перед собой.

Данфи еще больше прищурился, напряженно всматриваясь вперед, но ничего не смог разглядеть, пока зигзаг молнии с шипением не разорвал тучи. И вот тогда-то, вдохнув острый аромат озона, Джек и увидел его — огромный, непроглядно-темный шквал, несущийся на них, словно кегельный шар величиной с Манхэттен. Ничего не оставалось, как держать нос корабля в направлении ветра, и Данфи приложил для этого все усилия. Но за шквалом следовала волна такой величины, которых не знала Адриатика. Заметив ее приближение и видя, как она растет с каждым мгновением, неся с собой почти неминуемую

гибель, Джек крикнул Клементине, чтобы привязалась к чему-нибудь. Но было уже слишком поздно. Море схватило их в свои объятия, вытащило из подошвы волны и повлекло все выше и выше, пока они не очутились на высоте, которая казалась недостижимой ни для какой волны. Какое-то мгновение они балансировали на самом гребне, а бушприт «Стенсила» был направлен в небо подобно пике. Затем волна выскользнула из-под них, и маленькое суденышко рухнуло вниз в морскую бездну.

Все заняло секунду. Только что Данфи, напрягая зрение, пытался рассмотреть, что ждет его впереди, и вот он уже несется вверх, а еще через мгновение падает в глубины морской бездны. Вода была настолько холодной, что у него перехватило дыхание. Он все дальше и дальше погружался в черную страшную пучину. Ноги Джека безнадежно запутались в оснастке судна. Он размахивал руками в жалкой попытке высвободиться или отыскать Клементину, но вскоре утратил представление о том, где находится верх, а где низ, и понял, что выхода нет. Он тонет. Его жизни пришел конец.

И тут, так же внезапно, как все началось, все и закончилось: «Стенсил» выровнялся. В эту минуту из своей каюты появился Гомелес, кашляя, отплевываясь, хрипя; знак Мервингов на груди выставлен навстречу ветру. Он бросился к Джеку, из последних сил втащил его на борт и помог высвободиться из обрывков снастей.

— Где Клементина? — крикнул старик.

Данфи с трудом поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Вокруг шло сражение между небом и морем, мачта разлетелась в щепы, грот свисал за борт. Все это бросилось Данфи в глаза в одно мгновение, когда он бежал от одного борта к другому, отчаянно вглядываясь в воду в поисках своей Клементины. Но вокруг не было никого и ничего. Только ночь, бушующие небеса и бескрайняя Адриатика. Клементины не было нигде.

И тут он увидел ее на расстоянии примерно двадцати ярдов: она лежала лицом вниз, и волна то поднимала, то опускала ее. Не задумываясь и даже не сняв ботинки, Данфи бросился в воду и стал бороться с волнами так, словно они были вражескими солдатами, вставшими между ним и его возлюбленной.

Их судно застыло, повернувшись носом к ветру. Фалы стучали о борт, рассекая воздух, но лодка не двигалась с места. Море продолжало бушевать вокруг, и Джеку потребовалось целых пять минут, чтобы добраться до Клементины и доплыть с ней обратно.

К тому времени когда он влез на борт, она уже не дышала. Гомелес помог Данфи втащить девушку на палубу. С первого взгляда Джек понял, что ее чем-то ударило по голове, боном или баком — он заметил кровь, текущую из раны.

Опустившись на колени рядом с Клементиной, Данфи рукой стер кровь и попытался вспомнить основные способы возвращения к жизни утопающих. Положив девушку на спину, поднял ей подбородок и резко надавил на лоб, чтобы освободить проход для воздуха в легкие через глотку. Затем, зажав ей ноздри пальцами, приложил свой рот к ее рту — попробовал сделать искусственное дыхание. Он почувствовал, как поднялась и опустилась грудь Клементины. Но всего один раз, больше это движение не повторилось. И ему показалось, что сердце ее остановилось.

Он снова и снова пытался вернуть ее к жизни, чередуя приемы искусственного дыхания с закрытым массажем сердца; он складывал ладони и ритмично надавливал на грудную клетку, отчаянно стараясь заставить ее сердце заработать, вдвухвал воздух ей в легкие. Прошло минут двадцать, и Джек, обессиленный и потерявший надежду, откатился в сторону, не способный ни на что больше.

Она умерла. И вместе с ней рухнули основы его бытия.

— Позвольте, я попробую, — сказал Гомелес и, опустившись на свои старческие колени, приблизил лицо к лицу Клементины, выдохнул, затем откинулся, чтобы набрать воздуха в легкие, а потом снова и снова пытался вернуть ее к жизни. Его длинные седые волосы рассыпались по ее щекам и смешались с ее волосами.

Данфи сидел, совершенно окаменев от горя, на разбитой крыше каюты. И вдруг он услышал ее кашель, потом снова и еще раз... А затем голос, удивленно вопрошающий:

— Что случилось? Где я была?

Утром Гомелеса не стало. Его хрупкое, дряхлое тело лежало на койке, глаза были закрыты. Казалось, он спит. Но он уже не дышал. Слезы катились по лицу Клементины, когда она накрывала лицо старого Меровинга простыней.

Они прекрасно понимали, что этот момент должен наступить, и притом очень скоро, и были к нему готовы. То, что их судно было практически полностью разбито, теперь уже не имело значения.

Джек с Клементиной часами сидели посреди открытого моря на расстоянии сотни ярдов от берега, как будто демонстративно выставляя себя напоказ в то самое время, когда проводится наиболее активное слежение со спутников. Затем причалили к какой-то небольшой бухточке, и, пока Клементина собирала ветки прибрежных сосен, Данфи уложил тело Гомелеса на палубе и исполнил свое обещание.

Воспользовавшись молотком и отверткой, имевшимися в его распоряжении, Джек осуществил трепаназию черепа старика — освободил его душу в соответствии с меровингским обрядом, столь же древним, как и сам их род.

— Наконец-то свободен, — прошептал Данфи.

Когда вернулась Клементина, они покрыли тело старика сосновыми ветками и облили бензином. Затем, воспользовавшись свечным воском и ниткой, чтобы тело не вспыхнуло мгновенно, зажгли погребальный костер.

— Нас уже должны были заметить, — сказал Данфи. — Весь берег под наблюдением. Значит, они, по-видимому, спешат к нам. И когда они придут сюда, то увидят, что произошло, и поймут, что для них все кончено.

Пройдя вперед, Данфи поднял кливер их судна. После чего завел мотор и направил лодку к Иерусалиму. Они с Клементиной прыгнули в воду и вместе доплыли до берега, когда от погребального костра, в который превратилась их лодка, к небу уже начал подниматься дым. Еще через минуту или две, когда они стояли на берегу, вспыхнули снасти, а затем огонь охватил и сломанную грот-мачту. Но даже в языках пламени судно продолжало плыть, держа курс в открытое море.

Вдруг темная тень бесшумно накрыла берег. Подняв голову, Данфи и Клементина увидели черный вертолет без опознавательных знаков, летящий по направлению к пылающему судну. Приблизившись к нему, вертолет печально завис в столбе дыма.

— Все кончено, — произнес Данфи и, взяв ее за руку, пошел по направлению к рыбацкой деревушке, расположенной дальше по берегу.

Клементина покачала головой:

— Думаю, ты ошибаешься.

Данфи вопросительно взглянул на нее.

— Я думаю, все только начинается, — сказала она.

На какое-то мгновение, когда их взгляды встретились, Данфи показалось, что в глазах Клементины мелькнуло что-то таинственное и непонятное. Возможно, это было всего лишь отражение кливера их судна или следствие травмы, которую она перенесла накануне. Чем бы оно ни было, но увиденное им имело форму. В то неуловимо короткое мгновение, когда их взгляды встретились, Джек мог поклясться, что стал свидетелем появления в глазах Клементины чего-то принципиально иного, чего там раньше никогда не было. Словно на него взглянул ушедший Гомелес.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Учитель тех, кто знает (Данте. «Божественная комедия». Ад: IV, 131) (*ит.*).

Тюрьма в Северной Ирландии.

Уоллес Стивенс (1879–1955) американский поэт, известный своими яркими описаниями природы, которую он противопоставлял скуке и однообразию городской жизни.

Четыре английские школы подготовки барристеров.

Один из четырех «Судебных иннов» — английских школ подготовки барристеров.

Новый район Вашингтона.

Частное учебное заведение, готовящее музыкантов-исполнителей, расположенное в Нью-Йорке.

Длинный кривой филиппинский нож.

Музыкальная и эстрадная группа, созданная канадским актером, режиссером и сценаристом Дэном Эйкродом и Джоном Белуши.

Никаких открыток. Никаких фотографий. Никаких сувениров (*фр.*).

Чистая доска (*лат.*).

Известный американский кутюрье.

Черная Мадонна, защитница города (*фр.*).

Медаль, старейшая награда за военные заслуги, учрежденная Джорджем Вашингтоном в 1782 г.

Главный герой повести Вашингтона Ирвинга «Легенда Сонной лощины», школьный учитель, один из популярнейших героев классической американской литературы.

Городок на юге Испании.

Да (фр.).

Разговорное название компании «IBM»

Хорошо (*фр.*).

Очень хорошо (*фр.*).

Приятные звуки (*фр.*).

Черная Мадонна (*фр.*).

Греческое блюдо типа запеканки из перемежающихся слоев баклажанов и рубленого мяса в томатном соусе и острым белым соусом сверху.

Голубцы по-гречески.

Малазийское блюдо, приготавливаемое из нутового пюре, тахина, растительного масла, лимонного сока, чеснока, напоминающее несладкую халву.

Намек на знаменитое собрание хиппи в Сан-Франциско в 1967 г. под названием «Лето любви».

Черные гетры со шнуровкой, популярные среди панков в начале 90-х.

Популярная героиня мультфильмов, впервые появившаяся в мультипликации Макса Фляйшера в 30-е гг.

Народные, национальные *(нем.)*.

Бумажная ткань с бахромой (используется для занавесок, обивки диванов и т. п.).

Частный банк Сент-Элье (*фр.*).

Относительно, по вопросу (*лат.*).

Обменный пункт (*фр.*).

Густой суп из морепродуктов.

Пригласите, пожалуйста, Женевьеву (*фр.*).

Вот (*φρ.*).

Меня (*фр.*).

Защитница (фр.).

Она поразительна, не так ли? *(нем.)*

Американский фильм 1972 г., в котором рассказывается о столкновении охотников-бизнесменов с агрессивными местными жителями.

Швейцарское блюдо. Жареная, очень тонко нарезанная или тертая картошка, иногда с луком и беконом.

Могу вам чем-то быть полезной? *(нем.)*

«Женское в психологии Юнга» *(нем.)*.

Обязательное, непрременное условие; то, без чего нельзя обойтись (*лат.*).

Смысл существования (*фр.*).

Честные намерения; добросовестность (*лат.*).

Кормчий (фр.).

Швейцарское блюдо из тонко нарезанного растопленного сыра на вареном картофеле или хлебе.

Что за?.. (нем.)

Извините *(нем.)*.

Кажется, вы это уронили (*нем.*).

Мой прелестный сад *(нем.)*.

Серийный убийца, известный своим обаянием.

Легкие закуски.

Пончики с начинкой.

Кофе с молоком (*исп.*).

Ведущий популярной телепрограммы.

Разновидность вермишели.

Шея (фр).

Стюардесса (*фр.*).

Туда вниз (*исп.*).

Пивная (нем.).

Не знаю.

Член католического нищенствующего женского ордена, основанного св. Кларой Ассизской в 1212 г.

Настоящее дерьмо (*фр.*).

Против грязи (*фр.*).

Не так ли? (фр.)

Умирает (*фр.*).

Почему бы его не прикончить?., (фр.)

Потерпи (*фр.*).

Известный американский художник-абстракционист.

Ты чувствуешь запах волос? (фр.)

Семейные сокровища *(фр.)*.

Роджер, позволь мне попробовать (*фр.*).

Яйца (фр.).

Прекрасно (*фр.*).

Печально (*фр.*).

Ладно (*фр.*).

Подушечка для иголок (*фр.*).

Скажи мне, как ты думаешь, пистолет или веревка? (*фр.*)

Абсурдное предположение, так как Мишна была кодифицирована только через два столетия после гибели Христа. — *Примеч. пер.*

Истинная кровь (*фр.*).

Καφε (φρ.).

«Шо-ле-Термо. Сауна и баня. Частный клуб» (фр.).

Это частное заведение (*фр.*).

Главный герой фильмов про Супермена.

Что ты с ума сходишь? (фр.)

Убирайся (фр.).

Окалан (Ёкалан) Абдулла — руководитель запрещенной в Турции Курдской Рабочей партии.

Я сенъора Пиит! (*исп.*)

Первое послание Петра, 4:6.

Небольшая река в департаменте Тарн во Франции.

Река в том же департаменте.

Пернициозная анемия. Болезнь Аддисона — Бирмера (*фр.*).

Археологический музей короля Хильдерика I (*фр.*).

Так у автора. Маловероятный сюжет для европейской живописи. — *Примеч. пер.*

Подойдите сюда (*фр.*).

Смотрите (фр.).

Институт Мервингов (фр.).

Привидение в ирландском фольклоре.

Место регистрации предприятий *(нем.)*.

Комната (нем.).

Традиционное швейцарское блюдо из картофеля, политого расплавленным сыром.

Частное владение (*φρ*).

Строка из знаменитой песни группы «Eagles» «Отель „Калифорния“»

You can check out any time you like
But you can never leave!

Прим. ред. FB2

«Истина где-то рядом!» (фр.)

Американский комедийный телесериал, один из самых популярных в США в 90-е гг.

Врач-убийца.

Добро пожаловать на борт! *(ит.)*